

Н О В Ы Й
М И Р

12

1972

Н О В Ы Й М И Р

Е Ж Е М Е С Я Ч Н Ы Й
Л И Т Е Р А Т У Р Н О - Х У Д О Ж Е С Т В Е Н Н Ы Й
И О Б Щ Е С Т В Е Н Н О - П О Л И Т И Ч Е С К И Й Ж У Р Н А Л

Год издания XLVIII

№ 12

Декабрь, 1972 г.

О Р Г А Н С О Ю З А П И С А Т Е Л Е Й С С С Р

С О Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
АНАСТАС МИКОЯН — Торжество ленинской национальной политики (К 50-летию образования СССР)	3
ВИТАЛИЙ СЕМИН — Женя и Валентина, роман. Окончание	43
ОМОР СУЛТАНОВ — Ответное слово, стихи. Перевел с киргизского Илья Фоняков	106
РУСТАМ ШУМЕЛОВ — Сдаем автоматiku, рассказ	111
ЕФИМ ТЕДЕТЫ — К прозрачному ручью, стихи. Перевел с осетин- ского Владимир Цыбин	148
КАШИФ ЭЛГАР — Журавлям, стихотворение. Перевел с кабардинского Владимир Цыбин	150
ЕВДОКИЯ МУХИНА — Восемь сантиметров. Из воспоминаний радистки- разведчицы. Окончание	151
НИКОЛАЙ ЗАБОЛОЦКИЙ — Начало стройки, стихотворение	181

ПУБЛИЦИСТИКА

БОРИС ЯКОВЛЕВ — Москва, декабрь 1922...	182
ЮРИЙ ОСТРОВИТЯНОВ, АНТОНИНА СТЕРБАЛОВА — Социальный «гено- тип» Востока и перспективы национальных государств. Несколько слов к читателю. Послесловие Ричарда Косолапова	197

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ЛЕОНИД НОВИЧЕНКО — Драгоценное чувство эпохи	221
У. ГУРАЛЬНИК — Единая, многонациональная	229
ЛЕОНИД МАРТЫНОВ — Петефи (К 150-летию со дня рождения)	239

(См. на обороте)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ С С С Р»
Москва

СОДЕРЖАНИЕ (окончание)

	Стр.
КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ	
<i>Литература и искусство</i>	243
Дм. Молдавский. Песня, ставшая книгой.— И. Борисова. Зоркость памяти.— Ст. Рассадин. «И в этом наше ремесло».	
<i>Политика и наука</i>	253
Ю. Суровцев. Ленинская концепция культуры.— А. Василевский. Слагаемый будущей победы.— А. Ахтамзян. У истоков советской дипломатии.— В. Елисеева. Слушается дело...— Д. Большой. Злоключения «Великого Отказа».	
КОРОТКО О КНИГАХ — В. Боборыкин. — Рустам Ибрагимбеков. В этом южном городе. Повести и рассказы. ◆ Г. Павлова. — Гариф Ахунов, Марсель Зарипов. Мы из Казани, с Волги... ◆ Н. Беккерман. — Осип Черный. Немецкая трагедия. Повесть о Карле Либкнехте. ◆ А. Ромм. — А. А. Елистратова. Гоголь и проблемы западноевропейского романа. ◆ З. Лихтман. — Первые пьесы русского театра. ◆ Н. Хохлов. — А. Варганов. Суздаль. Очерки по истории и архитектуре	275
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ	280
СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «НОВЫЙ МИР» ЗА 1972 ГОД	282

АНАСТАС МИКОЯН

★

ТОРЖЕСТВО ЛЕНИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

(К 50-летию образования СССР)

Новым расцветом творческих сил встречает советский народ полувековой юбилей образования Союза Советских Социалистических Республик.

На территории, занимающей почти шестую часть обитаемой суши земного шара, в одной братской социалистической семье праздник своего единства встречают более 245 миллионов людей, добровольно объединившихся в 15 равноправных союзных республик с входящими в их состав 38 национально-государственными образованиями: 20 автономных республик, 8 автономных областей и 10 национальных округов.

История знала немало многонациональных государств. Но среди них не было еще ни одного, которое было бы создано по доброй воле объединяющихся народов и где эти народы, объединившись в союз, были бы свободны и равноправны во всех отношениях.

В этом смысле Советский Союз олицетворяет собой небывалые ранее в истории отношения единства и братской дружбы свободных народов.

Такое государство родилось в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции, подготовленной десятилетиями упорной классовой борьбы рабочих всех национальностей, населявших бывшую Российскую империю, направляемых Коммунистической партией.

Создавая такое государство, наша партия практически выполняла ленинское учение по национальному вопросу, претворяла в жизнь основные принципы своей национальной программы.

Вот почему, говоря об истории образования СССР, очень важно выяснить хотя бы в самых общих чертах основные этапы развития ленинского учения по национальному вопросу, подлинным триумфом которого и является образование первого в истории человечества такого многонационального социалистического государства.

Исторически так сложилось, что в национальном вопросе наша партия оказалась теоретически более подготовленной и вооруженной, чем любая другая политическая партия.

С первых дней существования российская социал-демократия положила в основу своей программы по национальному вопросу

право каждой нации на самоопределение, на самостоятельное государственное существование. I съезду РСДРП (1898) фактически и не удалось создать в России подлинную марксистскую партию, тем не менее уже в решениях этого съезда было записано, что РСДРП «признает за каждой национальностью право самоопределения»¹.

С тех пор это основное программное положение партия неизменно подтверждала в постановлениях и решениях своих съездов, конференций и совещаний, всякий раз сообразуясь с конкретными историческими условиями, в зависимости от которых и происходил дальнейший процесс развития и обогащения этой общей программной формулы, определяющей взаимоотношения и государственное устройство наций — вплоть до образования СССР.

* * *

Понимая, что для такой многонациональной страны, как Россия, правильное решение национального вопроса имело особо важное значение в интересах сплочения пролетариата всех наций для борьбы за социализм, Ленин еще задолго до революции начал разрабатывать теоретические основы и практические требования программы нашей партии по национальному вопросу.

Вслед за Марксом и Энгельсом Ленин рассматривал национальный вопрос в свете общих задач революционной борьбы рабочего класса как неотъемлемую часть общей программы Коммунистической партии. Он считал, что шовинистической политике царизма и национализму буржуазии надо противопоставить пролетарский и интернационализм — защиту свободы и равноправия всех наций, сплочение и единство рабочих всего мира в их классовой борьбе с капитализмом.

«Буржуазный национализм и пролетарский интернационализм, — писал Ленин, — вот два непримиримо-враждебных лозунга, соответствующие двум великим классовым лагерям всего капиталистического мира и выражающие две политики (более того: два мирозерцания) в национальном вопросе»².

Следует отметить, что взгляды Ленина по национальному вопросу, сложившиеся впоследствии в стройное учение, возникли у него не из каких-то отвлеченных построений или узкотеретических умозаключений, а вырабатывались в ходе непосредственной классовой борьбы пролетариата, никогда не оставаясь застывшими и догматическими. Как и всегда у Ленина, теория всякий раз освещала путь борьбы, проверялась революционной практикой и обогащалась ею.

Впервые Ленин вплотную занялся разработкой национального вопроса в связи с подготовкой программы партии, проект которой был опубликован в «Искре» в июне 1902 года и подлежал обсуждению и утверждению на предстоящем II съезде партии (1903).

Искровский проект программы родился в ходе напряженной идейной борьбы как внутри самой «Искры» (где Ленину, как известно, пришлось вести острую полемику, главным образом с Плехановым, а также Аксельродом и другими), так и вне ее — с различными оппортунистами.

Незадолго до II съезда в «Искре» были опубликованы две принципиально важные статьи Ленина по национальному вопросу: 1 февраля 1903 года — «О манифесте «Союза армянских социал-демо-

¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». М. Политиздат. 1970, изд. 8-е, т. 1, стр. 17.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 123.

кратов», а еще через пять месяцев, буквально накануне партийного съезда, — «Национальный вопрос в нашей программе».

Статьи эти представляют большой интерес для правильного понимания ленинского учения о национальном вопросе.

Непосредственным поводом к появлению статьи о «Манифесте» послужил первый номер газеты «Пролетариат», изданный на Кавказе «Союзом армянских социал-демократов», опубликовавшим в этом номере свой манифест. Организаторами «Союза» были уже известные в ту пору революционеры Ст. Шаумян, Кнунянц, Зурабов³ и Хумарян, а автором манифеста — Ст. Шаумян.

Ознакомившись (в переводе) с содержанием манифеста, Ленин дал высокую оценку основным программным требованиям «Союза армянских социал-демократов», вполне соответствующим по своему духу идейному направлению ленинской «Искры».

Излагая и поясняя содержание манифеста, Ленин писал, что «особенно интересным для нас является отношение Союза к национальному вопросу. «Принимая во внимание, — говорится в Манифесте, — что в состав русского государства входит много различных народностей, находящихся на разных ступенях культурного развития, и полагая, что только широкое развитие местного самоуправления может обеспечить интересы этих разнородных элементов, мы считаем необходимым в будущей свободной России учреждение *федеративной* (курсив наш) республики. Что же касается Кавказа, то, имея в виду крайнюю разноплеменность его населения, мы будем стремиться к объединению всех местных социалистических элементов и всех рабочих, принадлежащих к различным национальностям; мы будем стремиться к созданию единой крепкой социал-демократической организации для более успешной борьбы с самодержавием. В будущей России мы признаем за всеми нациями право на свободное самоопределение, так как в национальной свободе мы усматриваем только один из видов гражданской свободы вообще. Исходя из этого положения и считаясь, как мы указывали выше, с разноплеменным составом Кавказа и с отсутствием географического разделения между отдельными племенами, мы не находим возможным внести в нашу программу требование политической автономии для кавказских народностей; мы требуем только автономии относительно культурной жизни, т. е. свободы языка, школ, образования и т. п.»⁴.

Положительно расценивая эти требования «Союза армянских социал-демократов», Ленин пишет: «Два основных принципа, которыми должны руководиться все социал-демократы России в национальном вопросе, намечены Союзом совершенно правильно. Это, во-первых, требование не национальной автономии, а политической и гражданской свободы и полной равноправности; это, во-вторых, требование права на самоопределение для каждой национальности, входящей в состав государства. Но оба эти принципа не вполне еще последовательно проведены «Союзом армянских социал-демократов». В самом деле, можно ли с их точки зрения говорить о требовании *федеративной* республики? Федерация *предполагает* автономные национальные политические целые, а Союз отказывается от требования национальной автономии. Чтобы быть вполне последовательным, Союз должен устранить из своей программы требование *федеративной* республики, ограничиваясь требованием демократической республики вообще»⁵.

³ Кнунянц и Зурабов — профессиональные революционеры, были участниками II съезда РСДРП.

⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 103—104.

⁵ Там же, стр. 104—105.

Ленин указывает, что для успешной борьбы со всеми видами эксплуатации надо не раздроблять, а «соединять» силы рабочего класса — наиболее угнетенного и угнетаемого, но и наиболее способного к последовательной революционной борьбе.

Какая поддержка требования национальной автономии, Ленин пишет, что такая поддержка не является постоянной программой, обязанностью пролетариата, а может стать для него необходимой лишь в отдельных — исключительных — случаях. По отношению к армянской социал-демократии отсутствие таких исключительных обстоятельств было признано самим «Союзом армянских социал-демократов».

При этом Ленин заявляет, что: «Требование признания права на самоопределение за каждой национальностью означает само по себе лишь то, что мы, партия пролетариата, должны быть всегда и безусловно *против всякой попытки насилем или несправедливостью* влиять извне на народное самоопределение. Исполняя всегда этот свой отрицательный долг (борьбы и протеста против насилия), мы сами со своей стороны заботимся о самоопределении не народов и наций, а *пролетариата* в каждой национальности. Таким образом, общая, основная, всегда обязательная программа соц.-дем. России должна состоять лишь в требовании полного равноправия граждан (независимо от пола, языка, религии, расы, нации и т. д.) и права их на свободное демократическое самоопределение»⁶.

Предоставление такого права, по мысли Ленина, могло и должно было ликвидировать угнетение и притеснение наций, существовавшие при царизме, устранить недоверие между русскими и «инородцами» и создать условия для подлинного сближения трудящихся всех национальностей в революционной борьбе.

Вторая статья Ленина «Национальный вопрос в нашей программе», как указывает и само ее название, представляла собой, по сути дела, разработку программы нашей партии по национальному вопросу и в первую очередь ее ключевого положения о признании права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства.

При этом Ленин подчеркивает, что признание такого права не обязывает нас, однако, поддерживать всякие требования национального самоопределения. Красной нитью проходит через статью мысль о том, что социал-демократы должны подходить к решению национального вопроса, в том числе и к национальному самоопределению, с интернационалистических позиций, учитывая всякий раз конкретные исторические условия и общие интересы классово-й борьбы пролетариата, подчиняя решение национального вопроса именно этой борьбе.

Главным для пролетариата, по мысли Ленина, является единство его движения, потому что только тесный союз рабочих всех наций может обеспечить полное политическое, экономическое, в том числе и национальное их освобождение.

«Мы должны, — заявляет Ленин, — всегда и безусловно стремиться к самому тесному соединению пролетариата всех национальностей, и лишь в отдельных, исключительных случаях мы можем выставлять и активно поддерживать требования, клонящиеся к созданию нового классового государства или к замене полного политического единства государства более слабым федеративным единством и т. п.»⁷.

Здесь, как мы видим, Ленин допускает — правда, в виде особого исключения — не только образование новых самостоятельных нацио-

⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 105.

⁷ Там же, стр. 233.

нальных государств, но и государства с «более слабым федеративным единством». Это уже существенно отличается от того, что Ленин советовал чуть раньше армянским социал-демократам.

На самом съезде и в принятой съездом партийной программе возможность федеративного устройства государства еще никак не фигурирует. Да и в последующих высказываниях Ленина на сей счет — вплоть до 1917 года — о возможности федеративного устройства России ничего не говорилось.

Статья «Национальный вопрос в нашей программе», написанная Лениным в остроподемической форме, была направлена в первую очередь против правых польских социалистов (ППС), занимавших шовинистические позиции.

Ленин подробно разбирает высказывания классиков марксизма по вопросу о независимости Польши и подчеркивает, что вопрос этот надо рассматривать каждый раз в зависимости от конкретных исторических условий, в связи с задачами революционной борьбы пролетариата.

В связи с этим он остро критикует польских социалистов, которые отстаивали независимость Польши вне связи с какими бы то ни было условиями, и обвиняет их в том, что своей позицией они развращают пролетарское сознание, обольщают рабочий класс буржуазно-демократическими фразами, затемняют классовую борьбу и нарушают в конечном счете единство современной политической борьбы пролетариата:

Разоблачая попытки ППС извратить позицию русских социал-демократов в национальном вопросе, Ленин пишет, что в отличие от оппортунистических партий русские социал-демократы, признавая право наций на независимость, подчиняют свою поддержку этого требования интересам общей пролетарской борьбы. Они «сами борются и зовут весь русский пролетариат бороться против всякого национального гнета в России, они ставят в свою программу не только полную равноправность языка, национальности и проч., но и признание права за каждой нацией самой определить свою судьбу»⁸.

Очень важно при этом отметить указание Ленина, что все высказанное им по польскому вопросу «...применимо целиком и ко всякому другому национальному вопросу»⁹.

* * *

Все эти предсъездовские выступления Ленина имели большое значение при обсуждении национального вопроса на II съезде партии, где он стал предметом острых споров и разногласий между Лениным и бундовцами.

Бундовцы, открыто не выступая на съезде против права наций на самоопределение, предлагали «дополнить» этот программный ленинский лозунг требованием создать учреждения, «...гарантирующие нациям полную свободу культурного развития», то есть пытались вновь протащить в партийную программу свою пресловутую идею «культурно-национальной автономии».

На вопросе об этой «автономии» следует, пожалуй, остановиться несколько подробнее.

Истинными авторами идеи «культурно-национальной автономии» были австрийские социал-демократы, и в первую очередь один из их основных теоретиков Отто Бауэр.

⁸ Там же, стр. 241.

⁹ Там же, стр. 242.

Согласно этой идее, каждый гражданин страны может добровольно «записаться» в ту или иную нацию, а созданная на такой основе «нация» должна составить государственно признанный союз, исключительное назначение которого — заниматься вопросами развития культуры данной нации, для чего союз этот должен иметь соответствующие учреждения. Что касается вопросов политических, то они, по мысли авторов этой «идеи», остаются в ведении общегосударственных органов управления (парламенты, рейхстаги и т. п.).

Ленин и наша партия решительно выступили против этой сладенько-мещанской, а по существу глубоко реакционной и вредной, националистической идеи.

«Культурно-национальная автономия» исходила из неправильного понимания национальной культуры как единой для всех классов капиталистического общества.

В реальной действительности, говорил Ленин, в каждой национальной культуре наряду с элементами (хотя бы и слабо еще развитыми) демократической и социалистической культуры есть также культура буржуазная, существующая притом «...не в виде только «элементов», а в виде господствующей культуры»¹⁰.

Бундовцы являлись проводниками буржуазного национализма в рабочую среду.

Ленин доказал, что сторонники «национально-культурной автономии» неизбежно попадают в объятия буржуазных националистов, потому что от защиты «культурного единства» пролетариата и буржуазии данной нации они — сами того подчас не замечая — постепенно переходят к защите такого же «единства» в области политической и экономической...

Вместо укрепления единства революционного движения пролетариата они на деле раскалывали пролетариат, предлагая объединить в области культуры рабочего-еврея с евреем — капиталистом и торговцем, что, конечно, наносило огромный вред классовой борьбе пролетариата.

II съезд российских социал-демократов по предложению Ленина, поддержанному большинством делегатов, отклонил бундовскую идею «культурно-национальной автономии», равно как и другое предложение Бунда — о строительстве партии на федеративных началах.

«Культурно-национальной автономии» Бунда наша партия предпочла право наций на самоопределение, а их национальному принципу построения партии — ленинский принцип единой рабочей партии, создаваемой на основах демократического централизма и пролетарского интернационализма.

Против пункта программы партии о праве наций на самоопределение непримиримо выступали польские социал-демократы.

Дело в том, что незадолго до этого состоялся IV съезд польских социал-демократов, который признал необходимым объединиться с РСДРП при соблюдении некоторых условий. Основным из них было — исключение из нашей программы требования права наций на самоопределение, играющего, по мнению польских товарищей, на руку буржуазным националистам, или замена этого требования другой формулировкой, «...исключающей интерпретацию в националистическом духе»¹¹.

¹⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 121.

¹¹ «Второй съезд РСДРП. Июль — август 1903 года». Протоколы. М. 1959, стр. 141.

Польские социал-демократы неправильно толковали программное право наций на самоопределение как требование обязательного государственного отделения Польши от России независимо от конкретных условий. Считая, что только в тесном союзе польских и русских рабочих заключена гарантия свободы польского народа, польские товарищи делали из этой верной предпосылки неверные, политически ошибочные выводы, требуя исключения из партийной программы такого важного положения, как право наций на самоопределение.

Ленин блистательно доказал, что, настаивая на своем ошибочном требовании, польские товарищи, сами того, возможно, не замечая, толкали нашу партию на вредный путь сближения с откровенными великодержавными шовинистами. Ленин не раз напоминал в связи с этим историческую фразу Энгельса, что «никакая нация не может стать свободной, продолжая в то же время угнетать другие нации»¹².

И тем не менее польские делегаты Варский и Ганецкий продолжали выступать на съезде и в программной комиссии решительно против того параграфа программы РСДРП, где было записано право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства.

Однако позиция их поддержки в программной комиссии и на самом съезде не встретила. Тогда Варский и Ганецкий в знак протеста покинули заседание съезда¹³.

В связи с этим съезд принял специальное постановление «Об уходе польских делегатов со съезда», в котором было выражено сожаление, что «...оставление польскими товарищами съезда лишило съезд возможности закончить обсуждение вопроса о присоединении социал-демократии Польши... к РСДРП». Выразив уверенность, что такое присоединение «...есть лишь вопрос времени», съезд поручил ЦК продолжить начатые по этому вопросу переговоры.

Говоря о позиции польских товарищей по вопросу о самоопределении наций, следует отметить, что социал-демократы из немецкой части Польши во главе с Розой Люксембург и Тышко выступали тогда тоже против отделения этой части Польши от Германии.

Германская социал-демократия придерживалась такой же позиции, не признавая за поляками права на самоопределение, то есть на отделение в данном случае от Германии этой части Польши.

В этом вопросе уже тогда определился националистический характер германской социал-демократии в противоположность интернационализму социал-демократии России.

Выступивший на II съезде Мартов, зачитывая параграф третий программы партии, где шла речь о широком местном самоуправлении, добавил — и «о б л а с т н о е» с а м о у п р а в л е н и е.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 372.

¹³ Впоследствии А. Варский (1868—1937) был одним из организаторов и руководителей Коммунистической партии Польши; в 1929 году он вынужден был эмигрировать из Польши в СССР, где работал в Коминтерне и занимался вопросами истории польского рабочего движения.

Я. Ганецкий (1879—1937) стал известным политическим деятелем. Участник нескольких партийных съездов, на V съезде он избирался в ЦК партии, был членом заграничного бюро ЦК РСДРП(б). После Октябрьской революции — на дипломатической и руководящей советской работе.

Мне довелось близко знать их обоих.

Ганецкий работал в 20-х годах членом коллегии Наркомата внешней и внутренней торговли, где я был наркомом. Он активно отстаивал ленинскую политику монополии внешней торговли. Будучи другом и соратником Красина, подготовил к изданию — с моим предисловием — книгу Красина «Вопросы монополии внешней торговли».

Варского мне приходилось не раз встречать в Москве в домашней обстановке — на даче, где жила семья Дзержинского, другом которого он был.

Ленин выступил против этого «добавления», заявив, что слово «областное» «...очень неясно и может быть истолковано в том смысле, что социал-демократия требует разделения всего государства на мелкие области»¹⁴.

Тогда же в ходе обсуждения этого вопроса с учетом замечания Ленина была уточнена редакция параграфа третьего программы. В принятой съездом редакции этот параграф гласил: «...областное самоуправление для тех местностей, которые отличаются особыми бытовыми условиями и составом населения».

В принятой съездом программе партии в основу национальной политики партии были положены ленинские принципы:

право на самоопределение — для всех наций, входящих в состав государства;

полное равноправие для всех граждан независимо от их национальности;

гарантированное государством право населения получать образование на родном языке и объясняться на этом языке на собраниях, а также введение родного языка наравне с государственным во всех местных общественных и государственных учреждениях.

* * *

Сразу после II съезда партии Ленин выступил на страницах «Искры» с обстоятельной статьей «Последнее слово бундовского национализма», направленной против Бунда.

Появление этой статьи было связано с опубликованием — уже после II съезда РСДРП — отчета о съезде бундовцев, состоявшегося за месяц до съезда российских социал-демократов.

В этом отчете приведен принятый на съезде Бунда проект Устава о положении Бунда в нашей партии. «Бунд есть,— гласит параграф первый,— *федеративная* (курсив наш) часть Российской социал-демократической рабочей партии»¹⁵.

«Федерация,— пишет по этому поводу Ленин,— предполагает договор между отдельными, совершенно самостоятельными, целыми, которые определяют свои взаимные отношения не иначе как по обоюдному добровольному согласию»¹⁶.

Развивая свое выступление на II съезде РСДРП по вопросу о принципах построения рабочей партии, Ленин вновь категорически отвергает бундовский принцип федерализма, отстаивая большевистский принцип строительства партии — объединение всех социал-демократов в единых организациях вне зависимости от их национальности.

Статья написана очень резко, но аргументированно.

Ленин пишет, что, добиваясь объединения всех еврейских социал-демократов в своей федеративной партийной организации, бундовцы тем самым изолируют их от единой социал-демократической организации, объединяющей революционеров независимо от их принадлежности к той или иной национальности.

Бундовцы, говорит Ленин, разъединяют пролетариев перегородками национальных организаций, дробят их ряды. Их устав наносит огромный вред интернациональному единству пролетариев всех наций в их классовой борьбе. И надо сказать, что Ленин никогда — ни до этого, ни после — не изменял своего отрицательного отношения к федеративному устройству партии.

¹⁴ «Второй съезд РСДРП...», стр. 183.

¹⁵ Цитируется по: В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 322.

¹⁶ Там же.

* * *

Борьба за создание программы русских социал-демократов, указанные три статьи по национальному вопросу и выступления Ленина на историческом II съезде нашей партии составляют в совокупности как бы первый этап в развитии ленинского учения по национальному вопросу.

Ленинские программные положения по национальному вопросу, принятые II съездом партии, не подвергались изменению, по существу, вплоть до 1913 года.

Прошедшие за это время партийные совещания, конференции и даже съезды либо вообще специально не обсуждали этот вопрос, либо затрагивали его в связи с какими-то другими насущными проблемами текущей политической жизни, оставаясь в области национального вопроса на позициях принятой программы партии.

Так было, в частности, даже и на VI (Пражской) Всероссийской партийной конференции (январь 1912 года), сыгравшей столь важную роль в истории нашей партии и имевшую, по сути, значение съезда большевистской партии.

Однако национальный вопрос специально на этой конференции не обсуждался, хотя он и был затронут в ряде выступлений делегатов и нашел отражение в решениях конференции.

Выступая на Пражской конференции с докладом «О современном моменте и задачах партии», Ленин, опираясь на новые обстоятельства общественной жизни России тех лет, очень убедительно разоблачил шовинистическую, великодержавную, колониалистскую политику царизма и русской буржуазии. В полном соответствии с его докладом конференция приняла решение, в котором было подчеркнuto, что «...царизм в союзе с черносотенным дворянством и крепнувшей промышленной буржуазией пытаются ныне удовлетворить свои хищнические интересы путем грубо-«националистической» политики, направленной против окраин, против всех угнетенных национальностей, против более культурных областей (Финляндия, Польша, Северо-западный край) в частности и путем колониальных захватов, направленных против ведущих революционную борьбу за свободу народов Азии (Персия, Китай)»¹⁷.

Национальный вопрос специально не обсуждался и на так называемом Краковском партийном совещании, созванном ЦК в январе 1913 года совместно с представителями партийных организаций Петербурга, Москвы, Урала и Кавказа для обсуждения очередных задач партии в связи с начавшимся подъемом революционного рабочего движения в России.

На этом совещании центральное место занял доклад Ленина о революционном подъеме, стачках и задачах партии.

Национальный вопрос был затронут, главным образом, лишь в резолюции, написанной Лениным, «О думской с.-д. фракции», вызванной тем, что один из членов думской фракции меньшевик Чхенкели выступил от имени этой фракции в защиту «культурно-национальной автономии».

В решении совещания по этому вопросу было сказано: «Защита т. Чхенкели от имени фракции культурно-национальной автономии под видом «создания необходимых учреждений для свободного развития каждой национальности» представляет из себя прямое нарушение партийной программы. Совершенно такая же, по существу, формулировка была отвергнута специальным голосованием

¹⁷ «КПСС в резолюциях...», т. 1, стр. 329.

II съезда партии, утвердившего ее программу. Уступка националистическим настроениям, даже и в такой прикрытой форме, недопустима для пролетарской партии»¹⁸.

Отстаивая ленинскую программу партии по национальному вопросу, Краковское совещание указало на обнаружившееся к тому времени полное банкротство пропагандируемых Бундом федералистических начал в построении социал-демократической партии и несомненный вред для общего пролетарского дела — обособленности «национальных» социал-демократических организаций. Совещание призвало «...рабочих всех национальностей России к самому решительному отпору воинствующему национализму реакции, к борьбе со всеми и всяческими проявлениями националистического духа среди трудящихся масс и к самому тесному сплочению и слиянию с.-д. рабочих на местах в единые организации РСДРП...»¹⁹.

Новые потребности общественной жизни России диктовали необходимость дальнейшего развития национальной программы нашей партии.

После первой революции 1905 года и пришедшей ей на смену полосы жесточайшей реакции Россия переживала в 1910—1914 годах новый революционный подъем.

Быстрому развитию империализма сопутствовало обострение всех противоречий общества. Наряду с дальнейшим усилением классового и национального угнетения народов Российской империи происходил необратимый процесс консолидации всех сил пролетариата, рост его классовой сознательности и организованности.

Все свидетельствовало о близости новой революции: массовые стачки и забастовки, политические демонстрации и митинги — в городе; поджоги помещичьих имений и кулацких хуторов — в деревне; повсеместный рост движения демократической, революционно настроенной молодежи.

Накануне первой мировой империалистической войны революционное рабочее движение в России стало развиваться особо стремительно. Ленские события послужили поводом к массовому выступлению рабочих против царской монархии и капиталистов. Усилилось брожение в самых разных социальных слоях общества. Всюду чувствовалась необходимость каких-то серьезных перемен. «Вопрос о новой революции господствует над всей политической жизнью страны»²⁰ — так характеризовал ЦК РСДРП обстановку в России в канун империалистической войны. Партия большевиков направляет все свои усилия на дальнейшее сплочение и единство рабочих всех национальностей под лозунгами классовой борьбы с буржуазией.

Своей политикой великодержавного шовинизма царизм сеял рознь между народами, населявшими Россию. В стране начинался дикий разгул черносотенного национализма. Нарастали, всячески подогреваемые господствующими классами, националистические тенденции среди либеральной буржуазии, а также среди верхних слоев угнетенных национальностей. Разгул национализма коснулся не только околосоциал-демократических, но и социал-демократических рядов.

В этих условиях правильное решение национального вопроса приобретало особо важное значение в интересах сплочения пролетариев всех национальностей под знаменем социализма. Вопрос этот из

¹⁸ «КПСС в резолюциях...», т. 1, стр. 362.

¹⁹ Там же, стр. 365—366.

²⁰ Там же, стр. 374.

внутригосударственного и межгосударственного приобретал уже мировое значение, превращаясь в вопрос борьбы за ликвидацию национального гнета и уничтожение колониального порабощения народов, особенно восточных.

Интересы классовой борьбы за революцию требовали нового рассмотрения большевиками национального вопроса с учетом сложившейся обстановки.

Эта задача была поставлена Лениным на так называемом «Августовском», или «Летнем», совещании ЦК в Поронине (близ Кракова), проведенном в сентябре 1913 года вместе с партийными работниками из разных городов России и эмиграции.

На этом совещании были обсуждены и приняты решения по ряду важнейших вопросов партийной жизни, связанных с новой полосой подъема пролетарского движения в России. Вот почему по своему значению Поронинское совещание вполне может быть приравнено к партийной конференции, хотя в нем приняли участие только 22 делегата.

Центральное место на совещании в Поронине занял национальный вопрос. Не случайно докладчиком по этому вопросу — первый и единственный раз в жизни — был Ленин.

Дав глубокий анализ новым явлениям общественной жизни России, он поставил вопрос о необходимости дальнейшего развития программных решений по национальному вопросу.

Что же нового внес Ленин в эту проблему и почему его выступление на Поронинском совещании мы вправе считать как бы вторым этапом в развитии его учения по национальному вопросу?

К сожалению, текст доклада Ленина на совещании в Поронине не сохранился, но резолюция Поронинского совещания, написанная Лениным, и другие его работы этого периода отражают достаточно полно процесс развития Лениным национальной программы нашей партии.

Ленин сформулировал классическое положение о двух тенденциях в национальном вопросе при капитализме. «Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.»²¹.

Обе эти тенденции, говорил Ленин, составляют мировой закон капитализма. Первая проявляет себя в начале его развития, а вторая «...характеризует зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество капитализм»²².

Исходя из этих тенденций, Ленин выдвинул новое, более развернутое программное требование «...права угнетенных царской монархией наций на самоопределение, т. е. на отделение и образование самостоятельного государства...»²³.

Дело в том, что и раньше (1903 год) под правом всех наций на самоопределение подразумевалось их право на отделение. Однако Ленин считал это возможным «...в отдельных, исключительных случаях...».

Теперь Ленин давал новую трактовку права угнетенных наций на самоопределение, раскрывая его содержание как право этих наций на отделение — уже без оговорки об исключительных случаях.

²¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 124.

²² Там же.

²³ Там же, стр. 58.

Это полностью разоружало националистов всех мастей, нападавших на программу нашей партии.

В эпоху образования капитализма, когда в Европе происходил процесс ликвидации феодальной раздробленности и образования централизованных государств, которые, разрушая феодальные устои, несли народам буржуазную демократию, вопрос о праве наций на самоопределение вплоть до отделения не мог иметь той остроты, которую он приобрел в эпоху империализма.

Новая постановка вопроса о самоопределении наций диктовалась не только принципами международной демократии вообще, но в особенности условиями неслыханного угнетения большинства населения России царской монархией.

Это новое требование было продиктовано интересами борьбы за свободу самого великорусского населения, «...которое неспособно создать демократическое государство, если не будет вытравлен черносотенный великорусский национализм»²⁴, систематически воспитываемый в народе царизмом, всеми реакционными партиями и буржуазными либералами.

В этой связи Ленин указывал, что «...признание права на свободное отделение от России угнетенных царизмом наций безусловно обязательно для с.-д. во имя их демократических и социалистических задач»²⁵.

Эту линию поведения он считал необходимой не только для русских социал-демократов. Он писал в 1915 году в статье «Вопрос о мире»: «...гвоздь вопроса о самоопределении наций состоит в нашу эпоху именно в поведении социалистов угнетающих наций. Тот социалист угнетающей нации (Англии, Франции, Германии, Японии, России, Соединенных Штатов и пр.), который не признает и не отстаивает права угнетенных наций на самоопределение (т. е. на свободное отделение), на деле не социалист, а шовинист».

Ленин прямо говорил, что без предоставления нациям права на самоопределение вплоть до отделения лозунг равноправия наций остается фикцией. Каждая нация должна иметь возможность свободно, без всякого нажима и насилия извне определить свою судьбу: оставаться ли ей на тех или иных началах в рамках централизованного демократического государства или выйти из него и образовать самостоятельное государство.

Вместе с тем Ленин и наша партия никогда не предлагали дробить Россию на мелкие государства. Именно поэтому Ленин указывал, что признание за нациями права на отделение не означает еще обязательности такого отделения во всех случаях: «...мы стоим за право на отделение ввиду черносотенного великорусского национализма, который так испоганил дело национального сожительства, что иногда больше связи получится после свободного отделения!»²⁶.

Вот почему и в резолюции Поронинского совещания по этому вопросу было записано, что вопрос о праве наций на самоопределение «...непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации. Этот последний вопрос с.-д. партия должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм»²⁷.

Программа партии (1903) исходила из признания права наций

²⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 59.

²⁵ Там же, т. 27, стр. 264.

²⁶ Там же, т. 48, стр. 235.

²⁷ «КПСС в резолюциях...», т. 1, стр. 388—389.

на самоопределение, полного равноправия всех граждан независимо от их национальности, права населения получать образование на родном языке, а также обязательности введения «...родного языка наравне с государственным во всех местных общественных и государственных учреждениях»²⁸. Наряду с этим программа предусматривала «...областное самоуправление для тех местностей, которые отличаются особыми бытовыми условиями и составом населения»²⁹.

Развивая эти программные положения на Поронинском совещании, Ленин впервые выдвигает идею широкой областной национальной автономии.

При этом — как записано в решении совещания — границы автономных и самоуправляющихся областей должны определяться «...на основании учета самим местным населением хозяйственных и бытовых условий, национального состава населения и т. д.»³⁰.

Требование областной автономии не имело, конечно, ничего общего с бундовской программой «культурно-национальной автономии», критике которой Ленин уделил внимание и на Поронинском совещании, что нашло соответствующее отражение в документах совещания.

В решении этого совещания мы находим еще одно новое положение Ленина — о полном равноправии всех наций и языков при «...отсутствии обязательного государственного языка...»³¹.

Это положение меняло одно из требований партийной программы 1903 года, где, как уже было сказано выше, шла речь о введении на местах родного языка наравне с государственным.

Мотивы, по которым это старое программное положение было изменено на совещании в Поронине, изложены в переписке Ленина со Ст. Шаумяном, о чем речь будет несколько дальше.

Поронинское совещание сыграло большую роль в решении вопроса и о принципах построения нашей партии.

Вновь был рассмотрен и отвергнут национальный принцип построения партии и других организаций пролетариата (профессиональных, кооперативных, культурно-просветительных и других).

Совещание подтвердило старую линию нашей партии о необходимости создавать партию и другие организации рабочих независимо от их национальной принадлежности, как единые, по территориальному признаку. Только при этих условиях можно было успешно преодолеть национальную обособленность и укрепить единство пролетариата для борьбы с международным капиталом и силами реакции.

Надо сказать, что в целом решения Поронинского совещания способствовали дальнейшему развитию национальной программы нашей партии и знаменовали новый шаг вперед в развитии ленинского учения по национальному вопросу.

Ленин придавал огромное значение Поронинскому совещанию. Не случайно за короткий промежуток времени — в июне 1913 года (до совещания) и в январе 1914 года (после совещания) — он выступил в восьми крупнейших городах Европы (Женева, Лозанна, Берн, Цюрих, Париж, Брюссель, Льеж, Лейпциг) с публичными лекциями, в которых излагал основные положения своего доклада, а потом и содержание решений Поронинского совещания по национальному вопросу.

²⁸ Там же, стр. 63.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, стр. 387—388.

³¹ Там же, стр. 387.

Ленин последовательно защищает лозунг самоопределения наций вплоть до отделения и образования самостоятельных государств. Он выступает за предоставление народам колоний права на самоопределение и отделение от метрополий. Это был лозунг подлинной свободы и независимости колоний, куда более весомый, нежели сентиментальные и беспредметные речи и призывы привязанных к империалистической политике своей буржуазии социалистических лидеров Запада об «уравнивании прав» и «восстановлении гуманизма» по отношению к угнетенным народам.

Вскоре после окончания Поронинского совещания в последних трех номерах легального ежемесячного журнала «Просвещение» за 1913 год был опубликован труд Ленина «Критические заметки по национальному вопросу». Помню, что эта важнейшая работа Ленина, в которой он обобщил основные итоги совещания в Поронине, произвела на меня большое впечатление, когда я ее прочитал спустя год после появления этой работы в печати.

Тогда резолюции Поронинского совещания я еще не читал.

Степан Шаумян был в ссылке и не участвовал в работе совещания. Однако Ленин послал ему резолюцию Поронинского совещания с просьбой сообщить свое мнение. Шаумян ответил Ленину и получил от него в конце года обстоятельное письмо по национальному вопросу³², написанное 6 декабря 1913 года.

В своем письме Ленин подверг серьезной критике некоторые взгляды Шаумяна по национальному вопросу, в частности по вопросу о государственном языке.

Шаумян предлагал принять в качестве обязательного общегосударственного языка республиканской России русский язык, имевший, как в этом с полным основанием был убежден Шаумян, большое прогрессивное значение для всех населявших Россию небольших и отсталых нерусских национальностей. Ленин по этому поводу писал: «Решительно не согласен. Я писал об этом давно в «Правде» и пока не встречал опровержения»³³.

В статье, на которую ссылается Ленин («Либералы и демократы в вопросе о языках», 1913), он доказывал, что нельзя навязывать разным народам один язык, даже если он и имеет прогрессивное значение для этих народов. «...Потребности экономического оборота,— писал тогда Ленин,— сами собой *определят* тот язык данной страны, знать который большинству *выгодно* в интересах торговых сношений»³⁴.

Да, он согласен с Шаумяном, что русский язык имеет прогрессивное значение для многих нерусских народностей. Но он имел бы для них еще большее значение, если бы его распространение происходило без принуждения, а вполне добровольно, в порядке инициативы, идущей из глубин самих этих народностей. И как бы в подтверждение своей мысли Ленин указывает в названной статье, в частности, на такой пример: «На Кавказе представители нерусских народностей *сами стараются* научить детей по-русски, например, в армянских церковных школах, в которых преподавание русского языка *необязательно*». Действительно, так было и в той школе с одиннадцатилетним сроком

³² В марте 1918 года Шаумян опубликовал в газете «Бакинский рабочий», а также в «Известиях Совета рабочих и солдатских депутатов Бакинского района» это ленинское письмо и свои комментарии к нему. Он писал: «...национальный вопрос является одним из важнейших вопросов нашей революции»; «...взгляды, защищаемые нашей партией в настоящее время, в точности высказывались Лениным еще в 1913 году».

³³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 48, стр. 233.

³⁴ Там же, т. 23, стр. 424.

обучения, где учился и я. Нас основательно там обучали русскому языку и русской литературе.

Тут же Ленин приводит и другой пример. «Маленькая Швейцария не теряет, а выигрывает от того, что в ней нет *одного* общегосударственного языка, а их целых три: немецкий, французский, итальянский»³⁵.

Указывая в письме Шаумяну, что развитие экономики действительно постепенно делает русский язык необходимым для нерусских народностей, Ленин ставит вопрос: «Неужели отпадение паршивой полицейщины не удесятерит (утысячерит) вольные союзы охраны и распространения русского языка??»³⁶.

В упомянутом выше письме Шаумяну Ленин, касаясь вопроса о федерации для наций, не желавших отделиться от России, считал ее тогда нецелесообразной, полагая, что она ослабляет экономическую связь.

Попутно хочется отметить тон, в котором написано письмо Ленина к Шаумяну. Строго принципиальный, даже резкий в постановке вопроса, Ленин переходит на теплый, лирический тон, когда он обращается к товарищу по борьбе. И в этом письме Ленина проявилась свойственная ему черта как человека и революционера.

«Дорогой друг!— такими словами начинается это острополитическое письмо.— Очень рад был Вашему письму от 15.XI. Вы должны знать, что в моем положении страшно ценить отзывы товарищей из России, особенно вдумчивых и занимающихся данным вопросом. Ваш быстрый отклик был поэтому для меня особенно приятен. Чувствуешь себя менее оторванным, когда получаешь такие письма». И после строгого анализа взглядов Шаумяна Ленин заканчивает письмо словами: «Пишите. Жду ответа и крепко, крепко жму руку.

Ваш В. И. Привет всем друзьям»³⁷.

Начавшаяся вскоре первая мировая война еще более обострила национальную проблему. Ленин в разгаре войны вновь возвращается к национальной проблеме в связи с задачами борьбы с империализмом, за победу революции.

В полемической статье против левых и правых социалистов, отрицавших право наций на отделение, Ленин прямо ссылается на Маркса, который высмеивал французский прудонизм, показывая его родство с французским шовинизмом. Ленин писал: «Маркс требовал *отделения Ирландии* от Англии,— «хотя бы после отделения дело и пришло к федерации» — и требовал его не с точки зрения мелкобуржуазной утопии мирного капитализма, не из «справедливости к Ирландии», а с точки зрения интересов революционной борьбы пролетариата угнетающей, т. е. *английской, нации* против капитализма. *Свободу* этой нации связывало и уродовало то, что она угнетала другую нацию»³⁸.

Ленин разъясняет точку зрения Маркса, требовавшего в 1867 году отделения Ирландии не для дробления, а для дальнейшего свободного союза Ирландии с Англией, ради интересов революционной борьбы английского пролетариата.

Поронинское совещание, придавая особое значение национальному вопросу в условиях назревающей в России революции, призвало партийные организации всесторонне обсудить этот вопрос и подготовиться к рассмотрению его на ближайшем съезде партии.

³⁵ Там же, стр. 423, 424.

³⁶ Там же, т. 48, стр. 234.

³⁷ Там же, стр. 233, 236.

³⁸ Там же, т. 27, стр. 64.

Однако начавшаяся в 1914 году империалистическая война помешала в то время созвать партийный съезд³⁹. Поэтому национальный вопрос был включен в повестку дня VII Всероссийской партийной конференции, впервые проведенной в России уже легально, после Февральской революции, в апреле 1917 года.

Эта конференция, известная под названием Апрельской, явилась одним из важных этапов в истории нашей партии, приобретя, по существу, значение партийного съезда.

Проект резолюции по национальному вопросу, написанный Лениным для Апрельской конференции, исходил из решений Поронинского совещания.

Этот проект предусматривал признание за всеми нациями права на свободное отделение и образование самостоятельных государств; полное равноправие всех наций и языков и отмену обязательного государственного языка; признание широкой областной автономии для народов, не желающих отделяться; издание закона, исключающего возможность привилегий одной из наций и не допускающего каких бы то ни было нарушений прав национальных меньшинств; создание единой партии и единых организаций рабочего класса независимо от национальной принадлежности.

Короткий доклад, посвященный обоснованию и поддержке этого проекта ленинской резолюции, сделал на конференции Сталин.

Контрсодокладчиком выступал Пятаков. Он утверждал, что «...в настоящее время мы имеем эпоху мирового хозяйства, установившего теснейшую и неразрывную связь между всеми нациями», что «...при социалистической организации хозяйства независимость наций совершенно невозможна, да и никому не нужна», что «...с чисто хозяйственно-экономической точки зрения независимость наций является моментом устарелым, невозможным, отжившим» и что вообще «требование независимости взято из другой исторической эпохи, оно реакционно, ибо хочет повернуть историю вспять»⁴⁰.

Развивая свою мысль, Пятаков заявлял, что «...национальное государство является уже превзойденным моментом, и борьба за него является в настоящее время реакционной борьбой, ибо под этим флагом будет вестись борьба против социализма»⁴¹.

В выступлении Пятакова все время проводилась мысль, что национальный гнет и вообще обострение национального вопроса есть пережиток эпохи феодализма и периода борьбы нарождающейся буржуазии с феодализмом. Эпоха же развитого капитализма и империализма ставит вопрос о социальной революции, в связи с чем национальный вопрос вообще отмирает, ибо при социализме не может существовать национального деления, поскольку развитые промышленные страны составят единый хозяйственный организм.

Таким образом, к своим старым доводам противники самоопределения наций добавили, как мы видим, два новых «аргумента»: наступившая высшая стадия развития мирового хозяйства и близкая перспектива социалистической революции, которая якобы вообще снимет с повестки дня национальный вопрос. Лозунг отделения наций надо-де заменить лозунгом «прочь границы» между нациями и государствами⁴². Пятаков заявил, что вообще «иной борьбы за социализм, как борьбы под лозунгом «прочь границы», борьбы за уничтоже-

³⁹ Очередной, VI съезд РСДРП состоялся в июле — августе 1917 года.

⁴⁰ «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б)». Протоколы. М. Политиздат. 1958, стр. 213.

⁴¹ Там же, стр. 214.

⁴² См. там же, стр. 215.

ние всяких границ, мы и представить себе в данный момент не можем»⁴³.

Выступив вслед за Пятаковым в прениях, Ленин заявил: «...то, что говорил здесь т. Пятаков, есть невероятная путаница».

Возражая Пятакову, который утверждал, что национальный вопрос у нас якобы уже разрешен, Ленин говорил, что обычно, когда «... говорят, что национальный вопрос решен, имеют в виду Западную Европу», где «...преобладают страны, в которых национальный вопрос давным-давно решен».

Но Пятаков, заявил Ленин, попадает в смешное положение, когда это утверждение относит к Восточной Европе, где национальный вопрос еще не разрешен. Пример тому — хотя бы Польша, Финляндия, Россия, где еще есть «...остатки не решенных буржуазной революцией вопросов...»⁴⁴.

Ленин исходил из того, что разрешение национального вопроса, как и аграрного, является задачей буржуазно-демократической революции. Но буржуазия не всегда бывала в силах решать эти вопросы.

В силу того, что буржуазно-демократическая революция недостаточно глубока и последовательна, или в силу других противоречий и обстоятельств разрешение национального вопроса переходило в «наследство» к пролетарской революции. Именно так произошло в России после победы Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года, которая оказалась неспособной решить как аграрный, так и национальный вопросы и их пришлось решать уже пролетариату, победившему в октябре 1917 года.

Отвергая лозунг о самоопределении наций, Пятаков ничего взамен не предлагал и, по словам Ленина, «...запутался совершенно»⁴⁵.

Очень убедительно показал Ленин несостоятельность позиции Пятакова на примере находящейся у нас «под боком» Финляндии, о судьбе которой Пятаков так и не смог сказать ничего конкретного.

Говоря о праве финнов на решение своей судьбы по-своему, Ленин сказал, что «...тот великоросс, который это право отрицал бы, будет шовинистом»⁴⁶. Не поддержав финнов в их справедливом требовании отделения и независимости от России, мы, по мысли Ленина, окажемся неизбежно в положении продолжателей политики царизма.

Разоблачая великодержавную позицию Временного правительства, продолжавшего политику насильственного удержания Финляндии в пределах России, Ленин говорил: «...не смей, русский народ, насиловать Финляндию: не может быть свободен народ, который сам угнетает другие народы»⁴⁷.

Критикуя Пятакова за его анархистскую позицию в вопросе борьбы за социализм под лозунгом «долой границы!», Ленин говорил: «Мы стоим за необходимость государства, а государство предполагает границы»⁴⁸.

«Точка зрения тов. Пятакова есть повторение точки зрения Розы Люксембург...»⁴⁹.

Государство, говорил Ленин, может, конечно, вмещать буржуазное правительство, а нам нужны Советы. «Но и для них стоит

⁴³ Там же.

⁴⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 31, стр. 434, 435.

⁴⁵ Там же, стр. 434.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же, стр. 436.

⁴⁸ Там же, стр. 435.

⁴⁹ Там же, стр. 434.

вопрос о границах. Что значит «прочь границы»? Здесь начинается анархия... «Метод» социалистической революции под лозунгом «прочь границы», — продолжал Ленин, — это просто каша»⁵⁰.

Позиция Пятакова была не случайной. Он еще в 1915 году вместе с Бухариным активно выступал против ленинской национальной политики, против права наций на самоопределение вплоть до отделения.

Надо сказать, что отрицание национального вопроса Пятаковым не имело ничего общего с интернационализмом. Это, по существу, был откровенный нигилизм в национальном вопросе.

Ленин вскрыл всю несостоятельность позиции Пятакова и ее несоответствие партийной программе.

Ленин подробно остановился в своем выступлении и на позиции польских социал-демократов.

Начиная с 1903 года и до сегодняшнего дня, говорил Ленин, мы встречаемся с отчаянной оппозицией со стороны товарищей поляков, требующих исключения из программы права наций на самоопределение.

Ленин заявил, что «...эти люди желают свести позицию нашей партии на позицию шовинистов»⁵¹.

При этом Ленин подчеркивал и сильные стороны польских социал-демократов. Он говорил:

«Громадная историческая заслуга товарищей польских социал-демократов та, что они выдвинули лозунг интернационализма и сказали: нам всего важнее братский союз с пролетариатом всех остальных стран, и мы никогда на войну за освобождение Польши не пойдем. В этом их заслуга, и поэтому мы всегда только этих польских товарищей социал-демократов считали социалистами»⁵².

Однако они допускают «чудовищную ошибку», требуя от российских социал-демократов отказа от этого важнейшего требования их национальной программы.

«Почему, — с возмущением говорил Ленин, — мы, великороссы, угнетающие большее число наций, чем какой-либо другой народ, должны отказаться от признания права на отделение Польши, Украины, Финляндии? Нам предлагают стать шовинистами, потому что этим мы облегчим позицию социал-демократов в Польше»⁵³.

В этом споре с польскими товарищами на Апрельской конференции Ленин диалектически, по-новому поставил вопрос о возможности разных позиций партии в целом и коммунистов той нации, о независимости которой ставится вопрос.

Наша партия, говорил Ленин, защищает право любой нации на отделение и образование самостоятельного государства. Коммунисты же любой из этих наций могут при определенных исторических условиях защищать линию на соединение.

К примеру, продолжал Ленин, мы, российские социал-демократы, выступаем решительно за право Польши на отделение от угнетающей ее царской России и считаем это своим прямым интернациональным долгом.

В то же время польские социал-демократы могут выступать и против такого отделения, считая для себя в сложившихся условиях более выгодным союз с русскими рабочими: это их полное право, и в этом нет никакого противоречия или нарушения принципов интернационализма.

⁵⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 31, стр. 435.

⁵¹ Там же, стр. 432.

⁵² Там же, стр. 433.

⁵³ Там же.

Надо понять, говорил Ленин, что для усиления интернационализма «...надо в России налегать на свободу отделения угнетенных наций, а в Польше подчеркивать свободу соединения. Свобода соединения предполагает свободу отделения. Мы, русские, должны подчеркивать свободу отделения, а в Польше — свободу соединения»⁵⁴.

Горячо поддерживал линию Пятакова делегат из Тифлиса Филипп Махарадзе. Опираясь на опыт Закавказья, он пытался доказать нежизненность лозунга о праве наций на самоопределение, говоря, что этот лозунг является слишком «абстрактной» формой, «...не указывающей ничего конкретного». Под эту формулу, говорил Махарадзе, можно «...подвести все что угодно, желает ли угнетенная нация отделиться от угнетающей, она может это сделать; желает ли установить монархический строй, она вправе сделать и это»⁵⁵.

В конце концов он договорился до того, что предложил вопрос о самоопределении наций снять с обсуждения конференции и никакого решения по нему не принимать.

Выступивший на конференции Дзержинский пытался оправдать позицию польских социал-демократов.

Впоследствии Дзержинский понял ошибочность позиции польских социал-демократов и в своем письме польским товарищам заявил: «Лишь уяснение и исправление этой ошибки, применение учения Ленина ведет к победе»⁵⁶.

Поразительными, но и характерными для умонастроений партийных товарищей этого времени явились результаты голосования на конференции.

Голосовались три резолюции. Первая — внесенная Махарадзе, который предложил «вопрос снять и никаких решений не выносить», собравшая, как ни удивительно, 21 голос за, 42 против. 15 делегатов от голосования воздержались.

Второй голосовалась ленинская резолюция, за которую голосовали всего 56 делегатов, 16 голосов были поданы против и 18 воздержались.

Голосовалась и резолюция Пятакова, собравшая 11 голосов за, 48 против, и 19 делегатов от голосования за эту резолюцию воздержались.

Какая же путаница существовала тогда в понимании сложного национального вопроса среди руководящих партийных работников! Возможно, конечно, это объяснялось тем, что для многих из них вопрос этот был слишком нов, поскольку, находясь в тюрьмах и ссылке, они не смогли своевременно познакомиться с материалами Поронинского совещания и последующими ленинскими работами по национальному вопросу.

Протоколы Апрельской партконференции до 1925 года полностью не публиковались. 15(2) мая 1917 года в «Правде» было напечатано только очень краткое изложение речи Ленина на конференции, главным образом по вопросу о Польше и Финляндии.

Поэтому фактически никто, кроме делегатов этой конференции, ряд лет не был знаком во всем объеме с ценнейшими высказываниями Ленина по национальному вопросу.

К сожалению, до 1921 года оставалось неизвестным впервые сделанное Лениным на этой конференции принципиально очень важное

⁵⁴ Там же, стр. 433—434.

⁵⁵ «Сельмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б)», стр. 224.

⁵⁶ Там же, стр. 219—222, 371.

заявление по вопросу о возможных новых формах связи между Россией и теми нациями, которые не захотят от нее отделиться.

Поронинское партийное совещание уже определило одну из таких форм — областную автономию. Но Ленин в новых условиях хотел идти в этом направлении дальше и, выступая на Апрельской конференции, заявил: «Мы хотим братского союза всех народов. Если будет Украинская республика и Российская республика, между ними будет больше связи, больше доверия. Если украинцы увидят, что у нас республика Советов, они не отделятся, а если у нас будет республика Милюкова, они отделятся»⁵⁷ (разрядка моя.— А. М.).

Итак, братский союз народов. Конечно, это еще не федерация равноправных государств, но это уже больше, чем областная автономия. Видимо, из осторожности Ленин не уточняет здесь, какие именно конкретные формы обретут в будущем эти братские связи между Украинской и Российской республиками, но уже совершенно ясно, что это будут не отношения Российской республики с областной автономией, а братский союз с такой же республикой, между которыми должно существовать «...больше связи, больше доверия».

Такая постановка этого вопроса была еще одним новым шагом вперед в развитии ленинских взглядов по национальному вопросу.

Знаменательно, что вскоре Ленин вновь возвращается к этой своей мысли и вносит еще большую ясность в вопрос о «братском союзе».

В неоконченной рукописи «Наказа... депутатам в Совет рабочих и солдатских депутатов» в начале мая 1917 года Ленин пишет:

«Русский народ, рабочие и крестьяне, не хотят и не будут угнетать ни одного народа; — не хотят и не будут насильно держать в границах России ни одного нерусского (невеликорусского) народа. Свобода всем народам, братский союз рабочих и крестьян всех народностей!»

И дальше:

«Это значит: великороссы не будут насильно удерживать ни Польши, ни Курляндии, ни Украины, ни Финляндии, ни Армении, вообще ни одного народа. Великороссы предлагают братский союз всем народам и составление общего государства по добровольному согласию каждого отдельного народа, а никоим образом не через насилие, прямое или косвенное»⁵⁸.

Здесь уже прямо говорится о составлении общего государства по добровольному согласию каждого отдельного народа. И дальше: великороссы обязуются предоставить всем народам «...решить свободно... хотят ли они жить в отдельном государстве или в союзном государстве с кем угодно»⁵⁹.

Ленин подчеркивает здесь мысль об общем государстве, создаваемом по добровольному согласию каждого народа. Он применяет здесь уже термин «союзное государство», не уточняя принципов общего или союзного государства, кроме одного, главного — полного добровольного согласия каждого отдельного народа при образовании общего или союзного государства.

И здесь Ленин не торопится конкретизировать формы нового государственного образования и не упоминает федерации, хотя речь идет явно об этом.

⁵⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 31, стр. 436.

⁵⁸ Там же, т. 32, стр. 40—41.

⁵⁹ Там же, стр. 41.

Видимо, он не собирается опережать ход событий, не хочет преждевременно конкретизировать, желая хорошенько присмотреться к развивающейся действительности. Возможно, он полагал, что обнаружившаяся на конференции путаница в понимании национальной политики со стороны неожиданно большой группы делегатов — старых партийцев, несомненно отражавших такие же умонастроения в значительной части партийных кругов, помешает в данный момент правильно понять эту новую постановку вопроса.

Думаю, что по этой же причине Ленин не счел нужным внести соответствующее дополнение и в резолюцию Апрельской конференции.

В официальном наказе депутатам в Совет рабочих и солдатских депутатов, опубликованном в «Правде» в мае 1917 года, содержится совершенно иной текст, чем в неоконченном проекте наказа Ленина, и написан он другим лицом: в этом наказе национальный вопрос вообще не затронут.

Впервые Ленин выскажет эту мысль в сенародно через месяц, на I Всероссийском съезде Советов.

А пока что это только подготовительная лабораторная работа ленинской мысли, в результате которой вскоре родится окончательный план создания федеративного союзного государства.

Временное правительство пространно и весьма туманно обещало в «недалеком будущем» предоставить национальным меньшинствам так называемую культурную автономию.

Партия большевиков и Ленин разоблачили этих краснобаев-временщиков, убедительно доказав трудящимся, что своей хотя и звонкой, но, по существу, пустой и демагогической болтовней все эти говоруны и незадачливые адвокаты хотят лишь одного: прикрыть великодержавную, шовинистическую политику буржуазного Временного правительства, чтобы продолжить закабаление и порабощение угнетенных народов России.

В июне 1917 года в речи на I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов Ленин впервые всенародно провозгласил лозунг о будущей России как союзе свободных республик. Бичуя великодержавную, шовинистическую политику эсеров и меньшевиков, Ленин говорил: «Это — политика, которая представляет надругательство над правами народности, терпевшей мучения от царей за то, что дети их хотят говорить на родном языке. Это значит бояться отдельных республик. С точки зрения рабочих и крестьян это не страшно. Пусть Россия будет союзом свободных республик»⁶⁰.

Этот новый ленинский лозунг — «Пусть Россия будет союзом свободных республик» — сыграл очень важную роль в создании в начале 1918 года Российской Федерации, а также в образовании Союза Советских Социалистических Республик в конце 1922 года.

Через неделю после победы Октября, 15(2) ноября 1917 года, Советское правительство приняло и обнародовало «Декларацию прав народов России». Этот исторический документ провозгласил «равенство и суверенность народов России, право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства». Широкие массы угнетенных народов воочию убедились, что рабоче-крестьянское правительство во главе с Лениным не только декларирует, но и проводит провозглашенную им национальную политику.

В декабре 1917 года Ленин подписал исторические акты о признании независимости Украины и Финляндии. Были провозглашены Совет-

⁶⁰ Там же, стр. 286.

ские республики Эстония, Латвия, Белоруссия, Литва⁶¹. Вскоре возникли «независимые» буржуазные республики Закавказья — Азербайджан, Армения и Грузия⁶².

16(3) января 1918 года ВЦИК была принята разработанная В. И. Лениным «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» — один из самых выдающихся актов Советского правительства.

Жизнь все время выдвигала перед партией все новые и новые общие и частные национальные проблемы. Дело постепенно шло к совершенно новому по форме и существу государственному образованию.

Конкретные формы взаимоотношений между Советской Россией и другими Советскими независимыми республиками Ленин наметил еще в написанном им обращении СНК к Украинской республике 16(3) декабря 1917 года. В нем Ленин впервые выдвинул идею федеративных или подобных взаимоотношений между республиками, в частности между Россией и другими независимыми республиками.

«...мы, Совет Народных Комиссаров, признаем народную Украинскую республику, ее право совершенно отделиться от России или вступить в договор с Российской республикой о федеративных и тому подобных взаимоотношениях между ними»⁶³.

Здесь чувствуется гибкость и политический такт Ленина. Подтвердив право Украины на отделение, он не только не навязывает ей федеративные или другие конкретные формы отношений с Россией, но предоставляет ей право самой предложить эти формы.

Принципы, выдвинутые Лениным, легли в основу всей дальнейшей политики партии, касающейся взаимоотношений между Советской Россией и независимыми Советскими республиками. Эти принципы полностью отвечали чаяниям народов Советских республик.

11 декабря собравшийся в Харькове I Всеукраинский съезд Советов постановил: «Украина объявляется республикой Советов». Съезд высказался за полную согласованность целей и действий с Советской Россией и другими советскими республиками, за федеративное устройство Страны Советов.

В течение пяти лет, до образования Союза 30 декабря 1922 года, взаимоотношения между республиками строились на почве двусторонних договоров Советской России с другими независимыми Советскими Социалистическими Республиками (Украина, Белоруссия, республики Закавказья).

Существовали особые союзные договоры, заключенные между РСФСР и Советскими Народными Республиками — Хорезмской (13 сентября 1920 года)⁶⁴, Бухарской (4 марта 1921 года)⁶⁵.

Эти договоры, нося, по существу, характер конфедеративных отношений, обеспечивали, прежде всего, тот военно-политический союз этих республик, который возник тогда на основе вооруженной борьбы за советский строй, за государственную независимость этих республик.

Но перед Советской властью стояла задача практически осуществить провозглашенное ею полное равенство всех наций страны.

⁶¹ Оккупация иностранных интервентов привела к временному падению Советской власти в республиках Прибалтики.

⁶² В 1920—1921 годах эти республики стали независимыми Советскими республиками.

⁶³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 143.

⁶⁴ «Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства», 1921, № 29, ст. 161. (Далее — СУ.)

⁶⁵ Там же, № 73, ст. 595.

Сделать это сразу не представлялось возможным. Слишком различны были уровни политического и экономического развития отдельных народов, их культура. Районы, населенные преимущественно русскими, украинцами, белорусами, Прибалтика и Закавказье были относительно более развиты, чем среднеазиатские районы, где господствовали отсталые формы экономических и социальных укладов.

Великая Октябрьская социалистическая революция, уничтожив эксплуататорский строй, открыла новые, невиданные доселе источники для того, чтобы ускорить социальное и культурное развитие отсталых народов. Но опираясь только на собственные силы, эти народы еще не могли преодолеть свою экономическую и культурную отсталость и за короткий срок достигнуть уровня развитых народов страны.

Если бы не дух пролетарского интернационализма во взаимоотношениях советских республик, не всесторонняя помощь передового революционного русского пролетариата, возрождение отсталых народов затянулось бы на длительные сроки. Более того, без такой помощи народы Средней Азии, жившие в условиях полуфеодальных и феодальных отношений, а в иных районах даже в условиях племенного, родового быта, не смогли бы миновать мучительный путь капиталистического развития.

Путь перехода отсталых народов и стран к социализму открыл Ленин. «С помощью пролетариата передовых стран,— писал он,— отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»⁶⁶ (разрядка моя.— А. М.).

Помощь ранее угнетенным народам со стороны бывшей господствующей нации, в данном случае великорусской, Ленин считал не только необходимостью, но и первейшей обязанностью, интернациональным долгом русского пролетариата.

Чтобы показать, что процесс государственного устройства происходил в нашей стране «не сразу» и не так-то просто, хочу привести некоторые фактические данные по этому вопросу на примере Российской Федерации — крупнейшей из советских социалистических республик.

Как известно, Советская Россия была провозглашена Федеративной Республикой на III Всероссийском съезде Советов 28(15) января 1918 года.

Однако тогда в составе Советской России еще не было ни одной федеративной единицы — национальной республики или области.

Объявив Федерацию, III Всероссийский съезд Советов предоставил право «...рабочим и крестьянам каждой нации принять самостоятельно решение на своем собственном полномочном советском съезде: желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном Правительстве»⁶⁷.

В разных районах страны, разобщенных тогда между собой обстановкой гражданской войны и империалистической интервенцией, формировались разрозненные национальные движения.

Шла острая классовая борьба между реакционными силами, пытавшимися направить национальное движение в сторону буржуазного общественного устройства, и революционными рабоче-крестьянскими массами, стремившимися развивать национальное движение по советскому курсу, по пути упрочения завоеваний революции и их

⁶⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 246.

⁶⁷ «Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик». Сборник документов. М. 1959, т. 1, стр. 28—29.

самоопределения в виде автономных государственных образований в составе РСФСР.

В условиях такой борьбы 16 февраля 1918 года на территории Терской области, заселенной осетинами, чеченцами, ингушами, кабардинцами, терскими казаками, балкарцами, карачаевцами и другими народами, возникла Терская Советская Республика. В ее создании принимал участие Киров. Председателем правительства республики был Буачидзе.

В мае 1918 года была провозглашена Кубано-Черноморская Советская Республика, которая по предложению Орджоникидзе в июле 1918 года объединилась с Терской Республикой и Ставрополем в единую Северо-Кавказскую Республику с вхождением в состав РСФСР.

После освобождения от белогвардейцев в марте 1918 года Ростова-на-Дону образуется Донская Советская Республика.

21 марта 1918 года в Крыму была провозглашена Таврическая Республика.

Эти республики в результате наступления кайзеровских войск и деникинских полчищ перестали существовать⁶⁸.

В это же время возник план создания объединенной Татаро-Башкирской Советской Республики в составе Российской Федерации. Этот план, предложенный местными советскими татаро-башкирскими работниками, был рассмотрен Народным комиссариатом по делам национальностей (наркомом был Сталин), который выработал и опубликовал 23 марта 1918 года краткий документ из четырех пунктов в виде положения «О Татаро-Башкирской Советской Республике»⁶⁹.

Исходя из принципа национального самоопределения трудовых масс, это положение объявляло территорию Южного Урала и Среднего Поволжья Татаро-Башкирской Советской Республикой, поручая окончательное установление ее границ Учредительному съезду Советов республики, созыв которого возлагался на Комиссариат по делам мусульман Средней России.

Однако план этот остался на бумаге в силу наступивших тяжелых условий борьбы за существование Советской власти на Волге и Урале и из-за разногласий между башкирскими и татарскими ответственными работниками.

Можно считать, что первым автономным образованием в РСФСР явилась Туркестанская Автономная Республика.

Весной 1918 года, перед V краевым съездом Советов, руководство Туркестанского края известило Совнарком РСФСР о своем намерении объявить край автономным. На этом съезде 22 апреля 1918 года была оглашена телеграмма за подписью Председателя Совнаркома РСФСР В. И. Ленина и наркома И. В. Сталина: «Можете быть уверены, товарищи, что Совнарком будет поддерживать автономию вашего края на советских началах...»⁷⁰. В телеграмме предлагалось направить в Москву представителей для определения отношений будущей автономной республики с РСФСР.

30 апреля 1918 года V съезд Советов Туркестанского края провозгласил свой край (за исключением самостоятельных ханств Хивы и Бухары) Туркестанской Автономной Советской Республикой, входящей в РСФСР⁷¹.

⁶⁸ См. «История национально-государственного строительства в СССР. Национально-государственное строительство в СССР в переходный период от капитализма к социализму (1917—1936 гг.)». М. «Мысль». 1968, стр. 108—112.

⁶⁹ «Образование СССР». Сборник документов. 1917—1924. М.—Л. 1949, стр. 38—39.

⁷⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 50, стр. 63.

⁷¹ См. «Съезды Советов...», т. 1, стр. 249.

Строго говоря, Туркестанская Автономная Республика, равно как Бухара и Хорезм, не носила еще тогда национального характера. По составу населения они были многонациональными, а их границы, являясь наследием царского времени, никак не учитывали национальный состав населения.

Взаимоотношения этой новой республики с Российской Федерацией, а также и ее новые границы были оформлены декретом ВЦИК за подписью Калинина 11 апреля 1921 года. В этом декрете было, в частности, сказано, что государственная власть в Туркестанской Автономной Республике «организуется согласно Конституции РСФСР»⁷².

Следует сказать, что ЦИК Советов Туркестанской республики, идя навстречу местному населению, 7 августа 1921 года переименовал Закаспийскую область в Туркменскую область⁷³.

19 октября 1918 года декретом СНК РСФСР было создано областное объединение немецких колоний в Поволжье «с характером трудовой коммуны»⁷⁴. Эта форма объединения представляла собой, по существу, областную национальную автономию. Позднее, уже в 1923 году, на ее базе возникла автономная республика немцев Поволжья.

В марте 1919 года организовалась Автономная Башкирская Советская Республика, правительство которой вступило в соответствующие переговоры с СНК РСФСР. В результате переговоров 23 марта 1919 года появилось «Соглашение Центральной Советской власти с Башкирским правительством о Советской Автономии Башкирии»⁷⁵. В тот же день оно было подтверждено Лениным.

Развивалось и ширилось национальное движение среди казахского народа, который тогда называли киргизским.

В соответствии с волей представителей казахского народа Ленин подписал 10 июля 1919 года декрет СНК «О Революционном Комитете по управлению Киргизским краем»⁷⁶. Им предусматривалось, что впредь до созыва всеобщего киргизского съезда и «объявления автономии Киргизского края» учреждается Революционный комитет с сосредоточением в нем высшего военно-гражданского управления краем.

Фактически это было объявление автономии Киргизского края.

Знаменательно, что с организацией Революционного комитета упразднялся существовавший при Комиссариате по делам национальностей Киргизский отдел, взамен которого учреждалось представительство Киргизского края (из трех лиц) при ВЦИК.

Смысл этой организационной перестройки заключался в стремлении закрепить непосредственные связи этого автономного края с ВЦИК и освободить его от излишней промежуточной инстанции, какой являлся Киргизский отдел Наркомнаца.

Официальное провозглашение Автономной Киргизской (Казахской) Социалистической Советской Республики как части РСФСР было оформлено декретом ВЦИК и СНК 26 августа 1920 года.

Таким образом, в течение первых двух лет (1918—1919) с момента провозглашения Российской Федерации в составе РСФСР возникло четыре автономных национальных образования.

⁷² «Образование СССР», стр. 138. «Съезды Советов...», т. 1, стр. 467.

⁷³ См. «Сборник важнейших декретов, постановлений и распоряжений правительства ТССР за 1917—1922 гг.», стр. 29.

⁷⁴ СУ. 1918, № 79, ст. 831.

⁷⁵ Там же, 1919, № 46, ст. 451.

⁷⁶ Там же, № 36, ст. 354.

Ленин придавал большое значение вопросу создания Автономной Татарской Республики. Выступая на сессии ВЦИК 2 февраля 1920 года, он говорил: «Мы дали автономию Башкирской республике. Мы должны создать автономную Татарскую республику»⁷⁷.

22 марта 1920 года Ленин принимает представителей Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока и беседует с ними об образовании Автономной Татарской Республики⁷⁸. В мае 1920 года этот вопрос обсуждается на заседании Политбюро ЦК РКП(б). По предложению Ленина Советское правительство создает особую комиссию по разработке проекта декрета об образовании Автономной Татарской Социалистической Советской Республики⁷⁹, а 27 мая 1920 года Ленин и Калинин подписывают декрет ВЦИК и СНК об образовании Автономной Татарской Социалистической Советской Республики как части РСФСР⁸⁰.

В феврале 1920 года проходивший съезд коммунистов-чувашей поставил вопрос об образовании Автономной Чувашской области, которая была создана в составе РСФСР декретом ВЦИК и СНК РСФСР, подписанным Лениным и Калининым 24 июня 1920 года⁸¹.

В том же месяце 1920 года сформировалась на правах автономной области РСФСР Карельская трудовая коммуна, позднее, в 1923 году, провозглашенная автономной республикой.

В связи с освобождением обширных территорий нашей страны от Белогвардейских армий Колчака и Деникина в 1920 году ускоряется процесс самоопределения наций и организации автономных республик и областей РСФСР.

Как всегда, и в этом важное значение имело личное вмешательство Ленина. Под впечатлением сообщений, сделанных на совещании членов Политбюро ЦК с группой делегатов Бакинского съезда народов Востока (13 октября 1920 года), он пишет «Проект постановления Политбюро ЦК РКП(б) по вопросу о задачах РКП(б) в местностях, населенных восточными народами»⁸², который с дополнениями был принят Политбюро 14 октября 1920 года⁸³.

Первый пункт этого постановления гласил: «Усилить работу Совета национальностей при Наркомнаце и поставить доклад об этой работе в ближайшем заседании СНК».

Дальше идут указания о широкой разъяснительной работе по национальной политике партии, об усилении контроля за проведением ее в жизнь, о создании автономии для тех восточных национальностей, которые ее еще не имеют.

В этом документе чувствуется недовольство Ленина медленным ходом образования национальных автономий и его неудовлетворенность работой Совета национальностей Наркомнаца.

Результаты этого постановления сказались очень скоро. Начиная с ноября 1920 года до момента образования СССР был издан ряд правительственных постановлений и декретов в осуществление пожеланий отдельных народов об их национальной автономии.

Кратко перечислю их в хронологической последовательности.

4 ноября 1920 года было одновременно принято три декрета о

⁷⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 98.

⁷⁸ См. там же, стр. 490.

⁷⁹ См. «Съезды Советов...», т. 1, стр. 570.

⁸⁰ См. СУ, 1920, № 51, ст. 222.

⁸¹ См. там же, № 59, ст. 267.

⁸² См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 342.

⁸³ См. там же, стр. 534, примечание № 128.

создании Автономных областей Калмыцкого⁸⁴, Вотякского (Удмуртского)⁸⁵ и Марийского народов⁸⁶.

Чрезвычайный съезд народов Дагестана, состоявшийся в первой половине ноября 1920 года, провозгласил Советскую автономию Дагестана, а во второй половине того же месяца состоялся съезд народов Терской области, образовавший Автономную Горскую Советскую Социалистическую Республику.

Соответствующие декреты об их образовании были изданы в январе 1921 года⁸⁷.

Постановлением ВЦИК 22 августа 1921 года создана Автономная область Коми (Зырян)⁸⁸, а 1 сентября 1921 года — Автономная Область Кабардинского народа⁸⁹, выделенная из Горской Республики.

18 октября 1921 года декретом ВЦИК и СНК за подписью Калинина и Ленина образуется Автономная Крымская Советская Социалистическая Республика⁹⁰.

В октябре 1921 года I съезд ревкомов Якутии рассмотрел вопрос об автономии республики, а постановлением ВЦИК от 27 апреля 1922 года было завершено образование Якутской Автономной Социалистической Советской Республики как федеративной части РСФСР.

В течение января 1922 года образовано три автономных области: Объединенная Карачаево-Черкесская, выделенная из Горской Республики⁹¹; Объединенная Кабардино-Балкарская, включившая Автономную Область Кабардинского народа, образованную 1 сентября 1921 года, и территорию, занимаемую балкарцами, выделенную из Горской Республики⁹²; и Монголо-Бурятская⁹³.

Следует отметить, что в апреле 1921 года на территории Дальневосточной Республики (ДВР) была образована автономная Бурят-Монгольская область. В мае 1923 года, спустя полгода после соединения ДВР с РСФСР, эта автономная область была объединена с Монголо-Бурятской автономной областью и образована Бурят-Монгольская Социалистическая Советская Автономная Республика⁹⁴ (с 1958 года она стала именоваться Бурятской Автономной Республикой).

1 июня 1922 года на Алтае декретом ВЦИК образована Автономная область Ойротского народа⁹⁵.

27 июля 1922 года образована Черкесская (Адыгейская) автономная область⁹⁶, а 30 ноября 1922 года — Автономная область Чечни, выделенная из Горской Республики⁹⁷.

Я сознательно привел здесь эту довольно большую хронологическую справку о процессе образования автономных областей и республик в составе РСФСР.

«Не сразу Москва строилась» — гласит старинная народная поговорка. Тем более «не сразу» и не так-то просто сложилась и Российская Федерация — принципиально новое в истории федеративное советское государственное образование, крупнейшая социалистиче-

⁸⁴ См. «Политика Советской власти по национальным делам за три года...», 1920, стр. 41.

⁸⁵ См. «Образование СССР», стр. 181.

⁸⁶ См. там же.

⁸⁷ См. там же, стр. 193—197.

⁸⁸ См. там же, стр. 260.

⁸⁹ См. там же, стр. 261.

⁹⁰ См. СУ, 1921, № 69, ст. 556.

⁹¹ См. там же, 1922, № 6, ст. 63.

⁹² См. там же, № 11, ст. 109.

⁹³ См. «Образование СССР», стр. 262.

⁹⁴ См. «Съезды Советов...», т. 4, часть II, стр. 202.

⁹⁵ См. СУ, 1922, № 39, ст. 450. (В 1943 году эта область была преобразована в Горно-Алтайскую автономную область.)

⁹⁶ См. там же, № 47, ст. 596.

⁹⁷ См. там же, № 80, ст. 1009.

ская республика, занимавшая к моменту своего вступления в СССР площадь более чем в 20 миллионов квадратных километров, с населением около 100 миллионов человек и объединившая на началах добровольности 8 автономных советских социалистических республик и 13 автономных национальных областей.

Российская Федерация представляла собой к этому периоду социалистическую советскую республику, в которой многие национальности получили свое автономное образование. Малые нации приобрели здесь областную автономию, а позднее некоторые другие нации объединились в национальные округа: начиная с 1920 по 1937 год в РСФСР было организовано 10 таких национальных округов: Коми-Пермяцкий, Ненецкий, Таймырский (Долгано-Ненецкий), Эвенкийский, Корякский, Чукотский, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий, Усть-Ордынский и Агинский. Помимо этого на территории РСФСР было образовано 250 национальных районов, а на Украине — 12, где местное управление, судопроизводство, обучение в школах и культурно-просветительная деятельность велись на родном языке⁹⁸.

Мне кажется, что та, повторяю, довольно «сухая» справка, которая здесь приведена, может представить интерес для всех тех, кто по настоящему заинтересуется сложным процессом образования Российской Федерации, тем более что в таком последовательно-систематизированном виде справка эта приводится в нашей литературе, насколько мне известно, вообще впервые.

Переход к мирному периоду и новые задачи хозяйственного строительства усилили стремление республик к еще более тесному их сближению и объединению. Прежние двусторонние договорные формы связей становились в этих новых условиях недостаточными.

В 1922 году по инициативе партийных организаций повсеместно развернулось массовое движение трудящихся за объединение советских республик.

Ленин придавал объединению советских республик в одно союзное государство большое значение. Вместе с тем он не раз предупреждал о недопустимости торопливости в решении этого вопроса. Он писал, что «союз нельзя осуществить сразу; до него надо доработаться с величайшей терпеливостью и осторожностью...»⁹⁹.

Весной этого же года независимые Советские Социалистические Республики — Азербайджан, Армения и Грузия с входящими в нее Абхазской договорной ССР (провозгласившей свою независимость 31 марта 1921 года), Аджарской АССР и Юго-Осетинской автономной областью — заключили договор о федеративном союзе. В декабре 1922 года этот союз преобразовался в Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику (ЗСФСР). Это произошло несмотря на упорное сопротивление местных националистов (группы Мдивани). Закавказская Федерация существовала до 1936 года, когда дружба и взаимное доверие между народами Закавказья прочно закрепились. Закавказская Федерация исчерпала свои задачи. В создавшихся новых условиях надобность в ней отпала. Армянская ССР, Азербайджанская ССР и Грузинская ССР вступили непосредственно в СССР как самостоятельные союзные республики.

Летом 1922 года ЦК партии создал специальную комиссию под председательством Сталина для подготовки проекта объединения советских республик. В это время Ленин был болен.

В ходе обсуждения вопроса о том, какие взаимоотношения должны быть между независимыми советскими республиками и какой

⁹⁸ См. «История национально-государственного строительства в СССР...», стр. 418—419.

⁹⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 43.

принцип следует положить в основу их предстоящего объединения, Сталин выдвинул план «автономизации» советских республик, то есть вступления независимых союзных республик в состав РСФСР на правах автономных республик.

Этот проект вызвал возражение со стороны руководства компартий некоторых республик. Было ясно, что «автономизация» неизбежно приведет на практике к значительному сужению их прав как суверенных республик и, по существу, не укрепит, а ослабит их единство.

Ленин категорически отверг этот план.

В сентябре 1922 года он обращается с письмом в Политбюро ЦК РКП(б), в котором решительно отклоняет идею «автономизации». Ленин пишет, что задача состоит в том, чтобы создать «еще **новый этап...**» — союз равноправных советских республик. Выдвинутое Сталиным предложение о «вступлении» республик в РСФСР Ленин предложил заменить принципом их «объединения вместе с РСФСР» в едином союзном социалистическом государстве на основе равноправия. Он подчеркнул также необходимость создания общесоюзных руководящих органов, стоящих над РСФСР в такой же мере, как и над другими союзными республиками.

Отстаивая принцип полного равенства объединяющихся советских национальных республик, Ленин писал: «...мы признаем себя равноправными с Украинской ССР и др. и вместе и наравне с ними входим в новый союз, **новую федерацию...**»¹⁰⁰.

Предложение Ленина было единодушно принято Пленумом ЦК партии в октябре 1922 года, в работе которого участвовал и я как кандидат в члены ЦК партии.

Позднее в известном письме «К вопросу о национальностях или об «автономизации» (конец декабря 1922 года) Ленин вновь писал:

«Я, кажется, сильно виноват перед рабочими России за то, что не вмещался достаточно энергично и достаточно резко в пресловутый вопрос об автономизации...»¹⁰¹.

Еще никогда до этого не было у Владимира Ильича такой резкой и обостренной постановки вопроса об опасности великодержавного шовинизма.

Осенью 1922 года в советских республиках шла интенсивная работа по выработке и согласованию между ними основных начал образования Союза Советских Социалистических Республик.

Дело пошло на лад. Состоялись съезды Советов Украины, Закавказской Федерации и Белоруссии, делегаты которых единодушно высказались за объединение их республик в единое союзное государство. Всероссийский съезд Советов должен был собраться во второй половине декабря.

Ввиду крайнего переутомления и общего болезненного состояния Ленина врачи уже стали в то время ограничивать часы его работы. Несмотря на это, он все же собирался выступить с отчетом правительства на X Всероссийском съезде Советов и участвовать в первом объединительном съезде Советов договаривающихся республик. Он делал заметки, готовил материалы для этого выступления.

Все мы с нетерпением ожидали услышать Ленина. Однако врачи категорически запретили ему выступать на съезде.

...Всероссийский съезд Советов собрался вечером 23 декабря 1922 года в Москве, в Большом театре. Я был его делегатом от Ку-

¹⁰⁰ Там же, т. 45, стр. 211.

¹⁰¹ Там же, стр. 356.

бано-Черноморской области. На съезд прибыли около двух тысяч делегатов с рещающим и совещательным голосами. Здесь впервые находились делегаты с Дальнего Востока, с земли которого только недавно был изгнан последний оккупант.

На Всероссийском съезде в качестве почетных гостей присутствовали 488 делегатов, прибывших на предстоящий первый объединительный съезд от трех независимых советских республик.

Открывая заседание съезда, Михаил Иванович Калинин заявил, что этот съезд «...можно считать как бы юбилейным», потому что в одной из областей нашей жизни он «...до известной степени завершает работу всех предыдущих съездов, ставя в порядок дня объединение в более тесный союз всех советских социалистических республик».

Делегаты съезда встретили это заявление аплодисментами. Раздались возгласы: «Привет Ленину!» И снова продолжительные и бурные аплодисменты. Все встали и дружно запели «Интернационал»...

Поступило предложение послать телеграмму Ленину с выражением надежды, что установленный ему врачами запрет будет в скором времени снят.

Мы были крайне огорчены, что такой знаменательный съезд проходит в отсутствие вождя партии и основателя первого социалистического государства, инициатора создания Союза Советских Социалистических Республик. Никому и в голову не приходило, что нам не суждено больше увидеть его и услышать живое ленинское слово.

Ленин единодушно был избран членом президиума съезда.

Съезд заслушал, подробно обсудил и принял решения по отчетному докладу о деятельности правительства, а также по докладам о промышленности, просвещении, финансах и земледелии.

С докладом об образовании Союза ССР выступил Сталин. По его докладу прений не было: вопрос был ясен и никаких разногласий между делегатами по этому вопросу не было.

Сталин сказал, что за несколько дней до Всероссийского съезда Президиум ВЦИК получил постановления съездов Советов Закавказских республик, Украины и Белоруссии о необходимости объединения в одно союзное государство.

Президиум ВЦИК, обсудив вопрос, высказался за своевременность такого объединения, потому что старые договорные отношения — отношения конвенции между РСФСР и другими советскими республиками — исчерпали себя.

Потом Сталин разобрал причины, которые делали неизбежным это объединение, — экономические и внешнеполитические обстоятельства, а также интересы классовой солидарности.

Он отметил при этом, что две независимые советские республики — Хорезм и Бухара, являющиеся не социалистическими, а народными советскими республиками, пока остаются вне рамок этого объединения. Несомненно, с развитием их по пути к социализму они также войдут в состав союзного государства.

Затем Сталин огласил проект резолюции, одобренный Президиумом ВЦИК и включающий те положения, которые были приняты съездами других республик: добровольность и равноправие республик с сохранением за каждой из них права свободного выхода из Союза и полное обеспечение интересов национального развития народов договаривающихся республик.

С большой приветственной речью на съезде выступил Фрунзе, который в то время был командующим вооруженными силами Украины и заместителем председателя Совнаркома республики. Делегаты встретили его аплодисментами и возгласами: «Да здравствует

Советская Украина! Да здравствует победитель Врангеля товарищ Фрунзе!» Передавая съезду привет от рабочих и селян Украины, Фрунзе сообщил, что последний съезд Советов Украины единогласно признал необходимость немедленного образования СССР. Он напомнил о том, что теснейшие связи между трудящимися Украины и России возникли еще в борьбе с царизмом и никогда не прерывались. Рабочие и крестьяне Украины, говорил он, ясно сознают, что освобождение Украины могло произойти только потому, что существовала Советская Россия. Уроки борьбы за пять лет после Октября еще больше убедили рабочих и крестьян Украины, что в теснейшей связи с трудящимися остальных советских республик они смогут отстаивать свои завоевания. Ни на одном из недавно прошедших съездов Советов, сказал в заключение Фрунзе, начиная с волостных и уездных и кончая Всеукраинским, не раздалось ни единого голоса против Союза Советских Республик.

Вдохновенные приветственные речи произнесли на съезде Мусабеков — от Азербайджана, Цхакая — от Грузии, Лукашин — от Армении и Червяков — от Белоруссии.

Тепло встреченные делегатами, они передали братские чувства дружбы с Советской Россией. С большим воодушевлением говорили они о горячем стремлении своих народов объединиться в единый и равноправный союз, рассказывали, с каким огромным подъемом обсуждался этот вопрос на республиканских съездах...

27 декабря 1922 года X Всероссийский съезд Советов при полном единодушии принял предложенное Президиумом ВЦИК постановление об образовании СССР:

«1. Признать своевременным объединение Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, Украинской Социалистической Советской Республики, Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики и Белорусской Социалистической Советской Республики в Союз Социалистических Советских Республик.

2. В основу объединения положить принцип добровольности и равноправия республик с сохранением за каждой из них права свободного выхода из Союза республик...»¹⁰².

Съезд закончился взволнованными словами Калинина, встреченными продолжительными аплодисментами: «Я вижу, как над нами развевается красное знамя с пятью священными буквами РСФСР. И мы, делегаты X съезда Советов, полномочные представители всей Советской Российской Федерации, склоняем это дорогое, обвеянное битвами и победами, укрепленное жертвами рабочих и крестьян знамя перед Союзом Советских Республик. Мы видим, как уже поднимается новое красное знамя Союза Советских Республик. Я вижу, товарищи, стяг этого знамени в руках товарища Ленина».

...Созрели все условия, проделана вся подготовительная работа по образованию Союза. Последнее слово оставалось за I Всесоюзным съездом Советов.

Возвращаясь к ленинскому письму о национальностях или об «автономизации», хотелось бы особо подчеркнуть, как важно всем нам сегодня знать и помнить высказанные в этом письме предупреждения нашего вождя о том, что в национальном вопросе от каждого из нас требуется «сугубая осторожность, предупредительность и уступчивость...»¹⁰³.

¹⁰² «Десятый Всероссийский съезд Советов». Бюллетени. М. 1923, стр. 188.

¹⁰³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 360.

Ничто так не тормозит развитие и упрочение классовой солидарности, говорил Ленин, как национальная несправедливость (проявляемая в виде ли простой небрежности или даже шутки), и как важно поэтому очень внимательно и терпеливо относиться к мнениям трудящихся — представителей разных, и прежде всего малых, национальностей.

Эти высказывания Ленина свидетельствуют о большой его озабоченности вопросом — как лучше бороться с проклятым наследием прошлого, с остатками национального недоверия, как организовать борьбу партии с национализмом всех разновидностей?

Мы, большевики, хорошо понимали, что интернациональное единство трудящихся всех национальностей, их дружная работа под руководством партии рабочего класса по построению нового общества является фундаментом Советского многонационального государства.

Мы знали, что для достижения этого единства необходимо преодолеть недоверие между национальностями, бороться с проникновением буржуазного национализма в среду трудящихся, сплачивать их на основе классовой общности, дружбы и братского единства вокруг партии, Советской власти во имя построения социализма.

Мы понимали, как важно успешное отражение атак классового врага, который, чтобы отравить сознание трудящихся, разобщить их, расстроить единство их классовых рядов, использует любые, даже мелкие факты, могущие быть истолкованными как национальная несправедливость.

Поэтому наша партия вела и ведет борьбу с буржуазным национализмом как оружием классового врага против коммунизма.

В дни образования Союза Ленин приковывал внимание партии к вопросу о национальных отношениях, о том, как укрепить пролетарский интернационализм.

Требую внимательного и терпеливого отношения к этому делу, Ленин оттеняет особое значение и степень опасности национализма — бывшей господствующей нации и бывшей угнетенной нации. Он пишет:

«...Никуда не годится абстрактная постановка вопроса о национализме вообще. Необходимо отличать национализм нации угнетающей и национализм нации угнетенной, национализм большой нации и национализм нации маленькой».

И далее: «Для пролетария не только важно, но и существенно необходимо обеспечить его максимумом доверия в пролетарской классовой борьбе со стороны инородцев. Что нужно для этого? Для этого нужно не только формальное равенство. Для этого нужно возместить так или иначе своим обращением или своими уступками по отношению к инородцу то недоверие, ту подозрительность, те обиды, которые в историческом прошлом нанесены ему правительством «великодержавной» нации».

Само собой разумеется, такая диалектическая постановка вопроса вовсе не означала, что с коммунистов малых наций снимается обязанность воспитывать свой народ в духе пролетарского интернационализма, дружбы и братства народов многонациональной советской родины.

Ленин в письме о национальностях, развивая ранее высказанную мысль, весьма недвусмысленно говорил, что «интернационализм со стороны угнетающей или так называемой «великой» нации... должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации уг-

нетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически»¹⁰⁴.

Именно благодаря этим ленинским указаниям русский народ сделал очень многое для того, чтобы помочь отсталым малым народам быстрыми темпами достичь тех высот экономического и культурного расцвета, свидетелями которого мы все являемся и который удивляет мир.

«Кто не понял этого, тот не понял действительно пролетарского отношения к национальному вопросу, тот остался, в сущности, на точке зрения мелкобуржуазной и поэтому не может не скатываться ежеминутно к буржуазной точке зрения»¹⁰⁵.

Всем нам очень важно помнить это указание Ленина, помнить, что пренебрежительное отношение к этой стороне дела, как и швыряние обвинениями в «социал-национализме», бьет прежде всего по истинным интересам классовой пролетарской солидарности, бьет по пролетарскому интернационализму. «Вот почему,— указывал Ленин,— в данном случае лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить».

Очень важным в письме Ленина было и его требование «вести строжайшие правила относительно употребления национального языка в инонациональных республиках, входящих в наш союз, и провести эти правила особенно тщательно»¹⁰⁶.

Отклонение Лениным порочного плана автономизации и предложения о создании нового «этажа» нашего государственного строя — союза равноправных республик, высказанные им мысли о бывших угнетающих нациях и бывших угнетенных нациях, о больших и малых нациях, об особом подходе к их проблемам — все это, вместе взятое, завершает ленинское учение по национальному вопросу, составляя как бы четвертый, последний этап в развитии этого учения.

Великое значение ленинского учения по национальному вопросу, обеспечившего упрочение нашего многонационального социалистического государства и дальнейший расцвет экономики и культуры во всех национальных советских республиках, в наши дни подтверждено полувековой историей существования Советского Союза.

Примечательно, что это последнее, очень важное письмо Ленина с изложением его взглядов по национальному вопросу диктовалось им в тот день, когда работал I Всесоюзный съезд Советов.

Лишенный из-за болезни возможности присутствовать на нем, Ленин в день заседания учредительного съезда Советов — 30 декабря 1922 года — диктует записку «К вопросу о национальностях или об «автономизации» (он закончил ее 31 декабря). Тем самым он как бы, по существу, участвовал в работе съезда, выступал перед делегатами со своими сокровенными мыслями и заботами об устранении старого, вредного наследия в национальных отношениях, об укреплении тесных уз дружбы между всеми национальностями нашей страны, достижении полного взаимного доверия между ними, об их сплочении в братском союзе во имя построения социализма.

29 декабря 1922 года в Москве собралась конференция полномочных делегаций Российской Федерации, Украины, Белоруссии и Закавказской Федерации. Они обсудили и одобрили проекты Декларации и Договора об образовании СССР, а также порядок работы I Всесоюзного съезда Советов.

...30 декабря 1922 года открылся I Всесоюзный съезд Советов. Каждый из нас, делегатов этого исторического съезда, испы-

¹⁰⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 358—359.

¹⁰⁵ Там же, стр. 359.

¹⁰⁶ Там же, стр. 360, 361.

тывал в тот день чувство какого-то особого подъема... Те, кто успел уже поработать в окраинных республиках, особенно хорошо понимали, что значило в то время создание единого союзного государства не только в смысле политическом, но и для дальнейшего экономического и культурного развития страны и укрепления ее обороноспособности.

В работе съезда приняли участие более двух тысяч делегатов.

Открыл съезд старейший делегат Петр Гермогенович Смидович, встреченный дружными аплодисментами.

Как сейчас вижу представительную фигуру этого убежденного седины, всеми уважаемого деятеля большевистской партии.

В своей краткой, но яркой речи Смидович сказал, что до сих пор наши республики стояли как отдельные армии на одном боевом фронте, сообща защищая власть Советов против объединенного фронта империалистических правительств и строя социалистическое хозяйство. В этом объединении республик состояла огромная сила нашего сопротивления каждой встающей опасности, трудности.

В предстоящей нам новой ступени объединения советских республик, говорил Смидович, — «...источник новых громадных сил сопротивления и созидания, — непонятный и страшный для капиталистического мира, но радостно изумляющий и привлекающий рабочих всех стран».

К великому нашему огорчению, на съезде из-за болезни не смог присутствовать Ленин.

Помню, с каким воодушевлением под гром аплодисментов мы избрали основателя нашего государства почетным председателем съезда... В зале долго не смолкали возгласы приветствий Ленину — нашему вождю и учителю...

Работой съезда руководил избранный «рабочим» председателем Михаил Иванович Калинин.

Он предоставил слово для доклада об образовании СССР Сталину, который и огласил Декларацию и Договор об образовании СССР, одобренные накануне, как я уже говорил, делегациями четырех объединявшихся союзных республик.

Делегаты съезда бурно аплодировали Декларации, где было сказано, что только в условиях Советской власти «...оказалось возможным уничтожить в корне национальный гнет, создать обстановку взаимного доверия и заложить основы братского сотрудничества народов...».

Затем слово было предоставлено делегату от Украины Фрунзе, который убедительно показал на примере Декларации и Договора об образовании союзного государства, сколь принципиально различны пути государственного строительства в условиях буржуазного строя и в наших советских условиях, когда к власти пришел пролетариат...

Фрунзе рассказал нам, какая огромная предварительная работа была проделана над текстами Декларации и Договора об образовании СССР.

Их основа была очень широко и всесторонне обсуждена на прошедших съездах Советов в национальных республиках. Все предложения, которые там выдвигались, были учтены в проектах, представленных нашему съезду. Кроме того, над их редакцией много поработала и конференция полномочных делегаций, избранных национальными съездами Советов.

— И тем не менее, — сказал в заключение Фрунзе, — именно эта конференция поручила мне внести съезду предложение принять Декларацию и Договор за основу, поручив ЦИК СССР, который мы здесь с вами изберем, передать эти важнейшие государственные до-

кументы еще раз на дополнительное обсуждение ЦИК союзных республик, с тем чтобы, учтя все их поправки и предложения, разработать окончательный текст основного закона союзного государства и внести его на утверждение Второго Всесоюзного съезда Советов.

Предложение это было принято.

После этого съезд избрал высший орган Союза ССР — Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК) СССР, в состав которого вошел 371 депутат от всех объединившихся республик.

Среди избранных членов ЦИК СССР 16 человек представляли Северо-Кавказский край, среди них — Ворошилов, Буденный, Коркмасов, Мансуров, Аболин, Калмыков, Курджиев, Патрикеев, Хакурати, Эльдерханов и я. На состоявшейся тут же первой сессии ЦИК были избраны четыре его председателя (по числу объединившихся союзных республик, как и предлагал сделать Ленин): М. И. Калинин (РСФСР), Г. И. Петровский (УССР), Н. Н. Нариманов (ЗСФСР) и А. Г. Червяков (БССР).

С приветствием съезду выступили представители Бухарской Народной Советской Республики (Кары-Иолдаш-Булатов) и Хорезмской Народной Советской Республики (Сафаев), заверившие съезд под дружные аплодисменты его делегатов, что сочувствие трудящихся масс их республик всецело на стороне образовавшегося Союза. Они выразили твердую уверенность, что в недалеком будущем их народные советские республики превратятся в социалистические советские республики и будут счастливы увидеть себя в среде вошедших в СССР.

От Исполкома Коминтерна с приветствием выступил В. Коларов, заявивший, что I Всесоюзный съезд Советов является событием мирового значения.

С пламенным словом приветствия от пролетариев Закавказья обратился к съезду С. М. Киров, работавший тогда секретарем ЦК Компартии Азербайджана.

В этом выступлении он, в частности, впервые выдвинул предложение о сооружении в Москве монументального Дворца Советов, который стал бы не только местом наших съездов, но и величественным памятником победившему пролетариату и крестьянству.

От украинского беднейшего крестьянства съезд приветствовал Одинец. С большим вниманием выслушали мы выступление этого украинского крестьянина, по-народному мудрое и яркое. «Я скажу, — заявил он в своей речи, — что составляет на наш крестьянский взгляд теперешний союз. Раньше был союз разбойников, теперь есть союз труженников...»

Ход общественного развития независимых советских республик, опыт договорных отношений их с РСФСР привели Ленина к той мысли, что именно такой равноправный союз советских республик может наилучшим образом обеспечить тесное сплочение пролетариев всех наций в едином многонациональном союзном социалистическом государстве, спаять их в братском, нерушимом единстве в борьбе за победу коммунизма.

Последними письмами «Об образовании СССР» (26 сентября 1922 года), «К вопросу о национальностях или об «автономизации» (30—31 декабря 1922 года) Ленин как бы завершает свое учение по национальному вопросу.

В них — великая забота Ленина об обеспечении братского единства союзного государства.

Основные принципы ленинской национальной политики, непрерывно обогащаясь под руководством ленинской партии опытом

революционной борьбы и социалистического строительства, продолжали действовать и все последующие годы вплоть до нынешних дней, сохраняя свое значение для дальнейшего сплочения народов СССР и международного социалистического содружества, а также трудящихся всех стран и континентов в интересах их общей борьбы за социализм и коммунизм.

Процесс национального самоопределения и образования самостоятельной государственности проходил все эти годы в разных республиках по-разному. Я уже указывал, как не сразу сложилась Российская Федерация, как возникли советские республики в Закавказье и Прибалтике.

Сложнее и гораздо медленнее проходил этот процесс в Средней Азии.

Там до 1920 года существовало фактически три государственных образования в границах, унаследованных от царизма: Туркестанская АССР, входившая в состав РСФСР, Хивинское и Бухарское ханства. В 1920 году были провозглашены Хорезмская и Бухарская Советские Народные Республики.

В 1920 году в составе Российской Федерации образуется Казахская Автономная Республика, которая до 1925 года называлась Киргизской; ее правительство находилось тогда в Оренбурге, а затем переехало в Кзыл-Орду, прежде чем обосноваться в нынешней столице республики Алма-Ате.

Только в 1924 году в Средней Азии начался процесс образования самостоятельных национальных республик.

Из районов Туркестанской АССР, Бухарской и Хорезмской Народных Республик в 1924 году образовались Узбекская ССР и Туркменская ССР, вступившие непосредственно в СССР как самостоятельные союзные республики.

Таджикская АССР образовалась в 1924 году в составе Узбекской союзной республики из частей Туркестана и Бухары, по преимуществу населенных таджиками (в 1929 году она стала самостоятельной союзной республикой, непосредственно вошедшей в СССР).

В 1936 году Казахская республика непосредственно вошла в СССР и стала союзной.

В октябре 1924 года из части Туркестана была образована Кара-Киргизская автономная область, переименованная в мае 1925 года в Киргизскую автономную область, которая в феврале 1926 года была преобразована в Киргизскую АССР в составе РСФСР. В 1936 году Киргизская АССР стала союзной республикой и непосредственно вошла в СССР.

В 1940 году прибалтийские независимые республики — Эстонская, Латвийская и Литовская, — став на путь строительства социализма, вступили в состав Советского Союза в качестве союзных республик.

В том же году Молдавская Автономная Советская Республика, образованная в 1924 году в составе Украинской республики, после возвращения Бессарабии была преобразована в самостоятельную союзную республику с непосредственным вхождением в СССР.

* * *

Шли годы. За двенадцать лет со дня принятия первой Конституции Советского Союза произошли большие изменения в социально-экономической и культурной жизни нашей страны. Стали господствующими социалистические производственные отношения: социализм в основном был построен.

Социалистическая собственность на средства производства стала господствующей. Были окончательно ликвидированы эксплуататорские классы. Сформировались новый рабочий класс и колхозное крестьянство. Выросла своя, подлинно трудовая, народная советская интеллигенция.

Успешно преодолевая вековую экономическую, техническую и культурную отсталость угнетенных царизмом народов, Советская власть превратила в промышленно развитые социалистические республики некогда заброшенные окраины бывшей Российской империи. Народы Средней Азии и некоторых других слаборазвитых национальных районов страны совершили успешный переход к социализму, минуя мучительную стадию капиталистического развития.

Выросла и окрепла братская дружба и общее морально-политическое единство советских народов, сплотившихся вокруг Коммунистической партии и бессмертных идей великого Ленина.

Все эти исторические победы социализма в нашей стране надо было отразить, а главное, закрепить в законодательном порядке в основном законе Советского государства — в его конституции.

Пять с половиной месяцев шло всенародное обсуждение проекта новой Конституции СССР. 5 декабря 1936 года VIII Чрезвычайный Всесоюзный съезд Советов принял Конституцию.

Конституция закрепила добровольное объединение в Союз одиннадцати равноправных советских социалистических республик: Российской Федерации, Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии, Армении, Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана, Казахстана и Киргизии.

Новая Конституция, так же как и первая союзная Конституция, закрепила предложенные в свое время Лениным принципы равноправия союзных республик и добровольности объединения их в Союз с сохранением за каждой из них права свободного выхода из него.

Вот уже более тридцати пяти лет живем мы по Конституции, принятой VIII Чрезвычайным Всесоюзным съездом Советов, частично дополненной и измененной за эти годы в связи с потребностями нашей жизни.

Мне посчастливилось принять непосредственное участие в практической работе высших руководящих органов СССР на протяжении всех этих пятидесяти лет.

Я был участником всех всесоюзных съездов Советов, а также сессий его Центрального Исполнительного Комитета и Верховного Совета всех созывов.

Смело могу сказать, что нет, вероятно, большего счастья, чем так вот — от съезда к съезду, от одной сессии к другой — воочию видеть, как неуклонно происходил все эти полвека исторический процесс развития нашего многонационального Союза — великой советской родины под руководством партии, под знаменем бессмертных идей Ленина.

Достигнуты огромные успехи во всех областях нашей жизни, будь то область внешнеполитической деятельности Советского Союза или широчайшая и многогранная область государственной экономики, область научно-технического прогресса, народного благосостояния, культуры, укрепления морально-политического единства советского народа, упрочения советской государственности и развития социалистической демократии.

Год от году, несмотря на все трудности и прежде всего тяготы пережитой Отечественной войны, расцветали наши советские нацио-

нальные социалистические республики, поднимались к новой счастливой жизни ранее отсталые, угнетенные и заброшенные царские окраины, развивалась и крепла нерушимая братская дружба между всеми нашими народами.

Старая Россия по промышленному производству занимала четвертое место в Европе. В настоящее время СССР вышел на первое место в Европе и второе в мире, после США.

По сравнению с 1922 годом — годом образования СССР — произведенный национальный доход нашей страны увеличился более чем в сто раз!

Как бы ни были велики прошлые достижения наций и народов в культуре, экономике, науке и других областях, ничто не может сравниться с великим советским чудом, совершенным социалистическими нациями за эти полвека.

Создав советские социалистические республики, добровольно объединившиеся в единый союз, мы возводим этаж за этажом величественное здание коммунизма. Вот предмет высшей национальной гордости каждого советского человека, людей всех национальностей Советского Союза!

Все это стало возможным благодаря интернациональному братству рабочих, крестьян и интеллигенции всех национальностей, сплоченных вокруг ленинской партии в многонациональном Советском государстве, под знаменем пролетарского интернационализма.

Надо при этом иметь в виду, что многое здесь относится к сложным явлениям сознания. Еще в 1913 году Ленин писал, что психология «особенно важна в национальном вопросе»¹⁰⁷. Психологический склад нации представляет собой клубок, где переплетаются многовековые влияния социально-экономических, классовых условий, географической среды, религии, культуры, быта, нравов и обычаев. В этой сфере более, чем в экономике и быту, живуче прошлое. С этим приходится считаться в последовательной и тщательной работе по коммунистическому воспитанию.

Национальная психология советских народов тесно переплетается с узами пролетарского интернационализма, с чувствами советского патриотизма, преданности великой советской родине.

Все эти пятьдесят лет происходило планомерное развитие экономики союзных и автономных республик, автономных областей и национальных округов.

В каждой республике с учетом ее естественных богатств, климатических условий и трудовых ресурсов всесторонне развивается сельское хозяйство и промышленность. Растет разделение труда и кооперирование между республиками.

Достигнут небывалый расцвет национальных культур, проникнутых духом интернационализма и коммунизма. Происходит процесс их сближения и взаимного обогащения.

Благодаря этому отсталые когда-то республики достигли примерно среднего общесоюзного уровня экономического, социального и культурного развития.

Посмотрите, какими гигантскими шагами пошло вперед — после Октябрьской революции и в особенности после образования СССР — развитие культуры, литературы, кинематографии, музыки, изобразительных и других искусств и в автономных республиках и областях. А ведь до революции многие из народов, проживающих на территории Российской империи, не имели не только своего национального театра, литературы и искусства, но и письменности.

¹⁰⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. т. 48, стр. 234.

Выросла целая плеяда национальных писателей, пишущих на родном языке. Раньше трудно было даже мечтать, чтобы так скоро, с точки зрения исторических масштабов, в созвездии талантливых поэтов нашей многонациональной страны засветили такие яркие звезды поэзии, как аварец Расул Гамзатов или балкарец Кайсын Кулиев, пишущие на родном языке и широко переводимые на языки других народов. Это выдающиеся поэты из малых народов (аварцев насчитывается у нас около 400 тысяч, а балкарцев — 60 тысяч!), но они стали такими популярными и любимыми в стране, как и талантливые поэты больших народов.

Широко известна и любима поэзия Расула Гамзатова. Благодаря переводу на русский и другие языки его творчество стало достоянием всех народов Советского Союза. Это справедливо по отношению не только к одному Гамзатову, а вообще ко всем и ко всему рождающемуся у нас талантливому и яркому, подлинно национальному, выражающему самый дух народа в его историческом прогрессивном развитии и тем самым становящемуся интернациональным и общечеловеческим...

Социальные условия, которые созданы в нашей стране, помогают рождению все новых и новых талантов в области литературы, науки и искусства безотносительно к тому, большой или малой нации эти таланты принадлежат.

Важно при этом отметить особую значительность происходящего у нас процесса взаимной связи, взаимопомощи, взаимопроникновения и в то же время идейного единства национальных культур народов, находящихся в нашем братском советском содружестве, где каждая из национальных культур является как бы ветвью единой социалистической культуры СССР.

Развитие нашего многонационального социалистического союзного государства являет замечательный пример принципиально нового решения национального вопроса на базе самого прогрессивного, социалистического способа производства и ленинских принципов пролетарского интернационализма.

«Одним из самых крупных завоеваний социализма,— говорил Л. И. Брежнев в Отчетном докладе Центрального Комитета партии XXIV съезду КПСС,— является практическое осуществление партией ленинской национальной политики — политики равенства и дружбы народов».

Дальнейшее сплочение Союза облегчает рост каждой республики и общее поступательное движение страны. Отсюда и значение нашего опыта для многих других стран, отсюда и интерес к нашему опыту. Значение его еще более увеличивается, когда все разнообразнее проявляет себя расцвет национальных республик, когда все народы Советского Союза объединены огромной энергией, порождаемой великой целью строительства коммунистического общества, коммунистических отношений между людьми.

Взаимоотношения советских людей всех национальностей покоятся на непоколебимом фундаменте социалистического интернационализма.

Советский Союз свои взаимоотношения с социалистическими странами строит на основе социалистического интернационализма, дружбы и сотрудничества. С развивающимися странами он стремится установить отношения дружбы, сотрудничества и содействия их прогрессу.

В отношении капиталистических стран Советский Союз твердо руководствуется ленинской политикой мира и мирного сосуществования государств с различным социальным строем, взаимовыгодного

экономического и научно-технического сотрудничества, культурного обмена. Эта политика получила новое подтверждение на XXIV съезде КПСС в виде комплексной программы обеспечения мира в современных международных условиях.

Исторические успехи национальной политики в Советском Союзе есть прямой результат осуществления учения партии, основные теоретические положения которого были сформулированы Лениным.

Образование СССР — величайшее достижение нашей ленинской партии, имеющее подлинно всемирно-историческое значение.

Впервые за тысячелетнюю историю человечества была найдена наиболее разумная государственно-правовая форма братского содружества народов разных национальностей, не только давшая им возможность жить в дружбе и братстве, но и обеспечившая наиболее широкую мобилизацию и целеустремленное использование всех их усилий и возможностей для строительства социализма.

Победа Октябрьской социалистической революции и осуществление ленинской национальной политики в Стране Советов явились решающим фактором ликвидации социального и национального порабощения многих и многих народов мира.

Образование СССР — огромная и убедительная победа нашей передовой марксистско-ленинской идеологии над человеконенавистнической идеологией буржуазного национализма и расизма.

Мы встречаем пятидесятилетие существования Советского Союза под лозунгом борьбы за выполнение исторических решений XXIV съезда КПСС.

Приняв новую, еще более широкую программу дальнейшего экономического, культурного и социально-политического развития нашего общества, XXIV партийный съезд указал, что одним из решающих факторов, определяющих успехи народов СССР, является укрепление единства советского общества, развивающегося под руководством Коммунистической партии, последовательно проводящей в жизнь ленинскую национальную политику.

«Необходимо и впредь,— говорится в решениях партийного съезда,— неуклонно проводить ленинский курс на укрепление Союза Советских Социалистических Республик, исходя из общих интересов Советского государства, а также учитывая условия развития каждой из образующих его республик, последовательно добиваясь дальнейшего расцвета всех социалистических наций, их постепенного сближения».

В этом залог наших дальнейших успехов на пути к коммунизму.

ВИТАЛИЙ СЕМИН

★

ЖЕНЯ И ВАЛЕНТИНА*

Роман

Глава пятая

1

Антонина Николаевна была второй по старшинству дочерью в большой семье отца. Отец был из воронежских крестьян, из бедной семьи, из бедного села Пичаево. Он перебрался сюда, на юг, еще в прошлом веке и обосновался в этом городе потому, что здесь жили дядья. Дядьев было четверо, фамилия их была Слатины, держались они дружно, были «политиками», работали на железной дороге, у одного даже был собственный выезд — две лошади и дрожки. Лошадей мобилизовали в 1914 году. О том, как лошадей отводили на рыночную площадь к пункту сбора, как чужие люди хватали их за морды, задирали им губы, как долго удавалось спасти молодого коника, самого любимого, заражая его какой-то неопасной лошадиной болезнью, Антонина Николаевна помнила как об одном из главных событий того времени. У отца Антонины Николаевны не было лошадей, и вообще он был далековат от дядьев. Они помогали ему, но не очень приближали, однако это были родственники, семья — люди, обязанные помнить друг о друге и помогать друг другу. Правда, отцу Антонины Николаевны и ей самой ни разу не пришлось помогать дядьям, но сочувствовать им Антонина Николаевна могла, и она сочувствовала. Она умела сочувствовать не только членам своей семьи, не только родственникам, но семья ее была такой большой, столько у нее было братьев, сестер, теток и дядьев, так много у них было детей, что Антонины Николаевны едва хватало на всех. Они занимали ее память и сердце почти целиком. Девушкой Антонина Николаевна немного работала в конторе машинисткой-делопроизводителем — была такая должность, — но потом вышла замуж и вернулась в семью. И только пока она работала в конторе, ее называли Антониной Николаевной. В семье она была просто Тоней. Тоней звал ее не только Ефим, но даже малолетние племянники. И только те племянники, которые бывали у нее не очень часто, звали ее тетей Тоней.

Оттого что Ефим был намного старше ее, сестры и братья, которые ссорились и мирились со своими мужьями и женами, переживали всяческие семейные потрясения, считали, что Тоня по характеру своему ни к чему такому не способна. Тридцать из своих сорока семи лет она прожила в одной и той же квартире в Братском переулке. Это был старинный городской район со старыми домами и дворами.

* Окончание. Начало см. «Новый мир» № 11 с. г.

Он казался вечным оттого, что ни тротуары, ни мостовая, ни дома ни разу на памяти Антонины Николаевны не ремонтировались. Даже ступеньки наружных железных лестниц ни разу не менялись. Это полустлеванное лестничное железо внушало опасение всем, кто на него ступал. Лестницы эти назывались черными, выходили они во дворы, но жильцы обычно пользовались только этими лестницами, потому что парадные давным-давно, еще во времена революции, гражданской войны, голода и беспризорщины, были забиты, захламлены, превращены в кладовки. А некоторые вестибюли превращались — временно, разумеется, — в квартиры, в которых люди, поселившись, жили до сих пор.

Дом, в котором жила семья Антонины Николаевны, помещался в глубине мощенного мелким, стертým белым камнем двора. В дом вела деревянная лестница. Без поворотов, одним маршем она приводила на второй этаж к двери в квартиру. Наверху было темно, и входившие ориентировались по шуму примуса. Днем дверь не запиралась никогда, а летом и не закрывалась. Входивший отодвигал рукой надутую сквозняком занавеску, оттянутую книзу специальным грузом, и попадал в освещенный гудящим примусным огнем тамбур.

Сквозняк тянул от балконной, тоже занавешенной марлей двери через комнату с обеденным столом, диваном, трюмо, этажеркой и кроватью. Это была самая большая комната в квартире, но вся перечисленная мебель едва помещалась в ней. Тщательно выбеленные стены пачкались мелом, поэтому над кроватью, над диваном и во всех других местах, где можно было прислониться или опереться, висели предохранительные коврики или холсты, вышитые разноцветными шелковыми нитками. Вышивки иногда менялись, но три были постоянными: головы кошки и собаки и длинный аист с алым клювом и алыми ногами. Над диваном в старом черном футляре отсчитывали медленное время старые часы с бронзовым маятником, а над кроватью висел настенный календарь, отрывные листы которого скапливались на этажерке. Много раз крашенные, каждый день мывшиеся полы были стертые, вокруг сучков в досках образовались бугорки, которые Антонина Николаевна знала наперечет. Это была старая, но, в общем, прекрасная южная квартира с окнами на восток и север, со сквозняком, который тянул из тени. Этот сквозняк приятно было ощутить обожженным солнцем лицом, приятно было после уличной, магазинной или рыночной толчеи услышать медленный, успокаивающий маятник. Приятно было посидеть на обширном, наклонившемся в сторону двора, но безопасном балконе — он опирался на два металлических столба. После двенадцати на балконе была тень.

С балкона была видна общая длинная крыша дворовых сараев. Ее подновляли блаком, она липко лоснилась, шершавилась пылью, налипшим пухом акаций, пахла смолой. С балкона был виден весь мощный камнем двор: водонапорная колонка, крыша уборной за сараями, дикий виноград вдоль глухой стены соседнего дома, летние печки во дворе. Печек было три, иногда четыре, и одну из них каждую весну складывал Женя. Печка эта была лучшей во дворе, с коробом, с двумя конфорками, с кирпичной трубой, на которую было надето старое ведро без дна. Печка горела весь день, потому что Антонина Николаевна считала недобросовестным пользоваться примусом или керосинкой, — приготовленное на вонючем керосиновом огне совсем не то, что приготовленное на угле или дровах. Примус чаще всего разжигала Валентина, чтобы скорее раскалить утюг или согреть утром чайник.

Антонина Николаевна и утюги всегда держала на печке — на огне или рядом с конфорками, если конфорки были заняты своими или со-

седскими кастрюлями. Соседки пользовались печкой Антонины Николаевны так же часто, как и она сама.

К тому времени в доме уже был электрический уют, электрический — ныне уже забытый — кипятильник, электрический чайник и даже такие новшества, как обогревательный рефлектор и лампа «синий свет». Но в этом старом доме и электричество казалось ветхим и ненадежным, оно текло по старым, еще довоенным проводам, от которых отпадали чешуйки мела: провода забеливались во время каждой побелки.

Забеленными были и все выключатели и штепселя, электричество в них слабо потрескивало, а в лампочках часто мигало и не накаливало их до конца. Поэтому и пользовались электрическими приборами редко. Блестящий электрический чайник с коротким рыльцем и массивным основанием вообще стоял только для красоты — раза два его включали, грел он медленно, а воды вмещал мало, не то что старый полуведерный медный чайник, из которого можно было напоить всю семью. И электрический уют никак не мог сравниться с набором чугунных утюгов — от самого большого, за которым во двор посылали Женю или Ефима, до самых маленьких, которыми могли играть младшие племянники. В доме были специальные, с желтыми, неотстирываемыми опалинами тряпки, о которые эти утюги вытирали.

И вообще электричество еще довольно часто подводило. Поэтому в доме держали заправленными керосином две лампы и несколько свечей. И если вдруг электричество гасло и Антонина Николаевна вносила зажженную керосиновую лампу, Ефим ругался: «Стекла в лампах надо чистить». Медный чайник, керосиновые лампы, самовар, которым давно никто не пользовался, — все это были вещи, сделанные в «мирное время».

В квартире еще были комнаты Ефима и Жени. Когда приходили гости, Антонина Николаевна говорила: «Здесь комната Ефима, тут Женя с Валентиной, в большой комнате у меня спят племянники, на балконе внук играет, а я всему этому хозяйка».

В комнате Ефима почти не было вещей — кровать, стул и письменный столик со счетами и чернильным прибором. Заходить сюда не хотелось еще и потому, что голые стены были выбелены до синевы, ужасно пачкались и казались как-то не по-жилому, неуютно высвеченными. Лишь охотничье ружье в черном чехле и темный кожаный патронташ, висевшие над кроватью, что-то здесь смягчали.

В Валентиной комнате тоже не было ни вышивок, ни настенных ковриков. Только кровати, платяной шкаф и книжная полка. К стене, чтобы не пачкалось одеяло, канцелярскими кнопками были приколоты две развернутые газеты. Валентина и тут стремилась сохранить быстрый и легкий быт общежития.

Может быть, Антонина Николаевна и позавидовала бы тем из своих родственников, у которых квартиры были побольше и получше, если бы она ходила к ним в гости. Но в гости Антонина Николаевна не ходила. В гостях выглядела испуганной, не ела, не пила, будто боялась что-то сделать не так. Все получалось так, что к ней прийти удобней. Братья и сестры с детьми приходили к ней по праздникам и воскресеньям. И соседи приходили к ней, а она к ним через лестничную площадку ходила так же редко, как и к родственникам через город.

Антонина Николаевна и не помнит, когда она сделалась собирательницей семьи — в гражданскую войну, когда погиб отец, в холеру, когда умерла старшая сестра, или раньше. Это сделалось как бы само собой и словно было всегда. Младшие сестры меняли квартиры, выходили замуж, уезжали из города, возвращались, оставляли ей своих детей на неделю, на месяц, на год. Двое из четырех дядьев Слатиных

при царе сидели «за политику», в гражданскую воевали, ходили в чинах, затем сняли, ушли со своих постов, перестали говорить о политике и вообще на несколько лет исчезали из города. Оба входили в Общество политкаторжан, но политкаторжанином в семье звали только дядю Максима Григорьевича Слатина. Это был единственный из дядьев, которому Антолина Николаевна могла помогать. Он много болел, курил, хотя при его легких нельзя было курить, и вообще умел полностью забывать о себе, о своем здоровье, об опасностях, которые ему угрожали. И жена у него была такая же — Феся. Их сына Мику Антолина Николаевна подолгу держала у себя.

Года два тому назад Максим Григорьевич умер, Мика вырос, работал в газете и год от году делался все более похожим на отца. Изнутри его что-то постоянно жгло. Каждое воскресенье он приходил к Антонине Николаевне. Называл ее Тоней.

О политике в семье теперь больше всех говорил брат Семен. Во время германской войны дядя Слатины помогли ему уклониться от призыва. Но потом его все-таки забрали, он воевал в Румынии, привез из армии две медали (их сдали в торгсин), румынскую фразу, которую любил повторять: «Шпунырманешт? Нушты?» — странно не растраченную воинственность и фотографию, на которой был снят с бравой выпяченной молодой грудью, с лихими усами, с рукой, опертой на штык в ножнах. В гражданскую он прятался от белых, от немцев, от казаков, а потом стал работать посыльным в государственном банке, выдвинулся постепенно, его послали в Москву на курсы руководителей машинносчетных станций — банки выписывали из Америки машины, переходили на механизированный учет. Семен воевал со старыми специалистами (спецами), или, как он сам говорил, занимался «разоблачениями вредительства в системе механизированного учета госбанковских контор».

Антонина Николаевна когда-то сама посещала кружки политического самообразования при домовом комитете, но к тому, что говорили Семен или Ефим, не очень прислушивалась. Она считала, что все идет правильно, потому что жизнь шла так, как надо. Сестры вышли замуж, родили детей. И Женя вырос и завел семью. И каждый день надо было ходить на базар, утром готовить обед, а вечером еще раз кипятить остатки борща и соуса, чтобы за ночь не скисли: летом у Антонины Николаевны было в два раза больше работы, чем у нынешних хозяек, у которых есть холодильники.

Антонина Николаевна прислушивалась к тому, что говорил Женя. Семен и Ефим все-таки были не шибко грамотными, а Женя много читал. Правда, чем больше он читал, тем меньше говорил дома. Так, кое-что сообщал. Скажет, например, кто-нибудь, что на железной дороге вместо керосиновых фонарей вводят новые, аккумуляторные, сцепщиком с таким фонарем придется побегать — тяжелый! «Сколько ж он весит?» — спросит Ефим. И Женя, который до сих пор к разговору не прислушивался, сообщит: «Четыре с половиной килограмма».

Он рано повзрослел. Он как-то легко взрослел. Еще мальчишкой забегается, Антонина Николаевна у него спросит: «Проголодался? Устал?» Он подумает и скажет: «Да нет, не очень». И лихости у него мальчишечьей не было. Договориться с ним можно было. Вырос — как будто лихости прибавилось. В детстве дрался редко, а теперь дерется на соревнованиях, плавает на шлюпках и яхтах по морю — чего-то добивается. После семилетки сам решил уйти из школы в ФЗО, из ФЗО — на завод. Но читать и учиться не перестал. Рядом с домом была картографическая мастерская, он стал туда ходить, учился чертить, а потом стал чинить и затачивать чертежникам чертежные инструменты. Однажды принес домой авторское свидетельство на какой-то «пунк-

тирник для проведения точечного пунктира». И еще на «точечник для изображения точечных знаков кустов». Антонина Николаевна спросила Ефима: «Что это?» Ефим оскалился: «Развитые теперь все стали. Свыше всякого ума развитые!»

У самого Ефима были знания, а не развитие, как у нынешних. Он знал бухгалтерский учет, знал конторские счета и арифмометр, печатал на пишущей машинке, умел по запаху определить качество постного масла и масляной краски, а по тому, как горит и скручивается нитка, отличить чистую шерсть от поддельной или смешанной. У него был ясный почерк, и он годы потратил на то, чтобы сделать его еще лучше. Он никому об этом не рассказывал, но свои первые деньги он стал зарабатывать еще подростком — на городском почтамте. Писал неграмотным письма. У него было больше клиентов, чем у других таких же подростков, потому что почерк у него был лучше. Он сам научился печатать на машинке и получил у хозяина надбавку за то, что по вечерам оставался в конторе перепечатывать бумаги. Ко всему, что он умел, присоединилось умение быть честным. Ни у хозяина, ни у государства он не взял ни зерна, ни копейки. В двадцатых годах он работал на элеваторе, вел учет продналога, справки подписывал. Ему и взятки предлагали, и убить собирались, и не сосчитать, сколько раз грозили расстрелом. Ефим знал, что он нелегкий и неприятный человек, — он был честным.

Хозяин Ефима был легкий и приятный человек, и приятели хозяина были легкие и приятные люди, а Ефим был честным. Он не ходил в рестораны и не брал взяток. У его знакомых конторщиков на столах стояли шуточные плакатики, на одной стороне которых было написано: «Надо ждать», — а на другой: «Надо ж дать». Ефим себе таких плакатиков не позволял. Он был доволен своей работой и своей жизнью потому, что не стоял на месте. От хорошего почерка шел к арифмометру, к пишущей машинке, прекрасно разбирался в качестве товаров, которыми торговал хозяин, а тем временем на его честность постепенно нарастали проценты, и хозяин делал ему надбавки, по мере того как другие деловые люди в городе хотели переманить Ефима к себе. Но Ефим не уходил от хозяина, хотя надбавки его были скупы, а Ефиму предлагали значительные деньги. Не хотел портить своей репутации. А потом все это рухнуло. Репутация Ефима оказалась ни к чему, товары на много лет исчезли совсем, а когда они появились вновь, то и мыло, и гвозди, и краски, и столовые инструменты были такого качества, что и тут знания Ефима были ни к чему. У него дома было две бритвы, одна сточенная, стаявшая, лезвие которой все упрятывалось в ручке, и вторая новая, нетронутая, он показывал их иногда гостям: «Золингеновская сталь, довоенные вещи. Теперь таких не делают». Бритвы он направлял сам. Как в парикмахерской, у него над столом на гвозде висел черный толстый ремень для правки бритвы. Собираясь бриться, он занимал весь стол; обваривал кипятком помозок, чашечку для мыла, стаканчик для чистой воды, ставил зеркало, готовил бумагу, которой снимал с бритвы мыло и срезанные волосы. И долго правил бритву, с силой бил ею по ремню, смотрел лезвие на свет, дул на него, заглаживал на другом, мягком ремне. Остроту лезвия пробовал ногтем и выглядел в эти минуты особенно грозным и значительным. Когда он брился, никто не рисковал подойти к столу, чтобы не толкнуть Ефима. И вообще вещи, о которых Ефим знал все, были такого свойства, что требовали особого умения с ними обращаться. Без этого умения ни оценить эти вещи, ни пользоваться ими было нельзя... Пока не вырос Женя, Ефим все делал сам по дому. И еще была одна особенность у этих знаний, которую очень хорошо чувствовал Ефим и которую почему-то плохо улавливал Женя. Это

были как бы истинные знания. Им было и сто и, может быть, тысячу лет. Если бы Ефима перенести на двести лет назад, то и там эти знания были бы истинными. Как умение сеять, собирать и печь хлеб. И эту истинность и значительность знаний Ефима очень хорошо чувствовала Антонина Николаевна.

Однако, по мере того как в мире убывало значение простых вещей, убывало и значение знаний Ефима. И когда он слышал о новых промышленных методах, о заменителях, о химии, о скрещивании, он осклаливался, ругался: «Пробовали скрестить овчарку с пинчером. А какой результат? Ни ума, ни силы!»

Конечно, его знания, нюх, его цепкий глаз и честность еще многого стоили. Он работал бухгалтером, его включали в ревизионные комиссии, он распутывал сложные дела, а однажды спас жизнь выдвигенцу, неумелому человеку, у которого обнаружили растрату в триста тысяч рублей. Выдвигенца непременно бы расстреляли, потому что шла кампания борьбы с расхитителями и растратчиками, но был он заслуженный человек и его дело еще раз передали на консультацию опытным специалистам. Ефим в первые же десять минут обнаружил то, что пропустила до него другая ревизионная комиссия, — дважды заприходованный один и тот же документ.

Жене родственники приносили чинить часы, а Ефиму — направлять бритвы. И он радостно ослаблялся, когда вынимал бритву из футляра. Он знал бритвы своих родственников так же, как свои. Презирал красивые бритвы с широким лезвием, с белыми броскими ручками, уважал скромные, из прочной стали. Уходил с ними в свою комнату и там долго правил их на мягком, маслянистом оселке, на своих ремнях, пробовал лезвие и на звон и на остроту, дышал на сталь и смотрел, как быстро сходит с нее матовость и возвращается блеск. Отдавать бритву не торопился, и только когда гость собирался домой, приносил ее из своей комнаты, укладывал на жало волосок, дул — и волосок падался. Родственник благодарил, Ефим ослаблялся, но тут же отворачивался и замыкался.

2

Первым в воскресенье обычно приходил брат Антонины Николаевны Семен с сыном. У Семена Николаевича была вьющаяся шевелюра, голову он закидывал назад, а носил косоворотки навыпуск и подпоясывал их витыми поясками с кистями на концах. Серую и черную косоворотки он подпоясывал черным пояском, а белую — белым. Семен Николаевич был разведен, много лет жил один, а сын приходил к нему на субботу и воскресенье. Сыну было четырнадцать, и был он довольно высоким подростком с полноватым женственным лицом и с напряженным выражением глубоко посаженных глаз.

Они входили в калитку больших деревянных ворот, под которые со двора от водонапорной колонки подтекала вода, шли через двор мимо сараев, мимо летних печек к дому, на балконе которого в это время уже сидел с газетой Ефим. Ефиму они были видны от самых ворот, они здоровались с ним, а он кивал им через газету и оставался на балконе. Утром балкон был косо освещен солнцем, и Ефим в белой воскресной рубашке, заправленной в аккуратные серые воскресные брюки, в очках, которые он надевал только когда читал или писал, был очень хорошо освещен.

Нервный, не выносивший солнца, переходивший на теньевую сторону улицы сын Семена Николаевича всегда с удивлением смотрел на белую застегнутую рубашку Ефима, на его плотные, жаркие брюки, на газету, просвечивающую под солнцем, на непокрытую голову, на всю его свободную, вольную позу.

Семен Николаевич здоровался с соседями Антонины Николаевны, а если во дворе была сама Антонина Николаевна, говорил ей:

— Здравствуй, сестра!

С соседями он раскланивался любезней и задерживался с ними дольше.

— Как жизнь молодая? Нашими молитвами? — И смеялся громче чем нужно, потому что шутил всегда одинаково. — А вот сын в бога не верит. Когда он был поменьше, мы с ним ехали из Пятигорска в Кисловодск. Он задремал, а потом испугался: «Папа, кажется, проехали». Я говорю: «Если кажется, надо креститься». А он спрашивает: «Папа, а что такое креститься?»

Соседей во дворе было не так-то много. В двухэтажном доме Антонины Николаевны жило еще четыре семьи, и пятая — семья настройщика рентгеновских аппаратов — жила во флигеле.

Как только Семен Николаевич подходил к калитке в старых, красной краской крашенных воротах, в его походке что-то менялось. Она становилась как бы совсем воскресной, и Анатолий это очень чувствовал. Семен Николаевич запускал большой палец под пояс, проводил им от живота к спине, натягивая косоворотку на груди, и больше, чем обычно, закидывал голову назад. Перекинутым через левую руку он нес свой пиджак или пиджак сына. Этот-то ненужный пиджак, перекинутый по-особому через согнутую руку, и делал его походку особенно воскресной. Этот пиджак да еще косоворотка, напущенная на брюки и стянутая черным пояском. К тому времени почти все носили рубашки заправленными в брюки, но Семен Николаевич твердо держался своего. Так они шли через город по главной улице, и Анатолий, истомленный жарой — отец, как и Ефим, прекрасно чувствовал себя на солнцепеке, — все время видел отца с рукой на отлете, с закинутой назад шевелюрой.

Они останавливались, когда отец встречал знакомых. Знакомые всегда говорили одно и то же:

— У тебя такой большой сын!

Семен Николаевич смеялся:

— Большой, говоришь? — И притягивал Анатолия к себе за плечо или гладил его по голове, как будто проникался к нему мгновенной нежностью. — Отца догоняет!

Утром, как только они выходили на улицу, отца изнутри что-то подмывало. Пока они собирались, отец раздражался, одергивал на Анатолии рубашку, счищал с него что-то веничком, застегивал верхнюю пуговицу на воротничке, которую Анатолий не любил застегивать. При этом чистые пальцы сильной отцовской руки подрагивали. Потом они молча шли вниз и выходили через парадное на асфальт главной улицы. И тут солнечный свет, зелень, троллейбусы, множество прохожих преображали отца. Рука его, до этого вольно державшая пиджак, сгибалась особым образом, шевелюра откидывалась назад, он выходил на середину тротуара, туда, где уже совсем не было тени, и шел той самой походкой, по которой сразу было видно, что ему нравится идти вот так с пиджаком на согнутой левой руке. Проходя мимо университета, отец говорил:

— Бывшее купеческое собрание.

Отцу нравилось показывать вот такую свою осведомленность.

Отец был еще совсем моложавый, крепкий и недурной собой мужчина. К нему в гости приходили женщины, казавшиеся Анатолию красивыми, отец говорил им, что он «живет для сына». Иногда отец водил Анатолия в гости к другим женщинам, где Анатолия закармливали сладостями. На улице рядом с отцом Анатолий все время ощущал эту моложавость, подмывавшую отца, его готовность с кем-то поздоро-

ваться, остановиться и засмеяться совсем от ничего, захохотать даже, откидывая свою шевелюру. И когда отец притягивал его к себе, Анатолий не мог не вспомнить, как подрагивала рука отца, защемляя пуговицей кожу у него на шее. У отца всегда были как-то связаны и бодрая молодежь и раздражительность. Они так легко переходили друг в друга.

В Братском они сворачивали с главной улицы и попадали в тень и тишину переулка. И когда подходили к воротам, отец отряхивался, охорашивался, топал парусиновыми белыми туфлями, которые он, перед тем как выйти на улицу, тщательно закрашивал разведенным водой зубным порошком — от туфель шла белая пыль, — наклонялся, чтобы почистить брючные обшлага, осматривал Анатолия и толкал калитку.

Во дворе отец, раскланявшись со всеми, поздоровавшись с Антониной Николаевной, не задерживался возле нее, а поднимался наверх. И Анатолий, утомленный жарой, пылью, а главное, постоянным ощущением, что бодрость отца вот-вот превратится в раздражение, с облегчением входил в лестничную полутьмноту, ступал по разболтавшимся в своих гнездах деревянным ступеням, отодвигал марлеву заштановку и через темный, пахнущий керосином тамбур проходил в большую комнату, в которой под сквозняком, тянущим от балконной двери, слегка покачивался абажур из красной «жаты» бумаги. По этому абажуру вкруг летели черные бумажные ласточки.

Анатолий брал с книжной этажерки стопочку оторванных календарных листов, а отец проходил в комнату Ефима и возвращался оттуда без косоворотки, в одной нательной сетке. На книжной этажерке слегка потрескивала черная картонная тарелка радио. Радио не выключали, вещание шло тогда с большими перерывами, чем сейчас, но к радиопотрескиваниям, шорохам и дребезжанию уже успели привыкнуть и обращали на них внимание, только когда передавали известия и метеосводку.

Ефим по-прежнему оставался на балконе со своей газетой. Это была вчерашняя газета, и читать ее можно было сколько угодно.

Отец тоже брал в комнате Ефима вчерашние и позавчерашние газеты, брал коробку с маникюрными ножницами, с большими и малыми пилками для ногтей, подхватывал стул и тоже отправлялся на балкон. Слышно было, как двигал стулом, освобождая отцу место, Ефим, как ставил свой стул отец, как садился на него и спрашивал у Ефима, что нового в военных действиях Германии и Англии. Сколько помнит Анатолий, разговор отца и Ефима всегда начинался с обсуждения военных газетных сводок. Разговоры эти удерживали Анатолия у балконной двери, заставляли слушать. Ефим отвечал односложно, он вообще мог разговаривать, только поднявшись со стула и похаживая предварительно по комнате или по балкону, будто разогревая себя. Он не делался от этого красноречивее, но выражение лица у него становилось хищным, пристрастным, так что смотреть на него было невыносимо. Ефим как будто бы и сам это знал. Говорил он не глядя на отца, чтобы не оскорбить его своим взглядом или такой же непереносимо презрительной улыбкой:

— Немцы еще покажут нам, дуракам! Договор! Мы им хлеб — они нам договор!

С каждой минутой спора Ефим становился желчнее, а в отце возбуждалась бодрость и воинственность. После таких споров отец мог даже как-то разыграться, показать по просьбе Анатолия приемы штыкового боя или сабельной рубки (в кавалерии отец не служил — в германскую был телефонистом), сам себе командовал, подражая голосу какого-то своего бывшего начальника: «Ко-ли!» Или показывал, как

ему когда-то приходилось рапортовать: «Рядовой такого-то полка, такой-то роты, такой-то дивизии». Рапорт был забавен тем, что без запинки нужно было произнести множество цифр: номера дивизии, полка, роты, взвода. Были в нем и еще сложности: полк — гренадерский, дивизия — «его императорского величества». Было здесь что-то старинное и шутовское. Отца, который кому-то вот так рапортует, Анатолий не мог себе представить.

Спор очень быстро накалялся так, что стоять под дверью и слушать, как Ефим ругает тех, «у кого память короткая», «кто не умеет читать между строк», становилось неприлично. Но отец всегда во время вспоминал о своей контузии, начинал хронически недослышивать, говорил Ефиму что-то про погоду, Ефим оскаливался: «Погода как погода!» — но утихал, отвечал отцу односложно, и опять устанавливалась тишина. Сквозняк поднимал занавеску над балконной дверью, шуршал страницами журнала, оставленного на столе, а на балконе как будто никого не было. Так каждый раз для Анатолия начиналось воскресенье.

Иногда, правда, отец еще во дворе спрашивал:

— Ты во дворе или поднимешься?

Как ни прост был этот вопрос, Антонина Николаевна видела, что Семен не очень-то свободным голосом его произносит. Сын приходил к Семену Николаевичу на субботу и воскресенье, но за это время они успевали поссориться. Семен, считала Антонина Николаевна, уж много много требовал от мальчика. Конечно, если бы они жили вместе, мальчик бы терпел, поступал так, как велит отец. Но они жили врозь, и Анатолий вдруг переставал ходить к отцу. Не ходил неделю, две, потом они опять появлялись вдвоем, и Семен Николаевич не мог спросить естественным тоном: «Ты во дворе или поднимешься?» Антонина Николаевна думала, что Семену надо быть поласковее с сыном, раз уж так получилось, что дома с матерью и отчимом мальчик чувствует себя вольнее, но советовать брату не решалась. Она видела, что Семен и сам старается быть поласковее, но не может себя побороть, не может отказаться от своей родительской власти, и голос и руки у него подрагивают, когда он делает Анатолию замечания, и глаза у него становятся скорбными и в то же время напряженными, как у сына. Так они и смотрят весь день друг на друга напряженно, а вечером, когда прощаются, Семен Николаевич берет в руки веник или щеточку, чтобы очистить Анатолия от мела, в который тот обязательно выпачкается. Анатолий стоит молча, а Семен ожесточенно трет его щеткой или обмахивает веником, и видно, что он это делает сильнее и больше, чем нужно.

Поговорив с соседками Антонины Николаевны, Семен Николаевич берет у сына рубашку, чтобы ему легче было в майке или совсем без майки бегать по жаре, и поднимается в дом. Соседки смотрят ему вслед — красивый холостякущий мужчина, который не хочет связывать себя второй женьбой, чистый, следящий за собой, с интересной сидящей шевелюрой и такой бодрой походкой. Они видят, что Семен Николаевич переживает «из-за сына», и спрашивают Анатолия:

— Почему к отцу не ходишь?

— Болел.

— Отец для тебя живет!

Анатолий и старался любить отца так, как этого заслуживает человек, который для тебя живет. Но никогда ему это не удавалось. Если бы Анатолий мог себе это до конца объяснить, он, может быть, подумал бы, что просто отец появился в его жизни гораздо позже матери. Еще в том времени, о котором Анатолий ничего не помнил или помнил что-то смутное и нерасчлененное, они были вдвоем с матерью.

Потом появилось слово «отец». В квартире раздавался звонок, и мать говорила: «Это отец». Приходил кто-то безразличный Анатолию, опять исчезал на целый день, иногда на неделю — уезжал в командировку. В первый раз отец и остался в памяти Анатолия приехавшим из командировки. Отец вошел в комнату — Анатолий уже твердо знал, что это отец, — развернул большой сверток, поставил на паркетный пол зеленый паровоз. «Это моему мальчушке», — сказал он, и Анатолию не понравилось слово «мальчушке».

Немного позже отец и мать стали разводиться. Как-то ночью мать разбудила Анатолия. Мать чего-то очень боялась, и страх этот передался Анатолию. Она всюду водила его за собой по квартире: шла в ванную и его брала, на кухню — и его туда же. Он боялся вместе с ней и понимал, что они вместе боятся отца. Отец пришел, мать усадила Анатолия к себе на колени, и колени, на котором он сидел, все время подрагивало — отец подбегал к матери с раскрытой бритвой, и Анатолий чувствовал в этот момент внутри невыносимую боль, потому что весь изо всех сил сжимался. Так продолжалось очень долго. Отец ходил из комнаты в комнату, и был у него такой вид, будто он на что-то решается.

В той комнате, в которой они сидели с матерью, горела лампочка, а в комнате, куда убегал отец, свет не был зажжен, и в этих переходах со света в темноту отец был невыносимо большим, быстрым, чужим и страшным.

Анатолий завизжал и ударил отца. Он запомнил это на всю жизнь, а отец и не заметил, что сын ударил его.

Потом они с матерью переехали в другой дом, на другую улицу, и Анатолий просил мать, чтобы не было ни отца, ни других мужчин. Но на второй день в новом доме Анатолия появился отчим. Вот тогда Анатолию и стали говорить, что у него есть один настоящий отец, который для него живет.

Однажды Анатолий прошел пять кварталов, которые отделяли его новый дом от старого. Отец был растерян, говорил, что вот он что-то сделает, что-то починит или отремонтирует и тогда обязательно заберет его к себе. И еще отец говорил обиженно: «А я думал, ты меня уже забыл. Не идет ко мне мой мальчуша и не идет». С тех пор Анатолий, не рассказывая матери, стал изредка ходить к отцу, а потом мать и отчим об этом узнали, и он стал ходить регулярно по субботам и воскресеньям. В старом доме пацаны немного отвыкли от Анатолия и принимали его не так, как своего. Как-то один из них усадил Анатолия на скамейку, в которую была воткнута иголка. Анатолий, по хохоту догадавшийся, что над ним зло подшутили, с яростным плачем схватил кирпич и бросился на обидчика. Камни таких размеров в обычных драках мальчишки не применяли, и Анатолий заработал кличку психованного.

Анатолию нравилось у тети Тони, нравилось ее спокойное смуглое лицо, ее седеющие волосы. Седина казалась Анатолию признаком не старости, а силы и постоянства. Нравился летний запах свежих огурцов, праздничный или воскресный запах печеного теста. Мать не любила и не умела печь пироги и вообще готовить. Отчим и она много работали, еду приносили из магазина, и радости поэтому дома были магазинные. В это время в гастрономах появились холодильники, и одним из главных домашних удовольствий было принести из магазина холодное молоко или какао на молоке и холодным его выпить.

Нравилось Анатолию таинственное Ефимово ружье — его при Анатолии ни разу не вынимали из чехла. Даже умывальник с вращающимся краником, с ведром, которое ставилось под раковину, нравился Анатолию. Этот умывальник давно не использовался по назна-

чению — проще было черпать воду кружкой из ведра и прямо сливать ее себе на руки, чем ту же воду прежде наливать в умывальник. Всегда сухой, похожий и на кухонный шкафчик с дверцами, и на тумбочку с зеркальцем в центре довольно большой белой облицовочной плиты, он казался Анатолию самой старинной вещью у тети Тони.

В раннем детстве Анатолий с отцом и матерью жил в большом четырехэтажном новом доме. Дом назывался банковским, потому что построил его Госбанк для своих работников. Жили в нем люди молодые или, во всяком случае, такие молодежавые, как отец. Никто из этого дома не выезжал, никто здесь не умер и даже не заболел серьезно. Дом был ровесником Анатолия.

Дому, в котором они жили сейчас с матерью и отчимом, было больше тридцати лет. В доме была парадная лестница и две черных. На лестничные площадки черных лестниц жильцы выходили разжигать примуса, выносили мусорные ведра. Здесь пахло керосиновой копотью и кошками, ступеньки черных лестниц были цементными, а лестничные марши крутыми. Анатолий испытывал страх каждый раз, когда ему по этой лестнице приходилось выносить мусорное ведро. Никто из ребят в этом дворе не играл. Зимой здесь росла шлаковая гора из котельной, летом воздух был отравлен запахом огромной подворотни.

Их комната была на пятом этаже, звонить к ним надо было пять раз. Каждый раз, когда кто-то звонил или стучал — звонок часто бывал испорчен, — после третьего звонка возникало ожидание: «Кажется, к нам». Однако и после пятого следовало подождать, потому что в квартире было семь жильцов и звонить могли и шесть и семь раз. От входной двери коридор шел длинной буквой «Г». Темный в начале, он на повороте начинал светлеть и приводил в коммунальную кухню, в которой была холодная, не действующая печь и стояло семь кухонных столиков. В кухне была дверь на черную лестницу. Считалось, что если в квартиру заберется вор, то он обязательно войдет через эту дверь. Однако именно кухонная дверь запиралась хуже всего — она держалась на слабом крючке. Ночью черная лестница не освещалась.

А парадная лестница была великолепной — тяжелые мраморные ступени, длинные марши, фигурная металлическая оградительная решетка, черные массивные перила. Обширный вестибюль выложен мраморными плитами, а дверь высоченная и такая тяжелая, что Анатолию непросто было ее открывать. Но и мрамор, и массивные перила, и высокая дверь Анатолию были неприятны.

Дом был построен в самом центре города и рассчитывался когда-то на состоятельных людей. Поэтому и было здесь по две двери на каждой лестничной площадке: квартира направо, квартира налево. Но жили в этих квартирах богатые люди или нет, Анатолий не знал.

Улица, на которую выходил дом, имела три названия. Старое, промежуточное и новое. Все улицы в этом центральном районе города имели по два и по три названия. Когда надо было куда-то пройти, спрашивали старое название улицы — в новых пока еще путались.

На главную улицу выходили витрины продуктовых, винных, промтоварных магазинов, а на улицу, где жил Анатолий, — их склады. Сюда, во дворы, заезжали драгили, пахло здесь рогожами, лошадиным потом, бочками из-под огурцов.

У ребят была улица. Играли на мостовой и расходились на минуту, чтобы пропустить драгиля или грузовик.

Ходили играть и на площадку, огороженную огромным деревянным забором, за которым лежали развалины взорванного городского собора.

Раньше к собору примыкала рыночная площадь, теперь здесь строился Дом Советов — самое большое в городе здание.

Мальчишки лазили через забор играть в недостроенном, но уже захламленном здании.

Анатолий переехал на эту улицу, когда ему еще не было шести лет, отсюда он пошел в школу, но так и не привык к своему пятиэтажному дому, к черной лестнице, к тому, что к ним домой надо было звонить или стучать пять раз, к тяжелой парадной двери, к улице, на которой у него уже были знакомые и приятели. Своим он считал двор в доме отца. И когда он приходил сюда в субботу, то сразу же застревал — не мог, был не в силах оторваться от своих ребят даже для того, чтобы подняться к отцу и сказать: «Я пришел». Он заигрывался до темноты, а когда все-таки поднимался к отцу, отец говорил: «Но ты бы мог, по крайней мере, подняться и сказать мне, что ты пришел». Ребята во дворе казались Анатолию умнее и талантливее уличных. Здесь не было грубых кличек, каких-нибудь Коля-бубу, Сметаны или Меченого. Даже дворового толстяка звали не кабаном, не жирным, а моржом.

Анатолий ужинал, мылся в ванной и ложился к отцу в кровать — второй кровати отец себе не завел. Утром они одевались, отец раздраженно обмахивал его веником, и они отправлялись к тете Тоне. Тут было все спокойно, постоянно и так, как, наверно, должно быть. За столом отец обязательно заговаривал о борьбе с вредителями и вредительством, которую он ведет у себя в банке, читал письма, которые писал куда-то в Москву. Читал отец увлеченно и тут же, за обеденным столом, вносил какие-то поправки. Прежде чем написать заглавную букву, он, как бы примериваясь и разминая руку, проводил по воздуху несколько коротких закругленных черточек, затем быстро писал, и опять его рука, прицеливаясь, раздраженно подрагивала над бумагой.

Выправленную фразу отец опять прочитывал — он любил и, как считалось в семье, умел писать. Читал он при всех и спрашивал совета и одобрения.

Ефим слушал его, наклонив голову, иронически оскаливаясь, а тетя Тоня говорила:

— Рыба свежая. Ешьте.

Если за столом сидел Михаил Слатин, отец обращался к нему:

— А что скажут газетчики?

— Не знаю, не знаю, — говорил Мика, — вам виднее.

Волосы у отца тоже начали седеть. Но о седине тети Тони никто не говорил, а седые волосы отца все замечали и говорили о них так итрово, что отец откидывал шевелюру и смеялся. Разговоры об отцовской седине были Анатолию неприятны. Отец казался ему все время к чему-то стремящимся и раздражающимся оттого, что не может полностью добиться того, к чему стремится. Он стремился, например, чтобы у него в комнате было не просто чисто, а очень чисто, и раздражался, если Анатолий ставил какую-нибудь вещь не на место, и всегда смотрел ему на ноги, когда Анатолий входил. Он делал это и открыто: «Вытри ноги о половичок» — и скрытно, чтобы Анатолий не заметил. Вдруг войдя в комнату, взглядывал на паркет и делал свой взгляд рассеянным, если царапин не было, или же, если царапины были, начинал возмущаться, но не тотчас, а взволнованно походив по комнате, скрывая, что увидел царапины сразу. Но Анатолий все равно видел, как отец смотрел на паркет. А если им случалось вдвоем пойти на «Фабрику-кухню», то и тут отец стремился к тому, чтобы все было по правилам, и раздражался, если скатерть была грязной, а борщ и котлеты плохо приготовленными. Он требовал официантку и шеф-повара и говорил им, что в наше время так готовить и обслуживать советских людей — преступление. И еще он говорил, что время равнодушных прошло, что сейчас время активных, умеющих видеть политику во

всем. Из Москвы, где он учился на курсах, отец привез специальные книги и красочные американские журналы с яркими изображениями счетных машин. До сих пор у отца не было ни журналов, ни книг — только газеты.

Анатолию не нравилось, когда у него спрашивали: «Ты знаешь, что отец для тебя живет?» В этот момент взрослые казались ему либо глупыми, либо лицемерными. Но Анатолий всегда был на стороне отца, когда тот говорил, что надо бороться за то, чтобы жизнь была лучше, чем сейчас. А улицу свою и пятиэтажный дом Анатолий мог бы сразу забыть, как будто бы их вовсе не существовало. За все эти годы ни дом, ни улица так и не вошли в его память, будто не жил там Анатолий, а только ждал, когда эта жизнь кончится.

Просмотрев оторванные календарные листочки, Анатолий начал томиться и выходил на балкон, где к этому времени обычно оставался один отец — Ефим, высидев с отцом несколько минут и поспорив с ним о договоре с Германией: «Они к нашим границам войска стягивают. Зачем? Ну?» — уходил с газетой в свою комнату. Отец пилкой обрабатывал ногти, рука его, двигавшаяся привычно, как будто он этим всю жизнь занимался, подрагивала от нервного возбуждения: отец никак не мог успокоиться после спора с Ефимом. Сквозь редкую нательную сетку было видно тело отца, белое, безволосое, в редких родинках, нагретое солнцем.

— Не закрывай мне солнце, — скажет не остывшим после спора голосом отец.

Прижатые камнем, чтобы ветер не унес, рядом с отцом прямо на полу балкона лежат газеты. Эти камни Антонина Николаевна держит на балконе, чтобы придавливать ими крышки кастрюль.

— Пойду во двор, — скажет Анатолий.

— Не забегай далеко. Спроси у Тони, когда обед.

Анатолий выйдет во двор и спросит у Антонины Николаевны:

— Тетя Тоня, а где Женя?

— Сама бы у кого-нибудь спросила, да не у кого, — засмеется Антонина Николаевна. — Не докладывает.

Женя был двоюродным братом, но он редко замечал Анатолия. Он приходил к обеду, садился за стол, и мужчины как-то заискивающе раздвигались. Только Ефим не поднимал головы. Пока Жени не было, отец казался Анатолию крепким, сильным и даже хорошо загоревшим мужчиной. Но когда появлялся Женя, сразу было видно, что и Ефим и даже отец уже очень пожилые люди. А Женя что-то быстро съедал и не задерживался за столом, не ввязывался в разговоры. И хотя он все время улыбался, посмеивался, отвечал на вопросы, было видно, что отвечает он гораздо короче, чем ответил бы своим сверстникам. Женя нравился Анатолию больше, чем громоздкий Мика Слатин. Мика и Женя садились рядом, но Женя ел мало, не пил никогда, а Мика пил и, выпив, предлагал Жене бороться. Они когда-то вместе ходили на каток, на водную станцию, потом Мика бросил и теперь задирался. А Женя смеялся, и было видно, что он уклоняется не потому, что боится громоздкого Мику.

И отец и другие часто расспрашивали Мику о газете. Женя на памяти Анатолия задал ему только один вопрос:

— Сколько ты за все это получаешь?

Анатолию хотелось знать, что думает Женя о войне Германии и Англии, о том, придется ли нам воевать. Но Женя на эту тему с Анатолием отказывался разговаривать. Он отделялся неожиданным вопросом:

— А тебе хочется, чтобы была война? Нет? Ну, тогда мы с тобой об этом потом поговорим.

Во дворе играли мариупольская и одесская племянницы Антонины Николаевны. Одиннадцатилетняя мариупольская Вика учила десятилетнюю Иру:

— Девушка должна быть надменной!

И показывала, как это: голова откинута, веки опущены. И двоюродные сестры начинали игру. Вика спрашивала «надменно»:

— Ира, ты пойдешь гулять?

Ира отвечала, глядя из-под опущенных век:

— Когда?

Так они разговаривали друг с другом «надменно». Ира живет у Антонины Николаевны давно, она спокойная, тихая, а Вика нехорошая, истеричная, что-то выдумывает. Мужчина у ворот закурил папиросу, и она плачет, кричит, показывает пальцем: «Там, там!» — и рот у нее кривится. Иру она подговаривает:

— Пойди к Тоне, просись гулять на улицу.

— Тоня не пускает.

— А ты ей надоедай, она отпустит.

Анатолию Вика сказала:

— Ты что ей говоришь — тетя Тоня?

— А как?

— Тоня!

Анатолий был из тех племянников, которые говорили Антонине Николаевне «тетя Тоня». Эта истеричная Вика чувствовала себя здесь более своей, чем он.

Если зайти в это время в комнаты — тишина, только маятник да на балконе иногда газеты шуршат. До обеда мужчины не будут разговаривать, но не потому, что неприятны друг другу, а чтобы не выговориться. Потом Семен Николаевич поможет Ефиму раздвинуть обеденный стол, подтащить его поближе к дивану и скажет, глядя на то, как Антонина Николаевна разливает горячий борщ:

— Жить стало лучше, жить стало веселее, товарищи!

И глаза его заблестят от радостного чувства. Чувство это вызвано и ощущением семейного благополучия, и верой в то, что благополучие это — следствие чего-то гораздо большего, чем просто семейная удача. В этот момент Семену Николаевичу хочется обрадовать всех какими-то умными, значительными словами, которые наполняют смыслом самое простое, самое повседневное. Когда он повторяет сталинские слова, его пронизывает счастье понимания, счастье какой-то большой, не личной, а исторической удачи. Правда, Семен Николаевич шутит немного, но лишь чуть-чуть, только начиная фразу, а потом говорит серьезно и заканчивает с настоящим энтузиазмом и с некоторой застенчивостью, с которой все-таки произносишь такие слова в обыденной обстановке.

А шутит он потому, что все сидят за столом по-домашнему: женщины в летних платьях-сарафанах, с голыми загорелыми плечами, мужчины в майках или в нательных сетках, сидят на низком старом зачехленном диване, потому что стульев на всех не хватает да и ставить их некуда. Анатолий даже уселся на валик дивана, и Семен Николаевич опасается, что, ерзая, он может сломать его.

Пичаевские, деревенские, и выговором и внешностью отличающиеся от южан, они за тридцать лет немало испытали и повидали, но укоренились и вырастили детей.

На столе перед Ефимом стоит бутылка сухого вина, он один пьет такое вино, остальные водку или сладкое — портвейн или вермут. Семен Николаевич разливает водку, поднимает рюмку и с тем же выражением радостного волнения произносит:

— За Сталина!

Ефим слушает Семена Николаевича, наклонив голову и оскалившись иронически.

Но в общем все принимают слова Семена Николаевича так, как надо.

Правда, ни Антонина Николаевна, ни Ефим, ни сестры Антонины Николаевны — никто из других гостей таких тостов не произносит. Но им вообще не хватает смелости заявить о себе каким-нибудь тостом даже за столом. И они благодарны Семену Николаевичу за его смелость и глупым его не считают за то, что он все норовит повторять слова больших людей. Никогда они не считали себя слишком умными. И ведь на самом деле жить стало лучше, и все, в общем, идет как надо, стоит только посмотреть на этот стол, на эту марлевою занавеску над балконной дверью, которую продувает летний сквозняк, на загорелые руки соседок, послушать эти сытые разговоры не о еде вообще, а о салатах, соусах, сухариках, с которыми лучше готовить отбивные.

К борщу Антонина Николаевна подает свежий хлеб и сухари белого и ржаного хлеба, сушеные в коробе. Сухари она держит в специальном мешочке. Привычка сушить, а не выбрасывать черствеющий хлеб осталась с тяжелых времен, но теперь сухари к супу или борщу — на любителя. Дети, например, размачивают в тарелках сухари — так им больше нравится.

Для Семена Николаевича у Антонины Николаевны есть черствый, слегка подсушенный хлеб — у него больной желудок. Водку Семен Николаевич пьет маленькими глотками, прислушиваясь к тому, как она идет по пищеводу. Это чтобы не обжечь больной желудок — если пьешь медленно, водка впитывается стенками пищевода.

За полчаса перед обедом Семен Николаевич, морщась, принял один порошок, потом еще один. Все видели, как он брал графин с кипяченой водой, наливал воду в стакан, как запрокидывал голову и сыпал привычно на язык какой-то порошок из белой бумажки, как потом аккуратно сворачивал бумажку, а порошок держал во рту — давал ему раствориться. И все морщились, ждали, когда же он наконец запыет, чтобы прошла оскомина. В семье не очень-то верили в болезни Семена Николаевича, считали его мнительным — выглядел он человеком здоровым и ни от водки, ни от вина никогда не отказывался.

И хоть был он раздражительным, нервным, но и жизнерадостным тоже был. Зимой и осенью ходил в одном и том же демисезонном пальто и голову не накрывал. В особые уж холода, в метель, брал шапку в руку и так шел запорошенный снегом и лишь изредка подносил руку в перчатке к ушам — не тер, а прикладывал, слегка склоняя голову. И короткий воротник на своем пальто никогда не поднимал, как бы ни сыпал снег. Пальто у него было старое, изменившее свой первоначальный цвет и вид, но по-прежнему аккуратное, и вся его одежда — и брюки, и два костюма, и рубашки, и косоворотки были старыми, штопаными, но аккуратными. Стоило посмотреть, как он снимает запорошенное снегом пальто, выворачивает его особым способом и встряхивает, отказываясь от веника, который выносят хозяева — под веником снег тает, и пальто отсыревает, — чтобы почувствовать, как умело и аккуратно Семен Николаевич обращается с вещами.

Лет с тринадцати он работал мальчиком в магазине и до сих пор умел необыкновенно хорошо сворачивать бумажные пакеты. Каждое воскресенье он приносил Антонине Николаевне на стирку свои рубашки и забирал постиранные. Рубашки сворачивал сам, делал из них удивительные конверты, а затем эти конверты заворачивал в бумагу — и сверток получался идеальным.

И туфли свои носил очень долго. Даже парусиновые белые не менял по нескольку сезонов. Не сбивал каблуки, не стирал подошвы.

Чистил их два раза в день. Когда шел к Антонине Николаевне и когда уходил от нее. Вернее, за час до того, как собирался уйти, потому что туфли мокрели, становились серыми, и нужно было время, чтобы они просохли.

И хотя его аккуратность в семье считали нудноватой, но и уважали его за эту аккуратность: холостой мужчина, так тщательно следящий за собой! И не отказывали, когда он просил сестер что-то ему почистить или постирать. Он и не просил ничего чрезмерного — так, рубашки, которые жаль отдать в прачечную, чтобы не испортили. А паркетные полы у себя в комнате натирал сам.

* * *

22 июня 1941 года семья собралась к столу без молодых: Валентина еще утром ушла из дому с Вовкой, Женя уехал на завод. Ждали Мику Слатина, но и он не явился. Семен Николаевич надеялся, что Мика что-то расскажет. Может, все еще прояснится и окажется, что это не война, а просто очередная грандиозная провокация.

Ефим расхаживал по комнате, на лицо его невыносимо было смотреть: такое хищное и презрительное выражение появлялось у него, когда Семен Николаевич рассуждал о возможности большой провокации.

Сбылись самые худшие прогнозы Ефима, но и сейчас он со своей желчностью был один в семье. Антонина Николаевна, Анатолий с большим вниманием прислушивались к тому, что говорил Семен Николаевич.

Глава шестая

1

На следующий день после начала войны завод перешел на военную продукцию. Делали трубы и опорные плиты для минометов.

Когда Женя потом вспоминал первые военные месяцы на заводе, они ему представлялись сплошной ночной сменой, хотя работал он и ночью и днем, а случалось, сутками не уходил домой.

До войны Женя даже любил работать в ночной смене. Ночью завод менялся. Он становился шире, пространственней и тише. В ночную смену работали не все цеха, а там, где работали, будто увеличивалось расстояние от станка до станка — в ночь выходило меньше рабочих. В литейном выше поднимался потолок. Под потолком и днем было темновато, а ночью он исчезал совсем — над станками горели электрические лампочки, и за этими лампочками уже ничего не было видно. Грохот формовочных станков переставал сливаться — слышно было, как работают отдельные станки, можно было даже разобрать человеческие голоса. Придешь к себе, включишь над верстаком свет, пройдешь по мастерской из конца в конец — один! За дверью литейный цех, грохот, дым от холодных сквозняков, а здесь комнатная неподвижность воздуха, тишина, а рядом с верстаком высокая трехногая табуретка. И комнатная неподвижность воздуха, и тишина, и табуретки — все это не так-то просто дается на заводе. Станков, тачек, сварочных аппаратов, электрокаров на заводе тысячи, и все это — под огромными потолками огромных цехов. Все в тесноте, движении и шуме, все на глазах друг у друга. Цехов с закрывающимися дверями, за которыми не очень холодно зимой и не так-то уж жарко летом, совсем немного. Здесь работают те, у кого золотые или, если угодно,

умные руки. Входя в свою мастерскую, Женя не мог не чувствовать этого перехода от цехового грохота к спокойствию мастерской. Работалось ночью Жене всегда хорошо. Руки не слабели, мозг работал ясно, и глаза видели как будто даже острее, чем днем. С заданием Женя справлялся за час-полтора до конца смены. Он мог бы обернуться и быстрее, но никогда не спешил — к работе у него был интерес, а жадности не было. Что касается денег, которые платят за сверхурочные, то тут Женя исходил из того, что всех денег все равно не заработаешь.

В оставшееся до конца смены время Женя чистил и затачивал инструменты, делал заготовки и думал. Ночью само течение времени казалось Жене значительным. Валентина спит, мать и Ефим спят, Вовка спит, сколько людей спит, для них это время мертво, а Женя работает, и для него это время живо. Но живо не так, как днем. Все-таки это не дневное, а ночное время. И к чему ни прикоснешься, все поворачивается какой-то непривычной, не привычной днем стороной, заставляет думать. Будто побывал человек там, где ему природой не положено быть. Не то чтобы эти мысли были какими-то значительными — нет. Но были они медленными, какими-то объемными, непрерывными и чем-то приятными. Чем — Женя так и не знал, потому что мысли эти никогда не додумывались до конца. Уходя домой, Женя испытывал странное удовлетворение оттого, что это надо еще додумать днем, на свежую голову, но всегда днем об этом забывал.

И еще эти мысли были приятны тем, что как бы не связывались с работой. Руки делали свое, а мысли шли своим путем. Днем такого разрыва не было. Днем вообще не было места каким бы то ни было мыслям. В мастерской всегда было много народу, всегда шумно. Днем голова была просто отключена — работали руки. И время проходило суетливой, быстрее, неотличимой. Сегодня — как вчера, вчера — как на прошлой неделе. А ночью время как бы обновлялось, становилось объемным, окрашенным, тяжеловатым, но и торжественным. И потом эта торжественность распространялась на весь день. Утром хорошо уходить с завода. Было что-то неправдоподобное в том, что ты идешь навстречу густому потоку спешащих людей. Им только начинать, а ты уже все сделал. Трамвай на конечной остановке пуст. Дома кровать разобрана — Валентина, перед тем как убежать, расправила простыню, взбила подушку, а угол одеяла отвернула. Ложись. Часы тикают. В комнатах не разговаривают, и день видишь перевернутым и еще таким, каким он видится отпускникам, больным, домохозяйкам и детям. В обычные дни Женя редко читал художественную литературу, а когда приходил после ночной, его тянуло почитать. Вообще в этой странной перестановке привычных дел было что-то заманчивое. Придут с работы — ты всех встречаешь. Со всеми обедаешь, даже в кино можно с Валентиной успеть. Правда, после шести-семи вечера внутри начинает посасывать — надо что-то сделать, прилечь или побриться. Дома уже что-то мешает: то ли сын слишком громко кричит, то ли Ефим с кем-то зло спорит, показывает дурной характер. И ты в конце концов прощаешься, едешь на завод в ночном трамвае вместе с теми, кто возвращается из театра или просто после шарканья по главной улице.

За несколько военных месяцев все изменилось. Сутки теперь были поделены не на три, а на две смены. И ночная смена начиналась еще при полном свете этого дня. Человек в первый раз уставал еще в этом дне. Уставал оттого, что несколько часов ждал, пока кончится этот день и начнется тот, с которого и можно будет начать отсчет истинной ночной смены; уставал от работы и потому, что все люди, работающие и не работающие, к полуночи устают. Тер глаза, утомлен-

ные сумерками, а потом темнотой, обожженные электрическим светом, очень сильным, но все же неспособным высветить все углы цеха, в котором так много станков, такой густой и дымный воздух и так много темного цвета: глухого цвета асфальтового или цементного пола, пыльного цвета станков, темного цвета необработанного железа. Этот темный цвет поглощал огромное количество электрического света, и глаза человека уставали от постоянной борьбы света и темноты. Так было и раньше, но теперь из-за светомаскировки в цехах убрали много верхних лампочек, светивших всем, и станочникам и подсобникам, и оставили лампочки, направленные на станки. Свет этих ламп рикошетировал от блестящих поверхностей токарных, фрезерных, сверлильных станков, от прессов и ножей гильотин. Всплески рикошетирующего света, то яркие, то тусклые, будто приглашенные в станочной щелочной воде, тоже сильно утомляли людей.

К полуночи приходила, быть может, самая тяжелая за всю ночь усталость. Люди здоровые переживали первый приступ сонливости. Цеховые звуки начинали терять свое истинное значение, таять, гул станков как бы выносился на улицу, а свет лампочки над станком мерк, мерк, становился мягким, красноватым, потому что смотрели на него сквозь сомкнутые веки.

Люди со слабой нервной системой, уже успевшие получить военные невроты, уставали еще быстрее. Ночная смена не давала им и днем остыть от цехового лязга. Их усталость размыкалась только тогда, когда они работали днем, а ночью спали. А днем не очень поспишь, а поспишь — не выспишься. Переход в ночную был теперь особенно тяжел потому, что каждое воскресенье начиналось воскресником.

Но хуже всего приходилось подросткам, пришедшим из ремесленных и фабрично-заводских училищ. Не научившиеся еще планировать свою жизнь не то что в пределах месяца, но даже одного дня, они неожиданно стали мобилизованными. И голод, и холод, и общежитейское сиротство (война в любой момент могла их сделать сиротами настоящими), и ночная смена — все это страшно изнуряло ребят. Все вместе они, конечно, это переносили. Но было удивительно, как это переносил каждый из них.

Ребята первыми заметили, как быстро город из места, где много еды, превратился в место, где голодают. В считанные недели, а может быть, даже дни — теперь это уже трудно вспомнить — продукты схлынули с магазинных полок. Закрылись или почти закрылись многие гастрономические, кондитерские, бакалейные магазины — торговать стало нечем. И только хлебные магазины будто перешли на круглосуточную работу. Раньше они были самыми скромными в городе, а теперь очереди к ним занимали с ночи, на рассвете приходили на переключку и еще в темноте становились на свои места и ждали, пока приедет хлебная развозка.

У взрослых, родившихся в начале века, был опыт, и они постепенно начали приспосабливаться. А ребята вдруг остались один на один со всей этой пайковой безнадежностью и невозможностью. Они первые почувствовали, как обезжирился, лишился запахов пищи заводской воздух. Кто бы мог подумать, что раньше в заводском воздухе присутствовали запахи пищи! При больших заводских цехах были столовые. И раньше в них пищей пахло меньше, чем заводом, цехом, спецовками, эфиром, а теперь в этих заводских столовых уже совсем не пахло едой, а только цементными полами, окатанными водой цинковыми раздаточными прилавками и паром.

Обилие станков, железа, цемента, камня — всего того, что нельзя есть, — теперь бросалось в глаза ребятам. Все это и раньше было здесь: электроточила с грубыми обдирочными и мелкозернистыми

шлифовальными камнями, молочного цвета щелочная вода, охлаждающая резцы токарных и сверлильных станков, маслянисто-желтый песок и земля для формовочной массы, рукоятки из прекрасного дерева на фрезерных станках, переплетения электрических проводов,— но раньше все это не мучило своим видом и уж никак не напоминало и как будто бы и не могло напоминать о еде. Еда была сама по себе, а цех сам по себе. Еда была в столовых, но раньше, должно быть, сам воздух в цеху был сытым и потому, например, так просто можно было смотреть на крашенные зеленым, лоснящиеся от подтекающей смазки кожухи электромоторов или на то, как кто-то набивает металлической лопаткой скользкий и жирный цилиндр тавотницы тавотом. Ребят мучила неосознанная мысль: если всего этого так много, если так много кирпича, бетона, так много точных приборов, мраморных щитов электросети, рубильников, так много тачек и электрокаров, так много красивой медной проволоки и вообще всех этих шурупов, гаек — простых и сложных вещей,— то должно быть и много еды.

От голода ребята болели изжогой. Это была заводская изжога. Начиналась она не в желудке, а в легких.

И раньше мальчишки любили лазить в отдаленных местах заводского двора, где ржавеет бракованное железо. Теперь их туда вела та же неосознанная мысль — может быть, именно в этих забытых взрослых местах сохранилось то, что можно есть.

Ночью перед сном подростки были беззащитнее всех.

Правда, они же как будто быстрее всех приспособивались к бессоннице. Из механических цехов многие добровольно переходили в литейный. Взрослых забирали в армию, и бывшие ремесленники становились к формовочным станкам. Багровые вспышки расплавленного металла в копотном свете, пулеметный грохот формовочных станков, рев от конверторного литья, малиновый отсвет остывающих после литья корпусов будущих мин больше всего напоминали фронт и фронтную работу. И многие шли сюда добровольно. «На прорыв», то есть когда в армию уходило особенно много людей, к формовочным станкам становились револьверщики, лекальщики, слесари-инструментальщики и те из ремесленников, которые были здоровьем покрепче. Комитет комсомола теперь почти круглосуточно был открыт. Котляров ночью проходил по цеху, останавливался у формовки, просил:

— Ребята, постарайтесь и за меня.— Похлопывал по желтому протезу: — Руку, гады, оторвали, а то бы я их тоже.— И улыбался живым глазом, топорщил в улыбке командирские усики.

В грохоте литейного цеха, в горячке работы не все было слышно из того, что говорил, вернее кричал, Котляров. Но ребята видели, что он поворачивался к ним своей живой, улыбающейся половиной лица.

Литейный, пожалуй, был единственным на заводе цехом, в котором люди почти не замечали перепадов сонливости — слишком плотным здесь был грохот, слишком потной и горячей работа. Да и работали формовщики в паре. Ни на минуту не оставались сами с собой или со своим станком. Зато утром в толпе литейщиков можно было узнать по глазам. Они блестели у них, как у людей, перенесших болезнь на ногах. За неделю работы в литейном вчерашний паренек становился взрослым. Терялась суетливость движений, походка делалась спокойной, расчетливой, как у человека, который знает, зачем бережет силы. С достоинством получали они дополнительный паек за горячую и тяжелую работу. Они становились рабочими, и взрослые рабочие сами постепенно переставали их выделять, считать младшими. Ежедневно в литейном вывешивались две «молнии»: ночная и дневная смена показывали, сколько мин они дали фронту. У «молний»

останавливались, цифры сопоставляли ревниво. Тут же у этих «молний» вывешивались фронтовые сводки, призывы: «Заменяем у станков тридцать семь товарищей, ушедших на фронт бить наглого врага!», «В цеху как на фронте!», «Фронт ждет снарядов!», «Товарищ литейщик, минута простоя конвейера — двадцать батальонных минометов без мин!»

Самые дисциплинированные рабочие были в литейном цеху. Самоуважению, сосредоточенности учила работа с расплавленным металлом. В цеху поднимался крик, когда мостовой кран нес ковш с металлом. Сам ковш казался черным оттого, что воздух над ним был накален до красноты. Воздух горел над расплавленной поверхностью металла. Металл горел ровно, но искры, которые он выплескивал, на лету схватывались чернотой, окалиной. Бежать надо было от такого ковша, и те, кто его сопровождал, для этого и кричали. Но люди кидались к ковшу, занимали свои места.

Литейщики охотнее всех оставались на сверхурочные...

Во вторую половину ночной смены, когда проходила первая естественная, здоровая и потому самая тяжелая сонливость, взрослые чувствовали, как сон отступал, а из мышц исчезала та тяжесть, которая делает приятным ощущение своего тела. Плечи и руки становились неощущаемыми и потому неверными. Все тело делалось неощущаемым. И все в цеху становилось шире, холоднее и выше. Сосед, который стоял рядом с тобой, теперь, казалось, отодвинулся очень далеко, так что и крикнуть ему трудно — надо напрягаться. Опасно менять ритм своих движений — трудно к нему вернуться. И вообще, если ты раньше ориентировался в шуме станков, мог по желанию прислушаться к тому, что делается за десять метров (для этого надо сосредоточиться на том, что тебе нужно), то теперь всякая сосредоточенность была физически неприятной. Какая-то жилка билась у тебя в виске. Она билась в ритме цехового гула, и менять этот ритм, отвлекаться от этого гула было болезненно. Со стороны не видно, как ты устал. Те же движения, тот же ритм, тот же наклон головы, только кожа на лице посерела, стала как у шофера к концу рабочего дня, будто вся в тонкой бензиновой пыли; но ведь не увидишь глазами, обожженными усталостью и электрическим светом, как меняется цвет кожи на лице твоего соседа. И только по тому, как часто стал промахиваться, закладывая деталь в патрон, как много лишних движений сделал, пока поймал пальцами промасленную заготовку, сам замечаешь, как легки и неверны стали твои руки.

Однако когда гудела сирена на перерыв, люди не пытались вздремнуть. Переставали свистеть приводные ремни на старых станках, с коротким воем затихали электромоторы новых — наступала тишина, от которой все клетки организма, вибрировавшие в цеховом гуле, успели отвыкнуть. И только в вышине, под потолком цеха, еще продолжало характерно щелкать электрическое реле — это крановщик, который «держал» на крюке своего крана деталь, прежде чем спуститься вниз, ставил ее на место. С минуту крановая каретка, за которой теперь невольно наблюдали все, делала маневры, и промасленный трос начинал разматываться — крюк с грузом шел вниз.

На время перерыва сонливость исчезала. Люди собирались у сушильных печей, у газовых горелок, садились на горячие трубы радиаторов, терли руки ветошью. До войны это имело самый определенный смысл — руки вытирали для того, чтобы развернуть сверток с едой.

Перерыв был самым голодным временем за смену. Как раз в перерыв и вспоминалось, что сейчас время есть. Настроение было напряженным. Часть цехов была эвакуирована, они стояли ободранными, без станков, без электропроводки, с зарядами тола, заложенными

ми в специальные камеры. Эти камеры долбили в стенах цехов специальные команды и те заводские ребята, которые были в эти команды назначены. Камеры были готовы и в тех цехах, где работа шла полным ходом, и в тех, где собственные краны снимали с фундаментов станки. И хотя можно привыкнуть к тому, что работаешь рядом с мощным зарядом тола, забыть об этом все же нельзя. Немцы продолжали наступать, и сообщения в газетах делались все более смутными. И хотя известно, кого в этом нужно винить, виновного нашли бы и тут, у сушильной печи, если бы люди дали волю своему раздражению. Все друг друга знали хорошо, помнили, кто и что говорил до войны на собраниях. Однако настроение было мрачное, а разговоры мрачными не были. Говорили те, кто умел это делать лихо. В ходу была шутка о калориях. О том, что тонна воды по калорийности заменяет грамм сливочного масла.

Вчерашние ремесленники, мальчишки, учились здесь тому, как вести себя на заводе, учились верному тону, обязательному для всех, кто уважает себя. Были мелочи, которые перенимались бессознательно, а были и такие, которые требовали наблюдательности и душевной дисциплины. Как ни мал перерыв, с грязными руками нельзя подойти к людям. Руки надо тщательно отмыть маслом или керосином, протереть их песком, вытереть ветошью. Работаешь в грязи — покажи свою чистоплотность. Если кто-то скромно жует в сторонке, а у тебя хлеб уже съеден, посмотри на него равнодушно и отчужденно. Долго смотреть или слишком быстро отводить глаза одинаково неприлично. Садись на радиатор, на кучу разогретого песка, на металлическую чушку — подложи рабочие рукавицы, свернутый брезентовый фартук, если он у тебя есть, найди кусок картона — просто так не садись. Если в компании больше трех человек, говорить об усталости, слабости, голоде — вообще на что-то жаловаться — верх неприличия. Пожаловаться на то, что одолевает сон или голод, можно, только если ты с приятелем вдвоем. А если вас уже трое, лучше всего уверять, что ни спать, ни есть не хочется и никогда не хотелось. Для того чтобы это звучало убедительно, нужно выработать убедительное выражение лица — холодность, за которой просматривается угроза: «Я говорю — значит, так и есть!» Если же тебя удичили в том, что ты дремал над станком, лучше всего посмеяться первому над собой. Вообще голод, холод, сонливость, болезненность годятся только для того, чтобы смеяться над ними. Мальчишки учились достоинству. И тот, кто не стеснялся обнаруживать свою слабость, осуждался и осмеивался прежде всего потому, что он нарушал приличия.

Обнаруживать свою слабость было никак нельзя еще и потому, что, помимо всего прочего, существовало убеждение: может быть, немцы и сильнее нас пока технически, но уж, конечно, духовно наши люди мужественнее. И если это еще не сказалось на фронте, рано или поздно все равно скажется.

Что-либо просить — плохо. Но можно попросить докурить. Однако твое достоинство пострадает меньше, если ты будешь не первым в очереди. Собственно, просит первый — следующие только занимают очередь. Однако и тут есть своя тонкость. Нельзя «терять лицо» и занимать очередь, скажем, пятым или шестым. Все равно ничего от папиросы не останется.

В общем, немало надо знать, от многих соблазнов нужно себя уберечь, чтобы сохранить достоинство и не потерять лицо. И никогда, кажется, мальчишкам не приходилось так много учиться достоинству, как в эти военные месяцы.

Среди взрослых они выделяли, как сказали бы теперь, авторитетных. На перерывах разыскивали их, старались держаться поближе.

Сохранили им верность, о которой сами взрослые не догадывались. Женя, несомненно, был авторитетным. Нравилась его рассудительность, спокойствие, немногословность. Нравилась готовность к улыбке. Мальчишки покуривали, а Женя не курил, и это нравилось тоже. Мальчишки понимали, что это обеспечивало ему в чем-то независимость. На перерывах многие были обеспокоены желанием покурить, а Женя был выше этого. Чистоплотность и бодрость его тоже, казалось, не зависели от времени суток, от длины смены, от работы, которую он выполнял. За эти месяцы Женя работал не только на переналадке конвейера, не только готовил модели для нового литья, но становился во время «прорывов» на формовку, разгружал и нагружал вагоны. Теперь часто случались авралы. «Не своя» работа раздражает. Женя тем и был хорош, что не умел обижаться на любую работу. И ребята чувствовали это. Они видели, что Женя так же ловок с лопатой, как с молотком и зубилом. Мальчишки, конечно, не думали об этом такими словами, но они очень хорошо чувствовали: дело не только в работе, в войне — дело в том, как Женя относится ко всей жизни. И снисходителен Женя был. Кто-то накричит на ремесленника, а Женя и раздраженного и обиженного успокоит какой-нибудь фразой...

...Опять гудела сирена. Люди сидели еще несколько минут — встать никак не хотелось, — но где-то хлопал приводной ремень, над станком зажигалась выключенная на время перерыва лампочка, кто-то включал общий рубильник, и свет зажигался везде. Включался с воем электромотор, с характерным всасывающим звуком щелкало реле на мостовом кране, промасленный трос медленно наматывался на барабан, крюк, покачиваясь, шел вверх. Люди вставали, шли к станкам, а кое-кто только после sireны направлялся в уборную — продлевал себе перерыв. В цеху включался обычный шум. Становилось холоднее. Падала температура на улице и в цеху, падала сопротивляемость организма холоду. Гул снаружи и гуд внутри очень быстро, за несколько минут, съедали бодрость, накопленную во время перерыва. Завод опять включался на полную мощность, а люди уставали все больше и больше, все меньше попевали за своими станками, все хуже ориентировались в заводском грохоте и электрическом свете. Они теряли в весе и росте. Им было уже слишком много работы, шума, слишком много завода, но они продолжали и продолжали работать. И вдруг среди грохота станков замечали, что дверь на улицу, брошенная кем-то открытой, посерела. Начинался рассвет.

Минут за двадцать до конца смены по цеху проходил кто-то из дневных. То ли мастер явился пораньше участок принимать, то ли у человека дома часы остановились и он побоялся опоздать. Человека замечали, это было сигналом для всех расслабиться. За десять минут до sireны станки всюду выключались — десять минут даются на уборку рабочего места. Под сводами цеха скапливалась рассветная серость, уши глохли от тишины. Все, что так долго мучило, внезапно отступало, работа закончена, сонливость смыта рассветным холодом, осталась надежда услышать от тех, кто идет на завод, какие-то обнадеживающие новости. И попросить у кого-то докурить. Эта надежда жива, пока ты еще в цеху. Поэтому ночники немного мешкают на своих рабочих местах, собираются у конторки мастера.

С завода идут навстречу потоку дневных. Несколько минут равновесия между сменами — как бы ничейное время, его еще не жалко, и оно проходит по-человечески. Но уже что-то потихоньку начинает сосать внутри: вот-вот прогудит сирена и время побежит минута за минутой, а еще надо ехать трамваем домой, лечь в кровать и ловить сон. А сон не будет идти...

2

Еще запомнился Жене утренний завод. Ноябрьский заводской двор. Железо отяжелело от первого мороза. Лежит ржавыми ледяными глыбами. Снега еще нет, только земля отвердела и кое-где в ямках сухой, засыпанный пылью лед недавних луж. И все бы ничего — только вот железо! То же на вид, та же ржавчина, но что-то все-таки с ним произошло. Никак оно не может примерзнуть к деревянным подкладкам, на которых лежит, а кажется, что примерзло. Станешь поднимать — не оторвешь. Нельзя этого делать нормальными руками в такой мороз, страшно. Выходя на заводской двор после ночной смены, Женя видит ремесленников и сам чувствует — опять в твоей жизни новое утро, новый мороз, совсем не такой, как в мирное время, а другой, военный мороз. Изо рта у тебя идет пар, но пара этого совсем немного, мало тепла у тебя внутри, и с каждой дозой выпущенного пара его становится все меньше и меньше. И весь двор перед тобой в стальных ржавых слитках льда. И железный этот лед ребятам надо брать руками и носить. Поэтому они в эти первые утренние минуты кажутся себе маленькими. Кажутся, пока жалость к самому себе не пройдет несколько мгновенных стадий и не упрется в этот железный двор, в эту железную необходимость, в этот холодный мороз с клубами заводского медленного пара над котельной, с длинными двенадцатью часами заводской смены впереди, когда среди дня выдастся несколько сравнительно теплых часов, так что даже поверхность сухих ледяных луж на солнце немного помокреет. И вслед за кем-нибудь они шагают из холодного помещения во двор. Мороз неподвижный сменяется для них морозом на ветре. В ледяном помещении холодом охватывало, коченило, а теперь продувает. И тут надо или бежать назад, или же идти вперед, хватать железо и, удивившись тому, что оно поддается, тащить его в цех. Давай, подсобник, работай!

Несколько раз Женя добровольно вызывался разбирать не остывший еще огнеупорный кирпич в электропечи. Кирпич разрушается после нескольких плавов, поэтому одна из двух печей всегда в ремонте, а другая дает сталь. В первые же военные дни в цеху решили сократить сроки ремонта. И Женя с отбойным молотком первым полез в электропечь. Прокаленный вулканическим огнем электропечи, кирпич остро пахнет креозотом, смолой. С печи снята многотонная металлическая крышка, к кирпичу уже можно прикоснуться рукой без рукавицы. Но только первое ощущение таково, что жар кажется терпимым. Через мгновение кожу опалает. Жар поднимается по ногам. Отбойный молоток как будто пробивается к самому центру вулканического жара. На потную кожу садится едкая, пахнувшая креозотом, горячая пыль. Несколько отбойных молотков тучей поднимают ее, обостряя запах смолы. Грохот сливается с жаром и темнотой — электрический свет перестает пробиваться сквозь пыль. Толстые каучуковые подошвы из обрезков автомобильных шин накаляются так, что стоять на них невозможно. Через них ты уже прямо соединен с окаменевшим, застывшим в кирпиче огнем вчерашней плавки. И вообще уже можно представить, что творится здесь, когда плавится металл! Ребята выпрыгивают из печи пить воду. Женя кричит:

— Не пейте!

Пить бесполезно. Вода тут же выливается через поры и только сильнее притягивает к коже горячую пыль. Чтобы осела пыль, перестают работать отбойными молотками. Но это даже не пыль — кирпичная пепельная вулканическая пудра. Она так тонка, что легко держится в горячем воздухе, проникает в рот, прикипает к щеке. Но все-таки пепельная темнота рассеивается, видны шланги, идущие к

отбойным молоткам, красноватая внутренность разбитого кирпича. Поверхность кирпича — оплавленное, пузырящееся стекло. Но внутри это еще кирпич, а естественная его краснота на изломе кажется неостывшим огнем. Под печи особенно изуродован плавкой. Он весь в фиолетовых наплывах шлака, лопата, наталкиваясь на них, издает стеклянный звук. Кирпич так плотно сплавлен, так слился, что приобрел металлическую плотность и звонкость. Пика молотка отскакивает со звоном, напрасно ищешь место послабее — шов или трещину. Везде кирпичная броня. Не очень понятно даже, зачем ее разбивать. Опять включают молотки — грохот и лихорадочный ритм, военная работа. Но дело подвигается медленно. В цеху дневной свет сменяется на вечерний, а в печи все пыльная, пепельная, электрическая темнота. Никто не уходит — добровольцы! Кричат, ругаются, смеются. Без крика тут работать нельзя.

На заводе теперь работал Женин младший двоюродный брат, сын Семена Николаевича Анатолий. Его «устроили» в электромастерскую при заводском гараже. Работу ему на первых порах дали самую простую — выбивать тонкие длинные палочки, которые удерживали и изолировали на якоре электрообмотку. В мастерской была обычная для таких мастерских чистота. Цементные полы подметены, но подошвы ботинок слегка скользят, все металлические предметы лоснятся от смазки, даже рукоятка молотка на ощупь жирна. Работать не выпачкавшись невозможно. Если раньше Анатолий выпачкивался, он немедленно мылся. Теперь выпачкиваться надо было на весь день. И он по неумелости и неопытности выпачкивался гораздо больше, чем другие. Он выбивал палочки, снимал старую обмотку — «раздевал» электроякоря, — а лицо и шея у него были в масле. В обеденный перерыв он шел к Жене в мастерскую. Там во всю длину комнаты вдоль окон тянулся верстак. Он был похож на большой кухонный стол с дверцами, за которыми были полки с инструментами. А сама доска стола была толстая, тяжелая, со стесанными, скругленными краями и такая промасленная, что масло из нее должно было сочиться. На ней в ряд были укреплены тиски, рядом с тисками лежали толстые железные плитки — маленькие наковальни, — чтобы можно было тут, на верстаке, бить молотком по детали. Еще в мастерской были токарные станки, сверлильный станочек, ручная гильотина и балка или рельс с ручной талью, но главным все-таки был верстак. От него кажется, от его темного цвета, от залапанных тисков и тускло поблескивающих, поцарапанных плит-наковален (каждая плита оттого, что по ней много били, была вогнута) шло в мастерскую тепло.

Женя, увидев Анатолия, улыбался.

— А, уже время! — говорил он. как будто сам не замечал, пришел ли уже обеденный перерыв, открывал дверцы под своими тисками и доставал сверток с едой.

Женина улыбка никогда не обижала Анатолия. Даже если в мастерской было много народу, Анатолий смотрел на всех, а видел Женю. А Женя освобождал место на верстаке, откладывал в сторону зубило, гвозди, какие-то металлические и деревянные детали.

— Чтобы не съесть, — говорил он.

В свертке бывал хлеб, намазанный жидким повидлом, иногда перловая каша в кастрюльке. Семен Николаевич был в армии, отчима Анатолия взяла еще раньше, мать работала. Анатолий после семилетки пошел на завод, и как-то само собой получилось, что заботу о том, что он будет есть на заводе во время обеденных перерывов, взяла на себя Антонина Николаевна. Исчезли жиры, не хватало соли. Резко уменьшилось не только количество разных продуктов — происходило какое-то военное уничтожение вкусовых качеств этих разных про-

дуктов. Все они стали чем-то напоминать перловку. Даже вкус хлеба изменился и стал похож на перловку. Но Антонина Николаевна и перловку умела готовить так, чтобы она не имела шрапнельной твердости и вкуса. Как-то поджаривала ее на сухой сковородке, томила в кастрюле, пока у перловки не появлялся слабый гречневый запах. И когда Женя снимал крышку с кастрюльки и подвигал ее к Анатолию, Анатолий слышал этот домашний запах.

И раньше тетя Тоня, ее темная от раннего рыночного и дворового печного загара кожа открытых рук, ее седеющие волосы под платочком — платок для того, чтобы волос не попал в борщ или соус, — как-то соединялись у Анатолия с запахом свежих салатов и сдобного теста. А теперь мысли о тете Тоне совершенно соединились с едой. Антонина Николаевна за столом всегда казалась Анатолию усталой, потому что ела очень мало. Она бы совсем не ела, но боялась обидеть гостей. Она охотно рассказывала, как вымочить и выварить мясо кролика, чтобы оно по вкусу напоминало куриное, как надо не упустить момент, когда домашняя икра из синеньких станет на сковородке скользкой, но сама в этот момент и на кролика и на икру смотрела равнодушно. И теперь, когда Анатолий приходил в дом в Братском переулке, Антонина Николаевна лезла в короб, ставила перед ним картошку, соль, отрезала ломоть хлеба и смотрела, как он ел. И еще запомнилась тетя Тоня Анатолию с кастрюльками в больницах. Кто-то из пожилых родственников постоянно болел, и Антонина Николаевна неизменно приходила в больницу со своими кастрюлками.

И Женя, и Валентина, и Ефим в эти первые военные месяцы не голодали.

К ноябрю большую половину завода уже вывезли. Еще в начале августа по цехам прошли сумрачные военные в сопровождении главного инженера. И хотя ничего не было сказано, в тот же день все знали — будут вывозить станки, а здание готовить к взрыву. В те дни отношение к армии еще только начало складываться. Не к той армии, которую люди видели на парадах и в кино, а к той, что пришла в город и стала здесь главной властью, властью в форме, которая оттеснила и городскую и заводскую администрацию, и милицию, и НКВД. Потому что все, что решит армия, теперь касалось каждого. Это была власть, усиленная стократно. С этим чувством люди смотрели на группу военных в полевых гимнастерках, которые шли вслед за главным инженером. Он им что-то показывал, а они будто и не слушали, только двое что-то записывали, раскрыв свои планшеты.

Завод был одним из крупнейших в стране, с 23 июня, когда с потока была снята обычная продукция, он работал только на войну. И то, что такой завод, расположенный так далеко от фронта, от западной границы, стали подготавливать к взрыву, к уничтожению, поразило всех. Не было цеха, мастерской, складского помещения, где об этом не говорили бы во время обеденных перерывов или перед работой. На военных, готовивших взрывные камеры, смотрели с недоверием. Говорили, что если это предусмотрительность, то она хуже всякой халатности, потому что приводит за собой такую мысль, которая сама по себе не имеет права на существование, военные расписываются в том, о чем они по природе своей не имеют права даже думать. Они допускают, что немцы могут прийти и сюда. Говорили о том, что это, конечно, тыловые военные, что это следствие тылового страха и тыловой предусмотрительности, за которую надо было бы кого-то как следует взгреть. И никакие собрания, на которых проводилась специальная разъяснительная работа (нечего паниковать, суровой действительности надо уметь смотреть в глаза, предусмотрительность есть предусмотрительность, приказы не обсуждают, а выполняют и т. д.),

не могли помешать этим разговорам. Анатолий их слышал и у себя в электромастерской и у модельщиков, когда приходил к Жене обедать. Он и сам в них участвовал, и дома говорил об этом с матерью.

В эти дни Женя подал заявление в военкомат. У Жени по этому поводу были свои соображения. Он считал, что нескромно добиваться зачисления добровольцем туда, куда тебя и так возьмут по мобилизационному плану. Он с самого начала считал, что война большая, хватит на всех, со дня на день ждал повестки. Но и у него все усиливалось беспокойное чувство: где-то без тебя что-то не так делают. Однако ему сказали, что он нужен на заводе. Перестраивался весь поток, и без высококвалифицированных мастеров не обойтись. Может быть, Женю этот ответ и удовлетворил бы, но и на всём заводе и в мастерской постоянно происходили изменения: людей забирали в армию. Каждый день кто-то приходил прощаться, а Женя оставался на своем месте, за своим верстаком. Поэтому он еще раз подал заявление. Но и на этот раз его оставили на заводе.

То, что завод готовили к взрыву, потрясло Валентину. Сколько людей в армии, сколько мужиков — и отступают! То, что у немцев больше техники — танков, самолетов, — не казалось Валентине достаточным объяснением того, что немцы наступают. Если бы каждый стоял насмерть, ни танки, ни самолеты не прошли бы. Ее сжигала невозможность перелить свою страсть в других. Раньше, на собраниях, ей казалось, что страсть, сжигающая ее, разлита во всех равномерно. Раньше ей казалось, что нет ничего проще, как перелить свою страсть в других, если, конечно, они, как Ольгин муж Гришка или сама Ольга, не оглохли к голосу большой правды. Валентина знала, что ее считают раздражительной. Женя никогда ей этого не говорил, но, несомненно, считал ее раздражительной. И Антонина Николаевна считала ее раздражительной, а девочки из общежития, с которыми ей приходилось жить, слегка опасались ее. Но, оказывается, она была еще недостаточно решительной и бдительной. Сейчас не время для спокойных, для тех, кто хорошо считает. Как ни считай, результат будет не в нашу пользу. Вся Европа работает на Гитлера — драться надо, а не считать. Слово «предательство» тоже ей ничего не объясняло. Как можно предать миллион вооруженных мужчин! А ведь речь шла именно о миллионах! Вначале Валентина ждала, что немцев остановит кадровая армия, потом стала ждать, когда в армию возьмутся рабочие, мобилизованные на заводах, — они будут стоять насмерть. Но немцы продолжали наступать, и Валентина стала присматриваться к тем, кто работал рядом с ней. Она опять вернулась в шпильный цех, стояла в ряд со всеми, набивала формы шпильной массой, ее сделали бригадиром. Она первая подписывалась на заем, брала на себя повышенные обязательства и только в одном испытывала неудобство перед своими женщинами — когда оставляла их на собраниях. Собраний теперь было очень много. Бывало, до конца смены несколько минут и все решали, что сегодня обойдется, как вдруг бежал мастер: «После работы в красный уголок!» У Валентины отпрашивались, и она отпускала двух-трех с самыми уважительными причинами, а остальным говорила: «Всем надо явиться». И сама мучилась — опять Вовка дома без нее.

Женя все больше задерживался на заводе, все меньше вникал в домашние заботы, но когда он приходил, Антонине Николаевне казалось, что вся надежда семьи в Жене. Эвакуировалась, уезжала куда-то в Среднюю Азию соседка, врач-пенсионерка Розалия Моисе-

евна. Антонина Николаевна напекла ей в коробе пирожков с картошкой, сказала Женю:

— Отнеси ты. Она уезжает и очень боится.

Еще несколько месяцев назад Розалия Моисеевна казалась Женю бодрой пожилой женщиной. Теперь это была старуха с коричневыми пятнами под глазами и на щеках. Вся мягкая, испуганная. Вот-вот заплачет. Увидела Женю — заплакала:

— Еду умирать. Тяжело старость проходит.

Женя положил на стол пирожки.

— Мать передала.

Еще молча постоял, потом вдруг наклонился и поцеловал старуху. Она благодарила его за то, что он пришел, молодой, к ней, и в глазах ее была безумная надежда, что кто-то такой же молодой и здоровый, как Женя, придет и что-то отменит: войну, немцев, необходимость куда-то ехать, болезни, близкую, неизбежную смерть.

На заводе все более утверждался дух вокзального ожидания, железнодорожных запахов и вокзальных страхов опоздать, не услышать нужного объявления. Больше работы стало для вспомогательных цехов, для электромастерских, для автомастерской и гаража — с фронта стала поступать побитая техника. На первые грузовики «ЗИС», на полуторки, на первые танки, пригнанные на железнодорожном эшелоне, на бойцов, их сопровождавших, приходили смотреть всем заводом. Был митинг, на котором Валентина испытала настоящий душевный подъем. Трехтонки эти и полуторки со следами осколков и пуль на бортах побывали под немецким огнем, они были повреждены, но все же уцелели, их можно было отремонтировать и опять отправить на фронт. К технике у Валентины никогда не было такого живого чувства, как у Жени. На заводе она всегда хорошо делала свое дело, как когда-то хорошо училась в школе, но не испытывала особого интереса или любви к своей работе. Она не считала это недостатком — на заводе нужны были сознательность и дисциплина. Но к этим грузовикам с расщепленными пулями бортами, с выбитыми стеклами в кабинах она испытывала сочувствие.

На митинге все обращались к бойцам, сопровождавшим эшелон. Обещали им трудиться не покладая рук, давать фронту больше оружия. У бойцов были обветренные, худые лица, шинели их тоже были обветренные, как белье, долго висевшее на веревке во дворе, — в открытых вагонах эшелона их долго продувало ветром. На митинге они тоже выступали охотно, но потом, когда их спрашивали поодиночке, ничего толком рассказать не могли.

На этом же митинге было решено построить свой бронепоезд и посадить на него свою, заводскую команду. Бронепоезд составили из нескольких бронированных платформ с пушками и зенитными пулеметами и бронированного паровоза. В команду были зачислены люди, казавшиеся Валентине пожилыми, — бывшие красногвардейцы, когда-то водившие бронепоезд. Бронепоезд провожали на фронт, и командир его в кубанской папахе с красным верхом говорил на митинге речь.

Но в остальном многое еще шло как обычно, и Нина-маленькая говорила Валентине:

— Валя, я должна тебе рассказать. Меня недавно познакомили с одним капитаном. — Лицо у Нины-маленькой только что было старым, усталым, а тут она заулыбалась. — Володей. Женатый. Где их, неженатых, возьмешь! Говорю этому Володе: «Саша». «Вы, говорю, Володя, не обижаетесь, что я вас Сашей называю? У меня был друг по имени Саша. Он меня обидел».

В Валентиной бригаде работали мобилизованные колхозницы.

Работали они дисциплинированно, жили в общежитии и на квартирах и казались Валентине похожими друг на друга своей худощавостью, своими увеличенными работой мужскими кистями сильных рук. Но Валентина с удивлением замечала какую-то непонятную ей ревность и соперничество между ними. Для них имело значение, кто где жил, кем работал. Худенькая, маленькая, с голубенькими внимательными глазками тетечка лет сорока спрашивала во время перерыва двух женщин помоложе:

— Девки, а кем вы дома работали?

Девки, которые ели домашнюю снедь, завернутую в платочке, набычились, долго молчали. Потом одна спросила:

— А вам зачем?

— Да просто.

— А-а! — И девки переглянулись с непонятым Валентине вызовом.

— Так правда, кем?

— Я в яслях работала, — с тем же вызовом сказала первая.

— В детском саду?

— В я-с-лях!

Вторая молчала. Тетечка у нее спросила:

— А ты?

— Я лаборантка.

— А я простая колхозница, — сказала тетечка, — выращиваю виноград, а вы вино пьете.

Она сказала это наставительно, с торжеством. По каким-то недоступным Валентине признакам она догадалась, что эти две самого колхозного, самого рабочего вида девки все-таки не простые колхозницы.

— А где вы выращиваете виноград? — спросила ее Валентина.

Тетечка посмотрела на нее своими голубыми глазками.

— Да нет, это я так. У нас в колхозе шестьдесят гектаров винограда, так я там и не работаю.

Та, что работала в яслях, была решительная, обо всем имела свое мнение, часто ставившее Валентину в тупик.

— Не люблю Игоря Ильинского, — говорила она. — Что там любить! Умный человек дурака с себя строит.

За ней ухаживал колхозный хлопец, которому через месяц надо было идти в армию. Он подходил к ней во время перерыва, и она заговаривала с ним громкий разговор:

— Чего смотришь? Скажи врачу, пусть тебе глазные капли пропишет.

Парень прятался за чью-нибудь спину и оттуда выглядывал.

— Чего, как уж под вилами, крутишься? — спрашивала она.

— Да вот человек наклоняется, и я наклоняюсь.

— Не слышу.

— Повторять неохота.

— Повтори.

— Один раз пожар горит, — говорил парень и крутил головой. — Девчата из Орловского!

Орловское было районным центром. И «девчата из Орловского» звучало у этого парня как «столичные девчата» — с восхищением и осуждением.

Девки не боялись никакой работы, но дымный воздух литейного, запах формовочной земли их пугал. Та, что работала в яслях, говорила:

— По мне, так пусть камни с неба падают, лишь бы на свежем

воздухе. А разве это земля? — Она брала формовочную землю. — Скажи ты, что с землей делают!

Это удивляло и раздражало Валентину. На заводе появились новые люди, много новых людей, и у всех оказывались какие-то неожиданные взгляды на вещи, с которыми Валентина давно свыклась. Люди эти как бы покушались на Валентинину ясность, их надо было воспитывать. А за ними чувствовалось еще множество таких же людей. И это Валентину раздражало.

Та, что работала в яслях, чем-то болела, но не боялась физических страданий, первой шла сдавать кровь для раненых и говорила девкам:

— Фу, чего там бояться! У меня печень больная, так у меня один раз полтора часа брали желчь на анализ — плохо желчь шла. И ничего!

Была в бригаде Валентины еще одна цепкая, язвкатая женщина, которая о себе говорила:

— Я от семи собак отбрешусь. Ты лучше со мной не связывайся.

Было ей под шестьдесят, и она охотно вспоминала:

— Я помню еще то время, когда на базар ходили с вот такой кошелкой из лыка или из мочала. Да, из мочала. За мясо платили четыре копейки. Четыре копейки за фунт.

Звали ее Мефодьевна. Валентина ее очень ценила. Мефодьевна никогда не унывала и как будто не уставала, хвасталась тем, что никогда не болела:

— Девчата, чем порошки принимать, лучше бы песню спели. Я никогда порошков не принимаю. Лучше на улицу пойду, похожу, погуляю.

Валентина жаловалась Жене, что ее утомляют бригадирские дела, в которые входит обязанность выслушивать рассказы Нины-маленькой, вникать в заботы других работниц. На самом деле даже рассказы Нины-маленькой она выслушивала с жгучим интересом. И сельских родственников и родственниц своих девушек приводила ночевать к Антонине Николаевне, когда те приезжали в город. Валентина уставала так же, как и все, и ноги у нее отекали от двенадцатичасового стояния, и руки отсыхали, разбитые деревянным пестиком, которым она утрамбовывала шишелковую массу. Но стоило ей немного отдохнуть, и она опять испытывала острый интерес к жизни своих товарок. До войны ей казалось, что она все об этой жизни знает по своей окраине, и охотно отдалялась от этой жизни. А теперь она опять тут была своей. И Женя тоже был посвящен в эту жизнь, потому что Валентина, имея в виду какую-то постоянную свою мысль, постоянное свое раздражение против Жени, рассказывала ему, как трудно приходится ее девушкам. «Бедные бабы», — говорила она ему.

Если на заводском комсомольском собрании осуждались чьи-то антиобщественные поступки, Валентина голосовала за самые суровые решения. Но своих девушек она защищала до последнего.

Во время перерыва, когда в цеху пригасал свет, к Валентининым стерженщицам собирались формовщики. Приходили ребята из дальних цехов. А за старшими тянулись младшие — чуть в стороне устраивались ремесленники и фезеушники.

Стал появляться здесь и Анатолий. Он еще не оценил по-настоящему свою электромастерскую, еще не понял, что это прекраснейшее место. Волнения возникают, только когда приходят люди за отремонтированным электромотором. Его включают тут же, в мастерской, он гудит, а сдающие и принимающие, пока его пробуют, спорят и ругаются. Только в эти минуты Анатолий еще чувствует себя непосвященным. Потолок в мастерской высокий, и днем в комнате светло от одной его высоты. Ни грохота, ни звона. Так, позвякивание или скрежет

напильника. И оттого, что здесь тихо и тепло, оттого, что тут мало людей, Анатолия тянет туда, где шумно и собирается народ. Во время большого перерыва Анатолий приходил к шишелльному цеху, устраивался с ремесленниками и изо всех сил старался не показать, как его интересуют разговоры ухаживающих друг за другом мужчин и женщин.

Крупная и, должно быть, здоровая и сильная стерженщица с накрашенным большим ртом приставала к парню лет семнадцати. Парню было больше семнадцати, но по здоровью его не брали в армию, он этого стеснялся и говорил, что ему семнадцать. Стерженщица была чем-то ему опасна — Анатолий это видел. Она и говорила и шутила свободно. И приставала свободно, а парень только отбивался и путался. Парень работал наладчиком. Вообще-то он сугуловатый, сумрачный, молчаливый и глуповато-значительный, а тут — никуда. Девка ему говорит:

— Пойдем? — И смеется.

— Не могу, — говорит он.

— Может, не умеешь? Я научу!

— Я для тебя слишком мал.

— Клещами вытянем! — смеется девка. — Пойдем в кузнечный — попробуем.

И тут парень впервые храбрится:

— Одна пробовала — семерых родила.

Видно, что фраза эта ему чужая. Он где-то ее слышал и расхрабрился произнести. Девка говорит:

— Рискую. Пошли.

К разговору многие прислушиваются. Похоже, что стерженщица действительно пойдет. Все смеются, а парень только краснеет и отдувается.

Доставалось и Анатолию. Раза два его по какому-то поводу замечали. Он краснел и каменел от застенчивости, давал себе слово сюда не приходиться, но на следующий день приходил опять. А однажды какая-то Майя назначила ему свидание. В ночной смене его вызвала из электромастерской молоденькая подсобница. Некоторое время она его молча и значительно рассматривала, потом сказала:

— Я от одной девушки. Ты Майю знаешь?

Анатолий не знал, кто такая Майя, но не посмел — именно не посмел — этого сказать.

— Знаю.

В его памяти и правда возник какой-то неясный образ.

— Приходи к выходу из цеха.

Анатолий знал это место. Там между дверью, ведущей на цеховой двор, и второй дверью, ведущей в сам цех, из-за светомаскировки была абсолютная темнота. Свидания назначались в укромном уголке под лестницей. Там Анатолия ждали. Он услышал в темноте чье-то дыхание, потом его взяли за руку.

— Это я, — предупреждающе сказала подсобница. — А вот Майя. — И она вложила в руку Анатолия чью-то шершавую холодную руку. — Оставайтесь, — сказала подсобница, — а я пойду.

Рука, шершавая, крупная, рабочая, была по-женски послушно расслаблена. Но Анатолий не знал, что с ней делать — все-таки это была слишком крупная рука. За эти несколько минут он привязался к подсобнице и неизвестно почему надеялся, что Майя — это она сама. Девушка в темноте подвинулась к нему. Она ждала. Так они стояли молча, наконец Майя спросила:

— Ты любишь книжки читать?

— Люблю.

— Когда я тебя увидела, сразу подумала: «У него, наверно, есть интересные книжки». Принеси какую-нибудь.

Голос у Майи был взрослый и тоже как будто бы шершавый, как ее рука. Анатолий не то чтобы подумал — он еще не умел так думать — почувствовал: Майя книжек не читает. Из цеха сквозняком, который дул под лестницей, доносило гул и звяканье. От Майиной спецовки пахло холодом и ржавчиной. Руку ее надо было греть — Анатолий догадывался об этом, — он даже попробовал осторожно потереть ее, но только сильнее почувствовал, какая она шершавая.

— Пойду, — сказала Майя, — а то мастер кинется.

Анатолий постоял еще несколько минут — боялся выйти с Майей на свет. Закончилось первое в его жизни свидание. Он потом так и не узнал, какая это Майя вызывала его под лестницу.

Цеховому начальству не нравилось, что к стерженщицам во время перерыва собирается много парней. Валентину вызвали в комитет комсомола к Котлярову. Котляров смотрел на нее своим стеклянным глазом, стучал желтым протезом по столу, жесткие усики его командирски топорщились.

— Война идет, товарищ, — говорил он, — война!

Потом он с Медниковой — работницей профсоюзного комитета, молодой и энергичной женщиной, — пришел на производственное собрание в цех. Собрание шло в красном уголке литейного. Собрание, как всегда, началось после смены. В красном уголке было еще холоднее, чем в цеху. Медникова и Котляров сразу же по-хозяйски прошли в президиум. Глядя своим пристальным стеклянным глазом в зал, Котляров долго говорил о сложности исторического момента. Потом он уступил место на трибуне Медниковой. Она была в пальто и в сером пуховом платке. Перед войной Медникова разошлась с мужем и вышла замуж за главного технолога завода. История эта приобрела огласку потому, что жена технолога жаловалась в партком.

Медникова сказала, что не все стерженщицы понимают, какая ответственность сейчас легла на плечи женщин. Она назвала Нину-маленькую, большепотую стерженщицу Нюру, но тут ее перебили.

— Позорница! — крикнула ей из зала Мефодьевна. — На весь завод опозорилась, а теперь девок позоришь! За что ж ты их позоришь?

Котляров застучал протезом по столу. Медникова побледнела под своим пуховым платком:

— Все равно я скажу...

— Все равно! — крикнула Мефодьевна. — Раньше дедушка плевал на пол, а теперь на бороду! Все равно!

Мефодьевну надо было остановить, но Валентина сидела молча. Она знала, что стучающий по столу протезом Котляров сейчас разыскивает взглядом ее взгляд, и потому смотрела себе под ноги.

Котляров поднялся из-за стола, повернулся к залу своей живой, смущающейся половиной лица:

— Бабоньки, женщины! Никто никого не собирался позорить. — И он потер рукой протез. — Бабушку черти на том свете заждались, а она тут всех мутит.

— Правильно, заждались, — сказала Мефодьевна. — Согласна! Только ты, нахал, и туда первым придешь.

В зале шумели, смеялись. Первые ряды стульев были пустыми — как ни уговаривал в начале собрания Котляров, никто сюда не садился. Пустых рядов было довольно много, потому что зал цехового красного уголка был большим. В пятом, шестом сидели по двое, трое, а начиная с восьмого или девятого сидели плотно в ряд. Мужчин почти не было. Только у дверей курила группка. Эти были из ночной смены, они пришли сюда покурить и остались послушать.

Валентина взяла слово и призвала всех к порядку. Говорила о необходимости соблюдать жесточайшую рабочую дисциплину. Бойцы на фронте отдают свои жизни, и мы ради победы над проклятым врагом должны не щадить ни сил своих, ни самой жизни. От того, как мы здесь трудимся, зависит судьба наших бойцов на фронте. Валентина перечислила тех, кто работает хорошо. И среди тех, кого она называла, были фамилии Нины-маленькой, Нюрки и Мефодьевны.

Женя удивлялся энергии Валентины, ее умению разобраться во всех этих делах. Тому, что ей на все это хватает интереса. Особенно Валентина любила рассказывать ему, как воюет со своим мужем, пьяницей и хамом, некрасивая, но быстрая на язык Фрося. Это была долгая война со вмешательством родственников, заводской общественности и даже милиции. Каждый вечер там что-нибудь случалось, и поэтому на каждое утро у Фроси был готов новый рассказ.

— Пришла с работы,— говорила она Валентине,— надышалась в цеху до рвоты, а он заявляется: «Чего лежишь? Уходи. Хочу лежать просторно». Перешла к дочке на кровать. И отсюда гонит. Спала у соседки на полу. Где я только не спала! Утром приду — спрашивает, где была. Не верит, что это он меня гонял.

— Бедная баба,— говорила Валентина Жене.— Кто-то под руку с женой идет, а она завидует: «Мне бы месяц на свете было бы довольно пожить, только нашелся бы человек, который бы ко мне ласково относился». Вот до чего женщину довели!

Женя предлагал простейшие решения:

— Пусть разойдется! Зачем она с ним живет?

Валентина замыкалась. Она и сама бы по-настоящему этого объяснить не смогла, но она-то прекрасно понимала, почему Фрося не уходит от Федора. Женя видел, что Валентина не просто рассказывает ему о несчастьях своих женщин. Таким странным способом она выясняет свои отношения с ним, с Женой. И удивлялся: он-то не пьяница, не хам. Откуда же это непонятное, мстительное раздражение, с которым Валентина рассказывала ему о Фросе и Федоре? Будто и не о Федоре речь ведет, а о нем самом, Жене.

Иногда Женя пытался возражать:

— Ну почему «бедные бабы»? Теперь все равны. Ты бы не стала со мной жить, если бы я тебе был не по душе?

— Тебя давно пора бросить,— говорила Валентина.

Фрося первой в Валентиной бригаде получила похоронную. Она не вышла на работу — заболела. И Валентина с Мефодьевной пошли ее проведать. В хате было холодно. Фрося как выходила на стук, так в пальто и платке села на кровать, а Валентина и Мефодьевна сели на стулья напротив нее. На табуретке в углу ведро с водой, накрытое чистой дикточкой. На дикточке кружка. Стол придвинут к окну. Небольшой книжный шкафчик, который используется не для хранения книг, а для посуды. Детская кроватка. На полу по углам поломанные игрушки.

Фрося рассказывала, как ей было плохо. Как прочла похоронную, голову заломило, поясницу, ноги.

— Я ж худая,— говорила она немного смущенно,— так мне мослы крутило.

Мефодьевна сказала:

— А ты больше ходи, а то слабость тебя одолеет.

— Я хожу,— сказала Фрося.

В комнату решительной походкой вошла пятилетняя Фросина дочка. Увидев маленькую коробку с конфетами, которую Валентина с Мефодьевной сумели достать для Фроси, она сказала:

— Я возьму торт.

— Это не торт,— сказала Фрося.

— А что?

— Конфеты,— сказала Мефодьевна,— их твоей больной маме принесли.

Но мамина болезнь не интересовала девочку. Она открыла коробку и забрала бы все конфеты, если бы Мефодьевна не остановила ее.

Потом в бригаде сразу три женщины получили похоронные. Получила похоронную и та, что работала в яслях. Мефодьевна ее утешала:

— По пехоте бьют. Твой же, наверно, в пехоте. Это тем, кто в танках да в самолетах, полегче.

Пришли письма и от первых раненых.

А в Валентиновой семье умерла баба Васса...

4

Утром Женя отвозил Вовку в детский садик. Садик был не по дороге на завод. Удобнее, конечно, было бы на заводе, но туда Валентина не могла дожидаться очереди. Она просила Женю поговорить с начальником цеха, сходить к директору — они бы ему не отказали,— но Женя упирался. Валентина попросила Ефима, и тот за три дня сделал то, что Женя не мог сделать за полгода. Зато и ездить теперь далеко.

Лицо Жени теперь было как бы в несмываемом загаре — и утром он не мог смыть заводскую усталость. От трамвайной остановки к садику Женя вел Вовку быстро. Бежать Вовка отказался.

— Почему? — спросил Женя.

— Драчуны бегают.

— А ты не драчун?

— Не хочу сам себя наказывать.

— Как это? — изумился Женя.

Оказалось, так говорит воспитательница: «Кто дерется, тот сам себя наказывает».

Женя засмеялся.

— Драчунов наказывают?

Вовка кивнул.

— А они все равно дерутся?

— А-а! — Вовка почувал неладное.— Мне скучно драться.

В садике обнаружилось, что Женя забыл дома Вовкину сменную обувь. Женя извинился перед воспитательницей, вытер подошвы Вовкиных ботинок тряпкой, потом достал носовой платок и протер ботинки платком.

— Вы уж извините нас,— сказал он воспитательнице.

— Да что уж теперь,— сказала она.— Мы уж за этим и не следим. Он стал прощаться с Вовкой, и Вовка заволновался:

— Привези мне тапочки!

Женя опять наклонился с носовым платком к Вовкиным ботинкам:

— Но мы же попросили разрешения.

— Галина Петровна не разрешит.

— Кто эта Галина Петровна?

— Другая воспитательница. Она после сна придет.— Вовка говорил шепотом, испуганно смотрел на Женю.

— Давай! — сказал Женя нетерпеливо: он мог опоздать на завод.— Давай, давай,— поворачивал он Вовку, освобождая его от теплой одежды и подталкивая к двери детской комнаты.

Женя шел к трамваю и думал, что, должно быть, Вовке будет очень трудно объяснить Галине Петровне, что тапочки забыли дома, а в ботинках разрешили ходить. То, что жизнь Вовке открывалась та-

кой сложной, Женю ставило в тупик. Жизнь могла быть голодной, трудной, но сложной она Жене никогда не казалась. Год тому назад Женя пришел после работы в садик за Вовкой. Вовка был зареванный — целый день выдерживал осаду, не давал сделать себе прививку. Их двое на весь садик оставалось таких отчаянных трусишек — девочка и он.

Пожилая женщина-врач осуждающе посмотрела на Женю:
— Папа, помогите нам.

Она устала уговаривать Вовку. Женя сказал смущенно:

— Он боится врачей, много болел.— И предложил Вовке:— Доктор сделает укол мне, а потом тебе.

Вовка смотрел, как Женя закатывал рукав и подставлял руку, но закричал опять, когда врач направилась к нему. Уже сделали укол девочке, и она пришла уговаривать Вовку, приходили воспитательницы, мальчики из Вовкиной группы, но он, оглохший, ослепший, никого не видел и не слышал. Тогда Женя крепко взял его за руку и сказал:

— Делайте укол.

Вовка рванул:

— Разве ты отец!

Врач, уже направившаяся к Вовке со шприцем, остановилась. Она сказала:

— Папа, уходите. Все-таки у нас без родителей лучше получается.

Женя вышел в коридор, услышал звуки борьбы, отчаянный визг.

Дома Женя рассказал Валентине, как Вовка кричал: «Разве ты отец!»

Конечно, все это было оттого, что Вовка много болел. Трехлетний Вовка подходил к большим собакам, лез в воду, захлебывался и опять лез. Но Вовка рос, и если страхи. Едва он засыпал и начинал посапывать, Валентина принималась считать его дыхание. Она и ночью поднималась — ей все казалось, что он часто дышит и у него поднимается температура. Увы, она очень часто не ошибалась. В груди у Вовки начинал играть органчик, щечки его розовели, расцветали, он раскидывался, а над тельцем его поднимался потливый температурный парок. Теперь он боялся и собак, и воды, и врачей. И играл охотнее с теми, кто был поменьше и не мог обидеть.

То, что Валентина любит Вовку, было понятно. Было привычно, что Антонина Николаевна любит детей. Женя и сам к ним неплохо относился. Хотя не очень-то занимался постоянно гостившими в доме младшими двоюродными братьями и сестрами. Теперь он понимал это изумление Антонины Николаевны, которая в какой уже раз в своей жизни поражается тому, что живой кусочек мяса, который смотрит на мир совершенно прозрачными глазами, вдруг сам начинает становиться целым миром. Женя приходил с работы, и ему рассказывали: «Вовка завозился у трюмо, потом затих и тяжело так вздохнул: «Ах ты горе луковое. Боже ты мой!» Встревоженная неожиданной тишиной, Антонина Николаевна подошла к трюмо. Все как будто было в порядке. И только потом обнаружилось, что Вовка запихал в пузырек с вазелином колпачок от Валентиновой авторучки.

Не терпевший никакого беспорядка Ефим жутковато скалил желтые зубы — растроганно улыбался.

В доме всегда были дети и всегда повторялись какие-то детские словечки. Игорек из Одессы говорил «тути» — туфли. Кто-то говорил «па по полу». К Вовкиным словечкам прислушивались особенно. Детские словечки в доме были всегда, и Женя не очень обращал на них внимание. Теперь он знал, как теплеет от них жизнь. А недавно Женя заметил, что Вовка в трамвае перестал смотреть в окно — лицо у Вов-

ки было отвлеченным. И Женя вздрогнул от догадки — взрослеет сын, мечтает.

Женя немного думал об этом, пока шел от садика к трамвайной остановке. Потом ехал в переполненном вагоне, шел на завод. Работал в первую смену и остался на вторую потому, что в ночную не вышел заболевший модельщик.

Ночью Женю вызвали в инструментальный цех. Он там работал, а потом прилег за ящиками на часик, все-таки почти сутки на работе. Когда он вернулся к себе в мастерскую, ему сказали:

— Жена тебя разыскивала. Сказала: «Передайте Женьке, что он зараза. Баба Васса тяжело заболела».

Женя посмотрел на электрические цеховые часы. Стрелки показывали без десяти минут четыре. Он и без часов мог определить время. По усталости, по тому, что как будто стало легче дышать — ночь уже переломилась, похолодало и воздух в литейке прочистился. По тому, как изменились звуки — звякало теперь как будто бы не в цеху, а просто звенело в ушах, как у пьяного. То, что Валентина назвала его заразой, Женю не удивило. Он привык к Валентиной раздражительности. Вернее, к ее постоянной готовности на ссору. Валентина не спорила даже, а как бы сразу прекращала отношения, будто все годы совместной жизни не имели никакого значения. Женя считал, что в Валентине так сильны гордость, самолюбие, принципы, что они каждый раз берут в ее душе верх над любовью к нему. И уважал Валентину за силу принципов, гордость и самолюбие. Здравый смысл, которым Женя был наделен от природы, говорил ему, что, пожалуй, слишком часто и легко идет Валентина на ссору. Но здравому смыслу Женя привык не доверять, а принципы, принципиальность, стойкость в принципах ставил очень высоко. Самого себя Женя считал человеком недостаточно принципиальным. Это его немного угнетало, хотя он давно решил, что этот уровень принципиальности соответствует его характеру и с этим ничего не поделаешь. Он не любил тех, кто брал на себя больше чем мог. Валентина не брала на себя больше чем могла, ссорилась сразу, никогда не передумывала, отключалась — не слышала или не слушала — и никогда не уступала ни одного слова. За все годы, которые они прожили вместе, она ни разу не пришла первой мириться. И бог знает чем бы кончилась любая из этих ссор, если бы Женя не брал каждый раз вину на себя. Вообще-то, вначале он считал правым себя, готов был даже поспорить — верил в то, что люди, придающие словам одинаковое значение, должны быстро договориться. Ссоры Женя терпеть не мог — в семье ссорился только Ефим. Но он всегда был готов к ссоре. К этому привыкли, и получалось так, что желчный, вздорный характер Ефима объединял всех остальных. Он был как глухой среди говорящих. А когда говорил он, глохли остальные. Женя привык к уступчивости матери и удивлялся, когда Валентина ее осуждала: «Она все сделает, чтобы не заметить, не увидеть! Лишь бы спокойствие не нарушалось!» К ссорам с Валентиной Женя никак привыкнуть не мог. Однако быстрота, с которой она вспыхивала, ее замкнутость во время ссоры, готовность отстаивать свое до конца и чего бы это ни стоило, как раз и убеждали Женю в том, что Валентина права. Сам Женя, натолкнувшись на Валентино возмущение, начинал рассуждать. То есть пытался разобраться, кто прав, кто виноват. Он считал, что точно так поступает и Валентина. И так как Валентина только укреплялась в своей готовности завести ссору как угодно далеко, Женя начинал подозревать себя в душевной черствости. Он искал, где виноват он, и, конечно, находил. Как ни странно, эти ссоры и то обстоятельство, что Валентина была единственным человеком, который ссорился с Женей столь решительно и столь решительно его

осуждал, увеличивали Женино уважение к ней. У приятелей были жены с ровными или вздорными характерами, мгновенно ссорившиеся и мгновенно мирившиеся. Или вообще не ссорившиеся. Жены, любившие мужей за то, что они пьют, и за то, что не пьют, за то, что умны и не очень умны. Были ревнивые жены, жены — завистницы, рукодельницы, жены — общественницы и домоседки. Второй Валентины среди них не было. Она жила с ним не потому, что ей это было хорошо, — она еще и судила его, старалась воспитать. И так как Женя всячески стремился к саморазвитию, то и эта нравственная гимнастика казалась ему полезной даже тогда, когда была ему неприятна.

Женя, если бы у него спросили, не сразу вспомнил бы, какого цвета глаза у Валентины, как не сразу вспомнил бы, какие глаза у него самого. Он не думал о Валентине как о другом, отдельном от себя человеке. Ему и в голову не пришло бы, что она могла быть другого роста, что волосы ее могли иметь другой цвет. Если Валентина делала новую прическу, Жене это мешало. Несколько минут ему было нужно, чтобы привыкнуть к ней снова. А вот новое платье или кофточка были Жене приятны — он лучше видел то, что в Валентине своего, родного. Пожалуй, только в первые дни знакомства Женя видел Валентину со стороны. Потом это исчезло, и это означало для Жени любовь. Без Валентины он испытывал беспокойство и шел к ней, чтобы успокоиться. И когда они поженились, он прекращал все ссоры, чтобы успокоиться, не чувствовать ее отдельно от себя. Женя обо всем этом не думал, он не любил подыскивать слова тому, для чего слов нет. Но Валентина готова превратить каждую размолвку в ссору беспокоила его. Он чувствовал что-то незаконное в том, что сама Валентина так ясно видит его со стороны. В законах супружеской любви этого не должно было быть. Однако время, наверно, сейчас было такое. И то беспокойство, которое Валентина вносила в семью, ту требовательность, с которой она обращалась к нему, Женя считал выражением времени. Валентина была передовой женщиной, и Женя этим гордился. Он гордился ее честностью, самостоятельностью, независимостью от родителей, от него самого, от тех привычек, которые сразу же проникали в другие семьи, стоило молодым ребятам сойтись. Если Жене случалось уезжать, она не провожала и не встречала его. Если Женя заболел, она не нянчилась с ним, и Женя поднимался с постели раньше, чем поднялся бы, если бы за ним ухаживала мать. Валентина и сама в болезни была терпелива, вынослива.

Единственным человеком, от которого Валентина была в полной зависимости, был Вовка.

Все это Женя знал давно. Поэтому он не обиделся на то, что Валентина назвала его заразой. Хуже было, что она не сказала, что ему нужно сделать. Женя продолжал работать, но потом все-таки отпросился, чтобы выйти с завода на час раньше и поехать с первым трамваем.

Поехал он прямо на окраину, не заезжая домой.

Было около семи, когда он, постучав, вошел в дом Валентиной матери. В комнате горела лампа. Ее свет отражался на старой желтой клеенке. Кровать была убрана. Поверх одеяла на ней лежала глухая бабка. Она приподнялась на локте, чтобы посмотреть на Женю. Ольга собиралась на работу, Надежда Пахомовна шила, выложив из коробки на стол нитки и какие-то лоскуты. Увидев Женю, обе женщины удивились. Потом Надежда Пахомовна догадалась:

— Женя, а где Валентина? — И будто нашла верный тон: — А Валентина тебя вчера искала!

Ольга перебила ее:

— Женя, тебе надо к Юльке. Это они тебя искали. Я тебя провожу. У Юльки тоже как будто не сразу догадались, зачем Женя здесь.

В комнате было холодно. На табуретках, на стульях в платках и пальто сидели несколько женщин. Чувствовалось, что Юлька — центр этой компании.

— Женя,— сказала она,— мы тебя вчера так искали. Мужиков дома нет. Степан только сегодня вернется из поездки, дед не в уме стал, твой тесть в мостопоезде. Я и послала за Валентиной и за тобой. Взяли у нас бабу в больницу. Я с ней поехала. Ей операцию нужно делать, а хирург вышел к санитарам: «Несите ее в инфекционное». Те за носилки, а я не даю. Он кричит: «Я здесь распоряжаюсь!» А я говорю санитарам: «Кто вас так учил носилки носить. Разворачивайте! Несите головой вперед!» Этого хирурга Юрий Осипович зовут.

За спиной Жени открылась дверь, вошла Надежда Пахомовна. Она остановилась у стены. Сидевшая рядом с Юлькой молодая женщина сказала:

— Юля, всего не расскажешь. Женя не знает, зачем его позвали. Давай я ему скажу. Женя, я медсестра. Я тоже с Юлей ездила. Мы там, конечно, на шумели, накричали. Хирург, может, и не захотел бабу принять. А у вас там есть знакомый рентгенолог. И вы сами с рентгенологами работали.

Женя и сам давно понял, зачем его позвали. Он сказал:

— Не рентгенолог. Наладчик. Хорошо, я поеду.

Он опять пошел на трамвайную остановку. Он устал, хотел спать. Дело, которое ему навязывали, казалось ему бессмысленным. Сам Женя с врачами никогда дела не имел, но никогда не сомневался в том, что они говорили. Если бы заболела Антонина Николаевна и врачи положили бы ее в инфекционное отделение, ему бы и в голову не пришло протестовать. А эти женщины скандалили, спорили с врачами, чего-то требовали. В любом другом случае он бы отказался от того, что считал бессмысленным. Но было здесь нечто такое, от чего Женя отказаться не мог. И вовсе не потому, что Валентина назвала его заразой.

Николая Женя отыскал в той самой аппаратной, в которой он когда-то помогал ему. Николай был в гимнастерке, сапогах, но шапочка у него была белая, накрахмаленная. В армию его призвали, но он и в армии сумел устроиться так, чтобы остаться в городе.

— Юрий Осипович? — удивился он.— А, Юрка! Так он моложе тебя.

Они пошли в хирургическое отделение. Оттого, что подвору ходили раненые в серых халатах, больница утратила часть своей таинственности. Стала напоминать казарму. Раненые выходили на улицу к трамвайной остановке. Там женщины торговали семечками. Сюда же подносили махорку в мешочках. Махоркой стали торговать чуть ли не на второй день войны.

В приемнике хирургического отделения Николай велел Жене подождать. Пока Женя сидел на скамейке, мимо него проходили хромящие, несущие перед собой перебинтованные руки, пронесли бледного от потери крови раненого. Лицо его было страшно не зеленоватой бледностью, а равнодушием. Несколько раз санитарка выносила ведра с грязной водой. Женя стал засыпать, когда пришел Николай и сказал, что надо подождать еще.

— Занят,— сказал он.

Женя кивнул, не раскрывая глаз.

...Молодость Юрия Осиповича смутила Женю. Казалось, только белый халат мешал этому мускулистому парню делать быстрые, резкие движения. Странно было говорить с ним о болезни семидесяти-пятилетней женщины.

— Вчера тут было много ваших родственников,— сказал Юрий Осипович.— Ваши родственники...— И он обескураженно покрутил го-

ловой.— Не понимаю, почему они так боятся инфекционного отделения. Самая малолюдная палата сейчас. Операцию ваша бабушка не выдержит. Я вам честно скажу: у нее нет,— он посмотрел на Женю и пожал плечами,— или, скажем так, почти нет шансов. Я не мог взять ее в хирургическое отделение. Не имел права. Болезнь ее заразна.

Женя извинился и распрощался. В инфекционном отделении он спросил у санитарки, открывшей окошечко на его стук:

— К вам вчера привезли старую женщину, Кононову. Как она?

— А хорошо, хорошо,— сказала санитарка.— Поднимается, говорит.

Дома Женя застал Валентину, отпросившуюся с работы, Юльку и Степана. Степан, вернувшийся из поездки, умылся, но отмыться не успел. Они привезли с собой дочку. Степан расстегнул Насте пальто, развязал тесемки на шапочке, снял кашне. Пальто Настя сняла сама и оказалась в замызганном платице и в такой же замызганной теплой жакетке.

Юлька говорила Валентине:

— Тюль у меня есть. Тапочки новые. На Вассу они будут малы, придется разрезать.

Женя посмотрел на Валентину. Что-то его поразило. Валентина кивала, или, вернее, покачивала головой. Механически так покачивала, как покачивают головой старухи, когда разговаривают сами с собой, кивают своим мыслям. И лицо у Валентины было старческим, прозрачным, морщинистым, и была она в этот момент устрашающе похожа на бабу Вассу.

Женя сказал:

— Я был в больнице. Санитарка сказала, что ей лучше. Говорить начала.

Он думал, Юлька встрепенется, но она сказала:

— Ой, Женя, эти нянечки всем так говорят: «Лучше вашей бабушке, лучше. Разговаривает». А что она скажет? Она же знает, что от нее хотят услышать.

Валентина сидела, все так же покачивая головой, словно соглашаясь с чем-то таким, с чем невозможно согласиться. Валентина не была похожа ни на бабу Вассу, ни на Юльку, ни на Надежду Пахомовну. Словно была не из этой семьи. А вот сейчас стало видно, что она совсем как баба Васса. А Юлькино заплаканное лицо было без морщин, и в заплаканных ее глазах был все тот же молодой блеск.

— Костюм у нее есть. Ненадеванный. Под матрацем держала. Она мне говорила: «Ты не беспокойся. Я тихо умру».— Юлька мгновенно переходила от причитаний к деловому тону:— Гроб Степан сделает. Или на кладбище заказать. Дело коммерческое.

Валентина, все так же глядя перед собой, сказала:

— Сколько раз Вассе в жизни приходилось плакать! Крупно плакать... Двоих малолетних хоронила. Взрослых... Жизнь какую прожила... А забитой не была. Читала. В бога не верила. Была выше среды своей, хотя и у нее были свои жестокие предрассудки... И жизнелюбка была. И веско умела говорить. Мужу, пьянице, к которому никто и не подойдет — побоится, могла сказать: «Как же тебе не совестно! Ты же здоровый! У тебя дети!» Самые обыкновенные слова, а чувствуется за ними что-то. Нет пустоты...

— Валя,— говорила Юлька,— во что же это обойдется! Вечером чай подать бабам. А на поминки! Суп, я считаю, человек на пятьдесят, пюре. Канун надо варить.

И тут Валентина удивила Женю. Она сказала:

— Канун я сделаю.

— Что это такое? — спросил Женя.

— Рис с изюмом или с монпансье,— сказала Валентина.

Женя помял пальцами шею.

— Надо в больницу сходить,— сказал он.— Что-нибудь ей передать.

— Что же ты ей передашь?— сказала Юлька.— Она ж ничего не ест.

Но все же Юлька стала собираться. Поднялся и Степан. Валентина тоже поднялась.

В приемнике инфекционного отделения Женя постучал в то же окошечко, в которое он стучал час назад. Выглянула санитарка, но уже не та, с которой он разговаривал, а другая, спросила к кому. Женя отступил, давая возможность говорить Юльке и Валентине, но они, испуганные, отодвинулись в глубь приемника. Степан, смущенный, тоже стоял в сторонке. Женя сказал:

— Кононову к вам вчера привезли. Как ее здоровье?

Нянечка быстро осмотрела всех и сказала:

— Сейчас.

Закрыла окошко.

Через минуту она выглянула опять и еще раз сказала:

— Сейчас. Врач выйдет.

И врач была не той женщиной, которая принимала вчера бабу Вассу. Она спросила:

— Вы к Кононовой? Все? Родственники?

— Внуки ее,— сказала Юлька.

— Умерла ваша бабушка,— сказала врач.— Три часа назад умерла. В сознание не приходила.

Должно быть, врач недавно приняла дежурство. На лице ее еще было утреннее оживление и утренняя бодрость. Она переждала, пока Юлька переплачет, вздохнула и сказала:

— Горе, конечно. Но ваша бабушка уже пожила. А сколько сейчас гибнет молодых. Им бы жить да жить.

Валентина плакала тихо, а Юлька заголосила.

Врач слушала молча, потом сказала, что вскрытие будет завтра.

— Если кто-нибудь из вас уезжает на фронт,— сказала она,— и вообще, если вы пойдете и без крика попросите, то это могут сделать пораньше.

Они вышли. Запертый, с пустынным двором перед ним инфекционный корпус выглядел загадочно.

— Куда теперь?— спросил Степан.

Женя предложил:

— Пусть женщины идут домой к детям, а мы узнаем, когда выдают справки и как вообще это делается.

Как только женщины ушли, Степан сразу повеселел и Жене стало полегче. Они шли по больничной аллее и потихоньку оттаивали. Тяжелые сутки эти кончились, все было позади.

— Отсюда будете хоронить или из дому?— спросил Женя.

— Что ты!— сказал Степан.— Из дому. Юлька хочет, чтобы люди с бабкой попрощались, а бабка с домом. Завтра заберем, послезавтра хоронить.

5

Гроб стоял не на столе, а на двух табуретках. Когда Женя с шапкой в руке вошел в комнату, он не сразу понял, почему баба Васса лежит так низко.

Мужчин в комнате не было. Мужчины входили, минуту стояли у стены и, осторожно ступая, выходили.

В пальто и платках вокруг гроба сидели женщины. Дом был выстужен, печка не топилась, и двери почти не закрывались. Под тюлем было видно желтое неподвижное лицо. Когда Женя вошел, Юлька, сидевшая в голове гроба, отвернула тюль, чтобы Женя мог посмотреть на бабу Вассу.

Юлька устала от плача и причитаний, но когда кто-то новый входил, она опять принималась причитать. Поправив тюль и посмотрев на лицо покойницы, она вскинулась:

— Васса моя, простишь ли мне, что я тебя ругала? Злые языки уже разносят, что мы тебя в больницу умирать отвезли! Да как же я могла тебя не везти, золотая Васса! Мы тебе «скорую помощь» вызывали, все вместе тебя спасали, спасти не могли.

Гроб был просторный, сбитый из необструганных досок, обтянутых красной материей. Женя прикинул — тяжело будет выносить сквозь узкий коридорчик и сени. Еще он заметил: все в этой холодной комнате тепло одеты, а на покойнице то ли платье, то ли тонкий костюм и тапочки на войлочной подошве.

Женя приехал сюда прямо с завода. Валентина приехала раньше. Она сидела рядом с Антониной Николаевной и плакала тихо, без причитаний. Женя не знал, что мать собирается на похороны, но не удивился, увидев ее здесь. Когда кто-то умирает, собираются все родственники. Немного удивило Женю, что среди других женщин мать кажется маленькой.

Рядом с Антониной Николаевной сидела глухая бабка, мать Надежды Пахомовны. Юлькина соседка, тоже глухая старуха, известная всей улице бывшая блатнячка по прозвищу Зоя Косая, сказала ей:

— Смогришь, смотришь — ничего не понимаешь. Лучше бы ты умерла. — И тем же громким, несмущающимся голосом спросила у Юльки: — Костюм на Вассе чистый?

— Чистый, чистый, — сказала Юлька. — Она же все его в узелке держала. Я у нее спрашивала: «Чего ты его не надеваешь? Чего не носишь?» — «Жмет». Теперь не жмет! — И сорвалась на причитания: — Да ты ж всегда шутила! Кто ж теперь будет шутить!

Все эти дни Женя испытывал какое-то давление. Ни дома, ни на работе оно не отпускало его. Бабу Вассу он не жалел: почти не знал ее. Юлькина дочь Настя, которая эти два дня жила у них, тоже как будто не жалела бабку, ни разу даже не вспомнила о ней, и Женя очень удивился, когда услышал, что она плачет во сне. Когда он вошел в эту комнату, он почувствовал, как усилилось давление. Оно шло от этого желтого лица.

Жене и раньше приходилось участвовать в похоронах. Умирили дореволюционные старики и старухи — Женины родственники. Женя приходил, когда надо было уже выносить, брался за гроб в широкой его части и нес, напрягаясь, видя перед собой пепельные волосы и желтый лоб. Он очень скоро об этом забывал. Женя был молод, и жизнь все прибывала в нем. Это ощущение прибывающей жизни было очень сильно. И было оно как бы не только его собственным, а историческим. Женины сверстники, которые росли вместе с молодым государством, очень хорошо бы поняли его. Военная, революционная смерть казалась тем более героической и жертвенной, что случалась она на пороге возможного всеобщего научного бессмертия. Женя, конечно, засмеялся бы, если бы у него кто-нибудь спросил, думает ли он так всерьез. Но он так чувствовал.

Дважды Женя перенес смертельную опасность, но было в ней что-то несерьезное, лихое, и страха смерти он не почувствовал. В ту-

ристском палаточном лагере на Черноморском побережье он заигрался в домино, а потом взял электрический фонарик, чтобы посмотреть, что так сильно шуршит в кустах. До кустов он не дошел — электрический луч отразился в воде. Палатки стояли в долине почти пересохшей горной речушки. Воды в ней едва хватало на то, чтобы утром умыться. Женя быстро всех разбудил. Но они успели только три раза сходить с вещами от лагеря до ближайшей возвышенности. Третий раз они уже шли по колено в воде. Женя и еще двое пошли в четвертый раз — им казалось, что кто-то остался в лагере. К лагерю они прошли, а вернуться уже не могли — вода валила. Пришлось пробиваться к ближайшей возвышенности, на которой росли деревья. Они забрались на деревья и перекликались в темноте. Внизу, метрах в пятистах по течению, был пионерский лагерь. Брезентовые домики-палатки стояли на деревянных щитах. Домики эти были пусты — днем ребята на автобусах отвезли на железнодорожную станцию, утром должна была приехать новая смена. В домиках горело электричество. Было видно, как гас в очередном домике свет: вода поднимала щит и домик уносило на нем в море. Вода залила и автобусы, стоявшие рядом с домиками. В автобусах замкнуло электрические сигналы. Гудели автобусы, ревела вода, а низкорослое дерево, на котором сидел Женя, казалось, вот-вот поплывет.

Утром Женя увидел воду прямо под ногами, а берег — в значительном отдалении. Вода несла коряги, деревья со свежей листвой, несла овец и коров. Их захватило где-то в горах. Люди на берегу пытались вытащить коров, набрасывали им на рога веревки. Появилась пожарная машина. Пожарники покричали, помахали руками и уехали. А через час пришли бойцы. Один обвязался веревкой, зашел повыше и прыгнул в воду. Три раза он промахивался, потом попал-таки на Женю. Когда их вытащили, Женя сам обвязался веревкой и вытащил товарищей.

Вода упала так же быстро, как и появилась. Дожди в горах прекратились.

И второй раз Женя едва не утонул. На двухмачтовом парусном катере они плыли вдоль Черноморского побережья. Плыли ночами, потому что ночью дул бриз — береговой ветер, — а днем было тихо. Ночью они и попали в шторм и опрокинулись. У них была ракетница. Женя успел выстрелить. И было удивительно, что в такую ночь сигнал заметили и их самих нашли.

Если бы Женя задумался об этом, он, может быть, и решил, что спортом занимается потому, что сильнее всего чувствует в себе жизнь, когда, разогретое солнцем, пахнет сухое шлюпочное дерево. Когда воздух над водой накаляется, как в печи, и вальки на веслах делаются горячими. Этот запах чистого нагретого шлюпочного дерева жил в нем всегда.

Женя смотрел на желтое лицо под тюлем и думал, что, наверно, сильно устал, и еще думал, что старуху надо бы уже похоронить. Он вышел во двор. Было холодно, и Женя направился в недостроенную Гришкину хату. Запора на двери не было, но полы уже были настланы, топилась печь. Гришка в цинковой ванне делал глиняный замес. И стены и полы в хате были цвета замеса — серые, нештукатуренные, некрашенные. На Гришке был ватник и заляпанные брюки. Он сказал Жене:

— Надо закончить хату. Дурак — не сделал вовремя. Теперь и поштукатурить не успею.

Гришка получил уже вторую повестку из военкомата — у него была отсрочка по болезни.

По хате бродила курица. Когда Женя вошел, она с квохтанием побежала по комнате.

— Что это? — спросил Женя.

— Курица, — сказал Гришка смешливо. И добавил: — Я здесь во-жусь, чтобы это...

— Развеемся?

— Ага.

Женя слышал, как женщины ругали Гришку: ни разу к бабке не зашел.

Гришка похудел, очки у него были в металлической оправе, на стеклах капельки брызнувшего замеса. У поддувала на жестяном листе стояла пустая бутылка, валялась яичная скорлупа. Гришка заметил Женин взгляд:

— Наша теща так говорит: «Бей, жинка, в борщ все яйцо. Нехай люди дивуются, як мы гарно живем!»

Гришка засмеялся.

Открылась дверь. Вошли с улицы Степан и еще двое мужиков-соседей.

Пришла с ведром воды Ольга. Вылила воду в замес. Сказала Жене:

— Женя, ты веришь, что это Гришка построил?

— Да, я уж восхищаюсь, — сказал ей Женя в тон. — Гладко он штукатурит.

— Вот-вот! Гладит-гладит... И еще долго будет гладить. — И повернулась к Степану: — Как ты вчера спал! Мы тебя будим, а ты мертвый. Мертвее бабки!

Степан смутился. А Ольга сказала:

— Днем я не боялась. Ночью боялась. Сидим над бабкой с Юлькой. Калитка щелкнула, а я думаю: не поддамся! Вижу, Юлька боится, и думаю: не скажу ей про калитку. А Юлька сама говорит: «Кто-то идет. Калитка хлопнула». Я ей говорю: «Да никого!» А тут постучали. Я к Степану, а он свистит, как паровоз. Так и не добудилась!

Пришла Надежда Пахомовна, посмотрела на горящую печь, сказала Жене, показывая на Ольгу и Гришку:

— Угля себе не покупают! Я им говорю: «Вы же пользуетесь моим углем!» А Ольга мне говорит: «А если бы нас не было, ты не топила?» Видишь, логически рассудила! Все дело в том, чтобы логически подвести!

Ольга сказала:

— Это что-то новое! Раньше ты говорила: «Логически я рассуждаю? Логически».

Гришка, не поднимая головы, копался в замесе. Надежда Пахомовна сказала:

— Пока Васса была жива, Юлька ее ругала: «Висишь на мне, ничего не умеешь», а теперь убивается. Все вы одинаковые. Пойди спроси у Юльки, где у нее соль. У меня нет.

Надежда Пахомовна готовила суп и пюре для поминок.

С улицы пришли сказать, что приехала подвода, пора выносить. Надевая шапки, выходили все вместе. Не торопились, пропускали друг друга вперед. Только Гришка остался.

— А ты не пойдешь? — спросил у него Степан.

— Нет, — сказал Гришка.

К Юлькиному дому шли по дорожке, обложенной кирпичом. Степан сказал:

— Юлька обложила. Я ей говорил: «Не бели, будет как на железной дороге». Побелила!

Сквозь открытые двери было видно, что в хате стало теснее. Кричала женщина. Степан сказал Жене:

— Фрося, соседка, кричит. Вчера кричала.

— По своим покойникам кричит, — сказал пожилой мужик. — Похоронные получила. Теперь многие по своим покойникам кричат.

Кто-то сказал:

— Ну, хватит, пора выносить.

Но пожилой ему ответил:

— Куда торопишься? Пусть прощаются.

Еще постояли, покурили. Вошли в комнату, и старший мужик сказал:

— Довольно, будем выносить.

И женщины послушно стали выходить из хаты.

Васса лежала ногами к порогу. Была минутная заминка, надо было браться за гроб. Женя подхватил его в широкой, тяжелой части. Его остановили. Надо было раньше вынести бумажные цветы. Потом мужчины взялись опять и с трудом, пачкая спины и рукава о побелку, стали разворачивать гроб.

Кто-то выбежал вперед с табуретками. Гроб поставили во дворе у порожков дома, и мужики еще раз отошли:

— Прощайтесь.

Юлька кинулась на гроб:

— Да, может быть, мы тебя не так одели!

Подошла Надежда Пахомовна:

— Не дождалась ты сына своего. Не смог он к тебе с фронта приехать!

Опять подняли гроб, поставили на дроги, и Юлька закричала:

— Васса, моя золотая! Кто ж мне калитку откроет, когда я ночью с работы приду, кто ж мне скажет: «Душа моя истлела. Где ж ты была?» А я отвечу: «А я чеки считала!»

Женщина в темном платке крикнула:

— Ты ж там моему Сашеньке привет передай!

Женя услышал, как Надежда Пахомовна зло сказала:

— Если сейчас все начнут с ней приветы передавать, женщина и не донесет их на своем горбу. Та Сашеньке, эта Коленьке...

И Женя вдруг что-то почувствовал. Как будто эта невоенная смерть больше его потрясла, чем военная. Вассу он ведь почти не знал. Один раз она с ним разговаривала. Сказала о Вовке: «Рассеянный он у тебя. Ему говоришь, а он глазенки вытаращит: «Бабочка, бабочка!» А ж неприятно». А теперь он как будто бы понял, почему Юлькина Настя плакала во сне, а у мужиков, которые, посмеиваясь, стояли во дворе, в какой-то момент Юлькиных причитаний влажнели глаза. И почему пожилой мужик удерживал торопящихся: «Пусть прощаются».

Дроги качнулись под гробом, и лошадь переступила с ноги на ногу.

— Пятый гроб отсюда выносят! — кричала Юлька. — Из этого проклятого дома. Зачем ты его строила!

Кладбище было недалеко. На могиле Степан сразу же установил ограду, которую он заранее принес сюда. Оградка получилась маленькой, Степан подгрел холмик, укоротил его, и Юлька представила себе, что голова и грудь Вассы в ограде, а ноги наружу.

— Что ты сделал! — закричала она на Степана. — Если бы это была твоя мать, ты бы ограду до кладбищенских ворот дотянул! Чтоб твоя мать сюда легла, а моя Васса встала.

Степан успокаивал ее. Как она на него ни кричала, что ему ни сулила, он только говорил:

— Юля, я исправлю. Сейчас негде и некогда — ты же знаешь, куда я еду. Но постепенно исправлю.

— Всех ты похоронила,— кричала Юлька,— всех сюда проводила, а теперь сама легла! Сколько ж тебе в жизни плакать пришлось! За что тебя господь так покарал!

Женя хотел с кладбища уйти домой, но Валентина его удержала.

— Юлька обидится,— сказала она.

И он остался на поминки.

В Юлькиной хате еще было холодно, но печка уже топилась, а Надежда Пахомовна и Ольга к приходу гостей вымыли полы. В хате и пахло холодом, сыростью только что вымытых полов и сухим запахом раскаляющегося печного железа. Дверь во вторую комнату была открыта, через две комнаты были составлены столы.

— Проходите,— приглашала Юлька.

Женя хотел присесть с краю, но ему показали во вторую комнату.

— Родственники,— сказали ему,— там.

На дальнем конце стола тесно друг к другу сидели дед Василий Петрович и его брат — краснодеревщик Иван Петрович. На кладбище Василий Петрович ехал, сидя на дрогах. И обратно его привезли. Теперь он молча сидел за столом, а Иван Петрович что-то ему говорил. Оба деда были маленькими, сухонькими. Василий Петрович любил говорить о себе: «У меня святые ножки». Дед Василий, казалось Валентине, должен был быть грамотнее своего брата. Дед работал железнодорожным кондуктором, бывал во многих городах, а Иван Петрович не так-то давно перебрался из деревни в город. Но когда они собирались вдвоем, говорил всегда деревенский брат. Поговорить он любил страстно и не смотрел при этом собеседнику в лицо, а как бы воспарял взором. Говорил он о боге и о философии и часто повторял сами слова «Христос» и «философия». В детстве Валентина спрашивала у матери с тоской: «Ну скоро он перестанет?» Слова эти на нее почему-то производили впечатление удушающее. По ее же детским впечатлениям, дед Василий не понимал того, что ему говорил брат. А тот спрашивал:

— Правильно?

— Правильно,— кивал дед.

С возрастом неприязнь к словам «Христос» и «философия» у Валентины только усилилась. Она и сейчас враждебно посматривала на Ивана Петровича. На нем был черный пиджак, а на жене его черное платье и черная косынка, которая почему-то казалась Валентине лицемерной.

Фрося, которая плакала «по своим покойникам», попросила девочку-соседку прочесть письмо от своего третьего, приемного, сына.

— «Дорогие папа и мама»,— из деликатности скороговоркой прочитала девочка и засмутилась из-за того, что ей приходится читать на людях чужое письмо.

Фрося забрала у нее письмо и отдала другой соседке. И та еще раз прочла:

— «Дорогие папа и мама,— чтобы все слышали, как приемный сын обращается к Фросе и ее мужу.-- Наши трудности временные. Скоро мы погоним фашистов. Мои товарищи передают вам привет...»

Глава седьмая

1

Однажды Анатолий увидел военного с двумя револьверными кобурами на ремне. Потом это военное впечатление было вытеснено другим.

Как раз против дома, в котором жил Анатолий, выстраивалась очередь в магазин «Молоко». Гудение толпы начиналось еще в пред-рассветной темноте. Магазин был расположен на главной улице. В магазин пускали по двадцать человек. Отсчитывали два десятка очередных, и они, держась друг за друга, в сопровождении добровольных дежурных шли в магазин; на центральной улице очереди выстраиваться не разрешали. Д а в а л и молоко, иногда маргарин. И вот на заполненную людьми улицу один за другим на мотоциклах с колясками приехали военный летчик и милиционер. Казалось, они специально заехали сюда, чтобы на боковой, а не на главной улице решить какой-то опасный и важный спор. Оба мотоцикла подкатили к ближайшей подворотне и одновременно остановились. Милиционер, судя по всему, хотел задержать летчика, а летчик считал одинаково невозможным и убежать от милиционера и подчиниться ему. Встав с мотоциклов, они повернулись друг к другу. Милиционер требовал, чтобы летчик следовал за ним, а летчик отвечал негромко, но, видимо, очень дерзко, потому что милиционер то и дело хватался за кобуру. Летчик отталкивал его, собираясь опять сесть на мотоцикл. Тогда милиционер расстегнул кобуру и достал револьвер. Ни разу до сих пор Анатолий не видел на улице среди дня обнаженным оружие. Невроятным было и то, что человек, которого милиционер хотел задержать, тоже достал свое оружие и при таком стечении народа направил его на милиционера.

Кольцо любопытных, которое собралось вокруг спорящих, шарахнулось, в очереди закричали, а напряжение нарастало или падало в зависимости от того, направляли летчик и милиционер револьверы друг другу в грудь или опускали стволы.

И то, что летчик открыто грозил выстрелить в милиционера, и то, что милиционер в какой-то степени признавал право летчика разговаривать с ним вот так,— все было необычным. Они приехали сюда п о т о л к о в а т ь — пацаны, стоявшие в очереди, очень чутко уловили этот оттенок в их споре. Зачем им иначе было уезжать с главной улицы! Милиционеру это уж совсем было ни к чему. Но, видимо, он сам в чем-то хотел сравняться с военным летчиком. То, что сейчас здесь народу было гораздо больше, чем на центральной улице, уже не останавливало ни летчика, ни милиционера. Милиционер решительно показал летчику на подворотню — мол, дело можно завершить там, в цементных стенах. Не сводя глаз друг с друга, они вошли в подворотню и мгновенно направили стволы друг другу в грудь.

До сих пор Анатолию почти не приходилось видеть оружие открытым. Это же безумно обнаженное оружие грозило всем, кто был на улице. И тем, кто стоял поблизости от магазина, и тем, кто на противоположной стороне улицы не решался уйти из очереди за сепарированным молоком. Казалось, не выстрела люди ждали, а взрыва.

Но выстрела все-таки не последовало. Подержав друг друга на мушке, продержав в напряжении всю толпу, в которой никто не мог уйти с места, потому что с утра стоял за молоком, милиционер и летчик вложили оружие в кобуры и направились к своим мотоциклам. Первым поехал летчик, милиционер двинулся за ним.

Что у них было дальше, Анатолий не знал. Так эта история разыгралась перед его глазами, такой он ее и запомнил. И еще он запомнил вот что: летчик был пьян и, судя по всему, не прав; но в симпатиях своих очередь была единодушна. Все были на стороне летчика.

И первого раненого Анатолий видел еще до того, как фронт приблизился к городу.

В какое-то из воскресений, когда на завод почему-то не надо было идти, Анатолий с Женей пошли за город, на реку, к рыбакам.

Они несли кое-какие вещи — собирались выменять их на рыбу. Кусты на левом берегу были еще рыжие, а деревья черные и пустые. Все спортивные базы покинуты. Понтоны заведены на берег, настил с мостиков снят — торчали одни столбы, вбитые в воду. Верховой ветер согнал воду, обнажились мели и близко от берега и на самой середине реки. Мель — как сыпь. Почему-то стыдно на нее смотреть. Была вода, а под ней такая грязь и черные ракушки. Лодки лежат на этой грязи. От них по земле тянутся грязные цепи к ненужным якорям.

Вышли они рано и видели, как солнце поднимается между фермами железнодорожного моста. На мост влетел железнодорожный состав, локомотив вошел в солнце и на секунду исчез. И так весь состав с теплушками, платформами, на которых стояли покрытые брезентом машины и пушки, проходил сквозь солнце. Вагон за вагоном на секунду исчезал в огромном солнечном диске.

И железнодорожный и автомобильный мосты немцы уже бомбили, но еще ни разу в них не попадали.

Женя и Анатолий шли по пляжу. Верховой ветер так быстро согнал воду, что песок еще не успел просохнуть, весь был в потеках, сливных остатках. Там, где песок просох, он белел, становился тверже. Наступишь — пружинит, и видно, как к тому месту, на которое наступил, приливает вода.

Два вола за длинную веревку вытягивали на пляж сеть. От веревки на песке оставался длинный след. Волы пахли смолой и дратвой, а вовсе не коровником, рядом с ними шагал рыбак в ушанке, стеганке и высоких сапогах-бахилах.

Другие рыбаки, среди которых было много женщин, медленно ступали по воде. В своих высоких сапогах-бахилах они довольно далеко входили в воду и тянули сеть. То есть вначале за длинную веревку сеть на берег вытаскивали волы, а потом уже на мелком месте ее перехватывали рыбаки и выбирали руками.

По воде рыбаки ступали медленно, сеть выбирали неторопливо. Суетились те, кто пришел сюда на менку. Они подступали к воде, заглядывали в рыбачий баркас. Рыбаки не обращали на них внимания. Обменом ведал пожилой краснолицый рыбак, которого называли то боцманом, то бригадиром, то Николаем Евграфовичем. А он всем говорил:

— Нет, какая рыба! Ты ж видишь! Отойдите, гражданин!

Потом он кого-то намечал, отходил с ним в сторону. Но отходил как будто бы для того, чтобы еще больше привлечь к себе внимание.

— Нет! — кричал он оттуда. — Я ж не имею права!

Женя и Анатолий пробыли на тоне долго. Пошел дождь — такой сильный, что на песке стали застаиваться небольшие лужи. Меняльщик дождь разогнал, а Женя отвел Анатолия на спортивную базу, и они через реку смотрели на потемневший от дождя город, на то, как по крутой, спускающейся к мосту улице идут два потока грузовых машин. Один поток вниз, другой вверх. Вниз машины набирают скорость, растягиваются, увеличивают интервалы, наверх — догоняют друг друга, идут на малой скорости за какой-нибудь телегой.

Водка, которую они принесли с собой, сделала «боцмана» сговорчивым. Домой возвращались с рыбой.

Все это Анатолий хорошо запомнил. Впервые от Анатолия зависело, будет ли дома еда. Впервые он шел вместе с Женей и, пожалуй, впервые испытывал такую изнуряющую усталость от долгой ходьбы. Долгая ходьба пешком тоже было одно из военных впечатлений.

Но главное, из-за чего он запомнил этот день, произошло потом, когда они уже перешли мост и свернули на улицу, ведущую к дому Антонины Николаевны. Более впечатлительный, чем Женя, Анатолий

почувствовал какое-то еще невидимое движение, которое задержало прохожих, заставило их повернуть головы. Потом он увидел бегущего человека с портфелем. Улица в этом месте шла со значительным уклоном, человек бежал сверху вниз, полы его расстегнутого пальто развевались. Он убегал. Среди дня, среди нескольких прохожих его гнал невыносимый страх. И Анатолий подумал, что это шпион. Невыносимый страх вдруг заставил бегущего нелогично вильнуть, он выбежал с тротуара на дорогу, повалился на спину, на свое расстегнутое пальто, и с паническим криком выставил поднятые руки и ноги. Одновременно Женя и Анатолий увидели догоняющего. С ножом в руках он бежал по коридору, который остался среди прохожих после мужчины с портфелем. Догоняющий тоже был расстегнут до рубашки, шапки на нем не было. Цепко вильнув вслед за мужчиной с портфелем, он, отстраняя беспорядочно машущие руки, наклонился над ним с занесенным ножом.

Женя бросил свою рыбу и побежал к ним, как только увидел человека с ножом. Но он явно не успевал. И тут Анатолий увидел третьего догоняющего. По тому же коридору из прохожих, топая сапогами, бежал совсем молоденький мальчик-милиционер. Он протянул к спине мужчины с ножом револьвер. Собственно, Анатолий увидел револьвер после того, как прозвучал выстрел, и удивился тому, что то, что милиционеры носят в кобурах, такого яркого синевороненого цвета.

Этот вороненый револьвер в руках милиционера был на несколько мгновений сильнее всего впечатлением Анатолия. Человек с ножом, не поворачиваясь к милиционеру и как будто не обращая на него внимания, выпрямился, бросил нож, а мужчина с портфелем поднялся со своего пальто, подобрал нож и что-то закричал милиционеру.

Милиционер стоял растерянно, револьвер в его руках был все таким же большим и ярким. Тогда мужчина с портфелем бросился на своего преследователя, ударил его и потянул за собой. Но тут Женя, который уже подбежал к ним, поступил, на взгляд Анатолия, странно. Он удержал, а потом и решительно оттолкнул все яростнее насквакивавшего мужчину с портфелем. К ним прибежала женщина в сбившемся платке, вцепилась в рукав стеганки того, кто только что бежал с ножом, и закричала, как будто он был далеко:

— Петя! Петяка-а! В больницу! Да ведите же его в больницу!

Мужчина в стеганке шевельнул рукой, отстраняя женщину, сделал несколько шагов в том направлении, куда его тянула женщина, но остановился и вдруг стал раздеваться. Он бросил на тротуар стеганку, пиджак, потянул через голову свою расстегнутую рубашку, снял майку и оказался по пояс голым. Тело его было смуглым, в синих тенях татуировки. Холода он как будто не чувствовал. Женщина подхватывала одежду, которую он бросал на тротуар:

— Что же ты делаешь!

А он, все так же не обращая внимания на милиционера, на мужчину, который еще пытался на него насквакивать, на женщину, которая тянула его, старался рассмотреть что-то у себя на смуглом животе. И Анатолий увидел: как раз над брючным ремнем у него было небольшое розовое пятнышко. Ранка совершенно не кровоточила. Точно такое же пятнышко у него было над брючным ремнем на спине.

Женщина пыталась набросить ему на плечи стеганку или пиджак, но он тут же сбрасывал их. На ногах он держался твердо, не качался, не собирался падать. Он только не шел туда, куда его тащила женщина, хотя тащила она его в ближайшую городскую поликлинику. Постепенно вокруг них образовалось кольцо. Но это было редкое кольцо, совсем не похожее на плотное кольцо любопытных, которое соби-

рает какое-нибудь привычное уличное происшествие. Милиционер, словно забывший вложить в кобуру свой потускневший, не привлекавший внимания револьвер, держался за спинами и даже не пытался как-то направить события. И мужчина с портфелем, который все еще возбужденно размахивал руками и требовал, чтобы раненого везли в милицию, постепенно оказался в стороне. Анатолий глаз не мог отвести от голой груди и спины раненого. На уличном холоде кожа его не тускнела, а, казалось, становилась все ярче, и только живот посмуглел. Он все так же сбрасывал одежду, которой пыталась прикрыть его женщина. Женя, помогавший ей, сказал милиционеру:

— Машину останови!

И молоденький милиционер послушно сунул револьвер в кобуру и побежал ловить машину. Он тут же остановил «эмку», однако раненый отказался лезть в машину. И тут Анатолию показалось, что Женя ожесточился. Он несколько раз быстро ударил раненого по щекам, закричал на него, надел на него стеганку и потащил в машину. И тот, уже не сопротивляясь, пошел к «эмке», наклонился и, как почему-то ожидал Анатолий, не сел, а повалился на заднее сиденье. Милиционер, мужчина с портфелем, женщина влезли в машину и уехали, а Женя вернулся к Анатолию, взял свою рыбу, и они двинулись к Антонине Николаевне.

Анатолию не терпелось обо всем рассказать, но когда он стал рассказывать, ему показалось, что Женя недоволен им. Антонина Николаевна испуганно заахала:

— Ах ты боже мой! Что делают!

А Валентина сказала то, что Анатолию самому хотелось сказать:

— Я бы сама этого бандита убила. Не на фронте героитствует, а над своими безоружными.

Женя молчал. А когда Валентина еще сказала ему что-то сердитое, он ответил:

— Ранение у него тяжелое. Может, и не выживет.

— И лечить я его не стала бы,— жестоко сказала Валентина.

Антонина Николаевна с беспокойством посмотрела на Женю.

— Может, у него дети есть,— сказала она Валентине примирительно.

Ефим вдруг уставился на нее, остолбенел, замер с разведенными в недоумении руками. Все замолчали, пережидая, пока у него пройдет это остолбенение, не очень ясно себе представляя на этот раз, что оно означает: упрек Антонине Николаевне, недовольство сыном или невесткой. Антонина Николаевна, как всегда, смутилась:

— Что я такого сказала?

— Глупость! — сказал Ефим. — Глупость! — И вдруг, выкатив глаза, яростно заорал на кошку, которая под столом потерлась о его ногу: — Пошла! П-шла, гадость!

И топнул ногой, но не замахнулся, не толкнул кошку, а, будто брезгуя, отстранился от нее. Кошка не испугалась, выгнувшись, она опять потерлась о Ефимову ногу — ее волновали запахи обеденного стола. Подняв скатерть, Ефим некоторое время смотрел под стол, потом отпустил скатерть, так и не прогнав кошку.

— У хороших хозяев кошки и собаки к столу не подходят!

Ефим теперь почти непрерывно был в самом мрачном своем настроении. Если он возился во дворе или что-то делал в доме, а у него спрашивали, чем он занят, Ефим отвечал: «Будку себе делаю. Доски себе на гроб строгаю».

Завод, на котором работали Женя, Валентина и Анатолий, все больше сворачивался. Станки в деревянных ящиках с надписями «верх», «низ», «не кантовать» поднимали на железнодорожные плат-

формы. Первый эшелон ушел еще в конце августа. В цехах, намеченных к эвакуации, за сутки, а то и за двое с вещами собирался народ. Вещи приносили, привозили на тачках, располагались ожидать семьями. Уезжали с заводом не все, но уезжавших было очень много. Выбирали старшин вагонов, объединялись в коммуны, из общего пайка варили суп на всех. На каждую семью полагалась норма багажа, но большинство до нормы не добирало. Потом на заводские железнодорожные пути загоняли эшелон, люди грузились в теплушки, ждали — вот-вот тронется. Потом старшины вагонов бегали к начальнику эшелона, тот — к директору завода. Наконец поезд трогался — выходил за пределы заводской территории. Но редко эшелон в тот же день уходил из города. Стояли на запасных путях пассажирской станции, на перегонах вокруг города, на подходах к товарной станции. Ночевали в вагонах, а город был все еще рядом. Вначале на этих остановках опасались отходить далеко, потом начинали разбредаться подалее. Кое-кто даже уходил домой за какой-нибудь забытой керосинкой или кастрюлей, которую оставили за ненадобностью и без которой теперь нельзя было обойтись.

На заводе об эшелоне все было известно. Те, кому очередь еще не подошла, нервничали так же, как те, кто сидел в теплушках. Зенитные пулеметы были на одном или двух эшелонах, но большинство составов ничем не прикрывалось от нападения самолетов. А с окраины город казался беспорядочным, одноэтажным, слабым.

Женя должен был оставаться на заводе до последнего дня (если этот день все-таки наступит). Заводская команда, в которую он был зачислен, завершала эвакуацию и поступала в распоряжение саперов, взрывавших цеховые здания. Но Валентина уже могла бы уехать. Эвакуироваться можно было и с учреждением Ефима. Валентина хотела ехать с заводскими, а Женя настаивал, чтобы Вовка и она ехали с Ефимом и Антониной Николаевной.

Литейный еще работал, но многие шисьельницы из Валентиной бригады уже уехали, чтобы раньше устроиться на месте, чтобы не ехать под бомбежкой в последний момент.

Уехала подруга Лариса, дочь школьной Валентиной учительницы. И Валентина прибегала после работы, чтобы отоварить карточки Ирине Адамовне. У Ирины Адамовны было больное сердце, и она почти не выходила из дому. С Ириной Адамовной Лариса оставила свою дочь Милу.

Ирина Адамовна разговаривала с Валентиной как с повзрослевшей своей ученицей. Она говорила:

— Дети — жертвы неустроенных браков. Одна моя приятельница так пугает своего внука: «Вот приедут отец с матерью и заберут тебя к себе». И что ты думаешь — отец и мать раз в год приезжают к сыну, а он прячется от них в другую комнату, плачет, не хочет оставаться с ними наедине. Мать его успокаивает: «Ну чего ты боишься? Ты же знаешь, что забрать нам тебя некуда. У папы работа такая, он все время в разъездах. Так что мы тебя не заберем». Вот и Миле со мной лучше.

Валентине нравилось, что Ирина Адамовна при ее болезни сохраняет бодрость духа. Валентина считала, что и несчастья должны быть здоровыми у тех, кто живет интересами страны. Могут быть, конечно, и болезни, и смерть, и еще что-то такое, чего не предскажешь заранее. Но несчастье — это ведь нечто, что может случиться только с тобой, с твоими близкими, нечто личное и, в конечном счете, мелкое. Твое нездоровье никак не должно отразиться на здоровье народа, страны. Валентина не любила тех, кто жил своими несчастьями. Теперь, когда

у всех была большая беда, ей даже нравилось приходиться к Ирине Адамовне. Ирина Адамовна поднималась с кровати, говорила подругам Милы — в комнате всегда было несколько девочек, с которыми Ирина Адамовна занималась:

— Всё, девочки, идите.

Она говорила так, не думая девочек обидеть и действительно не обижая их.

Валентина всегда торопилась, но Ирине Адамовне нужно было поговорить.

— Валя,— как-то сказала она,— я стала верить в бога.

— Решили, что бог есть?

— Нет, Валя, но у меня сейчас бывают такие состояния, когда хочется помолиться. А когда молишься — начинаешь верить. И знаешь, мне помогло. Я молюсь, чтобы бог дал мне дожить до тех пор, пока немцев погонят и Лариса сумеет взять к себе Милу. К моей соседке поселилась женщина — врач, очень хороший человек. Когда мне становится плохо, я стучу в стену и она приходит. У меня терпнут руки, холодеют ноги, дыхание прерывается — вот-вот умру. А она мне говорит: «Ну вот и все в порядке. Это обычные симптомы вашей болезни. Еще немножко — и пройдет». Сядет ко мне на кровать, ноги укутает, даст что-то выпить. А мне нужно, чтобы живой человек рядом посидел. А она сидит терпеливо. Полчаса сидит: «Ну вот вам и легче». Я уж Милу подготавливаю, говорю: «Ты не бойся, это все естественно. Если ты проснешься, а я уже не буду живой, ты просто пойдешь и позови соседку». Денег только совсем нет. Вчера я собрала кое-какие вещички. Милкину блузу, из которой она уже выросла, носочки теплые, поехала на базар, стала около женской уборной — знаю, что там иногда спекулянтки стоят. Еле живая стою, а меня кто-то как тряхнет — женщина-милиционер: «Плати рубль!» — «Девочка, если бы у меня был этот рубль, я не стояла бы здесь!» — «Тогда уходи отсюда!» И так я от всего этого растерялась и испугалась, что уронила в эту грязь весь свой сверток.

— Ирина Адамовна,— говорила Валентина,— вот вы говорите — бог! Но ведь не бог вам помогает, а живой человек.

Ирина Адамовна смеялась:

— Я старая учительница, Валя. Я сама всю жизнь учила тому, что бога нет. Разве я говорю — бог? Я говорю, что у меня теперь такое состояние, когда ничего, кроме молитвы, не помогает.

Валентина отоваривала в магазине карточки Ирины Адамовны, приносила продукты, просила соседку присматривать за Ириной Адамовной и бежала домой. И раньше Валентина дома часто садилась обедать сама, не ждала, пока все соберутся или пока Женя придет с работы. А когда он приходил, не торопилась звать его к столу: «Голоден — сам скажет». Так что Антонина Николаевна не выдерживала: «Женя, иди обедай». Теперь за столом вообще встречались редко. Только Антонина Николаевна подавала и Ефиму, и Жене, и Валентине и сама с ними присаживалась за стол. Сидела чуть в стороне, положив руки на колени, ждала, когда надо будет подать или убрать тарелку. Все силы, всю изобретательность и она и Ефим вкладывали в то, чтобы «тянуть» семью. Все это уже было в жизни Антонины Николаевны и не застало ее врасплох.

2

День, в который невозможно было поверить, все-таки наступил. Как будто все пришло в первобытное состояние. Между всеми предметами на заводе разом порвались жизненные связи. Куча песка ста-

ла просто кучей неска, глина — просто глиной. Раньше все это было основой для формовочной массы. Снег запорошил и глину и песок. Было видно, что много дней к ним никто не прикасался. И во всем появилась неподвижность. Воздух прочистился, мороз убил запахи, и только цвет глины и песка как будто прояснился. Песок и глина были отборными, и цвет у них был яркий, он светил сквозь тонкий покров снега.

На крыше механического цеха появились люди. Срывали толь, железо, доски со стропил. Доски сбрасывали вниз. Тонкие, длинные, высохшие, они со стеклянным звуком лопались, ударившись об асфальт. Из десяти сброшенных едва ли одна могла еще пойти в дело. Людям на крыше было ветрено и скользко, работали они на самом краю — отрывали доску, на которой только что стояли. Даже если они старались бросать аккуратно, доски все равно бились. Однако в движениях людей уже появилась какая-то злая лихость.

Рушилось нечто такое, что само по себе, не задевая окружающего, разрушиться не может.

Должно быть, человеческая фантазия имеет свои пределы. Разрушенный, разваленный огромный завод был за ее пределами. Завод этот строился с помощью большинства работавших на нем людей. Многие помнили пустырь, на котором стояли сейчас цеха. Но фантазия обратного хода не имеет, обратного действия, что ли. Представить себе пустырь уже было невозможно. Пустырь давно перестал быть реальностью. Реальностью был огромный завод. Пятнадцать лет строительства, работы, жизни, которая складывается из выходов на работу, обеденных перерывов, собраний, получений зарплаты, волнений по поводу этой зарплаты, по поводу квартиры, по поводу бог знает чего. Вся жизнь у многих прошла здесь — вся, без остатка. Для кого хороший, для кого плохой, для кого ни хороший, ни плохой — обыкновенный завод простоял тут пятнадцать лет.

Он связывал людей, которые и не думали, что они связаны, и вот теперь его разрушали. И это была великая жалость, а для кого-то и странное, мерзкое веселье. Вернее, жалость, осложненная каким-то злым, лихим чувством. Ломались ведь не только стены — ломался уклад, ломалась жизнь, монотонность, ломались будни. То, что надвигалось, было неизмеримо хуже уходящих будней. Но где-то между будущим страхом и прошлой монотонностью зияла странная пропасть. Уходили те, кто так долго утверждал и строил — утверждал свой порядок и строил завод. Уходили хозяева, и это рождало какую-то отчаянную мысль. Она возникала только на мгновение, потому что вслед за ней тотчас следовал трезвый и холодный страх. Не просто страх — ужас. То, что еще до появления своего вызывало такие ужасные разрушения, само по себе должно было быть еще ужаснее. Это чувствовали все. И все-таки в самой этой ломке, в исчезновении порядка, в перерыве монотонности была скрыта возможность для какой-то лихости. Кто больше, кто меньше — люди были отравлены ею.

Женя уже несколько дней не уходил с завода. Еще не все оборудование было вывезено, и его спешно старались вывезти. Работали днем и ночью, но уже не хватало вагонов, паровозов и уже не к кому было за ними обращаться. Неподвижность стала утверждаться и на железной дороге. Еще появлялись время от времени паровозы с платформами (на паровозе вместе с паровозной бригадой приезжал Котляров — он добывал транспорт), но появление очередного поезда казалось неожиданным. Его уже не ждали, и Котляров, щетиня командирские усики, бесстрашно поглядывал своим стеклянным глазом, кричал:

— Давай, давай!— И показывал на паровозную бригаду: — Нервничают! Чего вы нервничаете?

Но потом поезд уходил, и опять по путям можно было ходить, не испытывая обычного опасения — вот-вот свистнет и налетит... Рельсы схватывало ржавчиной. Оказалось, что нескольких часов перерыва между поездами достаточно, чтобы на рельсы легла молодая, яркая ржавчина. Завод захламливался. По трубам и проводам еще подавалась вода и энергия, и эта текущая по трубам ненужная заводу вода и подающаяся по оборванным проводам электроэнергия были сейчас удивительны.

На заводской территории располагались воинские автомастерские. Потом свернулись и они. Теперь на заводе осталась небольшая стрелковая часть, которой командовал капитан Дремов, несколько саперов и заводская команда, старшим в которой был Котляров.

Лейтенанта, который командовал саперами, Женя знал. Это был приятель Мики Слатина Сурен Григорьян. Жене нравилось, как он учил своих подчиненных.

— Глаза бояться — руки делают,— говорил Сурен, показывая, как укладывается заряд.

Вечером, когда все собирались в комнате заводоуправления, где топилась железная печка, Сурен говорил:

— Лишь бы здоровья хватило — выпутаемся. Я всегда себе в таких случаях говорю: хватило бы здоровья — выпутаемся.

Подчиненные у него были пожилые, необученные. Он их успокаивал:

— Любую сложную работу можно разбить на простейшие операции.

Важно было, как он это произносил. Как будто радовался, что слова у него так здорово укладываются в эту ловкую фразу. Сурен не просто что-то делал или говорил, но еще и восхищался тем, как это у него получается. Даже когда он очень сильно уставал, ему хватало радостного изумления по поводу того, что он так наработался. Это не все понимали, но чувствовали все. Это передавалось.

— Я брату твоему предлагал,— сказал как-то Сурен Жене,— давай сделаем автомобиль. «Я же ничего в технике не понимаю». — «Ты мне и нужен, чтобы было кому объяснять! Я тебе один раз объясню, второй — и сам лучше разберусь». А потом,— как бы извиняясь, говорил Сурен Жене,— напарник нужен для энтузиазма. С работы придешь, устанешь, ничего делать не хочется, а напарник придет, глядишь — начали. А начали — пошли дальше.

Он часто говорил о том, что он устал, наработался, как будто больше любил себя в этом состоянии.

— Устал! — говорил он с восторгом.— Нарработался!

Объяснял он, как будто загадывал и тут же разгадывал замечательные загадки. И в глазах его в этот момент зажигался огонек восхищения — переживал удовольствие оттого, что его собственный мозг так хорошо работает. Оттого, что все не так просто, но если хорошенько подумать...

— Строительный мусор лучше высыпать в подпол. Зачем?! Ты не замечал, что в подпол сыплют строительный мусор? Или заливают известь? Дезинфицируют! Против грибков. Плохо, когда вместе с известью засыпают стружку, щепки — тогда это очаг гниения.

Но он не только о работе так говорил. Казалось, он обо всем успел подумать, ко всякому месту в жизни успел себя примерить. Как-то, когда зашел неизбежный разговор о женщинах, он сказал:

— Понимаешь, бабники берут женщин «своего круга». Может быть, поэтому у них такое ощущение, что перед ними любая женщина

не устоит. А мне всегда нравились женщины, которые выше меня. Лучше...

Он любил говорить о себе. Как о человеке, который то восхищает его, то удивляет, то заставляет огорчаться. Как о ком-то, за кем он давно и заинтересованно следит, чьи душевные движения ему известны лучше всего.

— Понимаешь,— говорил он с огорчением и в то же время с интересом,— полгода не курю — и не хочу и не тянет. Это плохо — здоровье на убыль пошло. Я заметил: как хорошо себя чувствую, так сразу закурить хочется.

Наивно изумлялся и восхищался тем, как его постоянно испытывает судьба. Чаще всего рассказывал свои армейские истории:

— Жена со мной была, а рожать уезжала к матери домой. Договорились с ней, что телеграмму пошлет не в часть, а на почтовое отделение: боялись, что телеграмма затеряется среди красноармейских писем. А почтовое отделение было на железнодорожном полустанке. Я месяц с того дня, как она должна была родить, в метель, в мороз ходил туда после работы за шесть километров. «Нет!» — говорят. Уставал я, а тут еще отчаиваться начал, прислонился к притолоке вот так, почтовая работница меня и пожалела: «Вы каждый день ходите по такому морозу. Наверно, ждете важное письмо». «Телеграмму, говорю, жена должна была родить». Она и говорит своей напарнице: «Тася, посмотри, нет ли у тебя телеграммы». А Тася отвечает: «Есть, как же. Одна давно уже лежит.— И прочла по складам: — Гри-горь-ян».— И Сурен, заикаясь от полноты чувств, захохотал.— К ним на полустанок телеграммы приходили очень редко. Тася эта и не знала, что с ней делать, не положила ее в ящик «до востребования».

Истории его были как будто бы совсем не о войне, но слушали их внимательно, было в них что-то обнадеживающее.

Жену и детей он отправил к родственникам в Ереван и беспокоился, как они добрались.

Беспокоило его, что жена и дети не знают языка.

— Я сам такой армянин, что только в армии немного научился — нужда заставила. У меня ж в роте,— смеялся Сурен,— армяне, аварцы, кумыки. На сто человек семьдесят национальностей. Такое было мое счастье. Спасибо старшина-азербайджанец четыре горских языка знал. У меня ж были такие, кто паровоз в армии в первый раз в жизни увидел. Один от паровозного свистка бросился бежать. Его военкоматовцы ловили — думали, дезертирует. А один совсем ребенок оказался. Старший брат у него умер, а родители, по обычаю, новорожденному дали имя умершего. И метрику на него новую заводить не стали. Парень рослый, в военкомате не сумели разобраться, с мобилизацией у них всегда сложности. Я и сам не сразу ему поверил. Но вижу — ребенок! Стал я докладывать, писать. А время идет, письма по инстанциям медленно переправляются. Год прошел. Я ему и говорю: все равно время уходит — служи! При себе его держал, работу легкую находил. Думал, отслужит — будет свободен. Школу такую пройдет! А тут видишь как получилось! Опять, наверно, в армию пошел. Как жизнь повернулась!

Рядом с заводоуправлением на асфальтированной аллее уцелела общезаводская Доска почета. Стекло было разбито, но фотографии еще держались. С фотографий смотрели литейщики, слесари, токари, техники, инженеры, профсоюзные работники, управленцы, сфотографировавшиеся в похожих двубортных пиджаках. Было несколько женских портретов. Фотографии подмокли и кое-где отклеились, подписи, сделанные черной чертежной гушью на полосках ватмана, расплылись. Но разобраться в них было еще можно. Мимо Доски по-

чета проходили много раз и не обращали на нее внимания. Но однажды Сурен сказал:

— Надо бы фотографии снять.— И застеснялся.— До лучшего времени.

О том, что город еще в наших руках, теперь судили почти исключительно по тому, что в проводах есть электроэнергия, а по водопроводным трубам течет вода (следовательно, электростанция и водопровод еще не взорваны), но говорить о том, что здесь будут немцы, еще не решались.

— Семьи у кого-то, наверно, остались,— сказал Сурен.— Фотографии наведут на них беду.

Фотографии сняли, и Сурен сказал Жене:

— А тебя тут нет.

Женя засмеялся:

— Да я же не очень передовой.

Сурен сказал с сожалением:

— Я тоже на такие доски не попадал.

Капитана Дремова, командовавшего стрелковой частью, звали Иван Власович. Это был кадровый военный. Вся его жизнь прошла в армии. Был он плотный, кругловатый, сильный, хотя и с одышкой. Громко командовать не любил. И говорил вполголоса. Чтобы его слышали, подходил совсем близко, становился, почти касаясь животом, смотрел в глаза и улыбался, будто любясь. Говорил с придыханием: ах-ха! Много лет служил на Дальнем Востоке и на Севере.

Он был не въедлив, не зол, скорее добродушен, но осторожен. Когда заговаривали о том, почему отступаем, он уходил или делал вид, что не слышит. Прекратить эти разговоры он уже не мог. Спросят прямо — развеет руками и все так же доверительно смотрит спрашивающему в глаза.

Жена его давно уже эвакуировалась вместе с дочкой. Они привыкли переезжать, но до сих пор ездили втроем.

Когда-то, солдатом, капитан Дремов был запевалой. Он и сейчас любил петь. Но пел плохо. Голос ему, должно быть, отказывать начал или слух. Над ним пошучивали. Он сетовал:

— Теперь молодые стали плохо петь. Песен тех не знают. А я, бывало, домой в деревню на побывку приеду. Выпьем, а потом затянем: «Конь вороной...» А? А как же иначе!

Заводские ребята его перебивают, кто-то подсказывает слова не той песни: «Ах ты, милая моя, я тебя дождался. Ты сама меня нашла, я и растерялся...» Он не сердится, не возражает. Переживает, пока шутник угомонится. И продолжает свое. Называет новую нравящуюся ему песню: «Заседлаю я...» Песни он называет хорошие, слова, которые он помнит, тоже хороши. Правда, помнит он не много. Давно перестал быть запевалой, давно не жил в такой вот смешанной военно-гражданской обстановке. И оказалось, что он не подготовлен для таких разговоров, для такого обмена колкими репликами и даже вроде беззащитен тут, но и не озлился оттого, что эти штатские над ним смеются.

Он и фаталист немного. Такого навидался! Самых разных неожиданностей. И в приказах и вопреки приказам. И это всем заметно в его характере — и этот фатализм и эта терпеливая улыбка. Он и по службе давно перестал продвигаться, и командовать научился улыбаясь и вполголоса. И молодые давно стали его теснить, а он только иногда пожалуется: «Мода пошла молодых набирать». И улыбается, ожидая реакции собеседника — вдруг тот тоже над капитаном Дремовым подшутит. ответит каким-нибудь злым словечком. Но если и не

ответит, Дремов ничего больше не прибавит. Скажет только: «Да-а!» И подышит собеседнику в лицо.

В технике подрывных работ он разбирался слабо. Так, кое-что выучил, когда приказали, но часто ошибался и предпочитал, чтобы техническую сторону дела брал на себя Сурен Григорьян. Сам он любил и понимал армейский порядок.

Каждый день он тщательно проверял, как уложены заряды, проходил по территории, которую вот-вот должны взорвать, на которую рухнет груда обломков от цеховых зданий, и заставлял бойцов подметать ее.

— Непорядок,— говорил он.— Это непорядок.

Над ним смеялись. Говорили ему, что все это будет под немцем, что все это вот-вот, к чертовой матери, взорвут. Пусть не смешит людей, пусть не создает солдатам лишней работы, пусть люди поживут спокойно. И поддевали носком сапога или ботинка банку из-под консервов. Но он заставлял бойцов и копался сам, брал лопату, отгребал мусор с асфальтовых дорожек, а остатки еды, окурки, выброшенные за порог или в окно, заставлял выметать подальше. Заставлял закапывать в стороне.

— А то скажут, что жили здесь свиньи!

— Кто скажет?! — надрывался Женин напарник литейщик Лиманов.— Кто?!

Дремов не отвечал. Ответить «немцы», как добивался Лиманов, он не мог, сказать «наши» — не имело смысла. Стреляли совсем рядом. В вечернем воздухе было видно, как над заводской территорией взмывали и угасали зелененькие и красненькие рои — очереди трассирующих пуль.

3

Как-то еще в сентябре на склад одного из механических цехов завезли несколько машин картошки и консервированной тушенки для заводских столовых. Больше на этот склад продуктов не завозили, и очень скоро там не стало ни картошки, ни тушенки. Однако на складах других цехов этих продуктов вообще никогда не было, и люди возвращались мыслью к этому складу. Не то чтобы они не видели и не знали, что там давно уже ничего нет, но ведь в других местах точно ничего не было. И в тот день, когда стало ясно, что наши уходят, что город вот-вот займут немцы, у этого склада собралась толпа. Как она собралась, кто сюда пришел первым — узнать было нельзя. Помимо главных ворот, на заводе было еще несколько добавочных входов: железнодорожные, никогда не закрывавшиеся ворота и несколько дополнительных автомобильных транспортных въездов. Была подворотня и напротив этого склада. Люди шли с улицы. Толпа росла и росла. Тот, кто проходил мимо и видел куда-то рвущуюся толпу, не мог не присоединиться. Анатолий оказался в этой толпе. С утра он пришел на завод с дворовым приятелем. Подростки вошли в ворота, когда толпа вдруг подалась вперед, а потом хлынула назад, на улицу. Кто-то из бежавших крикнул:

— Будут взрывать!

Однако чувствуя, что кто-то остался во дворе, бежавшие постепенно останавливались, оборачивались и, секунду поколебавшись, бежали назад. И ребята оказались уже в самом центре толпы. Они видели над головами людей, над шапками, над темными стеганками и пальто — не было ни одного светлого пальто — потного кричавшего человека в одной гимнастерке. Он кричал одно и то же, надрывая грудь, напрягая горло:

— Через десять минут взорвем! Уходите! Через десять минут!. Я прошу!.. Через десять минут всех в клочки!..

Он приседал от усилия крикнуть громче и убедительнее. Лицо его было отчаянным. Он был единственным человеком в военной форме во всей этой штатской толпе. И эта военная форма, и это его одиночество в толпе доводило его крик до такой пронзительности и устрашающей убедительности, что толпа останавливалась перед закрытыми воротами склада и не решалась сдвинуть со своего пути человека в форме. Толпа чувствовала — человек на такой грани может все: и себя и других — в клочки! У ребят эта уверенность была даже сильнее, чем у взрослых. Они видели взрослого мужчину, военного, который, несмотря на такой холод, несмотря на ветер, снял с себя шинель, растегнул ворот гимнастерки и еще вытирал пот со лба. Неодетый человек на таком холоде уже был чем-то необычным. И хотя все вокруг было необычным, хотя привычное сейчас ломалось, в этот момент для ребят все же самым необычным и устрашающим был этот раздевшийся отчаянный взрослый человек.

Но военный этот все же только удерживал толпу на месте, лишь не пускал ее в склад. Заставить людей уйти он не мог. Те, кто стоял сзади, пожалуй, и ушли бы — от склада их все равно отделяла густая толпа. Их надежда что-то добыть и унести домой была слабой. Но передние не уходили. Они оставались на месте не потому, что не верили человеку в гимнастерке. Люди верили в приказы и в то, что эти приказы исполняются. Но человек обещал десять минут до взрыва. Эти десять минут можно было использовать. Толпа на секунду отступала, а когда военный поворачивался, чтобы уйти в склад, тотчас же возвращалась на место. Военный, конечно, был отчаянным человеком, но сейчас все были готовы на риск. А те, кто пробился вперед, были готовы на двойной риск потому, что они уже захватили первые места в толпе. Помощников военного не было видно, у него не было солдат, чтобы выгнать людей на улицу и удерживать их там до взрыва. Все его помощники были заняты, а договориться с толпой он не умел или не хотел. Ему и в голову не приходило открыть перед людьми ворота склада и показать, что там ничего нет. У него был приказ — взорвать. И он собирался взорвать. Но те, кто отдавал ему приказ, не могли предположить, что склад будет осажден такой большой толпой. И он не собирался вступать ни в какие переговоры. Время от времени он оборачивался в сторону склада и поднимал руку. Лицо его перекашивалось, как перед последней яростной командой, он взмахивал рукой и кричал:

— Приготовиться!

Толпа замирала, впивалась глазами в его руку. Задние, надежда которых на какую-то добычу была слаба, с каким-то даже облегчением поворачивались и бежали на улицу. Спиной они чувствовали дыхание догоняющих, слышали крик сбившихся в подворотне. Но оказавшись на улице, в относительной безопасности, люди останавливались и смотрели, как выливается из подворотни толпа. Подворотня не была узкой, но людей было так много, что образовалась пробка. Ребята видели только спины и затылки. Их давило, стискивало, кто-то пронзительно кричал, но большинство молчало; во всей подворотне было не больше десяти—пятнадцати метров длины, выход был рядом, рукой подать, а выйти нельзя. Анатолий инстинктивно поджал ноги и почувствовал, как в ту же минуту поплыл по течению. Так его и вынесло наружу, и только у выхода из подворотни он опять ступил на землю и побежал.

В городе как будто поменяли освещение. Все стояло на своих местах и все было другим. Трамвай не ходил с тех пор, как начались

бомбежки. Но только теперь появилось ощущение, что трамвайные рельсы никуда не ведут. Из дому Анатолий с приятелем вышли в шесть утра. По дороге к заводу они не встретили ни одного человека в военной форме. Было тихо. Час утренней бомбежки немцы пропустили, чувствовалось, что сегодня вообще бомбить не будут. Но от этого почему-то становилось еще страшнее. На заводе Анатолий хотел разыскать Женю, но пробиться сквозь толпу к подрывникам не смог. Тогда они с приятелем решили уходить из города. Вначале шли одни, потом втянулись в группу таких же отступавших. Спускаясь к реке, Анатолий еще из города через лед замерзшей реки видел грязевые вспышки. Их сопровождали громовые удары. Снаряд, угодивший в реку, выплеснул на лед грязь и ил. Лед у берега был ненадежный, с промоинами, с грязевыми и пылевыми наносами. И дальше он был слоеный, в длинных пологих сугробах. И только на середине становился зеленоватым, темным в глубину, скользким. Снег тут не держался. Здесь же попадались обширные площади пористого светло-зеленого льда. В полыньях, оставленных снарядами, с шуршанием на мелкой и медленной от густоты волне терлась ледяная крошка. Всю почти тридцатидневную бомбежку Анатолий перенес в городе. Пальбу зениток, сотрясение воздуха, давление ударной волны — все это он воспринимал слухом. Видел, да еще так ясно, впервые. Снегу на земле было немного, но все же и город — дворники давно не работали — и все заречье казались белыми. А взрывы были черными, и только внутри грязной вспышки угадывался огонь. И на войну все это не было похоже, а на какую-то работу. Во взрывах была рабочая правильность. Звук выстрела не был слышен. В воздухе зарождался клекот, а затем следовал удар. Стрелявший не был виден, но сам видел все — такое было у Анатолия ощущение. Анатолий не знал тогда этого военного термина — «обработка», но он чувствовал, что дорогу обрабатывали. Нигде не было видно военных, никто взрывам не оказывал никакого сопротивления — по дороге шли люди в штатских пальто, в штатских шапках, с узлами в руках.

Выходить на дорогу было опасно, и Анатолий с приятелем пошли замерзшей болотистой низиной. Они шли, сбивая ботинками иней с камышинок, оскользаясь на примятой снегом траве. До ближайшей станции им надо было пройти километров двенадцать, и они шли часа четыре. Еще издали было видно, что станция горела, в морозном чистом воздухе дым поднимался высоко, стоял плотным облаком, не рассеивался потому, что получал все новые порции черного дыма. Облако только меняло свой цвет. Внизу, у земли, оно было сажистым, копотным, а сверху пепельным. Над этим облаком кружили самолеты — немцы не прекратили бомбежку, они перенесли ее дальше. Идти туда было безумием, надо было переждать, выбрать момент, но облако притягивало: казалось, там война, там определенность, — и ребята вошли в одноэтажные, сельские улицы пристанционного городка. Название этого городка каждый горожанин узнавал еще в детстве, как название соседней улицы. Весной отец водил Анатолия показывать, как широко разливается река. С правого, гористого берега были видны электрические огни городка, они отражались в воде длинными колеблющимися лучами. Однако оказался здесь Анатолий впервые в жизни. Он и реку по льду перешел сегодня впервые в жизни.

Улицы были безлюдными, безлюдными были и дома, окна которых закрывали ставни. Возле жилья страх стал сильнее. Но война здесь действительно шла. Стреляли зенитки и зенитные пулеметы. Горело возле самой станции. Подходы к станции были забиты подводами, техникой. Где были люди, Анатолий понял только тогда, когда их окликнули из ближайшей щели.

— Черт вас носит, пацаны! Жить надоело? — сказал им боец, когда по обмерзшим глиняным ступеням они скатились вниз.

На стенах щели проступала белая изморозь, небритое, в серой невымытой щетине лицо бойца было возбуждено, глаза блестели, казалось, появление ребят его развлекало и заинтересовало. В щели расположилась воинская часть, тут были шинели, винтовки, каски; кто-то звал командирским голосом:

— Петров!

Анатолий решил, что они пришли. Теперь только не отставать. Но в это время закричали:

— Выходи! Выходи!

И красноармейцы, подхватывая винтовки, наклоняя головы, выбегали наверх. Ребят отстранили сразу же:

— Идите домой!

Потом появились новые бойцы, просидели в ожидании команды минут пятнадцать и ушли. Их сменили новые. И каждый раз ребятам говорили:

— Идите домой! Вас тут не хватало!

Потом пришли бойцы, которые сидели в щели очень долго. Их все не вызывали наверх. С некоторыми из них ребята успели познакомиться. И новые знакомые тоже уговаривали идти домой:

— Идите, пока не поздно.

Приносили раненых, и раненые казались Анатолию страшнее убитых. Смотреть на них было болезненнее, пронзительнее. На руках принесли бойца с раздробленной ногой; должно быть, ранило совсем недавно. Лицо его было живое, он видел тех, кто его нес, чувствовал свою ногу, понимал, что его сейчас опустят на землю, и опасался, что опустят жестко. Но потом в лице его что-то отхлынуло, запрокинулось и появилось то казавшееся Анатолию особенно страшным выражение, когда человек жив, но с живыми его нет. Приводили легко раненных. С перевязанными руками, с бинтами под шапкой. Глядя на раненых, Анатолий стал понимать лихорадочное возбуждение здоровых, их выкрики, громкие команды и торопливую сосредоточенность на чем-то. И не обижался, если кто-то вдруг начинал кричать:

— Кто такие? Что делаете?

Трижды одну и ту же группу бойцов вызывали наверх и возвращали в щель.

— Выходи! — кричали им.

Они выбегали охотно, торопливо, догоняя друг друга, и ни зенитная пальба, ни бомбовый вой не пригибали и не задерживали их. Возвращались они минут через двадцать, обескураженные, недовольные. Прыгали через две-три ступеньки, ругались. И опять:

— Выходи, выходи!

Вечером в щели было светло от пожаров, а ночью немцы несколько раз вывешивали на парашютах осветительные ракеты, так что даже белая изморозь на стенах щели, на глиняных ступеньках начинала сиять. Ночью ребят смаривала усталость, подземный холод, и под утро они, почувствовав, что в бомбежке наступил перерыв, двинулись в город, домой.

Шли по целине, забирая так, чтобы перейти реку не против центральных улиц города, а ближе к окраине. Навстречу им попадались беженцы с узлами. Множество этих узлов валялось на земле. Перед самым городом их остановили двое военных. Один, весь мятый, с растегнутым воротом, сказал:

— Туда идете? К ним?

И потянул автомат, который на ремне висел у него за спиной. И Анатолий, глядя в безумные, расширенные зрачки, почувствовал —

всё! Они столько ходили под снарядами, бомбежкой, что где-то их должна была ждать вот такая случайность. Но второй военный схватил своего товарища за руки:

— Это же пацаны! С ума сошел!

В городе шли мимо разбитого винного склада, от которого вниз по улице стекал мутный пахучий ручеек. Видели, как двое катили по мостовой бочонок. Катили торопливо. Руками толкая, поддавая ногой. И вдруг обручи на бочонке сдвинулись и клепки разошлись — бочка распалась прямо на мостовой. В бочонке было масло или какой-то жир. Двое стояли в растерянности, а на улице, которая только что была пустой, появился человек с кастрюлей, потом еще один — и жир за несколько минут растащили. К центру улицы становились пустынной, сильнее делалось ощущение, что в городе поменяли освещение. За квартал до Братского переулка они зашли в знакомый двор, чтобы спросить о том, что делается в городе. И остались там потому, что началась стрельба. Стрельба сосредоточилась на баррикаде, перегораживающей главную улицу. Стреляли от баррикады и по баррикаде. Потом пробежали несколько красноармейцев, и кто-то из них крикнул:

— Раненые в техникуме! Заберите раненых!

Стрельба прекратилась, и Анатолий видел, как улицу перешел пожилой человек с бородкой и в пенсне. В руках его был чемоданчик необычной формы, который Анатолий назвал для себя «саквоаж». Он шел, выставив вперед бородку, как будто уверенный, что в него стрелять нельзя, что для него войну на время остановят. Что-то в этой его маленькой демонстрации было наивное, что-то от мирного времени. Но и надежду какую-то она возбуждала. Это был врач, он шел в техникум к раненым. Через несколько минут стрельба опять возобновилась. Теперь стреляли от баррикады к реке. Переулок был абсолютно пуст. От баррикады он просматривался на несколько кварталов, потому что был прям, нигде не сворачивал. Немецкий пулеметчик бил трассирующими, было видно, как роились пули, как, догоняя одна другую, шли совсем не так быстро, как можно было ожидать от пуль. Куда стреляли, понять было нельзя, потому что пулеметчику никто не отвечал. Из окна полуподвального этажа Анатолий следил за трассами и даже успевал посмотреть пулям вслед. Стрельба прекратилась, и тотчас из соседнего дома выбежали женщина и девочка. Женщина несла узел и тащила девочку за руку. Они перебежали дорогу. Над ними возникла трасса, пули шли выше, потом трасса, будто подразнивая или сомневаясь, заколебалась, опустилась, и над головой девочки тонко дымящие следы вошли в женщину. Женщина, словно не выдержав тяжести узла, рухнула, а девочка пыталась ее поднять. Узел, накрывший женщину, откатился, а в доме, к которому перебежала женщина, открылось парадное, из-за двери поспешно высунулась старуха, схватила девочку за руку и втянула ее в дом. Вслед им ударила очередь. Пули били в притолоку двери, за которой скрылись девочка и старуха. Женщина осталась лежать на дороге. Пулеметчик опять перенес огонь в глубину переулка, и пули, опережая свои дымные следы, пошли над женщиной.

Наконец пулемет замолк, наступила долгая тишина, и Анатолий почувствовал, что сейчас и придет то самое, к чему и прикосновение ужасно.

Где-то совсем рядом ударил взрыв, зазвенели стекла, и кто-то закричал:

— От окон! Отходите от окон!

Еще ударил взрыв, и Анатолий отпрянул от окна. Он увидел на другой стороне улицы двух немцев. Они остановились у дома, имевше-

го полуподвальный этаж. Один немец ткнул прикладом в стекло, бросил в окно гранату, и оба проворно отступили к стене. Из окна пыхнуло дымом, грохнул взрыв. Второй немец со странным и, должно быть, тяжелым ранцем за спиной протянул к разбитому окну трубку, соединенную шлангом с ранцем, и на конце трубки возник окрашенный по краю черным дымом язык пламени. Он был длинный и широкий, как язык воды из пожарного шланга, если наконечник слегка перехватить пальцем. Пламя перелилось в окно, исчезло там, и немцы пошли к следующему дому. Анатолий прятался в комнате Фаи-армянки, которую знали все мальчишки в районе. Эта толстая женщина летом всегда сидела на низкой скамейке возле своего дома, она торговала жареными семечками. Сейчас ее комната напоминала кладовую: соседи с верхних этажей хранили здесь свои чемоданы, какие-то вещи. В комнате были несколько человек. Все бросились к дверям. Едва Анатолий успел выскочить, как грохнуло, уши заложило болью. Из пазов между досками на полу, со стен и потолка ударило пылью. Лицо и руки чем-то посекло, запахло нефтью и пламенем. Женщины бросились назад, Анатолий вошел за ними. Фая лежала на полу в пальто.казалось, ткань пальто лопнула под напором подкладочной ваты -- серая подкладочная вата вываливалась во многих местах. Горело на столе и полу, огонь подтекал под Фаино пальто. Женщины, развернув свернутый в скатку чай-то ковер, накрывали им огонь. В тех местах, где удавалось потушить, оставались жирные смоляные пятна. Фаю с трудом переложили на диван. Когда пыль и гарь немного осели, Анатолий увидел, что у Фаи то страшное выражение лица, которое появлялось у раненых, потерявших сознание.

Во дворе закричали, чтобы мужчины выходили на улицу. Кричали по-русски, и это почему-то было особенно страшно. Анатолий с приятелем несколько минут колебались — не мужчины все-таки, — но потом вышли во двор, и их вместе со всеми погнали на главную улицу к баррикаде. Там за столом, поставленным на тротуаре, сидел немецкий офицер. К столу выстроилась длинная очередь. Тут были мальчишки и пожилые. Очередь двигалась быстро. Опрошенных не отпускали — солдаты в серо-зеленых шинелях отводили их в сторону и оставляли под присмотром таких же солдат. Немцы громко переговаривались, ходили спокойно, и не было у них той лихорадочной сосредоточенности, возбужденности, которую Анатолий недавно видел у наших бойцов. Очередь немного задержалась — офицер допрашивал молодого мужчину в черной кепке. Потом мужчину повели, но не к общей группе, а к баррикаде. Вели его два немца: солдат с автоматом и унтер-офицер. Мужчина шел спокойно, и немцы шли вольно. Унтер-офицер показал ему, куда надо стать, повернул лицом к баррикаде, взял у солдата автомат и выстрелил в затылок под черную кепку. Офицер не оглянулся на выстрел, очередь вздрогнула, заколебалась, солдаты подняли оружие, и Анатолий понял, почувствовал, что это не жестокость, не безжалостность, не злобность — все эти слова сейчас не годились, — а нечто гораздо более страшное. Он это чувствовал, когда на его глазах обрабатывали снарядами дорогу с беженцами, когда убили женщину с узлом, бросали гранаты в дома. И то чувство, которое сейчас рождалось в нем, тоже уже нельзя было назвать ненавистью. Ненавидел он, когда уходил из города, сидел под бомбежкой в щели, видел раненых бойцов, видел, как возбуждены и обеспокоены взрослые здоровые мужчины. То чувство, которое рождалось в нем сейчас, было сильнее этой первой ненависти. Оно становилось всеобъемлющим, распространялось на серо-зеленый цвет шинелей, на звуки речи, на форму касок, на цвет и форму автоматов, на все, что принесли с собой эти люди. И еще он думал о том, какую непоправи-

мую ошибку они с приятелем совершили, когда решили вернуться домой, в город.

...Немцы действительно обрабатывали улицу. Они собирались пустить по ней через город свою технику.

4

В вагоне кисло пахнет спертым человеческим дыханием, на скамейках по пять и по шесть человек. На верхних полках тоже не лежат, а сидят, свесив ноги на плечи и головы нижних. И только третья, багажная, полка — лежащее место. Уже установлена очередь: кто когда лезет на третью полку отдыхать. Антонина Николаевна, Ефим, Валентина и Вовка сидят в крайнем купе, рядом с гуалетом. Здесь резок запах дезинфекции и нечистот. У Вовки отдельного места нет — его поочередно берут на колени Антонина Николаевна, Ефим и Валентина. В купе пробилась не сразу. Валентину с Вовкой в вагон протолкнули, а Ефим с Антониной Николаевной остались на подножке. Ефим сзади, схватившись за поручни, поддерживал Антонину Николаевну. Антонина Николаевна наваливалась на него все тяжелей и тяжелей, руки ее не держали, и тут Валентина сумела втянуть ее в вагон. Часа два ехали стоя. Потом как-то распределились. Ефим даже выходил за горячей водой и сумел вернуться. В проходах мешки, чемоданы. На них тоже сидят. Все окна закрыты, так что вагон накрепко закупорен. Пока поезд движется, есть иллюзия вентиляции, а когда останавливается, сразу чувствуется, что в вагоне в десять раз больше народу, чем это было бы нормально. Из города выехали на грузовой машине. Дважды, пока добрались до станции, машину собирались реквизируют, но шофер как-то выкручивался, говорил, что грузовик неисправен. Один раз их даже выгнали из кузова, и Ефим выгужал документы своей конторы прямо на асфальт. Однако у нового шофера мотор не завелся. Документы все равно пропали — погрузить в поезд их не удалось. Поезд тоже скоро придется покинуть — эваколист действителен только до ближайшей крупной станции. В купе едет женщина, уже побывавшая «под немцем». Она рассказывает своей соседке:

— «Не бейте, дяденька, мне больно, каже. Не бейте, мне больно». Мальбй же и каже: «Мне больно». А они его бьют... Звери же. Зверье. Я бы их жен каждый день клевала. Хоть бы повисли у тех зверей на руках, когда они свои винтовки брали, чтобы идти на войну.

Женщина говорит вполголоса, в купе тихо, все слушают. Кто-то вступает и рассказывает, что где-то во время бомбежки ограбили банк, много денег увезли. Но женщина перебивает:

— А хай берут. Деньги — то деньги. А то живое...

Ефим было собрался поспорить:

— То есть как «деньги — то деньги»? — Но сам замолк, не стал продолжать своей мысли.

5

К дому Антонины Николаевны в Братском подошел немецкий бронетранспортер. Уставшие от железного лязга, от танкеточной раскочки своей машины немцы выпрыгивали на землю, разминали затекшие ноги. Они открыли ворота, ведущие во двор дома Антонины Николаевны, увидели водопроводную колонку, длинный ряд сараев, накрытых одной крышей, балкон на двух металлических опорах, сухие плети дикого винограда на заборе. Немцев интересовала водопроводная колонка, они принесли канистры, ведро, но воды в колонке не было. Тогда немцы разошлись по соседним дворам. Воды не было ни-

где. Жители не показывались. Постепенно, однако, к бронетранспортеру стягивались любопытные мальчишки. Их притягивала низколобая бронированная машина, у которой передние колеса были, как у грузовика, высокие, с рифлеными шинами, а задние — как у танкетки, перематывавшие гусеницу. Немцы мальчишек не отгоняли и даже как бы оставляли бронетранспортер без присмотра. Через некоторое время, однако, возле бронетранспортера поднялся крик, мальчишки разбежались, а немцы вошли во двор дома Антонины Николаевны, плеснули из канистры бензин на деревянную лестницу, которая одним маршем приводила к дверям квартиры, на деревянные стены сараев и подожгли. Немцы не ушли тотчас, а дали огню разыграться. Сухое дерево схватилось сразу, огонь над сараями загудел. Крышу в нескольких местах пронзило пламенем, горячим воздухом сорвало толь, загорелись дрова и уголь, и, как в печи, когда туда вместо угля попадает кусок породы, начались маленькие взрывы. Дом разгорался медленно, но и он скоро запылал.

Бронетранспортер ушел. Это был одиночный, оторвавшийся от главной колонны бронетранспортер — основное движение немецкой техники шло квартала за три от Братского переулка.

К вечеру пожар стал стихать. Сгорел не только дом Антонины Николаевны, но и два соседних дома. Уголь, оставшийся в сараях, тлел еще несколько дней. На этом тлеющем угле соседи из уцелевших домов кипятили воду.

Точно никто не мог сказать, почему немцы подожгли дом. Говорили, что кто-то из мальчишек утащил кожаные перчатки из бронетранспортера.

6

Толпа, пытавшаяся прорваться на склад механического цеха, сильно задержала Женю. Это была, пожалуй, первая толпа, которую ему пришлось увидеть. Глухие, возбужденные какой-то одной целью лица. Лишь несколько лихих, сообразительных, ориентирующихся лиц. Какие-то живчики, питающиеся возбуждением толпы, живущие этим возбуждением. Никто не слушает и не слышит.

Женя сказал Котлярову:

— Открой дверь, пусть войдут — скорее разойдутся.

Котляров уставился на него стеклянным взглядом:

— К чертовой матери! Всех взорву! В клочки!

Он выскочил к толпе, в поднятой руке наган. Выстрел щелкнул сухо, неубедительно, однако в толпе завывали.

— Раз-зойдись!

Он вернулся, и Женя ему сказал:

— Не пори истерику!

А Сурен, который пришел сюда, привлеченный шумом, вдруг закричал на Котлярова со страшным армянским акцентом:

— Уходи! Застрелю!

Котлярова отправили с последними тремя платформами, которые повел старый маневровый паровозик «кукушка». Женя открыл ворота склада. Толпа хлынула, растекалась по углам, и через пятнадцать минут ни на складе, ни во дворе никого не было. Женя все делал неторопливо. Он не боялся. Сурен ему говорил:

— Ты чего не боишься? Это плохо. Убьют. Надо бояться.

Но страх к Жене не приходил. Склад взорвали. Рухнула кирпичная масса. Это был последний взрыв, надо было уходить. На заводе их осталось четверо. Женя, Сурен и два бойца-сапера. Женя договорился встретиться с Суреном на ближайшей железнодорожной стан-

ции, а сам решил забежать домой. Хотел убедиться, что Валентина, Вовка, Антонина Николаевна и Ефим уехали.

— Будь внимательным,— сказал Сурен.— Немцы уже в городе. Слышишь, где стреляют?

До Братского Женя не дошел. Не доходя до центра города, он заметил движение немецкой колонны и свернул к реке, чтобы перейти ее ближе к окраине, куда немцы, по его расчетам, еще не вышли. Однако на спуске к Нижнебульварной улице лицом к лицу столкнулся с немцем. Немец был молодой, лет двадцати, здоровый, со здоровым зимним загаром на молодой гладкой коже, хорошо одетый. Это был мотоциклист, патрульный, которого прислали сюда перехватывать тех, кто попытался бы бежать из города через реку. Мотоцикл его стоял у самого спуска: спуск был покрыт ледяной коркой, и немец опасался, что машина пойдет вниз юзом. Невысокий худощавый русский с усталым или больным, будто покрытым бензиновым загаром лицом не испугал немца. Не вызвал у него даже опасений. Немец как раз искал двух-трех мужчин, которые подстраховали бы мотоцикл, помогли бы спустить его с ледяной горки. И только когда Женя захотел пройти мимо, немец поднял автомат.

— Иван,— сказал он,— ком!

Этот задорный рослый немец, уверенный в себе, в своем автомате, с холодным взглядом светлых глаз кого-то напомнил Жене. Женя сделал шаг навстречу, а потом не телом, не головой, а только глазами «показал», как это он делал на ринге, что он сейчас рванется налево. Глаза немца удивленно метнулись, а Женя ударил в то место, где ремешок от каски перехватывал подбородок. Немец упал, автомат несколько метров проехал с ледяной горки. Женя подхватил автомат и оглянулся на немца — мотоциклист никак не мог подняться. Женя свернул в ближайший переулок, выбежал на набережную. Его обстреляли, когда он уже был на другой стороне реки. Женя думал о том, как это получается: от страха лицо человека не просто меняет выражение — оно становится меньше, съеживается, уходит куда-то внутрь, хотя, конечно, оно не может стать меньше. Никак не может. И все-таки нервные перегрузки деформируют его, глаза ускользают. Этот немец напомнил Жене молодых хищноватых уличных ребят, любителей подраться, которые иногда приходят в боксерскую секцию. Вот такой уверенный, обещающий взгляд у них бывает, когда они выходят на ринг. Но долго в секции они не задерживаются, хотя поначалу как будто бы бурно прогрессируют. У тех, кто остается, взгляд совсем другой. Этот немец, конечно, испугался того, что Женя выстрелит в него из автомата. Но Жене и в голову не могло прийти, что он когда-нибудь захочет убить безоружного или обезоруженного человека, захочет выстрелить в него.

Конец первой книги

ОМОР СУЛТАНОВ

★

ОТВЕТНОЕ СЛОВО

С киргизского

Этот день назывался двенадцатым мая.
На бульваре Дзержинского, куртки набросив,
мы сидели вдвоем.

Как сейчас вспоминаю:
продавали газеты в киоске напротив.
...Намечался субботник на этой неделе...
...Сев на юге в положенный срок завершился..
...Во Вьетнаме жилища людские горели..
...Где-то в Африке переворот совершился..
...Свой союз подтвердили Москва и Гавана..
...2 : 1 — победило «Динамо» «Динамо»..
Ты внезапно сказал, усмехнувшись мне странно,
посмотревши в глаза мне подчеркнуто прямо:
«Ну, посмотрим,

как будешь отныне писать...»

Что хотел, мой товарищ, ты этим сказать?

О, легко догадаться!

Но слушай: когда
с гор весной

молодая сбегает вода
и весна воцаряется в нашем краю —
Ала-Тоо

меняет ли сущность свою?
А когда в сентябре

осень светит,

как золота слиток,
золотыми становятся Чуйской долины поля
и прекрасен плод золотых преизбыток —
изменяет ли сущность свою

земля?

Ноль по Цельсию градусов

или двадцать,

хмурит брови февраль

или пышет жаром июль —

устает ли когда-нибудь

волноваться,

изменяет ли сути своей

Иссык-Куль?

Ты спросил,

испытующе глядя в лицо мне:

«Что ты станешь теперь писать?

И каким ты станешь теперь?»

Я вопрос твой тревожный, товарищ, помню,
я никогда не забуду его, поверь.
Мы не мальчишки ныне.

И не пристало

от ответа

прятаться нам в кусты:
поколению нашему

время настало

становиться к штурвалу,

занимать ответственные посты.

Ответственные!

Это значит в ответе
предстоит нам быть отныне вдвойне
за все, что творится на белом свете,
за каждую яблоню в нашей стране,
за каждый колос нашей пшеницы,
за судьбы все и за все дела...

Неужели достойнее

уклониться,

подавать реплики

из угла?

Да, я избран.

Мне оказали доверье —
по делам, должно быть, не по словесам...
Ты спросил у меня: что же буду теперь я
писать?

И каким же я стану сам?

Останусь таким же, как был.

Но втрое,

впятеро больше с себя спрошу.

О нашей земле,

о народе-герое

еще взволнованней напишу.

Хочу, чтобы руки в труде не устали,
хочу, чтобы пламень в сердце не гас,
хочу, чтобы дети у нас вырастали
счастливее нас

и умнее нас.

Буду петь о любви, горяч, прямодушен,
и о том,

как земные поля хороши,

буду

партии нашей

нужен,

буду славить ее

всей силой души!

НА БЕРЕГУ ИССЫК-КУЛЯ**1**

Над Иссык-Кулем ранью ранней
сидел я. Предо мной, круты,
кипели волны — в океане
так пляшут радостно киты.
И ветра мускулы крепчали.
И чайки белые кричали.

Я вспомнил детские года.
Юнец, мечтатель, забияка,
здесь я шатался. И всегда
была со мной моя собака.
Плыла собака по волнам,
вздымая морду к небесам.

Ватага детская плескалась,
а с гор, воды волнуя гладь,
шел ветерок. Он мог, казалось,
как влага, жажду утолять.
Мой Иссык-Куль! Тогда ты, помню,
был самым близким существом мне.

Касаясь крыльями волны,
стремительно летали утки.
Как были мы в те дни сильны
на игры, выдумки и шутки!
Слышал, заезжий человек,
игру такую — «ак чолмек»? ¹

Над Иссык-Кулем вырастая,
мы создавали наконец,
что для живых земля родная —
вторая мать, второй отец.
С тех самых пор в любой разлуке
я к ней протягиваю руки.

2

То были дни, когда моя
душа, как сокол, вдруг воспряла,
когда, восторга не тая,
мир, словно платье, примеряла.
На берегах игрой ума
я строил светлые дома.

Проснувшись рано на рассвете,
я разжигал свои мечты:
я славил солнце, славил ветер,
я на камнях растил цветы,
я рудные рубил породы...
Все это было — для народа.

¹ Ак чолмек — буквально: белая палочка. Игра заключается в забрасывании и отыскывании ее в сумерках.

Себе я мнился на коне,
на горделивом иноходце.
А то казалось — по волне
мой катер, прыгая, несется.
А то — машиной правлю я...
И чем плоха мечта моя?

Я сочинял в мечтах поэму,
в ней строчка каждая — волна,
в ней — вихрь, в ней — мир, в ней — жизнь,
в ней — все мы,
в ней — правда сущая одна...
Поэму ту, как жизнь большую,
еще, быть может, напишу я!

Я в бой бросался против зла,
за человеческое благо.
То стану цельным, как скала,
то разом разобьюсь, как влага,
на капли, побегу в поля,
с тобой сольюсь, моя земля!

3

...Минуло многое, а горы —
стоят. И озеро — шумит.
Полна веселого задора,
волна, невзрослая на вид,
с разбегу ног моих коснулась...
Душа очнулась — как проснулась.
Мне родич вспомнился один,
его слезливые укоры.
Я вспомнил, как порой сидим
с женой в плену ничтожной ссоры,
мне вспомнился один поэт,
обиженный на белый свет
за невниманье...

Как убого
мы жизнь свою порой мельчим!
Мой Иссык-Куль! Давай немного
еще с тобой мы помолчим.
Мне хорошо с тобой молчится.
Душа светлеет и лучится.

Твое дыханье вновь меня
прохладой нежной охватило...
Еще не гасли краски дня,
еще светило мне светило,
но воздух как бы загустел.
Журавль отставший пролетел.

Но вот и солнечного диска
ослаб накал. Все в гребнях сплошь

РУСТАМ ШУМЕЛОВ

★

СДАЕМ АВТОМАТИКУ

Рассказ

Подожду к колонке с подсоленной газировкой, выпиваю жадно стаканчик. Жара.

Посреди километрового пролета расположилась машина, через которую в заданном темпе — за столько-то секунд одна штука — пробегают раскаленные стальные галеты.

Смотреть невозможно. Кажется, что сейчас лопнут от перегрева глазные яблоки. А не смотреть тоже нельзя. Машина составлена из тысяч узлов, деталей, валков, двигателей, цилиндров, проводков, датчиков, ящиков, и все это хозяйство должно хорошо работать.

Машина, о которой идет здесь речь, — стан. Прокатный, непрерывный, широкополосный, горячий... какой там еще? Ага! Многоклетевой, тонколистовой, по высшему мировому классу. Первый. Головной. И потому нас здесь так много.

Эксплуатационники, наладчики, технологи, представители заводов, монтажники, прибористы. Все мы работаем день и ночь строго по согласованным графикам, которые срываются почти каждые сутки, и мы их методично пересоставляем, утрясаем новые сроки и опять расползаемся по участкам доводить до ума творения рук своих.

В начале линии с глухим звоном катятся по рольгангам многометровые холодные тела слябов. У нагревательных печей стальные галеты умненько останавливаются и, прицелившись по центру зева, пышущего языками газа, ныряют в чрево раскаленной печи.

Тысяча градусов. Кругом здесь тысяча: деталей тысяча, людей тысяча и температура здесь меряется тысячами градусов.

Подталкивая друг друга, слябы выходят из печи. Дорожка вращающихся роликов подхватывает размягченную галету и несет от одной клетки к другой. Клетки мнут галету тяжелыми бочками валков и, шипя усатыми дыхалами гидросбивов, выбрасывают, расплюснутую, на рольганг.

Скорость растет. Надо спешить, чтобы не растерять тепло. Полоса подкатывает к слепившейся затылками многоклетевой установке и, проскочив с дробным стуком всю серию валков, вылетает со скоростью курьерского поезда на дорожку отводящего рольганга.

В конце линии работают моталки. Моталки закручивают полосу в аккуратный рулон — и получите. Кому там нужен был лист? Листик на «Жигули»? Просим.

Десятки тонн раскатанного металла, аккуратно обвязанного стальным пояском. Получите. Холодильник? Пожалуйста, две тысячи холодильников. Меньше не можем. Не умеем.

Впрочем, стан пока не работает. То, что он сейчас делает,—тех-учеба, освоение, называйте как хотите. И то, что стан выпускает,—это не продукция. Ее пока нет в официальном распределении.

По утрам в коридорах гостиницы тесно от висящих на телефонах снабженцев:

— Пал Михалыч? Достал, Пал Михалыч! Два вагончика! Прямо горяченькие! Сам, сам грузил. Номера квитанций запишите, Пал Михалыч!

Как же, герой текущего момента. Шутка ли, снабженец открыл источник безнарядной продукции.

Мы посмеиваемся: не ведает бедняга, чему радуется. Попадется некондиция, которой прямая дорога на базу Вторчермета, тогда узнает... Но снабженец по-своему прав. Если повезет, он получит рулончик стали, которая ракетчикам только снится. Катаются экспериментальные партии. Намешано там всякого. Ну, а не повезет... что ж, спишут.

Стан пока младенец. Он подрыгивает могучими плечами клетей, ворочает многотонными прокатными валками, но мы знаем, что он несмышлениш. Дурачок еще. Сила есть, а ума нет.

Ум дадим ему мы, автоматчики. И пока ума нет, работает наш стан в самую малую часть своих возможностей.

Так надо. С ясельного малыша никто не спрашивает. Что малыш может? Только что пузыри пускать. Зато с нас, воспитателей, спрашивают. И спрашивают крепко.

Поднимаюсь в остекленную будку поста управления. В посту ерлаш. Провода во все стороны, тестеры, осциллографы, схемы расстелены по полу. В углу смиренно сидит Валя, сменный оператор поста. Валя-красивая — так ее прозвали наши девчата. В этой смене работают все Вали, а есть еще смена, в которой все Маргариты. Очень удобно получилось, никогда не ошибешься. Но в этом совпадении имен присутствует и некоторый неприятный момент. Если напутают чего-нибудь, дознаться, которая Валя, бывает трудненько. Есть еще Валя-черненькая, самая толковая. Сейчас она работает на другом посту.

— Я не понимаю...— Это наш старший инженер Ким вступает в беседу. Он всегда так начинает.

— Что показывает логика?

— Ноль, один, ноль, ноль...

Действительно абракадабра какая-то. Надо разобраться. Можно, конечно, предположить нечто чрезвычайно общее. Будешь всегда прав. Как ни верти, а в конце концов это окажется либо наличием контакта там, где его не проектировали, или, наоборот, отсутствием контакта в положенном месте. Но поступать так не по-честному. Вижу по выражениям вспотевших лиц, что ищут давно. Очень полезен в таких случаях взгляд со стороны, чтобы подготовленный человек пришел и посмотрел на чужую работу свежим оком. У меня как раз такое око. Меня здесь не было.

— Сходите перекройте третий канал...

Мнутся. Старшему бежать к датчикам как-то не с руки, да и здесь он нужен. Младшие, девчата, ужас как берегут свои небесно-голубые джинсы на молниях. Можно, конечно, ткнуть пальцем персонально, но это связано с осложнениями, надо будет долго договариваться, в каком порядке перекрывать каналы да как подавать сигналы, да еще напутают... Черт бы побрал эти джинсы, пойду сам.

Движением руки останавливаю порыв масс к дверям:

— Будьте здесь. Записывайте. Перекрывать буду третий, затем первый...

Перескакиваю через рольганг, гляжу, как бы не попасть ногой на крутящийся ролик. Нарушение правил техники безопасности грубейшее, а я пример подчиненным показываю, вон, выставили физиономии в стеклянной витрине поста, хихикают, наверное, ждут, что упаду. Не дождетесь. А бегать вокруг — жалко времени. Сбой надо ловить тут же, пока он есть. Упустишь, промешкаешь — спрячется, а вылезет в самое неподходящее время у эксплуатации. Конфуз получится.

На узенькой площадке, переброшенной через бетонную шахту, работают наши.

— Приборы вниз не уроните! — кричу вместо приветствия.

Мы с утра не виделись.

— Эх-хе, привет! — Это наш слесарь Андреич.

— Привет, привет. Что делаете?

— Да вот монтаж поправили, пока время есть.

— Каким образом?

— Нормальненько. Наконечники подпаяли, шайбочки поставили.

Настораживаюсь. Чует мой нос запах жареного.

— Покажите.

— Готово, уже все.

Действительно, соединительные коробки закрыты, герметизирующие прокладочки сдобным тестом выпирают из-под крышек. Картинка.

— Вскройте.

Жалко, конечно, портить красивую работу, но ничего не поделаешь. Андреич, посопев, вскрывает крышку.

— Посветите.

Так и есть. В рядочке цветных проводов путаница. Должно быть: красный, зеленый, желтый, белый; красный, зеленый, желтый, белый, — а здесь в первой четверке желтый с белым перепутаны.

Спешу:

— Веня, посигнальте, чтобы напряжение сняли.

Веня Носков, второй наш слесарь, вылезает вверх, складывает руки крестом. Сигнал у нас такой: «Снять напряжение. Опасно».

Проверять некогда. Подкладываю под себя свою засаленную кепку. Худо-бедно, все лишние мегомы изоляции. Откручиваю винтики, меняю провода местами.

— Можно, Веня.

Веня постукал кулаками над головой: «Включай. Работай. Безопасно».

Вытянув шею, смотрим сквозь сплетение металлических конструкций на стекло поста. Зашевелились. Смеются — значит, все в порядке. Абракадабры больше нет.

Андреич подстелил коврик, склонился над коробочкой.

— Ты, Андреич, цвета перепутал.

Мы с Андреичем на «ты». Одногодки мы и воевали в Отечественную на одном море. Делить нам нечего.

Андреич поднял голову, смотрит, сощурившись, куда-то мимо...

Трудно здесь работать. Думали, прикидывали, заложили цветную маркировку, чтобы упростить монтаж и проверку, а получили провод со склада и только рукой махнули. Надо быть по малой мере художником-колористом, чтобы различить, где тут белый, а где желтый.

Ладно. Главное, нашлась причина сбоев. Каждый бы раз так скоро да просто, была бы не жизнь, а сплошной день получки.

Вылезая наверх. Слышу, как в посту резвятся. Празднуют восстановление контакта в запроектированном месте.

Однако рано обрадовались. Нам надо сегодня же произвести капитальную проверку датчиков. За этим я сюда с самого начала и спешил.

На посту пятиминутная готовность. Ждут смены. Задержись я где-нибудь — и привет. Пришлось бы работать одному.

Валя-красивая с нашей Катей пристроились к осциллографу, что-то рассматривают. И чего они там не видели? Прибор выключен. Оказывается, красоту наводят. Заложили в тубус осциллографа зеркальце и смотрятся. Изобретательные.

Информирую народ о достижениях и предстоящих ответственных задачах.

— У-у.— Никакого энтузиазма.— Да мерили мы!

— Когда?

— Сегодня.

— Покажите.

Действительно мерили. Все тридцать два датчика. Все записано. Показания превосходные (тьфу, тьфу, не слгзить бы).

— Результаты получены на чистой среде. Теперь проведем измерения с помехами. Ну, например, пыль поднялась.

Общий тяжкий вздох. Пылить заставляют.

Валя-красивая щелкнула замочком сумки, помахала девчатам ресницами и выплыла из поста. На Валино место взгромоздилась Маргарита. Жадноватая девица, больше всех о плане печется.

— Грузить надо. Опять из-за этой автоматики тоннаж профукаем,— обращается Маргарита не прямо к нам, а так, по-театральному, в сторону.— Нужна эта автоматика... Что мы, безрукие? Второй месяц прогрессивки не видим... Чулки порвались, драные ходим...

Маргарита разрядилась. Но это ненадолго. Минут через двадцать заряд у нее накопится снова.

Маргарита ворчит правильно. Наше наладочное время кончилось. Стан так и работает: дневная смена наладчикам, а ночи и суббота с воскресеньем для плана.

И все-таки проверку делать надо.

— А где мы пыль возьмем? — Это Аля голос подала.

Удивительная способность у Али задавать несурзные вопросы. Как в детском садике: «А почему у мячика ручек нету?», «А зачем на чертежах столько подписей делают?»

Действительно, зачем? Никто не знает.

Приехали с нами на наладку двое девчат. Аля, или, как она себя из озорства называет, Аленька, и Катя.

Про женский труд много говорят и пишут. Мы на тему женского труда ничего умного сказать не можем, потому что без женщин нам еще ни разу работать не приходилось. Не знаем, как тогда будет, лучше или хуже.

Логики, говорят, у них в мышлении нет. Логика у девчат есть. Постигнуть ее не просто, а логика, безусловно, есть.

Например, как девчата решают извечный для всех работающих вопрос. Один из проклятых: сколько можно ошибаться?

Они по этому вопросу имеют особое мнение.

Сидят, как две кошки, застигнутые возле недозволенного мяса. Их ругают за ошибку, а они огрызаются:

— Ну что тут такого?

Рассказываем страшную историю про минера, который один раз ошибается в жизни.

— Сказка! Не может этого быть... Ха-ха-ха-ха-ха...— Теперь это

«ха-ха-ха» может тянуться без перерыва десять минут, час — сколько угодно.

В конце концов начинаешь подозревать, что смеются над тобой, хотя, видит бог, ты не ошибался. Плюнешь в сердцах и отойдешь в сторонку.

Девчата считают, что делать ошибки полезно, потому что таким образом они помогают мужчинам поддерживать их инженерный престиж. Ну и в то же время на свой лад нас проверяют. Крепость нервной системы проверяют, сообразительность. Узнают несамостоятельного, уличают мужчину-ябеду. Так что логика у девчат есть.

Алю-Аленьку мы нагружаем до предела. Она все умеет. Считает быстро, паяет чисто, умеет ходить по соседям с мелкими просьбами. Але никогда не отказывают.

Катя немного попроще. Розовая девушка с одной ярко выраженной чертой характера. Попадаются иногда такие книжки. Толстенный том, и на весь том где-нибудь в середине одна картинка. Только одна. Видимо, в этой картинке собрана вся соль.

Катя у нас тоже такая — однокартиночная. Главная черта у нее — это домовитость. Все у нее есть, и все под рукой: тушь, вставочки с перьями для надписей, раствор хлористого цинка, чтобы вытравлять синьки, зеркала, гребешки.

По этим зеркалацам всегда можно определить девчачье рабочее место. Вечно они их забывают подобрать.

Катя несколько медлительна. За это ей дали прозвище, понятное в основном только электрикам: Три-черепашки-соединенные-последовательно.

Сейчас Катя молчит. Видимо, Катины черепашки обдумывают, где можно пыль взять.

Нам нужна не пыль, а ее оптический эквивалент.

— Дымом можно попробовать, от сигарет.

Хорошая идея.

Девчата с Веней Носковым как некурящие остаются для измерений, а курящие с гоготом идут к датчикам — дымить.

Закипела работа.

Накурились до одури. Датчики ведут себя нормально.

Народ уходит передеваться, а мы с Кимом остаемся. Надо сделать пробный пуск.

Нервозная это вещь — пробный пуск. Все кладется под неумолимый нож проверки в деле. Годы работы. Расчеты. Макеты. Замыслы. Все.

И бывает, ох как часто бывает, что отлично сосчитанная и вычерченная машина не идет. Причины? Причина всегда одна: плохое знание условий эксплуатации. Ошибки теоретического плана в наше время практически исключены. Нынче все умные. А с реализацией плохо.

Ну, а мы? Все ли мы знаем о рабочем процессе?

Как будто знаем. Утверждать, что мы знаем все, было бы, конечно, слишком самоуверенно. Всего не узнаешь. Да и откуда нам все знать, если механизм, который мы автоматизируем, сам только сошел с чертежной доски. Первый. Головной. Дите еще.

Разговоры разговорами, а пробовать надо.

Страшно. При всех пускать еще страшнее. Поехали!

У Кима дрожат пальцы.

Поехали!

Щелкает выключатель.

Обшариваем глазами табло отображения. На табло все в порядке.

Тихонько поворачиваю ключ.

Маргарита всполошилась.

— Что вы делаете?

— Ничего, стой и смотри.

Стопа стальных галет пошла вниз. Идет... Идет... Реверс! Будет ли реверс?.. Есть реверс! Пошла наверх...

— Стоп!

— Есть стоп.

Остановилась. Точненько. Маргарите так вовек не остановить. Маргарита за это время раз десять бы выключала привод и тянулась бы, охая, через пульт, пытаясь рассмотреть, куда там ее занесла нелегкая. Знаем, как они работают.

Пошел сталквиватель. Сам пошел, словно живой. Маргарита стоит разинув рот. Грожу ей на всякий случай пальцем: не шевелись, пока не разрешу.

Сляб сполз на рольганг и покотился к печам с колокольным звоном.

Есть цикл!

Надо посмотреть на датчики. Скатываюсь по крутой лестнице поста. Бегу. Датчики выставлены правильно.

Второй цикл.

И вдруг ни с того ни с сего механизм выключился раньше времени. Треск. Грохот шестерен.

Галопом влетаю на пост.

На табло отображения все как и должно быть: привод выключился рано. Пульты управления сияют зеленым светом.

— Схему выбило, — сообщает Маргарита.

Тоже мне открыватель Америк. Видим, что выбило. Почему?

— Вот она, ваша автоматика, — злорадно вещает Маргарита, — никаких подметок не хватит. Бегают, бегают, а толку-то? Саня! — кричит она по селектору в машинный зал. — Собери, Санечка, схему.

— Чего ты там, спишь, что ли? — рычит из динамика Саня.

— Так это не я, Санечка, это автоматика чертова.

Вот зараза.

Разбитые бредем домой.

Что случилось? Два цикла в норме — и вдруг отказ?

В гостинойце по комнатам рыскают соседи. Приглашают составить партию. Маленькую. На полтора часа. Что вы, ребята. Бессонная ночь обеспечена и без ваших игр. Думать надо.

Два цикла в норме. Третий — отказ.

Привод выключен раньше. Команды на механизм не было. На табло ситуация отображена правильно, а электрическая защита выбита...

Два цикла в норме...

Ким с головой погрузился под простыню. Спит? Не спит?

— Я не сплю. — Высовывает бороду наружу. Чистый телепат наш Ким. Читает мысли на расстоянии. — Это Маргарита сработала.

— Каким образом?

— Маргарита взяла управление на себя.

Тоже мне Архимед новой формации. Тот в ванне идеи генерировал, а этому, видите ли, постель обязательно нужна. Не мог раньше сказать! Однако, к превеликому сожалению, Ким не проявил качеств настоящего Архимеда. Истины Ким не открыл...

Еще раз вспоминаю положение ключей на пульте в момент аварии. Управления Маргарита не брала. Она физически не могла успеть сработать быстрее автомата. Дело там в плевенькой полоске металла. Эта полоска давно наводила нас на размышления...

Ну что ж, дело сделано. Два цикла в норме, третий — отказ. Для качественной работы автоматики необходимо получить по крайней мере две тысячи циклов безотказной работы. Пройдена только тысячная часть пути. Надо спать. Надо накапливать силу.

Смешно. Автоматчики. Слаботочники. Зачем, скажите, слаботочнику сила?

Без силы ничего не сделаешь. Нынешняя техника как раз и требует нечеловеческой силы. Выносливость нужна. Нужна способность продуктивно мыслить и шевелить руками буквально сутками.

Спать. Спать.

Считается, что утро вечера мудренее. Как сказать, как сказать... Мне, во всяком случае, утром никакой новой мудрости не открылось.

Вечером было ясно, что придется разговаривать с проектировщиками. Утром то же самое. Никаких изменений.

В коридоре среди безликих дверей, окрашенных в нейтральный колер, одна отмечена размашистой синей надписью на куске ватмана: «Ш е ф ы».

Здесь живут шефы, представители шефмонтажа механического оборудования. Авторы проекта. Генеральные поставщики. Генподрядчики...

У них много всяких званий, а суть одна: сотворили машину — теперь докажите ее жизнеспособность. Докажите, что она прочная и надежная и может выполнять все, что было в свое время записано в проектном задании.

У шефов, пожалуй, самая трудная жизнь. Шутка ли, авторы такой машины. И машина в общем и целом пошла хорошо. Но есть детали. Вредные такие. Не идут. Приходится дорабатывать мелочи на месте.

А доработка на месте совсем не мед. Адский труд. Придумывается самое очевидное — и в работу. Очевидные решения тоже почему-то не всегда идут. Шефов подбадривает по телеграфу и телефону своя дирекция. Выражения выбираются все на пределе, чтобы только работники связи не обижались. И шефы кряхтят — дорабатывают.

— Добрый день!

Из-за чертежных досок глядят на меня истомленные очи конструкторов. Словно рыбы сквозь лед. Много нас тут ходит. И все с претензиями.

Я тоже с претензией. Правда, не такой, чтоб сразу ударяла в лоб и валила наповал. А осторожной. Вроде бы с предложением.

Подсаживаюсь к столу.

Федя, руководитель группы шефмонтажа, зарылся по уши в синьки. Флянцы, ролики, крышки всякие. Думаает.

— Федор Петрович, у вас там один размерчик надо выправить.

Федя словно вынырнул откуда-то.

— А-а, здравствуйте, здравствуйте. Так в чем дело?

Федя круглый и румянький, глаза голубые, и весь он втугую налит непрошибаемым оптимизмом. Распадись сейчас все на кусочки, а Федя не дрогнет и будет продолжать уверенно смотреть вперед. Статуя, а не человек.

— Так в чем дело, товарищ?

Излагаю наше дело.

Федя сомневается:

— Умнейшая автоматика. Можно сказать, мозги современности, и вдруг не может одолеть какой-то десяток миллиметров металла.

— Автоматика здесь ни при чем. Просто вы сделали не совсем ладный механизм. Урода сделали.

— Мы рассчитывали на автоматику...

— А мы вам писали...

— А мы считаем...

В общем, сцепились мы с Федей, как два северных оленя рогами. Теперь очень нужен третий, который нас спугнул бы или убил, в конце концов.

Оборачиваюсь на грохот в углу. Главный конструктор вылезает из-за кульмана. Ого! Я слышал, что их Главный приехал, но, признаться, никогда не видел такого большого начальника за чертежной доской. Хватает главным конструкторам забот другого рода.

Главный, раздвигая животом тесно составленные чертежные станки, пробирается к нам.

— Вы пробовали или только предполагаете, что не пойдет?

Ну, выкатилась тяжелая артиллерия. Разговаривать здесь бесполезно. Поспешно хватаю карандаш, рисую эскизик, пишу уравнения. Одно, второе... Вывод. Проверка.

Главный, посапывая, углубился в изучение моего скорого сочинения.

Помнится, раза три садился искать вот это самое в спокойной обстановке. Ничего не получалось. А здесь пожалуйста — без запинки выдал решение. Вот уж воистину: если зайца бить, то он и спички зажигать научится.

— Начудили дизайнеры, — бурчит Главный. — Сделайте корректировку и передайте им чертежи.

Я всполошился, пытаюсь возражать: зачем нам чертежи? Не надо нам чертежей. Нам надо, чтобы все было готово.

Но Главный не слушает, уползает в свой угол.

— Да вы не беспокойтесь. — Это Федя вступил в игру. — Там всего на два часа работы. У Каюмова свободных людей сколько угодно, они вам сразу сделают. А у нас все в разгоне, на месяц неотложных дел.

— Имейте в виду, работа срочная, нам автоматику сдавать надо.

— Конечно, конечно, но ведь вы только пришли. Вы пока не в плане. Сами и присмотрите за исполнением. Мы верим вашей фирме...

— Премного благодарны за доверие, но мы не согласны. Протокол будем писать.

Федя окостенел. Смотрит мимо моего левого уха.

И нет улыбки на Федином лице.

— Если вы настаиваете, можно и протокол.

Они согласны подписать протокол! На нашем языке это значит, что шефы принародно заявляют о своей вине. Такое бывает крайне редко. Я, например, в первый раз вижу живого конструктора, согласного подписать неблагоприятный для него протокол. Да, но Главного конструктора за черчением я тоже в первый раз вижу. Зажало, видно, шефов. Больше мне из них ничего не выудить. Беру чертежи.

Теперь надо бежать на другой конец стана. А это ровным счетом километр пути.

Впрочем, бежать я не буду. Строжайше запрещено правилами. По стану ходят. Спорым шагом, чуть потише армейского, зато во всю ширь. И по сторонам не глядят. Будешь вертеть головой, отвлечешься, кто-то подзовет, скажет чего-нибудь — и, считай, пропал. И день рабочий пропал, и дело, которым положено было заняться, не делаешь.

Здесь ходят словно ледоколы, отграничив волевым усилием все то, что лежит за пределами сиюминутной необходимости, и отодвигая лишнее со своего пути.

Но мне и ходить так нельзя. Я субподрядчик. Много у меня обя-

занностей и совсем мало прав. Мое дело ловить деятелей, располагающих реальными возможностями, и договариваться. Ловить и договариваться. Иначе каши не сварить.

Замечаю вдали фигуру в красной каске.

Ба! Бригадир Настасьев!

Этот Настасьев мне уже по ночам стал сниться. Должен Настасьев поставить крепление и, конечно, ничего не сделал. Но клянется, что поставит. Есть совесть у Настасьева. Сейчас я ему еще корректировку подброшу.

Прибавляю шаг. Настасьев тоже меня видит. Это хорошо.

Стой, стой, друг, потолкуем по душам...

Однако я поспешил радоваться. Фигура в каске сменила направление и юркнула в маслоподвал. А там четыре яруса. И нижняя отметка — минус двенадцать метров. И выходы почти во все стороны света.

Ушел. Спикировал.

Ну, погоди, Настасьев!

Сидит за письменным столом вельможный мужчина и подписывает ведомости на приобретение оборудования. Ведомости огромные. Даже не представлял, что существует такой формат бумаги. Каким-то простыни, в которые можно без труда завернуть взрослого человека. Агрегаты, приборы, машины, гайки, шайбы, маленькие гаечки — все записано и все стоит денег.

Каюмов подписывает ведомости.

Чирк ручкой — сто тысяч рублей, чирк — еще гриста тысяч, чирк, чирк — миллион...

Я бы так не смог. Волновался хотя бы немного. Такие деньги! А Каюмов совсем не волнуется. Привычка у человека выработалась.

— С чем прибыли, наука?

Он «наукой» нас обзывает. Но не придерешься, делает это вежливо, с налетом почтительности.

Показываю чертежи.

— Почему шефы сами не делают?

— У них все заняты. Нет свободных людей.

— А у нас что, биржа труда? Не пойдет.

— Иван Евдокимович...

На ушко, словно тяжелобольному, раскрываю Каюмову тайну, почему надо скорее сделать корректировку. Есть в этой работе глубокий смысл. Полосочка металла мешает работе механизма. Если полосочку убрать, машина будет работать без ремонта долго-долго. И с автоматикой и без автоматки — как вам будет угодно.

Иван Евдокимович отодвинул простыни в сторону. Задумался. Сейчас у него идет переоценка надежности механизмов, которые и на самом деле приходится ремонтировать чаще, чем хотелось бы. Поток отказов колючим душем льется на Каюмова, и он это ощущает прямо-таки кожей.

С виду механизмы прочные, рассуждает Каюмов, а поди ты, ломаются. Если сделать, вообще-то, небольшую работу, отказы прекратятся. Сейчас почти каждый второй цикл сопровождается ударом об неладную железку. По Гауссу (есть такая кривая в теории вероятностей, очень похожая в разрезе на мексиканскую шляпу) получается избыточное рассеяние помех.

Удачный цикл, затем удар, авария, удачный цикл. еще удача, удар. Сплошные отказы.

Жду результата рассуждений Каюмова.

Рассуждает он, сами понимаете, без меня. Сидим мы с Иваном Евдокимовичем рядышком, а на самом деле между нами пропасть.

Мы люди из совсем разных стран человеческой деятельности.

Каюмов — помощник начальника цеха по оборудованию. Все, что есть на стане механического, приводческого, гидравлического, теплового, электронного, пневматического и т. д., — все на ответственности Каюмова. Все до последнего болтика. А я один из многих разработчиков этого самого механического, приводческого, электронного.

Каюмову нужны вечные машины. Ему надо сталь давать в соответствии с планом. А я в своей работе могу допустить какой-то просчет, и тогда Каюмов получит не вещь, а так, ерундовину, которую придется часто ремонтировать. Но мы ведь не договаривались с самого начала делать вечные вещи. Вечного на свете ничего нет. И уж если я привез автоматiku на место, где она должна работать, то обратно ее не повезу, будьте спокойны.

Поэтому появление разработчика в поле зрения Каюмова вызывает в нем совершенно специфические переживания. Разработчик — это вам не ведомость. Разработчика надо теснить и мучить до тех пор, пока он не выложит все, что припрятал в своей хитрой голове.

Иван Евдокимович молчит. Чувствую, что надоело ему это молчание, а подыматься с места неохота. Набегался он с утра и без меня. Однако ничего другого придумать невозможно. Надо смотреть.

— Пойдемте поглядим, — предлагает Каюмов.

И то верно. Чем сидеть за столом и пугать друг друга всякими гипотезами, лучше обстоятельно посмотреть, что происходит в натуре. Пользы будет больше.

Идем.

Теперь обратно идем. Опять тысячу метров. Кто-то подсчитал, получается в среднем на день по десять — двенадцать раз туда-обратно. За месяц напрочь истираешь рабочие ботинки о шершавые плиты пола. Да еще если походочка неаккуратная, то к концу начинаешь ковылять на скошенных каблуках, словно копытное по льду.

На долю Каюмова в особо «удачные» дни приходится, наверное, больше. Но у него есть перспектива. В процессе хождения Каюмов отыскивает и затыкает фонтанчики отказов. Со временем поток отказов иссякнет и хождение станет ненужным. Затопчет упрямец вредные источники отказов. Или отказы загоняют человека насмерть. Третьего не дано. Или — или.

Долго присматриваемся к работе механизма. Все правильно, полосу металла надо срезать.

На посту заметили нас, прилипли носами к стеклу. Показываю им кулак за спиной Каюмова: работайте, не ротозейничайте, заказчик пришел.

— Включайте автоматiku, — предлагает Каюмов.

— Зачем?

Действительно, зачем ему автоматiku? Сначала мы просто посмотрим, что из этого получится. Потом он меня уговорит отрегулировать датчики так, чтобы не цепляло. Конечно, не навсегда, а только временно. Потом это временное станет постоянным, а потом... Нет, дудки. Автоматiku будет включена только после устранения дефекта.

— Вы ведь уже включали.

Догадывается, сивый, что неспроста я бегаю.

— Ничего мы не включали.

— Лално, составляйте график работ.

— За недельку закончите?

— Чего?! — Возмущенный Иван Евдокимович чуть не съехал в бетонную яму. — Недельку? Захотел! Три недели как минимум. Все!

И ушел.

Это мне месть за строптивость.

А что сделаешь? Тот час, когда мы согласимся на послабление, не защищающее автоматику от возможных аварий, станет последним часом существования нашей группы как компетентной величины. С нами перестанут считаться. Если ты сам не за себя, то кто будет двигать твоё дело? Никто.

Поднимаюсь на пост.

На посту идеальный рабочий содом, и еще Саня пришел. Саня — эксплуатационник и работает нынешнюю неделю вечером, но для этого длинноногого лохматика, одетого в поношенную флотскую форму, время суток не имеет никакого значения. Была бы работа.

Саню у нас любят. Девочки зовут его Головастиком, потому что голова у Сани умная. Мы с Андреичем тоже питаем к Сане добрые чувства. Для нас Саня вроде бы новое воплощение нас самих с несущественной разницей в тридцать лет. Мы тоже так начинали: получили в последний раз на корабле комплект флотского «первого срока», бушлат и шапку на случай холодов, тощий «сидор» вместо чемодана и доброе пожелание: «Вольно!» — молодой человек, нет больше в тебе военной необходимости, можешь идти и жить, как все живут.

И мы жили. Правда, долго из нас еще выходила горечь военных потерь: болячки болели, сверстников многих потеряли, побито все кругом... Что говорить. Было. Прошло.

У Сани другая жизнь. Без потерь. Начало у него получается лучше, чем у нас с Андреичем.

То, что у нас любят Саню, нравится не всем. Вале-красивой, например, не нравится. Валя почему-то считает себя обязанной оберегать Саню, а мы его сильно загружаем.

Сегодня Валя совсем красивая. Вышла на смену в легком платье и в лаковых босоножках. Переодеваться, говорит, не хотелось. В постах кондиционированный воздух, комфорт, можно, казалось бы, работать, оставаясь стерильно чистым. Но на смену в чистом все-таки здесь никто не выходит. Бывает у бригады необходимость сделать срочную работу у печей или еще где-нибудь. Тот, кто выходит в чистом, как бы отклоняет от себя дела, выходящие за пределы формальных обязанностей. А это уже не по-товарищески.

Замечаю в глазах Аленки подозрительное свечение. Сейчас она, должно быть, задаст вопрос.

— А почему произошел сбой сегодня ночью?

Оглядываюсь. К счастью, Валя-красивая не слышит.

Упивается своим изображением в тубусе осциллографа. Научили на свою голову, прости господи.

Делаю внушение болтушке:

— Аля, у нас все в порядке. Прошу помнить.

— Да?

— Ирония здесь неуместна. Поговорим дома.

Хотелось бы знать, кто виновник разглашения нашего секрета. Андреич и Веня Носков про ночную неудачу пока ничего не знают. Маргарита? С Маргаритой мы встретимся только вечером.

Смотрю журнал. В журнале извечное: «Смена в порядке». Никаких записей больше нет. О том, что механизмы ночью трещали от перегрузки, конечно, ни слова.

Видно, Ким позвонил. Больше никому.

Вот уж бородатый любитель драматизма. Этому только подавай взрывы, пожары и прочие катастрофы. Без несчастий наш Кимушка тих и скучен, словно пустое ведро под дождем.

Мои негодующие экскурсии в область Кимовой психологии неожиданно прерывает Саня:

— Сбоя вчера не было. Точно. Я в машинном зале следил по приборам. Два цикла на автоматике прошли чисто, а потом Маргарита включилась и сделала аварию.

Ах ты Головастик!

Разбираем с Саней, что показывали приборы.

Разговор наш похож на допрос: что было на этом приборе? а здесь? сколько делений? а здесь?

Наконец добрались до истины. Один приборчик все-таки показывал, что Маргарита не виновата. Идем к механизмам. Демонстрирую Сане подлинного виновника наших бед. Цепляет порожек. Надо срезать.

— Давайте сами достанем горелку и срежем. Работа ведь чепуховая.

— К сожалению, Саня, не чепуховая. Простенькая, это верно. Но придется останавливать стан.

— Договоримся,— уверяет меня Саня,— не такие штуки проворачивали...

Неожиданно на площадку поста вышла Валя-красивая и щелкнула замком сумочки. Звук получился такой, будто взвели курок старомодного дульного пистолета. Сейчас Валя сделает четыре шага и...

Саня умолк. Смутился. Побрел за Валею. Теперь издали слышатся стоны плененного раба, привязанного крепкой веревочкой к колеснице:

— Ну, Валя... Да что ты, Валечка...

Увели Саню. Делать мне внизу больше нечего. Иду обратно.

Недели идут, а работа стоит. Люди Каюмова никак не доберутся до механизмов. На стане сейчас так много дел, что команда ремонтников по необходимости разрывается на части, соединяется в целое, ударяет одним широким фронтом, рассредоточивается по ряду узких фронтов и все равно до нас добраться не может.

В деловых отношениях нет ничего безнадежнее позиции человека, который проникся пониманием чужих трудностей и готов подождать. Будешь ждать до морковкиного заговенья.

Мы атакуем всех подряд — Каюмова, шефов, Настасьев и вовсе перестал к нам приближаться. Понимает, что это ему не крепление, крепление мы с грехом пополам сами наладили.

На оперативках поднимаем вопрос. Размахиваем бумажками. Настаиваем: подписали, согласовали — давайте делать. Нас слушают, соглашаются и тут же сдвигают по графику дальше. Получается вместо движения вперед съезжание куда-то в сторону.

Саня переживает. Был цветущий, жизнерадостный Головастик, а стал живой скелет. Смотрит в землю. Электроникой больше не занимается. Все у него на языке вертятся резак, шланги, ацетилен...

Заболел парень стремлением осилить эту неподатливую работу. Считает себя лично ответственным за наше ожидание.

Вздыхает:

— Вы бы согласились поработать в конце аварийного ремонта?

— Конечно, но аварий, слава богу, пока нет.

— Скоро будет.

— Откуда ты это взял?

— Будет авария, давно уже не было. Тогда я с ребятами договорюсь, выкроим для вас окошко.

Саня действует в точном соответствии с критерием Бейеса. И такой существует в теории вероятностей.

Например, сделали проводку к электрическому звонку. Подносят первый раз палец к кнопке. Зазвонит или не зазвонит?

В принципе, конечно, должен зазвонить, но всерьез этого никто утверждать не может. Многое зависит от исполнения, от качества звонка, качества провода. Надо нажать кнопку, тогда и узнаем.

Нажали. Звонит!

Каковы шансы, что будет звонок и во второй раз? Шансы на второй звонок при первой удаче уже существенные. Можете нажимать смелее. Вторая удача повышает уверенность в третьей и так далее. Чем дальше, тем увереннее.

В народе критерий Бейеса известен главным образом как поговорки: «деньги к деньгам». «беда не приходит одна», «один глаз кривой — и другой станет косить», «в дом, где смеются, счастье бежит».

Это все по Бейесу. Результат предшествующего события как бы предопределяет исход последующего.

Заводской народ поговорками пока не обзавелся, но опытные эксплуатационники предчувствуют аварию. Видимо, у них есть внутри для этого какая-то специальная машинка. Руководство перед аварией становится сердитым. На сменных рапортах гоняет молодежь, предупреждает, настаивает, объясняет. Приказывает держать нос по ветру и ухо остро.

Но авария все равно обрушивается. Жданная и нежданная. Ужающая по материальным последствиям и приносящая тайное облегчение: ну вот, грохнуло наконец. Теперь хоть можно будет спокойно работать некоторое время.

По мере освоения оборудования интервалы между авариями как бы растягиваются, подтверждая, что происходят они вовсе не по воле неведомого технике злого рока, а в точном соответствии с теорией. Скудеет поток отказов, становится стройнее и выше форма мексиканского сомбреро кривой Гаусса, и упорно растет критерий Бейеса. К сожалению, растет не так скоро, как хотелось бы.

— Пора тебе, Саня, в институт поступать.

— Уже. На вечернем второй год учусь.

— Это хорошо.

— Конечно, хорошо.

А вообще-то беда с институтами. Утром прибежал Андреич. Просит отпустить его на несколько дней. Сынок в Москве сдавал вступительные экзамены и не набрал проходную сумму баллов. Хочет Андреич ехать к сыну.

— Зачем тебе ехать? Что ты можешь сделать?

— Ты не беспокойся, приеду, отработаю. За мной не пропадет...

Уехал Андреич в Москву.

Пока мы с Саней обсуждали вероятность возникновения аварийной ситуации, линия стана вдруг высветилась красными огнями светодиффузоров.

Ахнули реакторы в машинном зале. Гул. Дым.

— Видите, — воскликнул Саня, — авария!

Надо бы печалиться. Несчастье произошло, а Саня не печалится. И Саню можно понять. У парня вырабатывается чутье. Не хуже других научился угадывать аварию.

Идем смотреть, что там приключилось.

На этот раз произошло и вовсе удивительное. Виновата автоматика, которая управляет обжатиями. Где-то в программе нечаянно

выпал маленький незаметный нолик, и вместо положенных ста миллиметров прокатали полосу толщиной с пальчик. Вернее, не прокатали, а попытались прокатать. Механизмы, естественно, заклинило. Стан остановили, и вот уже двадцать минут ищут, что поломалось.

Поломок не видно. Все целое.

Этого не может быть, потому что перегрузка была адская. Даже считать не хочется. Получаются какие-то астрономические цифры.

Наконец нашли.

Вызвали представителя завода-поставщика. Каюмов уже тут как тут, вертит в руках шариковую ручку — рекламации писать.

— Что тут писать? Перегрузили.

— Будем писать. Ненадежно.

— Перегрузили.

— Ненадежно!

— Перегрузили!

— Ненадежно...

Представитель побежал на телеграф жаловаться своему начальству.

Практиканты вокруг толкуются. Их много здесь бывает. На все цвета молодежь: когда желтенькие, когда беленькие. На этот раз все чернявенькие приехали. Цокают языками, удивляются, что все целое.

— Шурли,— говорю,— русская техника очень прочная. Мотайте себе на отрастающий ус.

— Клаузаль,— говорят,— в заданиях предел должен быть оговорен. Как это можно такие перегрузки выносить.

— ...В заданиях все правильно. Читать только их надо по-человечески...

Слышу позади себя чей-то обиженный голос:

— Вы все на нас жмете: то вам не так сделали, это не так, Настасьев сачкует, а Настасьев, к вашему сведению, никогда не сачковал... Видите, какой компот заварили, теперь придется трое суток безвылазно работать.

Ба! Бригадир Настасьев! Изволил приблизиться. Впрочем, сейчас мы для него совершенно безопасны. Действительно, компот заварили неслыханный.

Если нормальные сутки исчисляются в часах и минутах, то аварийное время считают по тому, какую часть работы сделали. Сколько осталось еще до конца этой непредвиденной, бросовой, досадной возни, которую тем не менее надо выполнить хорошо, по-доброму. Иначе авария может повториться.

Каюмов, словно большой жук, скользит между разобранными деталями клетки. Остановится на минуту, пошевелит усами, отдаст распоряжение и дальше скользит.

На другом конце завода по его приказу уже вскрыли склады, вытаскивают запасной агрегат. Погнали туда срочно автокран. Попутно вспомнили, что плита под двигателем имеет перекосяк. Двигатель по местным масштабам небольшой, каких-нибудь два человеческих роста, так что и работа сравнительно небольшая. Но все работа, работа.

Каюмов подходит иногда к злополучному шкафу с автоматикой, водит рукой по панели. Знать бы, что откажет эта штука, он бы ее приказал выбросить вон, дрянью такую. А не успел приказать. Промешкал. Подвел нюх.

На нашем участке тишина, но мы работаем с ожесточением. Не надо объяснять, что такое расхлябанность при наладке. Пример налицо. Действует лучше всякой словесной агитации.

Маргарита хмыкает:

— Понаставили ящиков. Нет от вас спасения. Раньше как хорошо было: на лошадках ездили, электричества никто не знал, а люди белые пироги кушали.

Откуда она знает про «раньше»? Что она, была раньше? Двадцать пять лет девице всего. Назло бурчит, чтобы только нам досадить.

— Рита, включи тумблерочек.

Маргарита смотрит через плечо сонным взглядом.

— Не включу.

— Почему, Ритулик?

— Все равно ничего у вас не получится...

Саня появляется на посту по два раза в день. Проверяет, не отчаялись ли мы вконец. Может, мы духом пали, бросили все и сидим с горя дома.

Здесь мы.

— Сборку уже начали. По графику окончание работ намечено на двенадцать часов. Поговорите с Иваном Евдокимовичем, чтобы ночь вам отдали.

— А люди?

— Останутся, я договорился.

Саня весь зарумянился. Еще бы. Он выступает как организатор большой работы. Правда, организатор самодеятельный, так что из того? Дело идет — вот что важно.

Под влиянием Сани с нас сползает тон бурчливого неверия в удачу.

— Саня, резак стоит просить?

— Не надо. Резак изготовлены, лежат в кладовке.

Иду к Каюмову.

Каюмов среди деталей разобранной клетки скользит уже не так легко, как вначале. Очугунел Иван Евдокимович. За трое суток не присел ни разу. Некуда. Кругом грязное масло и окалина. А начальник ремонта щеголяет в нарочито светлом пиджаке без единого пятнышка. Такова униформа начальника ремонта. Все помнит, самый чистый и никогда не спит.

— Иван Евдокимович, разрешите нам занять ночь.

— Которую ночь? Нынешнюю? Берите, все равно ночью стан раскручивать не будем. Надо народу отдохнуть.

— Значит, можно?

— Можно, почему же нельзя, все можно.

Каюмов смотрит на меня из-под набрякших век. Возможно, я ему представляюсь очередным агрегатом, который забыли отремонтировать. Потом спросил о главном:

— Зачем вам ночь?

— Будем резать порожек.

— Кто будет резать?

— Настасьев.

Каюмов только вздохнул тяжело, хмыкнул, буркнул чего-то и заскользил дальше.

Сидим в своей стеклянной башне и выслушиваем надвигающуюся осторожными шажками тишину.

Замер наконец вдали трамвайный рокот мостовых кранов. Кто-то бросил кувалду. В последний раз. Видно, больше не будет нужна.

Шепчет газ в пузатых магистралях нагревательных печей. Пламя в них чуть теплится. Дежурный режим.

Стихают человеческие шумы, и отовсюду все явственней слышатся торжествующие песенки сверчков. Поналезли, козявки. Тепло лю-

бят. Так и живут здесь круглый год среди разогретого железа. Тр-р-р... тр-р-р...

Помолчали, потом опять: тр-р-р...

Радуются, что представилась возможность насладиться звуками собственных голосов.

Час ночи. Саня звонит:

— Идем.

Мы готовы.

Из сумеречных далей выплывает команда. Большая. Это хорошо. Раскидывают шланги для подвода газа. Ходят, ходят. Потом все затихает. Шланги холодными змеями остаются валяться на земле, а люди растворились в полутьме, обложившей громады механизмов. Это плохо. Но будем терпеливы. Раскачиваются, должно быть.

Ждем. Два часа. Три часа...

Где Саня? Ни Сани, ни единой живой души поблизости.

Что-то неладно. Пойду смотреть.

Нашел я Саню в дальнем конце пролета. Саня за выгородкой механического участка шпыняет Настасьева обидными речами.

А Настасьев в это время спит. Спрятался лицом в кучу обтирочной ветоши, наваленной на слесарном верстаке, и только красный купол каски блестит под ярким светом лампочки предостерегающим сигналом: советую не приближаться, вас, критиков, много, а Настасьев один, как бы вам мною не подавиться.

— Эх, Настасьев! Неужели ты до сих пор не знал, что там нет кислородной магистрали?! — Саня говорил еще довольно долго, но уже все непереводимое.

Настасьев не шевелится, как будто не слышит.

Напрасно Саня сердится на Настасьева. Меня надо ругать. Только теперь я догадался, о чем мычал и хмыкал Каюмов. Моя вина. То, что на нашем участке не проведена кислородная магистраль, придумал, конечно, не я, а вина все равно моя. Надо было мне как следует проверить. И не полагаться на организаторский гений Сани. Саня молодой, ему еще учиться да учиться. Я должен был все проверить. Все до последнего вентиля и последней гаечки.

Сорвалась работа. Произошла катастрофа, и последствия ее будут ужасны.

Иду обратно. Еще издали замечаю на бетонном пьедестале странную фигуру. Насколько помню, статуи здесь устанавливал никто не предполагал. Наверное, это кто-то из наших.

Ну, конечно! Это Ким!

— Ким! Ким Викторович!

Ким Викторович ничего не слышит. Выставил вперед бороду, обстриженную авторитетной лопаточкой, мускулистые руки его делают какие-то странные отпихивающие движения. Кажется, будто хочет вырваться из этой крошечной неразберихи. Бежать! Довольно!

Ким у нас заканчивает диссертацию. Еще полгода — и станет кандидатом наук. Соприкасаясь со всеми сложностями и непорядками нашей жизни, Ким порой впадает в смятение и начинает бредить переходом на чистую работу. На той работе можно будет носить ученую ермолку. Можно будет мыслить. И не Каюмов, этот жестокий пень, измученный критериями надежности, а доверчивые и чистые девушки в белых халатиках будут внимать его мыслям. Записывать будут. Цитировать будут. Портфель себе Ким заведет большой и красивый. В командировки будет ездить только в крупные центры... Не будет этого противного железа, пыли, масла, окалины, поломок, наладок, ошибок, гонки, попреков...

— Ким Викторович!

— А?

— Будите людей, Ким, и можете идти домой.

— Опять сорвалось?

— Сорвалось.

— Я так и знал.

Ким, Веня, Катя, Аленька пролезают через вентиляционные щели в стенах цеха и, покачиваясь на отсиженных во время сна ногах, уплывают в рассветную даль.

Завидую. Сейчас они будут идти по чистым тротуарам, под лучами рассветного солнышка. Придут в гостиницу, спать лягут. А мне отказано даже в таком невинном утешении. Надо оставаться здесь и ждать утра, чтобы отчитаться за наши ночные подвиги. Утром будет оперативное совещание. На совещании мне будет совсем плохо, потому что подвиги наши все не того качества, какое бы нужно было. Со знаком минус наши достижения, и к тому же я отпустил команду. В шутку это здесь называется «остаться без кода».

Без «кода» на оперативках выступать трудно. Когда рядом свои, кажется, что легче дышать, настаивать, легче спорить. Заблуждение, конечно. Если виноват, то свои становятся уже не в счет. Однако заблуждение это столь устойчиво, что без свиты на оперативки позволяют себе являться либо личности, чрезмерно в себе уверенные, либо такие представители, которым нечего терять. К сожалению, я отошусь к категории последних. Мне терять практически нечего.

Встает солнце. Приходят люди. Пролет постепенно оживает и полнится привычными звуками работающих механизмов. Стан пошел.

На оперативку я являюсь и вовсе в неприличном виде: без бумажек. Ким унес спросонок папку. От индивидуума, не вооруженного увесистой папкой с бумагами, за версту пахнет унылым духом слабости. Нет подписей и печатей. Нет реквизитов и прочих канцелярских аксессуаров, которые защищают тебя и указывают путь в опасном плаваньи по заводам представительства. Личность без бумажек может выглядеть вполне симпатичной, но силы юридической у нее нет. Такую личность можно без боязни лягать, топтать и ставить в угол.

Занимаю место. Вокруг меня незаметно образуется небольшая пустота. Кресла сбоку, спереди и сзади остаются свободными. Должно быть, печать несчастья ясно прочитывается на моем измятом челе, и никому не хочется пачкаться об чужое невезенье.

Сейчас меня будут бить. Наделано столько неудачных шагов, что очередное несчастье стало для нас наиболее вероятным исходом каждого будущего события. Все по Бейесу, так что можно и не переживать напрасно.

Идут.

Мерно топоча ногами, прибывает руководство. Главный инженер, главный технолог, главный прокатчик, главный энергетик, главный снабженец. Секретарша только не главная, будет протокол писать.

Выспавшийся и побритый Каюмов делает вид, что совсем меня не видит. Крепко бить будут.

Вызывают.

Зачем это вдруг с меня начинают? Начинали бы, как обычно, с Епишникова...

Докладывает Каюмов.

Мы придумали никчemuшную переделку, требующую колоссальных затрат труда.

Неправда, переделка нужная. Ищу глазами Федю, но Федя отво-

рачивается. Его это дело не касается. Чертежи взяли, извольте выкручиваться сами...

Мы постоянно требуем для себя каких-то неслыханных льгот. Все работают, а мы только бегаем и кляузничаем...

Оперативка осуждающе шевелится: подумать только, какие нахалы!

Наконец, мы самовольно оставили рабочих на ночь, ничего не сделали и задержали пуск стана...

Хитро закручено. Каюмов дал отдохнуть людям своей властью и должен бы сам отчитываться за такое решение перед начальством, а тут мы подвернулись, и он как бы ради сокращения переписки присоединил к нашим винам и не совсем нашу.

Ну что же, пусть присоединяет. Семь бед — один ответ.

Каюмов кончил.

Главный прокатчик вытянулся в струнку и чеканит приговор. Громко чеканит, чтобы всем страшно было. Отменить... Указать... Возложить... Запретить... Предложить или составить совместный акт о консервации работы...

Ну нет, дудки! Заявляю, что на такое дело мы пойти не можем. Закатился прокатчик сгоряча в компетенцию самого большого начальства, которого нам с заводских колоколен не достать.

— Если вам так хочется, пишите акт одноместный, без нас.

— Ладно, — откатывается прокатчик, — посоветуемся, решим вопрос в рабочем порядке. С вами все. Переходим к следующему пункту...

Иду домой.

Влепили нам предупреждение. Целые полстраницы заняли в протоколе лозунгами: «запретить», «указать». А за что? Что нам, больше всех надо? Плевать. Подпишу акт на консервацию, пока просят похорошему. Если составлять бумагу с умом, никакое высокое начальство не откажет. Значительная производственная перегрузка, экономически нецелесообразно, в соответствии с анализом... Мало ли какие слова можно поставить. И главное, все довольны будут. Пусть тогда Каюмов с Федей все нам делают. А мы смотреть будем. Принимать. А сейчас акт подпишем и домой поедем. Так-то... в соответствии с анализом...

В гостинице наша комната заперта, ключа у дежурной нет. Что они, с ума посходили? Иду к девочкам. Навстречу из двери выпадает прямо мне на грудь Андреич. Веселый вдрызг.

Радость у Андреича. Невероятная удача. Сынок со своими непроходными баллами прошел. Прошел! Студенческий билет уже дали.

А получилось все просто. Проще ручки от зонтика. Парень в страсти после провала никуда не ходил, валялся на койке в общежитии, а те, что поживее да поактивнее, стали забирать документы из института. Бежать наострились на другой конкурс. Бегали, бегали и добегались, баллы сынка стали проходными. Привалило, как говорится, дурацкое счастье.

Будем это дело отмечать. Андреич привез из Москвы.

Кто его рассматривает, счастье? Счастье берут и радуются. А рассматривает счастье тот, у кого его нет. Ковырятся, мудрствуют. А чего? А какое оно? А может, оно не мое. А может, оно еще чье? Верно?

С этим все согласны.

И вообще мы неправильно себя ведем. Надо делать так, как делал сынок Андреича. Лежать нам надо, а Каюмов пусть бегает. Верно?

Это идея. Лучше всех.

А вообще-то, можно плюнуть на все и ехать домой.

Все замолкли.

Чего это я? Спьяну, что ли?

Серьезно говорю. Подпишем акт на консервацию — и по домам.

В головах нашей команды начинают выстраиваться всякие комбинации. Как в шахматной партии. Каждый просчитывает про себя ходы: пойдешь так — пропадешь, так пойдешь — потеряешь качество. Ты так, они так, ты так... ничья. Что и требовалось. По-честному ведь поедем. Бумаги нам подпишут. Претензий никто предъявлять не будет... Ничья.

Андреич сразу вышел из игры:

— Делайте что хотите, мне все равно. Могу теперь сутками работать, тем более что я должник перед вами. Сами решайте.

У Кима путевка горит. Но дело, конечно, не в путевке. Если все поедут, он не останется. Что он сможет один сделать полезного?

Веня Носков человек прямой. Чего скажет коллектив, то и будет делать. Хотя ему не мешало бы и на самом деле домой съездить. Жена паникует, детсадж на карантине, не с кем ребенка оставлять.

Где-то внутри Кати зашевелились черепашки. Первая подтолкнула вторую, вторая — третью... Катя сильно порозовела. Надо ведь и ей высказаться. Однако Аля опередила Катиных черепашек. Вечно наша Аля всех обгоняет.

— Так чего? Бросим?

— Кого бросим, Аля?

— Автоматику бросим? Три года работы кошке под хвост?

— Но ведь не насовсем.

— Да?

Врем, конечно, сами себе. Практически насовсем. Если упустим нынешнюю благоприятную обстановку, когда на наладку дают целые смены, то потом мы такого счастья уже не получим. Здесь работать — это все равно что в трамвай на ходу вскакивать. Сейчас время разгона. А когда стан наберет проектную скорость, никто нам не даст отладить автоматику как следует. Кричать на нас будут, гнать, и машина останется недонянченной дитятей.

Потом будут смотреть на нее с досадой: мол, подсунули, проходимцы, дистрофика и сбжали. Потом срежут автогенем и выбросят. Дрянь автоматика, не пошла. И мы тоже дрянь. Будут вспоминать, как нас гоняли на оперативках, и нехорошо улыбаться. Потому что труды авторов — это их личное дело. Никого не интересует, сколько ты там потов пролил. Ты покажи, что сделал, и извините за грубое выражение, проваливай. Не стой на дороге. Не мешай людям работать.

Пока мы дебатировали выступление Али, выпутались Катини черепашки и тоже стали высказываться:

— Дураки вы все. Мне тоже к маме надо ехать, ну и что?

Действительно, ну и что?

Катя порозовела еще больше. Глаза выражают полное к нам презрение и даже гнев. Хотя по-настоящему Катя всех нас любит и со всем не считает пропащими. Это мы знаем наверное.

— Из-за одной несчастной точки на кальке без премии меня оставили. Было ведь? А сколько пилили! Подумаешь, транзистор сверху ногами поставила, ну и что?

— Ну и что? — Мы уже освоили Катин ораторский прием.

Катя вдруг задышала глазами. Сперва они стали большими-большими, словно шарики, которые кричат «уйди-уйди», потом сощурились, потом опять расширились. И потом оттуда полилось:

— Диалектики проклятые. Вам бы только издеваться. Уво-олююсь...

— Катя, Катя, да что ты, Катюша!

Кто-то впопыхах сунул Кате стакан. Там было прозрачное, но не вода. О ужас!

Катя фыркнула, словно пульверизатор. По комнате поплыло синее облачко аэрозоля, который тут же вспыхнул от сигареты в зубах Кима.

— Мама! — Ким, спасая свою бороду, нырнул с головой под подушки.

Побежали за водой для Кати. Три раза пробовали. На этот раз вода. Валимся с ног от хохота. Что-то делаем, подаем, отнимаем, суе-тимся, утирая катящиеся слезы, но друг на друга не смотрим.

Беда с девчатами. Не понимают они самого главного.

Общественного характера труда не понимают. Момента целесообразности действия не понимают. Ничего не понимают. То, что девчатам дал один раз, потом уже обратно ничем не вырвешь. Это в них биологическое. Сердцем все воспринимают. Они хорошо помнят начало работы. Застольные разговоры. Споры. Пробы. Ошибки. Удачи. Винтики. Болтики. Все, все помнят.

Мужчины не такие. У них все грубее и хуже. Все в общем и целом. Не пойдет это, другое придумают. А на то, что было, мужчинам наплевать. Память слабая.

В общем, надавали нам девчата по щекам в моральном плане.

Теперь мы по-другому начинаем думать. И рассуждаем о другом.

...Каюмов небось уже бумагу заготовил.

Напрасный труд, Иван Евдокимович. Будет Настасьев, как и прежде, прятаться от нашей настырности. Жаловаться будете на нас, а все, что положено, все равно сделаете. Девчата не желают оставлять автоматику на тихое погребение. Для них нет понятия «наше», «ваше», для них существует только «мое» и «не мое». Не мое — это не мое, может рассыпаться в порошок и не жалко, а «мое» она никогда не бросит, будет нянчить, пока на ноги не поставит. Такой народ наши девчата. Скоро, говорят, матриархат введут. Вот когда мужчинам до-станется. Ужас!

А Каюмову — фигу... в рабочем порядке.

Нам больше всех не нужно, нам свое нужно. На том стоим.

Катя успокоилась, попудрилась, вынула закутанную в одеяла чашку с вареной картошкой.

Ах, картошка — объеденье, денье, денье...

Веня стал сосредоточенно натягивать на голову беретку.

Пойдет давать телеграмму, чтобы не надеялась жена и не мучи-лась. И там и тут женщины. Надо хотя бы от одной заботы отвя-заться...

Нет, нам только свое надо, но чтобы своего было больше всех. Жадные мы. Кругом не хватает. Холодильники, кастрюли, автомобили мы делаем. А кто же? Из бумаги кастрюльку не сделаешь. И Ким не убежит от нас. Ким понимает. Засохнет он от скуки на чистой работе. Кто к нашей работе привык, тому в другом месте все будет казаться ненастоящим. Потому что настоящее — здесь. Железное производ-ство. Вещи делаем. Людям делаем Человеческое.

Потом мы спать пошли.

Вени нет.

Нет здесь, значит, в другом месте он есть. В материальном мире ничего не исчезает окончательно. Это мы знаем точно.

Потом постучала дежурная.

Ваш, говорит, спит за телевизором.

Почему за, а не перед, как все люди?

Потому что наш Веня — специалист. Ему суть нужна, самая серд-

цевина. Стремится всегда узнать, что куда присоединяется. А картинки Вене ни к чему.

Перенесли Веню на кровать.

Все изучил, теперь может поспать с чистой совестью.

Поутру одеваемся в тяжкие доспехи. В начале работы были спецовки легонькие, а теперь обратились черт знает во что.

Называется — электронщики работают. Электроника — это тысячные доли вольта. Такой сигнал получаешь, если зажмешь потной рукой медную монету. Слабенькие сигналы. У себя мы скандалим с производственниками из-за одной капельки жира на панелях, моем все специальными растворителями, защищаем лаками, а здесь наша облизанная аппаратура должна работать в копоту, в окалине, в масле.

А как это сделать? Известно как — руками. Головой и руками. Головой тоже, но руками прежде всего.

Электронники в белых халатах на свете не существует. Высокие лбы, длинные формулы — все это липа. Хорошая идея, как правило, записывается на клочке бумажки. Потом начинают с идеей носиться, развивать, рисовать эскизы, графики, расчеты делают, но все равно — сколько ни рисуй, все это только лишь идея. Голая. Как бы подложка для будущего чуда. Голую идею требуется реализовать, одеть в металл, довести до массового применения. Так что белый халатик чаще остается висеть на гвозде.

Все это знают, да не все признают. Ждать доводки до предела долго и совсем не интересно. У некоторых сдают нервы.

Ходил сегодня на переговоры. Подбадривало нас руководство. Пока только телефонно.

Работать, говорят, надо.

— Мы работаем.

Проваливаете, говорят, план.

План, план, план, ран-тан-план — это песенка такая у французов есть про барабанчики.

— Вылезем.

— Прожектеры вы! Где отчеты по теме номер триста тридцать три?

— Идею номер триста... — Тьфу ты, навязла эта идея на язык. — Тему триста... В первый раз слышу.

— Где вам слышать, — упрекают. — Уехали и прохлаждаетесь!

— Конечно, у нас здесь Минводы.

Вот это я даром. Сейчас нас стукнут издали за неуместную живость в деловых разговорах.

— Откомандируйте Андреича, он здесь срочно нужен.

— А мы...

— Разговариваете много. Приказываем срочно откомандировать.

Очень хороший способ провалить любое дело. Можно рекомендовать администраторам, которые еще сами до этого не додумались. Надо выдергивать людей по одному, по два, пока работа сама по себе не замрет. Мотивировки известные: «срочно», «нужно там», «много разговариваете».

— На днях все выезжаем...

Откуда я это взял? Бог меня знает.

— Срочно откомандируйте!

— На днях, на днях выезжаем все!

Начальство наконец расслышало мое заявление.

— Когда выезжаете?

— ...Скоро.

— Не медлите, действуйте энергично. Подпишите акт на консервацию и выезжайте. У вас план. План, понимаете?!

И там и тут песни одни. Подпишите — и с плеч долой. А мы договорились не подписывать. И не долой. Автоматик наш. Роденький... Хорошо, что еще нет телефонов, умеющих передавать мысли. Узнай начальство про «роденького», пропали бы мы вместе с нашей автоматикой ни за понюх табаку.

Бредем по пролету. Откуда-то сбоку на нас налетает Коломенская Верста. Верста в очках, разговаривает избыточно звучным оперным басом, от которого слегка потрескивает где-то в районе верхнего шейного позвонка:

— Где были? Я вас с утра ищущу!

Это механик стана Политыко. На фамилию можно не обращать внимания. Досталась она ему по поговорке «пришей корове конский хвост». Парень Политыко простодушный и совсем не политик.

— Я вашего Настасьева вторую неделю ищущу — и ничего.

— Настасьев в отгуле. Покажите, что там надо делать.

Насчет Настасьева, мазурик, говорит неправду. Просто не может управиться неполитик Политыко с хитрецом Настасьевым и ходит работать за своего подчиненного. Впрочем, это совсем не наше дело. Политыко хочет работать. Не будем лишать человека удовольствия.

— Зовите резчика.

— Газорезчик уже пошел.

Чудеса!

Приходим к механизмам. Резчик на месте. Раскидал шланги и сидит болтает ногой.

— В чем дело?

— Газа нет.

Это мы знаем давно. С той самой памятной ночи. Газ сюда надо носить.

— Пошли, дам.

Втроем идем к будке, окрашенной в голубой цвет. Политыко вытаскивает пятипудовый баллон. Я присел на крылечко будки и болтаю ногой. Теперь мой черед.

Политыко затравленно водит очками.

— Ну, бери, что ли...

Интересно узнать: кого это он призывает брать? Меня? Я здесь ни при чем. Мне своего таскания хватает. Надо полагать, резчика. А тот, будто на смех подобрано, как раз по пояс Политыко. Ну, ну.

Подхватывают, несут. Через двадцать шагов баллон со звоном шлепается на стальную плиту. Политыко споткнулся.

— Осторожно, ты... Резьбу побьешь!

Политыко обиженно поправил грязной рукой галстук. Нахал! У механика стана в подчинении сотни таких, и каждый будет здесь язык распускать...

Но резчик вовсе не склонен спорить с начальством. Подставил спину в прогарной зеленой куртке:

— Подкинь.

Оскорбленный Политыко помог взгромоздить баллон на спину и молча побрел вслед за резчиком.

С этого и надо было начинать. Здесь так обычно и носят — на горбу. Так сказать, имеет хождение местный вариант малой механизации.

Подключили горелку. Зашипело пламя.

Решаем попробовать, сколько удастся сделать на одном баллоне. Слежу, как в бетонную яму с фурчанием сыплются снопы брызг расплавленного металла. Там механизмы, масло... Может загореться.

— А, ничего.— Политыко беззаботен, словно воробышек.— Ничего не будет... Не в первый раз...

Не знаю, как там получалось у них в первый раз, но на этот раз все вышло так, как должно.

Снизу полыхнул столб огня. Газорезчик, спасая свои прогарные штаны, скатился на землю, поминая по очереди святых угодников и ближайших начальников. Дымное пламя ползет по железу, слизывая багровыми языками пузыряющуюся краску.

Саня выскочил из машзала.

— Вы что, очумели? Двигатели загорятся. Там все под напряжением.

Хватаемся за огнетушители, душим пламя углекислотой. Пролет заполняется клубами коричневого едкого дыма. Политыко послал сказать, чтобы не вздумали вызывать пожарную команду. Не хватает нам еще такой напасти.

Завершив героическую схватку с огнем, который сами же и зажгли, смазываем друг другу вазелином подгоревшие места.

Потом подсчитываем по Малинину и Буренину, сколько потребуются баллонов на выполнение всей работы. Получается очень много.

— Пойду машину заказывать,— решает Политыко.— Пускай дадут машину баллоны возить.

— Не надо машины,— вмешивается Саня,— зачем машина? У вас в кладовке шланги лежат?

— Лежат.

— Подберите длинный шланг и подключайтесь им к ближайшей точке. Зачем вам машина?

— А верно,— обрадовался Политыко.

— Еще бы, конечно, верно.

— Счас будет...

Смотрим на убегающую вдаль долговязую спину. Затурканный. Загоняли парня. Думать отучили. Где тут думать, если человеку приходится работать за всех.

Но Саня-то, Саня!

Подтолкнул ногой обрезок железки:

— Возьми, Петро, листик, положи под горелку.

Резчик подложил листик. И очень хорошо подложил, брызги металла больше не будут попадать в яму.

Саня хмыкнул, подмигнул Петру и пошел к себе.

Вот эдак, мимоходом, сберег Саня цеху пару тысяч рублей. Баллоны ведь денег стоят, да грузчикам надо было бы зарплату платить за погрузку и разгрузку, а что касается защиты от пожара, то Санина железка вообще бесценный подарок производству.

Однако для Сани главное не в деньгах, для него важно, что нашлось решение случая, из-за которого мы в свое время потеряли целую ночь. Вот как надо было тогда действовать. Потому он и подмигнул. Хотел, наверное, мне подмигнуть, да постеснялся. Подмигнул Петру.

В посту дребезжит хромированная чашечка звонка. Диспетчер предупреждает по телефону, что на оперативке будет директор. Приехал из-за границы.

Теперь становится понятной причина нежданной активности цехового руководства. Политыко подослал сюда не зря. Таким способом нам хотят прикрыть протестующие рты: мол, не жалуйтесь, видите, все для вас делаем.

Ну, это мы еще будем думать, жаловаться нам или подождать. Сделаны пока только потуги, а работы как не было, так ее и нет.

Рассовываем по папкам ворох согласованных и пересогласованных бумажек. Девочки выравнивают в прическах самые маленькие завитки. Всей группой пойдем на оперативку. Наступает последний парад.

В зале красного уголка к нам тянутся с приветствиями десятки рук. Нынче не то, что в прошлый раз. Мы не виноватые. Наоборот, есть виноватые перед нами. И вообще с приездом директора понятие виноватости претерпело некоторые изменения. Прибыл «дух живой», на который многие из нас очень надеются.

Подаю Каюмову руку для пожатия:

— Как жизнь, Иван Евдокимович?

Морщится в ответ: глупые вопросы задаешь, наука.

Об актах на консервацию не вспоминает. Как будто не выносилось на этот счет никакого постановления. Зато о другом Иван Евдокимович упомянул:

— Даром вы поносите меня когда попало...

Да, нехорошо. Это надо было иметь в виду. Здесь все правобережье, на котором расположился завод, представляет собой одну семью. Знают друг друга по именам, по степени родства, кто что пьет и кто с кем живет. Больше того, сестра Каюмова работает в гостинице, и наши громкие разговоры, конечно же, дошли до ушей Ивана Евдокимовича. Ай, нехорошо...

Шелестят под окнами скаты автомашин. Едут!

Торопимся занять современные поролоновые гнездышки.

Чем только будут для нас сегодня эти сиденьица? Скамейкой подсудимого или зрительским местом? Кто знает.

В зал на полном ходу влетает руководство. Впереди директор Лиходедов, за ним прямо носом директору в затылок главный инженер, потом главный прокатчик и тутти кванти. Самое интересное, что кванти вместе с директором нынче одеты в шикарные курточки нежномышастого цвета.

Про курточки уже был разговор в кулуарах. Говорят, к ним грязь не пристаёт, можешь смело прыгать в отстойник, вынырнешь чище, чем прежде. Цвет, говорят, у курточек меняется в зависимости от настроения. Мышастый цвет — это значит начальство сегодня доброе. В общем, много чего говорят.

Курточки директор из-за границы привез. Понравились, ну и взял без оглядки, на всю наличность. Наличности хватило как раз на руководящую верхушку. Нас это устраивает. Теперь издали будет видно, где пребывают руководящие.

Прокатчик, желая показать, что они здесь не даром зарплату кушали, схватился сразу за листки протокола:

— На прошлом совещании было решено...

Лиходедов дергает прокатчика за полу:

— Дайте мне поговорить. Как-никак два месяца не виделись.

Директор невысок ростом, зато широк. Молод. Самого раннего директорского возраста. Глаза чуть навькат. Буркалы, а не глаза, пока не улыбнется. Сидит, подперев кулаками подбородок, а из рукавов курточки светят крахмальные манжеты с бриллиантовыми запонками. Умеет, черт его возьми, мужик одеваться.

Но не в запонках дело. Бог с ними, с запонками.

Директор вытащил записную книжку. Читает.

Цифры, цифры. И перед нами вырисовываются контуры стана, который работает всего год. Чужого. И компании и названия заводов — все там не русское.

Все чужое, а стан — наш. Скорости, сортамент, производитель-

ность. Это интересно! Где-то за морями крутят антиподы машину, совершенно похожую на нашу. Будто под копирку делались проекты.

Хотя как сказать. Наша будет лучше. Лиходедов говорит, что по производительности они уже у потолка. А для наших машин практически потолка не существует. Сколько надо, столько и отдаст. А надо всегда значительно больше запроецированного. Варварство, конечно. Из-за этого мы порой ругаемся, обзываем друг друга нехорошими словами, а потолки все равно перекрываются и потом о них просто забывают. Потом уже трудно разобрать, откуда резервы берутся. Кто сотворил это чудо? Все сотворили.

Правда, раскочиваемся долго. Но здесь долгой раскочки не будет. Лиходедов не даст.

Лиходедов строго шевелит носом: шумим сильно, будто детский утренник. Приступает к сравнениям. Не совсем ладные получаются сравнения. Он там болтающихся без дела не встречал. А может, болтающиеся в это время в столовой сидели? Откуда нам знать? Впрочем, Лиходедов докладывает результаты двухмесячных наблюдений, так что вряд ли антиподы могли обвести его вокруг пальца. Болтающихся, видимо, там и вправду меньше, чем у нас.

— Слушай, Антон Павлович, давай подпиши акт, честное слово, сразу уедем. Зачем будем болтаться? — Это руководитель грузинской наладки подает идею.

Смеемся.

Конечно, момент для сравнения выбран не очень удачный. Сейчас вокруг стана суетится целая армия наладчиков со всех концов страны. Молодежь стаями ходит. Экскурсанты разные, практиканты. Но директору все же виднее. Он сравнивает основной персонал, эксплуатационников. Ну, и в наш огород камешек, чтобы не размагничивались.

С техникой антиподы обращаются бережливо. Стимул у них один: проморгал, искалечил машину — ступай за ворота. Резервные агрегаты там закрашены белой известкой и включаются только с разрешения начальника цеха.

Начальник цеха Музгин чешет затылок. Подсчитывает, доведется ли ему поспать, если у нас завести такой порядок.

Лиходедов рассказывает про тонкий сортамент.

Навастриваем уши.

Этот сортамент извел нас окончательно. Что ни цикл, то авария. Операторов при слове «тонкий» бросает в пот. Скоро валидол начнут принимать.

Оказывается, там тоже долго бились с этой штукой, а фокус заключается в форме кулачков.

Лиходедов заглядывает в записную книжку. Рисует кулачки.

Ничего не скажешь, ценная у директора книжка. Много она нам нервов сбережет.

— А у тех машинка-то с бородой... есть лучшие варианты.-- Это Федя из шефмонтажа шепчет.

Отмахиваюсь: иди ты с твоими вариантами...

Вечно у нас так. Вариантов много, а окончательное решение, будто назло, неверное. Рабочие процессы плохо знаем. Еле-еле на троечку. Надо бы сидеть подолгу на действующих машинах. Смотреть, как люди работают. Думать. А мы уцепились за чертежные доски, словно клещи энцефалитные, и выдаем бумажный лепет.

Всыплет вам теперь Лиходедов перцу и будет прав. У него книжечка, а у вас одна сырость в головах. Варианты...

Федя на оперативку пришел один. Говорят, директор собрал ше-

фов ночью, нагрузил целой горой идей и пообещал отпустить всех домой, если быстро сделают чертежи.

Стены зала внезапно начинают дружно ухатъ и качаться. Как будто землетрясение разразилось. Это рабочий класс поскакал на обед. Столовая как раз над красным уголком, на втором этаже.

Секретарша выбежала в вестибюль стыдить ребят. Директор ведь, совесть иметь надо.

Начинаем потихоньку ерзать в своих креслицах. Все, что рассказывает директор, конечно, чрезвычайно интересно, но... долго сидим. У каждого куча неотложных дел.

Лиходедов смеется:

— Понимаю, засиделись, давайте текущими вопросами заниматься.

Главный прокатчик схватился за листки протокола, читает по порядку, кому на сегодня записано покаяние приносить.

Нам еще не скоро. Начали, как обычно, с Епишникова. Этот Епишников всем на зубах навяз. Скала, а не человек.

Однако погрузиться по-настоящему в винты, болты и коробки оперативке сразу не удастся. Кто-то обмолвился об экономике, слово за слово — и грянул настоящий производственный скандал.

Музгин отказывается дальше так работать. Напустили в цех науку, а толку от нее не видно. Какой смысл крутить стан, если рулоны рассыпаются и их не принимает железная дорога. Надо рулоны закреплять.

В начале повествования, когда вам предлагался металл, аккуратно обвязанный стальным пояском, было, скажем прямо, допущено преувеличение. Обвязывать рулоны пока что ни одна машина на свете не умеет.

Лиходедов говорит, что у тех сидит человек и обвязывает. Очень хорошо получается.

Так это у тех, а у нас на такую работу исполнителя просто не найти. В цехах и сейчас трудно. Никто не хочет идти на посты, где не надо думать. Не помогают ни уговоры, ни надбавки к тарифу. И к тому же подобную затею немедленно забодает охрана труда. Рулоны горячие, и работать возле них человеку вредно. Здесь вам не антиподия.

У Лиходедова засветились глаза: черт возьми, такая мелочь, а жрет металл. Стукнул по столу:

— Посадить, пускай обвязывают!

Чистый Бонапарт. Охраны труда не боится!

Музгин возражать больше не стал: зачем даром ссориться, все равно запретят.

Записали мнение директора в протокол.

Лиходедов, понимая, что пересолил малость в аргументации, подкрепленной стуком по столу, переключился на Федю: что думает наука по этому поводу, ведь из-за нее здесь спорят, пусть наука выскажется.

В чем дело, товарищи, Федя готов дать разъяснения по затронутому вопросу:

— Несмотря на исключительно сжатые сроки, проблема прорабатывалась, имеется несколько вариантов решения...

Все ясно. Садись, Федя, ничего у авторов проекта нет. После оперативки директор зайдет к шефам, чтобы предложить одну идейку...

Хохочем: попали шефы в положение деятелей, которым уже нечего терять.

Веселится кворум. А почему бы и не посмеяться молодежи? Каж-

дому из нас не наберется и тридцати лет, если в среднем считать на человека. Жалко только, что седины многовато.

Планы, мысли, задания, неудовольствие начальства, всякие приходящие обстоятельства заставляют работать на пределе сил. И прятаться нельзя. Индустрию не строит тот, кто любит играть в прятки. Такая работа.

Снова Епишникова спрягают. Каждый имеет слово к этому краснолицему предводителю лихого племени монтажников. Пострадавшие хрипнут, перечисляя недоделки, а Епишникову хоть бы что, даже жарко не становится — такой у нас закаленный мужчина Епишников.

Стоит, зажав в кулак пачку протоколов, и цитирует их наизусть. И все как-то так получается по цитатам, что Епишников никому ничего не должен. Все уже давно готово. Есть, конечно, незначительные огрехи, но они не имеют принципиального значения, и так все прекрасно работает, он уже об этом докладывал. Не понимает, почему так много разговоров.

Феноменальный товарищ.

Подошла наша очередь. Встаю. Тихим голосом резюмирую записи в протоколе:

— Ничего не делается.

Лиходедов не сразу ухватывает суть. Здесь не привыкли к докладам о невыполнении.

— Не выполнено, что ли?

Уточняю:

— Ничего не выполнено.

В диалог без спросу вмешивается Каюмов:

— Наладку автоматики группа проводит спустя рукава. На этот счет есть постановление.

Нехорошо, Иван Евдокимович... Постановление. Прибавляю голосу, чтобы больше не мешали нашей с директором беседе:

— Автоматика готова. Необходимо срочно выполнить корректировку механизма.

— Корректировка выполняется, люди на месте, идет развертывание фронта работ.

Ах, Иван Евдокимович, Иван Евдокимович...

— Пожар там устроили — вот и все ваше развертывание, товарищ Каюмов!

Лиходедов сверлит буркалами поочередно то меня, то Каюмова. Кто-то из нас перебухал краски в описании картины. Я, естественно, черной, а Каюмов — розовой. Такие случаи бывают довольно часто.

— Что за пожар?

— Загорелось масло в системе смазки.

Лицо директора приобрело выражение сочувствия, которое совершенно невозможно в этом железном мире. Просто Лиходедов смеется над беспомощным представителем прикладной науки.

— И что же? Вы так и оставили там все гореть?

— Пожар потушили, но нет уверенности, что его не зажгут вновь. Цеховой персонал проводит работы без соблюдения правил техники безопасности.

Ага! Попал. Сейчас Каюмов получит направляющий импульс огромной мощности.

Сожалею, мой друг, но что поделаешь. Не надо было вмешиваться.

— Немедленно отправляйтесь на место! Проследите лично! — Это Каюмову.

Направление Каюмов получил, но вопрос до конца не выяснен.

А надо, чтобы до конца. Задерживаюсь.

— Прошу указать окончательный срок.

Лиходедов впадает в меланхолию. В зале начинает казаться, что наступило непредвиденное затмение светил или еще что-нибудь более страшное.

Вообще-то нехороший я человек. Получил у директора такую фору, и все мне мало...

Слышно, как Лиходедов втягивает в себя воздух. Сейчас будет гром.

— Оба отвечаете за работу! Утром доложить. Все.

Теперь действительно все. Дружно снимаемся с места и спешим вслед за Каюмовым.

У механизмов полный порядок. Резчик по-прежнему болтает ногой. Окурков только вокруг стало больше.

Каюмов сердит до невозможности. Набрасывается на меня:

— Ну, где пожар?

— А где работа?

Уличил, называется. Пожар вполне мог быть, а работы как не было, так ее и нет. Скоро газорезчик на обед пойдет, а там будет сделан еще один малый перекур — и смене конец. И вообще, пустой разговор. Директорское «утром доложить. Все.» для посвященных значит, что вопрос из протокола исключается. Считается, что уже сделано. Участь того, кто не выполнит этого самого «все», неизвестна, поскольку такого здесь еще не бывало. Вряд ли Каюмов захочет быть первым исследователем бездны директорского гнева. Не тот человек. Совсем не исследователь.

Каюмов снимает телефонную трубку.

— Настасьев?.. Кончайте футболить, Настасьев... Шланги?.. (Киваю: шланги нужны, пускай несут.) Волоките шланги... Одна нога там, другая здесь...

Из туманных далей выплывают шланги. Появляется бездельник Настасьев. Блестит начищенным зубом.

— Не отходить до окончания работ. Вторую смену подготовить. Утром доложишь. Ох и возьмусь же я за тебя, Настасьев!

Смотрим, словно замороженные вороны, на острый язычок кислородно-ацетиленового пламени, режущего металл. Процесс уничтожения упрямого порожка воспринимается нами как волшебство, которое принесет каждому из нас что-то такое, на что мы уже давно утратили всякую надежду.

Спадают оковы, надетые на нас неудачливой нашей судьбой. Ким вновь обретает тихую веру, что пропадет его путевка, Веня — что сможет посидеть со своим пацаном дома, и все мы ободряемся духом, чувствуя, что сдвинулись с точки замерзания.

Газорезчик совсем не в курсе наших глубоких переживаний и поэтому не может понять, с чего это вокруг столько народу столпилось. Хронометрируют, что ли? Или экзамен устроили? Так ведь это не работа. Баловства сплошное. На второй, ученический, разряд.

Петро откладывает в сторону горелку и долго шарит по карманам в поисках сигарет.

Мы понимающе молчим: устал рабочий человек, пусть покурит. Поспешешь — людей насмешешь, столько ждали, подождем еще немного.

Петро сдвинул на лоб защитные синие очки и стал рассматривать нас взглядом, не обещающим ничего хорошего.

— Не по чертежу делаю?

— Ну что вы, Петя! — Показываю Пете большой палец да еще присыпку сверху. Отличная работа.

— Тогда катитесь отсюда... кхе, кхе.— Резчик вспомнил, что при девчатах не все направления можно указывать полностью.— Что у вас, своего дела нет, что ли?

В душе мы совершенно согласны с Петром. Не дело делаем. Человек работает, а мы ему под руку заглядываем, словно экскурсанты безродные. Идем домой.

По дороге заходим на почту для производства телеграфных раскопок. Пока дело не клеилось, мы не брали корреспонденции «до востребования» и там скопилось какое-то количество телеграмм.

Получаем толстенькую пачку: «Информируйте ходе работ» (работа стояла, хода не было, информировать было не о чем), «Прошу срочно выслать сводку выполнения» (видно, плановики текст телеграммы готовили, плановики — вежливые люди; выполнение было ноль и осталось ноль, но видятся некоторые изменения), «Молчанием нарушаете дисциплину объявляем на вид» (говоришь — нехорошо, молчишь — получается еще хуже, попробуй после этого угодить руководству). И далее все в таком же роде. К счастью, теперь эти телеграммы интересны для нас разве что только в археологическом смысле.

Послали обширный отчет о том, что все прекрасно, будет еще прекраснее, просим немного потерпеть, продлить командировки и выслать денег.

На оперативки больше не ходим. Все, что положено нам, сделали. Рассчитались сполна. Теперь мы все собрались на посту. Занимаемся подчисткой «метелок», торчащих из аппаратуры.

Веню Носкова посадили выравнивать монтажи. Чтобы было как в строю: четвертый транзистор видит богатырскую грудь первого транзистора и так далее. Веня, высунув кончик языка, орудует паяльником.

Венечка у нас ювелир. Все у него получается чистенько и даже, можно сказать, художественно. Но работничек Веня не сахар.

— Вы дайте мне последнюю схему, чтобы я ее сделал по-доброму, а не ковырялся без конца, как петух!

Вот ведь змей. Последнюю ему надо. Не любит, когда изменяют схемы, а работа в реальных условиях заставляет делать поправки, корректировки. Затем нас сюда и позвали. Впрочем, эта последняя. Больше не будет.

Вене нужен лак. Лака на заводе нет, и взоры наши обращаются на самоотверженных, добрых и сознательных девчат... В конце концов девочки с причитаниями и охами отдают нам личные запасы лака для ногтей.

Покрыли паечки лаком. Очень красиво получилось.

Каюмова беспокоит наше состояние. Что мы там делаем? Почему ничего не просим? Уж не поумирали мы там все?

Встречаемся где-нибудь — спешит с протянутой лапой:

— Ну как, наука, работаем?

— Да так,— отвечаю, придерживаясь стиля бессмертного Ивана Александровича Хлестакова,— все так как-то... кряхтим понемножку.

Морщится. А что сделаешь? Тащить нас к отчету не имеет права, мы в графике.

График у нас просторный. По такому расписанию, помимо наладки, еще можно успеть научиться играть на виолончели. Самое

комичное, что просторный график сделал нам сам Каюмов. В те времена, когда нас били на оперативках, сроки диктовал он. Тогда Каюмов не спешил, а теперь локти кусает. Теперь мы не спешим. Работаем обстоятельно, со вкусом, и ничем нас подогнать невозможно. Потому что у нас бумажки. Все согласовано, подписи на месте, время есть.

Однако время — вещь текучая. Сегодня время есть, а завтра его уже нет. Это мы хорошо знаем.

Разделились на смены. Днем исправляем монтаж, меряем, еще кое-что делаем, а ночью тайком от посторонних включаем автоматику и набираем так называемые часы наработки. Проверяем нашу машину в реальных условиях уже без скидок и нянек.

Для такой работы очень важно, чтобы на посту дежурил ленивый работник. Потому что официального разрешения у нас на включение автоматики нет и здесь риск от применения новой техники должен компенсироваться для оператора каким-нибудь реальным благом, ну, например, бездельем. Лентяй не станет жаловаться на то, что у него работу отнимают. Часики тикают, зарплата капает, и ладно. Лентяй не в обиде.

Очень подходящей в этом смысле оказалась Маргарита. Первую нашу неудачу она давно уже забыла и теперь с удовольствием просиживает ночные смены, наблюдая, как за нее работают серые ящики.

Стала разбираться в назначении ящиков и по-своему их оценивать. Например, шкаф с логикой Маргарите нравится. Логика работает часто, внутри у нее поют звоночки кварцевых резонаторов, мигают лампочки на панелях. Веселый шкаф. А вот анализатор она не уважает:

— Чего это он такой смурной? Не выпался, что ли?

— Он думает.

— Ах, думает... Индюк тоже думал.

Поэтому при передаче смены шкаф с логикой бывает вытерт масляной тряпочкой чисто, а шкаф с анализатором еле-еле.

Юмористка Маргарита неслыханная.

По утрам усиленно занимаемся бухгалтерией. Складываем, вычитаем, делим. Получается, что машину мы сочинили приличную. И по Гауссу и по Бейесу показатели в норме. Проживет автоматика долго и беспокоить эксплуатацию отказами не должна. Нет объективных причин для беспокойства. Все нормально. Можно сдавать. Но выжать, выпихнуть из себя нехорошую привычку к пробам, проверкам, переделкам не так просто. Все время кажется, что чего-то мы не проверили до самого доньшка, какое-то явление упустили из виду. А вдруг... А если... Проверяем еще раз вариант «вдруг», создаем ситуацию «если». Система проходит через все искусства без сбоя. Тьфу, тьфу, не слазить бы...

Хватит. Будем автоматику сдавать.

Тяжелая это процедура — сдача. Какая-нибудь мелкая загогулина, копейная неполадка может стать причиной провала. А проваленная сдача автоматики в промышленную эксплуатацию приводит к потере ничем не оценимого капитала — доверия...

Обыкновенное людское доверие ценится в технике ничуть не хуже, чем умение написать том ученых размышлений, почему земля круглая или насколько прогнется железнодорожный рельс от того, что на него села муха.

Мы исподволь подобрали для себя людей, которые узнали воз-

возможности автоматике и верят в нее. Жаль только, что людей таких у нас пока совсем немного и не всегда они под рукой.

Возникло затруднение с Маргаритой. Она работает в ночь, и ждать, когда перейдет в дневную смену, для нас слишком накладно. Целых десять дней придется ждать. Валю-красивую мы не считаем «своей». Про Валю мы пока, к сожалению, знаем только нехорошее. Валя-красивая — жертва автоматизации. Появилась в наше время такая разновидность несчастных людей. Валя до этого работала еще в нескольких цехах и отовсюду ее переводили в связи с автоматизацией и сокращением штата. И здесь ей не удержаться. Больно уж Валя любит разглядывать свой красивый облик и совершенно не интересуется техникой. Поэтому мы не можем доверить Вале нашу машину. Сейчас она молчит, но это происходит потому, что ее пока не спрашивали.

Нет, Валя-красивая нам не союзник.

Идем за Вале-черненькой. Черненькая всегда занята. Посылают ее подменной по всем постам, даже туда, где квалифицированные мужики еле с работой справляются. Валя у нас пробыла всего две смены, все поняла, сдала техминимум на отлично. А девчонке Вале всего восемнадцать лет.

Валя-красивая встречает Валю-черненькую грустной улыбкой:

— Повыгоняют нас, Валька, с такой автоматикой, вот увидишь.

— Ну и пусть, — отвечает черненькая, — пойдём, Валька, с тобой в официантки. Там тоже работники нужны.

Вот так в двух фразах и открылись обе Вали.

Валя-черненькая, кучерявый галчонок с быстрыми мальчишечьими глазами, представилась красавицей и умницей. А Валя-красивая, эта грудастая лебедушка, — обыкновенной неумной гусыней.

И добрая к тому же Валя-черненькая. Ей бы ответить, что уходить им обeim вряд ли придется. Достаточно будет, если уйдет одна. А не сказала. Пожалела. Можно подумать, что она втихомолку покровительствует подруге за ее красоту. У девчат профессиональное превосходство почему-то оценивается ниже, чем красота. Надо бы наоборот, а они не понимают.

Принимать автоматику пришел сам Каюмов. Большая для нас честь, хотя можно бы было прислать кого-нибудь помельче, мы бы не обиделись. Однако спорить нельзя. Мы понимали и раньше, что наши трения с цеховым руководством не пройдут для нас бесследно. Будет к нам в свое время проявлено особое внимание.

На посту все как в корабельной рубке перед боем. Ким — в центре. Командует рулем и машинами. Девочки за столом, подготовили путеводные схемы и другую документацию для плавания. Валя-черненькая возле пульта стоит. Саня в качестве боевого санитаря будет наши останки за борт выбрасывать в случае неудачи.

Валя-красивая в углу ревнует. Смена ее, а позвали черненькую. Инженер за Вале-черненькой ходил. Подумаешь, откопали академика.

Веня Носков и Андреич — пассажиры. Вымыли руки, сидят на поручнях, ведут мирную беседу про жизнь.

Первым от Каюмова достается Вене с Андреичем. Молодым людям пора уже знать, что на производстве сидеть на поручнях не положено. Можно упасть, головки побить, отвечать потом за них придется ни в чем не повинным людям.

Затем достается крановщикам. Каюмов показывает рукой, чтобы подавали металл непрерывно. Слябы пошли потоком. От массы разогретой стали взвиваются кверху столбы горячего воздуха. Видно, как

побагровели лица операторов на кранах. Но нас мало беспокоит самочувствие крановщиков. Главное — автоматика работает. Автоматика жары не боится.

Каюмов взялся рукой за ключ. Валя-черненькая с беспокойством посмотрела в нашу сторону, но мы молчим. Иван Евдокимович здесь хозяин. Делает то, что считает нужным.

Ключ щелкает несколько раз. Такое может случиться, если, например, оператор сойдет с ума... Однако сбой не произошло. Повезло. Избежали мы необходимости вступать в спор: «Перегрузили... ненадежно...» — в котором были бы обязательно проигравшей стороной.

Каюмов издает невнятные звуки, не поймешь, то ли радуется, то ли рычит про себя. Движением пальца командует Саню в машинный зал:

— Сходи, последи за приборами.

Саня голубем слетает вниз и докладывает по селектору:

— Ток в норме... Меньше нормы... Так же... Еще так же...

Здесь-то Каюмов должен быть доволен. Мы ему обещали, что срезанный порожек облегчит работу механизмов, и вот пожалуйста, не обманули.

— Смотреть еще или хватит? — спрашивает Саня.

— Хватит. Спасибо.

Каюмов вертит пальцами за спиной. Думает.

Можно было бы посоветовать ему еще несколько приемов для проверки, но не будем. Еще заподозрит нас в том, что мы здесь нарочно всякие фейерверки придумываем. Серьезные люди фейерверков не выдумывают.

— Ну, как автоматика? — Это вопрос к операторам.

— Ой, да ну ее... Ничего не разберешь, все мигает...

Такова реакция Вали-красивой. Недаром мы остерегались этого чучела.

— Что ты, Валя! Да что ты, на самом деле! Хорошая автоматика. Сколько металла сгрузили, я ни одного ключа пальцем не тронула. Хорошая автоматика...

Валя-черненькая покраснела. Плохо выступать против подруги. Мы здесь поработали, покрутились и уедем. А подруга останется. Но совесть рабочая у Вали-черненькой сильнее чувства солидарности с красивой подругой. Молодец, не подвела.

Каюмов подписывает журнал испытаний.

С утра до вечера проводим время на пляже. Ходить в цех во время испытаний, конечно, никто не запрещает, но надо учитывать, что каждое наше появление воспринимается эксплуатацией с подозрительностью. Зачем пришли? Уж не подкручиваем ли мы там чего-нибудь тайком. Иначе зачем нормальным людям в летний день лезть в духоту, когда к их услугам лес, река, чистый воздух, суточные, квартирные, кино и театры. Никто не поверит, что делаем мы это от чистой души.

Ким выражает желание позвонить. Звонить ведь не запрещается. Не запрещается, но утром уже звонили. Ответили, как отвечают в больнице: температура нормальная, наполнение пульса удовлетворительное, не беспокоитесь, в случае осложнений вызовем сами.

В карты играть мы уже не в силах. Отмотали руки. В воду не заходим. Кажется, за эти дни вымокли так, что даже в костях у нас что-то булькает.

Аля вспомнила, что за все время мы не прочитали толком ни одной газеты. Не мешало бы нам исправиться, почитать, пока мы все вместе.

Ну и что же, что не прочитали, зато мы смотрели. Бокс показывали по телевизору. «Кинопанораму» смотрели: И вообще мы не очень уверены в искренности Алиных забот. Аля у нас профгруппорг. Мы прочтем газету, а она возьмет и запишет это себе в актив под видом общественного мероприятия.

Алю обижает наша подозрительность. Читать культурным людям надо обязательно. И ничего с нами не станется, если она запишет мероприятие. Не обеднеем мы от этого.

Разгоревшуюся было ссору неожиданно останавливает Ким. Он готов сходить за газетами.

Ну что же. Пусть идет. Никто не возражает. А заодно, может быть, не поленится посетить телефонную будочку, она там рядом. Хотя нет, не стоит. Неудобно.

Ким уходит, а мы продолжаем смотреть пустыми глазами на солнце, на воду, на желтый песочек, на детишек, на девушек и на весь мир в целом так, будто бы это не мы лежим на пляже, а какие-то другие, избитые тоской люди смотрят паршивую кинокартину про чужие радости. Не нужны нам чужие радости. Кончались бы поскорее испытания.

Ким возвращается с газетами. О том, что ему ответили из цеха, не говорит. Наверное, нехорошо ответили. А ведь предупреждали: не звони, неудобно. Из-за собственного упрямства и пострадал. Впрочем, если обругали Кима по телефону, значит, не нужен. Значит, пока все в порядке. Ценная информация.

Разворачиваем свежие газеты, читаем первые страницы: коллективы рапортуют... выполнены обязательства... хорошее качество...

Мы тоже рапортуем телеграммой на свое предприятие.

Есть надежда, что наш скромный труд не останется незамеченным и потом про нас упомянут в прессе в конце списков передовиков словами «и другие организации».

Приятно.

Мир в огне. Войны, войны, засады, бои. А война — это много металла. Можно сказать, сплошное рваное железо.

Жалко. Столько труда пропадает. А люди? Люди гибнут.

И чтобы сдержать пожар войны, тоже нужен металл. Очень много металла. Будет металл для дела мира. Сколько потребуется металла, столько и будет.

Космос весь избороздили.

Здорово работают космические автоматчики. А ведь там тоже, наверное, как и мы... мучаются.

— У них тоже экспериментальщики чертежи теряют? — Опять эта Аля. Вот уж воистину неисправимый человек.

Естественно, тут же выступил с опровержением Андреич. Андреич у нас в экспериментальном производстве работает. Там взяли себе за привычку терять чертежи, а потом божиться, что ничего не получали и ничего не знают.

— Зачем говорить напрасно? Сперва надо разобраться, а потом уже наговаривать.

Успокаиваем Андреича. Не стоит расстраиваться. В конце концов, важно, что автоматика работает, а чертежи — дело наживное. Опыт мы здесь получили солидный и теперь сделаем новые чертежи, лучше прежних. Личные наши переживания наладке перейдут в машину новыми решениями, и все станет лучше.

Злая это неправда, когда говорят, что в технике нет места личному. Личность, характер, биография, темперамент, вкус неотделимы от творения человеческих рук. Говорят, автоматика стандартная.

Люди ведь тоже стандартные. Глаза, уши, руки, ноги у всех однотипные, а одинаковых людей на свете не бывает.

Так и в автоматике. Есть вещи с изюминкой, а есть безликие. В безликой вещи намешано как будто самое новейшее, а на деле расмотришь как следует — ничего нет. Пустое место. Остроумия нет. Все решено по логике правильно, а неэкономно получилось. Надежности в ней строго по расчету, но не более. Хилое творение.

Наговорились до хрипоты. Подумать только, на обыденной политинформации сочинили целый философский трактат. С чего бы это? Наверное, жара подействовала. Головы напекло солнцем. Впрочем, сегодня философствовать можно. Последний день вместе, завтра все разъезжаемся. Дома на столах ожидают нас очередные темы. Здесь почти все закончено. Пора.

Веня Носков заводит туманную речь, что не мешало бы нам, как прежде бывало, отметить...

Еще как не мешало бы... Собраться бы под сенью родных гостиничных стен, гитару занять у соседей...

Однако девочки сразу дают нам понять, что мечтания наши не вызывают в их сердцах никакого сочувствия. У них нет желания отмечать. Еще после того раза голова болеть не перестала. С посудой возиться не хочется, и вообще мы страшно опустили за это время. Стали какие-то маленькие, жадненькие, чумазенькие. Словно муравьишки какие-нибудь, а не гордые орлы-электронщики. Поэтому они идут отмечать день своего отъезда в ресторан, но нас туда не приглашают.

Догадываемся, откуда дует ветер.

Это все капитаны виноваты. Летчики.

Знакомы мы с этими летчиками достаточно. Приходили несколько раз к нам в гостиницу. Мы их сперва как своих встречали. В шахматы приглашали играть, а потом перестали. Оказалось, что оба капитана кандидаты в мастера по шахматам.

Тоже, летчики, называется, честные люди. Не могли сразу сказать.

Неужели какие-то капитаны дороже девочкам, чем мы, которые делили с ними все это время невзгоды и радости?

Дороже. А что?

Внутри нас шевелится волосатый ком обиды, и мы начинаем глухо ворчать:

— ...Конечно... военные... форма у них... тринчики и ментики... Алька с Катькой капитаншами будут...

Ну и будут, а какое нам до этого дело?

Неужели ничего у них в памяти не осталось?

Осталось. И в честь былой дружбы и любви Аленька своему первому сыну даст имя... Ким.

Ким повалился на песок. Какая честь!

А Катя... Катя свою девочку назовет Надеждой. Это будет как символ. Катя очень надеется, что когда девочка вырастет, ей ни под каким видом не придется иметь дело с такими въедливыми и беспокойными людьми, как мы. И показала нам в конце своей тирады язык.

Рассыпается наш дружный в былом коллектив прямо на глазах. И ничего не сделаешь. Работа окончена, уходим каждый в себя.

Всякому делу, сколько его ни растягивай, сколько ни запутывай отклонениями в сторону, когда-нибудь приходит конец. Закончили и мы свое. Автоматика работает, испытания прошли без замечаний,

казалось бы, можно вздохнуть с облегчением. Однако это не совсем так.

Вот подпишут акт, тогда можно считать, что работа закончена. Потому что в актах содержится неколебимая юридическая сила, которая будет отныне защищать ваше творение, а попутно и вас самих от недоразумений и напастей. Там обозначено черным по белому, что одна сторона сдает, а другая добровольно, без всякого давления извне, оставаясь в здравом уме и ясном сознании, принимает то, что изволила наделать сторона, упомянутая первой.

Естественно, что такую хорошую бумагу эксплуатация подписывает безо всякой охоты. И лицо, отважившееся заняться автоматизацией, помимо иных качеств, должно еще обладать завидной моральной устойчивостью, чтобы не сойти под конец с рельсов и получить все, что ему по праву положено.

За этим меня и оставили. Почему-то считается, что я самый устойчивый.

Ребята помахали мне на прощание крылом и улетели восвояси. Теперь мое дело ловить заинтересованных лиц и подписывать, ловить и подписывать.

Субподрядчик я. Нет у меня ни секретарей, ни юрисконсультов, ни поверенных. Сам, как говорится, себе закон, сам прокурор и по совместительству судебный исполнитель.

Шире шаг!

Первым в поле зрения попадает старший электрик. Нужная фигура. Издали слезу за перемещением голубой каски в угол между силовыми шкафами. Это хорошо. Насколько мне известно, оттуда нет потайного выхода. Не убежит.

Прячу бумажки в портфель, чтоб не демаскировали. Надвигаюсь.

— Привет!

— Привет,— затравленно откликнулась фигура.

— Как здоровье? Закуривай..

— Не курю я...

Электрик вертит шеей, а деться некуда. Проход перекрыт пухлой тушей моего портфеля.

— Чего это вы, ехать, что ли, собрались?

— Да,— отзываюсь с печалью, будто жаль мне с ним расставаться,— поеду... Вот только акты подпишем...

Электрик испуганно наблюдает, как из чрева портфеля вылезает на свет шелестящая кипа бумаг. Рассматривает отпечатанную колонку должностей и фамилий.

— А почему я первый должен подписывать?

— Ну что вы! Первый подписываю я.— Выхватываю ручку и заполняю кучерявым титлом самую нижнюю строчку.— А теперь ваша очередь...

Электрик осторожно выводит в своей строке невыразительный крючок.

— Надо подписать шесть экземпляров.

— Много чего-то, другие по три приносят, а у вас шесть...

Неправда твоя, красавец. Три экземпляра не приносит никто. Это немисливо при существующей системе отчетности. И вообще, чего там разговаривать. Пиши.

Повстречал Епишникова. Епишников увидел бумажки, замахал руками:

— К прорабу иди. Кривошеева знаешь? К нему иди, он тебе все сделает.

Смеюсь. Ничего мне не надо. Сдаю системы.

Епишников обрадовался, встал в позу богатыря Добрыни Никитича. Лошади только не хватает.

— Ну, здорово мы вам смонтировали? То-то. Приезжай еще. Освободимся немного, такого смонтируем — пальчики будешь облизывать. Документацию выдавай вовремя, все сделаем.

Хороший все-таки мужик наш Епишников.

Федю встретил. Федя цветет. Довели хромающие узлы до ума.

Повидал Саню. Голова и руки Сани погружены в развороченные внутренности силового шкафа. Виднеются снаружи только ноги в тяжелых ботинках. Сообщает, что наши системы для него — плюсквам-перфектум. Давно прошедшее время. Теперь ему по-настоящему интересная система досталась. Три недели возьтятся, а она свои дает.

Повезло Сане неслыханно.

Приношу Каюмову ворох бумаг. Его подпись завершающая.

Внимательно прочитывает каждое слово.

Читай, читай, свою работу проверяешь. Вместе мы текст готовили. Работали как два упрямы мемуариста, для которых любое славное дело происходило не благодаря, а вопреки поддержке соседа. Долго потели. Написали все так, что теперь ни один филолог не разберет, откуда что взялось. Кругом неопределенное наклонение.

— Вы знаете, надо сюда еще одну подпись заделать...

Вот досада! Действительно, мы забыли вставить подпись третьего помощника Каюмова, который, как известно, сам является помощником начальника цеха.

Такая хитрость здесь заведена кем-то. Каждую бумагу предлагают подписывать всем кому не лень. Казалось бы, это хорошо. Так сказать, проявляется широкий демократический подход в решении технических вопросов. А на самом деле никакой демократии в этом фокусе нет. Придумали чистой воды волюнку и пользуются ею без меры.

Впрочем, это все лирика.

Ноги уже не ходят. Неделю собирал подписи, а теперь начинай все сначала.

— Иван Евдокимович, у меня билет на вечерний самолет.

— Не могу, не могу,— разводит руками Каюмов.— Как можно без подписи. Потом столько шуму будет...

Надеется, мудрец, что за время, на которое я задержусь по его прихоти, в наших автоматах откажет какая-нибудь чепуха вроде сигнальной лампочки, и тогда вместо акта о благополучии он мне преподнесет акт по поводу ненадежности.

Ну что ж, чему быть, того не миновать. Соглашаюсь:

— Остаюсь. Это даже к лучшему, завтра оперативка...

— Зачем тебе оперативка? — съезжает Каюмов на «ты». — Оперативка тебе не нужна...

Соображает мужик. Задержать меня, конечно, нетрудно, но что толку? А вдруг ничего не откажет? Какова вероятность, что будет отказ? Как он ни морщится при упоминании о теоретических оценках надежности, а отчеты Иван Евдокимович смотрел. По Гауссу и Бейесу у нас показатели в норме. Отказа не будет, я на оперативке заявлю Лиходедову протест, и взбучка будет уже ему, Каюмову, за волокиту.

— ...У тебя все в порядке.— Придвигает обратно отторгнутые бумаги.— Зачем тебе время даром терять...— Вертит в задумчивости

странички.— М-м-да... Раз уж взял билет...— Подписывает.— Лети, не препятствую. Будь здоров.

Каюмов тоже хороший человек.

В последний раз иду на пост. Осторожно поднимаюсь по лестнице. Я теперь здесь посторонний. Могут попросить не мешать.

Как говорится, отзвучали торжественные аккорды, погасли огни в канделябрах, и остался от бывшего один только дым воспоминаний.

После электронщиков остается обычно дым с запахом ладана. Ничего удивительного в этом нет. Паяем мы с применением канифоли, а это почти то же вещество, что и церковный ладан.

На табло отображения все как положено. Мигают сигнальные лампочки. Работают механизмы на предельной скорости. Сбоев нет.

Маргарита на смене. Смотрит через стекло и тихонечко повизгивает:

— Уить, уить... Уить, уить...— Это она как бы помогает громоздким слябам съезжать на рольганг.

И улыбка ангельская. Очень довольна Маргарита. Производительность увеличилась, заработки стали лучше, а работать легче.

Вот ради этой улыбки мы и убиваемся. Портим нервы себе и другим. Бывает, спим плохо.

Она и есть наилучшая оценка наших трудов, что бы там ни писали про это дотошные мужчины в хитроумно составленных актах.

Рассказ «Сдаем автоматику» — первое произведение Рустама Шумелова.

Автор — участник Великой Отечественной войны, закончил Ленинградский институт киноинженеров, работал звукооператором Свердловской киностудии. Последние десять лет — инженер одного из конструкторских бюро Свердловска.

ЕФИМ ТЕДЕТЫ

★

К ПРОЗРАЧНОМУ РУЧЬЮ

С осетинского

Человека ранило в бою.
Он припал к земле —
спаси, родная!
Рану он рукой зажал свою,
жаркую кровавую струю
меж сухих лопаток ощущая.

Человек живет — красив, здоров,
счастлив, —
но пришла беда лихая:
мир его зажал меж жерновов, —
сдаться человек ему готов,
сдаться, ничего не уступая.
В грозный час нечаянной беды
жаркий пот рукой со лба стирая,
просит у врачей своих: — Воды!
Дайте мне скорей воды! Воды!
Слаще нет тебя, вода живая!

Чересчур великое — вода!
Из прохлады сотканное слово.
Имя твое звучное всегда
нас пленяет.
Ты всему основа,
синяя прозрачная вода!

Я налил стакан.. Прозрачно дно.
Может быть, налил в него я света!
Потому что, кажется мне, это
в нем свечение солнца зажжено,
и ничто в сравнение с ним вино!

Песни эти о воде пою —
жаждою наполненные песни.
Мы всегда в работе и бою
припадем к прозрачному ручью,
встанем,
и покажется — воскресли!

ДВА СЕРДЦА

Как все, ты с виду.
Но себя не возомни
хорошим, славным жителем земли.
Пусть скромен ты, как все твои друзья.
Но боль моей эпохи,
радость вся —
не для тебя была, как ни суди,
когда два сердца у тебя в груди.

В одном — извечный лепет о еде,
в другом — для вида
преданность мечте.
В одном — все «да».
В другом — все «нет».
Одним — в закат,
другим глядишь в рассвет.
Одно из льда — холодная броня.
Оно — себе.
Другое — из огня.

Другое сердце держишь напоказ.
Но вот когда
наступит трудный час,
каким из двух
на помощь будешь звать,
каким из двух ты вспомнишь
свою мать?..

Перевел *ВЛАДИМИР ЦЫБИН*.

КАШИФ ЭЪГАР

★

ЖУРАВЛЯМ

С кабардинского

Хоть за столом за эти все года
я не встречал вас хлебом-солью дома,
как на людей,
мне близких навсегда,
смотрю на вас, летящих возле грома.

Вам выпали лишь путь да непокой:
сегодня — здесь, а завтра — за холмами.
И дом покрыт ваш крышей голубой,
и услан пол густыми облаками.

За вами, как на белом скакуне,
мчит злая стужа под метельный шелест...
Скорей, скорей в кунацкую, ко мне!
Хочу, чтоб вы у сердца обогрелись.

Пылает солнце в очаге моем,
трещат всю дубовые поленья —
мы за беседой тихо проведем
осеннее, медлительное время.

Прощальное гортанное «курль»
пускай звучит с моею песней вместе.
Как мы соединяем наши песни,
сдвигают так на празднестве столы.

Я вижу вас
возле громов, вдали,
и вижу ваших крыльев взмах прощальный.
Вы заверните в дом мой, журавли,
чтоб отдохнуть перед дорогой дальней.

Перевел ВЛАДИМИР ЦЫБИН.

ЕВДОКИЯ МУХИНА

★

ВОСЕМЬ САНТИМЕТРОВ*

Из воспоминаний радистки-разведчицы

Выдалась дикая ночь. Ветер такое вытворял, будто намеревался сорвать наш курень с места. Вот бы мы поплыли по волнам, вот бы стало весело. Хорошо хоть дождь перестал. Тишина и фашистские хари надоели до смерти. Разве такая должна быть война? Дедушка и внучка. Мне бы командира удалого, он бы дал мне пулемет и приказал: «Стреляйте, боец Евдокимова, прямой наводкой!» А этот мой командир мало что передо мной молчит, сегодня еще и пощечин надавал. За что?

Он тихий-тихий, да вдруг распсиховался. Выбегает смотреть погоду, возвращается, шумит:

— Лезь в подпол — не залило ли там...

Я спустилась с моргалкой, оглядела все.

— Сухо, дедушка!

— Из-за камыша не льет?

— Какой еще камыш?

— Ты дурачку не строй. За картоплей от стены камышовая отгородка. Сквозь нее не сочится вода?

— Вроде бы нет. А вы сами проверьте!

— Мне смотреть надо, слушать. Иди-ка, иди сюда! Здесь будем, в сенцах... Прислушайся! У тебя ушки молодые.

Ветер стонет, деревья качает, больше ничего такого нет. Мне передается дедова суетность и дрожь. Зубы стали стучать... Ладно я. Старик как был мокрый по шейку, так до сих пор не переодевался.

Говорю ему:

— Вы бы пошли к печке, я одна побуду...

— Нельзя, Женюшка. Откинь дверь пошире и держи ногой, чтобы не затворило... Или вот что: тащи сюда все что у нас есть — пистолеты, гранаты...

— Откуда? Я ведь не знаю, где вы все подевали. Уже третью неделю разоруженная.

Он рассмеялся:

— Здесь говорят безбронная. То есть это самое, что ты безоружная... Кровать мою отодвинь, в прорези матраца твои лимонки и пистолетик. А у меня гранаты бутылочные — при входе держу...

Я не выдержала:

— Что случилось, Тимофей Васильевич?

* Окончание. Начало см. «Новый мир» № 11 с. г.

— Что, что! Смотри да слушай. Подплывать если будут на лодках — первым делом швыряй гранату. Брать будут живьем, мертвые мы им ни к чему...

— Может, и мины из подпола поднять? Взрываться так взрываться!

Он тихонько рассмеялся:

— Ну, вижу, больно ты заметлива. И мины, и тол, и парашют давно передал кому надо... Нам и гранат хватит: лишь бы не попасть в лапы. Что делали с Андрюхой... о-о-о, гады!

— Это кто? Радист?

— Паренек был что надо! Точнее, хлопчик: у него мама украинка. И ее фрицы спровадили... Как раз Штольц и действовал.

— Андрей с вами жил?

Темень полная. Светится сквозь кулак дедова сигарка. Пожалуй, и глаза светятся. Я была предупреждена: нельзя расспрашивать. Но в случае такой вот опасности должна же я хоть что-то понимать. Старик мне оружие вернул — признал боевым товаром...

Он пофучал сигаркой, крякнул:

— Сегодня увидел тебя в деле — экзамен сдала. Три экзамена, и все на пятерки... Стой-ка, постой. Никак бабайки слышны, весла то есть... Нет, померещилось... Ой, Женюшка, голуба ты моя, я тебе признаюсь: в первый-то твой день, верней сказать, в ночь твоего прилета, я даже испугался, что неумелую прислали и нет в тебе дисциплины. Вспомни. Приказываю — сиди в курене, а ты выскочила. Кричу — стой, а ты побегла искать свою аппаратуру. Думаю — отчаянная девка, забубенная головушка, да ишшо и дело завалит. Пришлось разоружить и волосенки тебе состричь... Хорошая пришла мне мысль, как считаешь? Две недели ко мне Штольц не ходил, боялся: вдруг ты нам вошей тифозных привезла...

Шел разговор в холодных растворенных сенцах. Дрожь телесная не проходила, зато душа стала спокойнее. Никогда не забуду ту ночь. Готова была к смерти. И так хотелось, чтобы моя граната разорвала гауптмана Штольца, а заодно и того гаденыша, который меня принудил плясать...

Я снова спросила:

— Андрей, радист, с вами жил, как и я?

— Дурная, что ли? Я тебя хвалить собрался, а что плетешь? Неуж котелок не варит: когда б он жил со мной и потом провалился — помилovali бы меня фрицы? Как раз! Все бы перевернули, а меня в петлю да на сук... Пока оставим: длинный разговор. Лучше б ты сообразила и мне сказала: чего мы тут сидим-дождемся?

Дед почти всегда так. Просто не может. То ли он меня подталкивал, чтобы думала, то ли потешался. Я промолчала. Тогда он говорит:

— Я-то, черт дурной, и правда хотел потрясти гауптмана, когда его из воды тянул. Только он плюхнулся и с переляку заорал, у меня думка мелькнула: вот бы добыть круглую печать последнего образца. Знаю, он ее в коробочке носит. Как такой случай упустить? В воде-то не столь чувствительно... Ну! Шарить не шарил, а под предлогом, что его спасаю, старался все, что в карманах, вытолкнуть... Эх, коньяк подвел! Румынский коньяк, в нем градус не тот. А самогону наш герр выпил мало... Черт его, однако, знает — может, и много... Но ты ж сама слышала — горланил, что я карманщик, хотел его ограбить. А потом что было? Помнишь ай нет?

— Приплыл Ганс на лодке...

— Давай, давай, подпольщица! Что ты заметила? Из-за чего дедушка перетрухнул?

Отвечаю, будто на уроке:

— Одно из другого вытекает: гауптман кричал, что вы шарили,— выходит, заподозрил и теперь пошлет к нам солдат.

— То, что кричал, с ветром унесло. Мало ль пьяный кричит. Тверезый действовал бы втихую, отметил бы про себя. Зачем тверезому выдавать свои подозрения? Пьяный — тот кричит, но тут же и забывает... Вспоминай, что потом-то было, когда Ганс приехал...

— Потом... Я не помню, уехали...

— Эх ты! Штольц извиняться стал, прощения просил, что обидел меня глупыми словами. Вот почему тревога. Ты подумала — какой господин перед лакеем своим, который для него все равно что цуцик, будет извиняться? Уразумела?

— Ну... и что?

— Как это «что»? Он, значит, недостаточно спьянел, шарики работали: дай, думает, успокою, примаслю дедушку, извинюсь перед ним, и он спать ляжет. То есть мы с тобой, довольные, что все обошлось гладко, захрапим в нашей клуне, а лодка с солдатами тихо подойдет и захватит врасплох!

Я сидела, слушала и вдруг опомнилась: что ж это он, сейчас комendantские тут будут...

Вскочила сама не своя:

— Дедушка Тимофей Васильевич! Бежать надо!

Он посмеялся:

— Вот так-то! Умна была девка! Куда бежать-то? На тот свет успеем. А бежать нам по воде — жабры надо иметь, Женюшка. Да и посуху далеко бы не ушли. Наше дело — счастья ждать: вдруг Штольц на ветру свои подозрения развеет. Кроме того, герр сильно ко мне привержен: позволил много, ездил один на один. Ему ведь тоже гестапо припаяет, когда следствие начнется... Сиди, Женюшка, будем пока ждалки ждать.

Ветер присмирел, стало тише. Я свое сердце слышала, будто пионерский барабан: скорей бы, скорей! А что скорей? Если бой, то и не равный и не славный. Если ж как-то обойдется — снова тишь, тоска, мелкое притворство, измывательство одних, презрение других.

Далеко где-то захлопала вода и кто-то долго пьяно заматерился. Громко, на всю станицу.

Старик поднялся, вслушался, хрустко потянулся, зевнул:

— Ох-хо-хо, внученька! Все! Отстояли вахту — будем запираяться да спать. Празднуй жизнь и фашистскую глупость. А того вернее — их жадность непомерную, свинячую!

Чуть-чуть развиднялось. Ветер совсем утихомирился, вроде бы и вода пошла на убыль.

Дед запер дверь на крюк и на засов.

— Иди, Женюшка, в горенку, а я переоденусь, погреюсь на кухне. Кости, знаешь, как ломит — старость не радость..

* * *

Хочу коснуться самопонимания. Как получается, что человек себя теряет и является в нем злой каприз? Что-то копится, копится и вдруг — взрыв. Потом на душе тошно.

Дед велел, и я ушла от него в горенку. Тоже, как и он, передрогла, еле себя держала. Разве что не мокрая... Надо бы поспать, но нервы ходуном ходили. Боя ждала, смерти ждала, а все окончилось пшиком. Где-то за две или три улицы пьяный заорал. Мы тут при чем? А дед по своей командирской воле отменил тревогу. Что такое? У нас перед тем вроде бы начался разговор, я надеялась, что завяжутся нормальные отношения. Сам же он сказал, что выдержала какие-то три экзамена. Какие?.. Оборвал, бросил. Он дурной, что ли?

Да только ли это? К душевному прибавлялось телесное: ведь три недели не купалась, горячей водой ни разу не обмылась. Как так? Старик уходил надолго, значит, я могла согреть себе воды? Могла. Но вы представьте: немцы явятся. Так или с обыском, а я голая, в мыле. Трудно передать, но ведь даже если на смерть идешь — неохота оказаться смешной... Я, бывало, просила деда: посидите в сенцах, посторожите, хочу помыться и переодеться. Не находит времени. Сам, может, где и моется, у кого только не бывает, дома ополочет лицо из ковшика, ему больше не требуется... Я белье на себе меняла, ходила в чистом, но кожа все равно зудит. А если потеешь? Если пыль вытираешь и на тебя сыплется? Если мелом измажешься, когда печь белишь? Это каждая хозяйка по себе должна знать... Ночами валяюсь на лежанке, где жара и вонь. От козьей подстилки несет, как из катуха. Кроме того, рыба, рыба. От одной от нее сбежишь на край света. Копченая, соленая, вяленая, жареная — от этих ароматов готова была на стену лезть. Не говоря что руки чешуей исколоты, задубенели... Чухаюсь от грязи, как свинья. Хорошо хоть голову стриженую легко мыть...

Ладно, не буду, это не причина для злости. Главное, думаю, неподвижность. Конечно, я физически работала — чистила, скребла, мыла, воду подымала из колодца. Но ведь до вылета сюда я бегала, скакала... И у меня подруги были, товарищи, и книги, радио, иногда кино. Тут я почти всегда одна. А если с дедом — он только бур-бур-бур, ничего из него не вытянешь... Радиосеансы, то есть связь со штабом, — это ж точки-тире, голоса человеческого не слышишь...

В ту ночь почувствовала, что задыхаюсь. Заклокотала душа. Вы представляете — ловлю себя на том, что в темной горенке топочу по полу ногами и во весь голос ору:

— Я не собака!

Дед из кухни откликается:

— Ты что?

— А ничего!

— Иди лучше сюда, чайку попьем.

— На что он мне, ваш чай, я его отродясь не пью...

Тянусь все-таки на кухню. Он за это время переоделся. Смотрит в упор. Глаза горячие.

— Садитесь, Евгения Ивановна!

Меня потянуло на слезы. Однако сдержалась. Стою перед ним. Он цедит сквозь зубы:

— Какие у вас имеются претензии?

Я не выдержала. Голос задрожал:

— Дедушка, Тимофей Васильевич... То вы меня по морде, то огладите. Я ж не собака. Неужели совершенно ничего не достойна? Буду слушаться, все стану делать, но разве нельзя по сознанию? А еще лучше, еще лучше...

— Что вы считаете будет лучше?

— Дайте приказ — побегу и взорву комендатуру, а там...

— Это я уже слышал. От Андрея... Эх ты...

— Тогда... не мучайте недоверием. Вам все известно, я — как все равно чурка. Что к чему — не понимаю. Велели идти в горенку спать. Разве я автомат: нажму кнопку — и на тебе, сон. Вы ж меня разбередили, дали в руку гранату... Почему фашисты не вернулись нас брать? А может, еще приплывут?

— Не приплывут! Считаю, покончено... Садись, говорю. Не выводите из терпения. И я не железный, не автомат то есть... Уселась?.. Тогда другое дело. Будем калякать. Поимей в виду, товарищ радистка, и мне надоедает в молчанки играть.

* * *

Мы сидели перед жаркой печью, тянули кипяточек. Я опять оробела. Редко вставляла вопросы, хотя расспросить рвалась о многом. Прежде всего о гибели радиста. Но старик обходился намеками.

Сейчас вот с чего начал:

— Люди, Женюшка-Евгеньюшка, которые здесь, ой как не просты. Хотя бы и наши, то есть советские. Они напуганные. Отчаянный поступок легко совершат. Выдержки, выучки мало... Есть и колеблется, питают надежду спокойно пережить немцев. Другие входят в контакт, записываются по каким-то причинам в полицию. И вдруг... поворачивают в нашу сторону. Не могу ж я от них отказаться... Вот который пьяный орал — он полицей, крысиная мордочка, злость в глазах. Фрицам нравится, когда злость в глазах. Имей на будущее в виду: маленького росточку, светленький, зовут Сашко. Энтот самый Сашко, при том что еле его терплю, помогает мне. А в ту ночь, когда ты прилетела, ведь он тебя спас. Мог бы не спасать. Но заметил парашют, а потом тебя выследил, как ты прятала рацию и рюкзак, перетянул из-под улейка в безопасное место. Значит, он свой в доску и надо ему доверять? Верно? А он полицей. Поросятка для немцев высмотрит — отнимет у бабы. Способен бабу излупить. Одно слово — показывает, что выслуживается... Эх-хе-хе! Ну... а я, к примеру, разве не выслуживаюсь? Сашко поросятками и курицами, я — рыбкой да самогонной настойкой, прогулками с гауптманом. Счастье, что бить никого не нужно...

Я почувствовала, что краснею.

— Сегодня меня...

— Те-ебя? Да как же ты не догадалась, Женюшка? Музыка играет, самогон на столе, мы с герром входим и какую застаем картину? Ганс с гармошкой губной, а ты с платочком ходишь. Я-то в уме отметил: ах девка, молодец. Выходит, не тель-тележка, а настоящая подпольщица.

— Вы меня больно ударили.

— Снова здорово — не оцениваешь обстоятельства. Думай! Гауптман солдата наказал? Наказал. Значит, он сделал вывод, что у вас с ним шуры-муры. Ты мала, это точно. Однако ж гансы бывают всякие, у каждого свой вкус. Штольц его смазал по рылу. Могу я отставать? Он тут же решит, что я своей внучке потакаю. Теперь о Гансе, который есть всего-навсего гнида. А гнида обязательно должна превращаться в вошь. Тебе такое известно? Пусть бы ты осталась безнаказанной. Все! Возненавидел бы Гансик до гробовой доски. А когда с ним по одному делу пострадала, станет тебя жалеть и считать своей. Что нам на пользу!

— Он меня сружием заставил плясать...

— Ничего, я хуже выплясываю. Такова наша планида, военная наша судьба и необходимость...

Старик, кряхтя и кашляя, взялся сворачивать козью ножку. А я была в тревоге. Он говорит, и вроде бы все правильно, но душа щемит: что-то будет?

Дед покачал головой:

— Опять ты прислушиваешься. Брось, оставь, зараз не приплывут... Спрашиваешь, что означает зараз? То же, что сейчас, сей минут, теперь. Навостривайся понимать... Я вот тебе расскажу, как немецкому учился. Попал в иху страну — что делать? Надо побыстрее приноравливаться. Кто из пленных схватывал, тот и хозяину был милее: тепло появлялось, сытость... Было в ту войну. Я с казачьей сотней врубился под Кенигсберг. В городке Раушен привалило землей от снарядного взрыва. Очухался я в бараке за колючей проволокой. И передал меня по списку свинье горбатой — рыжей помещице фрау фон

Рутенберг, у которой управляющий легко перешибал обыкновенной тросточкой человеческий позвонок. Мы, то есть пленные, копали в парке пруды для рыборазводки. Ясно стало, откуда я с этим делом знаком?.. Управляющий, герр Сегерс, отметил, как повторяю за ним команду и могу сообразить, что именно следует делать. Тогда он сразу определяет меня в десятские, и я нашим солдатикам толмачу: понимал его слова и передавал... Ну да ладно, тебе не в новину. Твой отец, ты говорила, тоже где-то в той местности был в плену. Небось от него насылана?.. Я же касаюсь другого: ухо необходимо иметь и языком крутить — так и научишься...

— Я ж ни с кем из местных не выдаюсь...

— А ты меня слушай.

— Вы о Сашке не закончили, Тимофей Васильевич.

— Не Сашка, не Сашка — Сашко! Путать не смей. Обижается...

Да, так вот... Его курень против того дома, где проживает наш гауптман. Как полицей Сашко имеет, подобно мне, ночной пропуск. Обязан гулять ночами, вовлекать людей в пьянство. Под эту лавочку собирает немцам сведения. Ну и, конечно, какие нужны нам с тобой. Нелегкая у него жизнь... У нас уговор: ежели гауптман возвращается от меня, Сашко наблюдает его дальнейшее поведение. Немцы тоже затемняют окна, однако ж щелки видны. Погаснут — понимай, что герр завалился спать. Тогда Сашко отходит в сторонку и пьяным голосом горланит или, как в эту ночь, протяжно матерится. А я понимаю: все в порядке, гутен ахт, ложись, мол, дедушка, почивать... Сигнализация, ясно?

Опять я с вопросом:

— Разве Штольц утром не может снарядить солдат?

— Ну! Заспит... И не так он глуп, чтобы по серьезнейшему делу, когда у него шарили в карманах, поднимать тревогу и докладывать по прошествии столь долгого часу. За это и его не помилуют. Скажут: «Как же так, герр гауптман? Где ваша оперативность? Ай-яй-яй, придется вас наказывать, придется отправлять в Сталинград или под Моздок, придется вам отличиться в бою!»... Нет, я теперь с герром Штольцем еще больше позволю. Очень даже может быть, что начнет под угрозой нам помогать...

Дед с удовольствием потер ладони.

* * *

Поначалу дед Тимофей виделся мне темным, ничему не обученным. Но с каждым днем убеждалась: он человек находчивый и хитрый.

С этой ночи, а вернее с утра, старик ко мне переменился. Какие же, он посчитал, я сдала на пятерки три экзамена? Первый — не подралась с Гансом. Второй — выдержала, при всей их несправедливости, пощечины, которые получила за свою же обиду. А третий, самый трудный экзамен состоял в том, что гауптман меня спрашивал и я ему отвечала как скромница из поверженного народа, которая приняла за честь разговор с нею культурного иностранца.

— Ты бы знала, Женюшка, — здешняя комендатура сплошь состоит из жадных тыловых крыс. Зайди как-нибудь — я предлог найду тебя к ним послать, — у них на картах-километровках рассортированы все как есть здешние земли: один участок для землешества, другой пригоден промышленнику, а в третьем месте вроде бы хорошо наладить курортное дело. Кое-где являются на картах названия фирм, фамилии будущих владельцев. Но я-то примечаю — карты меняются. Сегодня одна помечена фирма, завтра иная. Понимай — где-то на верхотуре идет спор... Ну, погоди, всем дадим по загрывку!

Я кое-что сообразила. Спрашиваю деда:

— А вы передавали?

— Что? Кому?

— Ну... вот эти самые карты? Сообщали о них нашим? О том, что спорят, делают? О том, что с вами разъезжает и ставит вешки Штольц?

Старик лукаво глянул:

— Ты ж знаешь, что я нашим передаю.

— Неправда, за вашими словами я не всегда понимаю смысл.

— Нет, о штольцевских картах не передавал. А чего? У нас с тобой другое совсем дело: где какая группа подпольщиков взорвала мост, склад боеприпасов. А тут одни мечты... Хотя офицерики за них дерутся, друг у друга отбивают. Все готовы прикарманить. Как я определяю: в одной нашей комендатуре девять представителей, а иначе скажу — разведчиков германских фирм.

— И в этом разведка?

— А ты как думала!

Я сказала, что о таких делах надо бы передать сообщение. Старик отмахнулся:

— Не дури, девушка, насмех меня не поднимай!

Забегу вперед. Сведения о том, что в комендатуре скопились представители разных коммерческих фирм, и о планах Штольца я передала нашим на свой страх и риск. Велико ж было удивление старика, когда я получила для него от начальства благодарность. Я и сама не очень-то разбиралась, что это должно означать.

Но вот что интересно. После того как я передала деду благодарность, он меня как бы повысил в чине: стал советоваться, прислушиваться к моим словам.

— Смотри-ка, девка, ты не дура, мал золотник, да дорог.

Но главная перемена была в том, что как только сошла вода, похолодало и подсохло, он разрешил мне выходить в станицу, принохиваться и приглядываться.

— Одно держись строго: не вмешивайся, Христа ради, ни в какие дела. Пусть убивают человека хотя бы и самого распрекрасного. Не моги думать его спасать или звать кого-нибудь на помощь. У фрицев закон железный — сцапают и пойдет потеха. У них своего гестапо в Кущевке нет, но их агенты понатыканы во все подразделения и службы. Будь то склад, комендантская рота, местная полиция — у контрразведчиков всюду свои глаза и уши. Ежли тебя приметят, что ты в чем-то активная, схватят и повезут разбираться в Армавир, а то и в Краснодар... Я тебе когда-нибудь расскажу, на чем влип Андрюха... Не сейчас, поближе к концу.

— Какой такой конец, дедушка?

— Конец может быть только один. Помяни мое слово, скоро начнут они драпать. Вот когда ожесточают все штольцы. Берегись, гляди в оба!

* * *

На станичные улицы я вышла как из заключения или из больницы после долгой лежки. Неужели так ослабела? Нет, то была не слабость, а неуверенность движений. Как ни хотела держаться свободно, не получалось. Старик мне хоть и приказал ни во что не вмешиваться — разрешил взять в карман гранату, а пистолетик свой я взяла сама. Зачем? Я вам скажу: когда брала, дед видел, что беру, но ругаться не стал. Бокон поглядывал, будто квочка на единственного своего цыпленка; как-никак я месяц прожила под его крылом...

...Перечитываю и понимаю — одно с другим не вяжется. Значит, так: вмешиваться не годится, но если выхода не станет, жизнь надо

продать подороже. Свою одну за многие. Скрыться в центре незнакомой станицы шансов не более одного к тысяче. А бой дать и можно и нужно...

Еще прибавлю. С той ночи, когда нас окружила вода и мы ждали нападения, а старик битых три часа ходил мокрый, он занемог. Не лежал ни дня, но сильно кашлял, осунулся, руки дрожали. Даже гауптман заметил, реже выезжал с ним на рыбалку и на свои зарисовки: немцы больными брезгуют. Но и совсем обходиться без деда Штольц не мог — что-то с ним обсуждал, о чем-то спорил, оглядываясь, не слышит ли Ганс.

Тут была тайна, в которую дед меня пока не посвящал...

Я догадывалась: старик, боясь, что сляжет, ничего другого сделать не мог как только приучать меня понемногу к самостоятельности. Я ж делала вид, что болезни его не замечаю. А он кашлять старался тише, чтобы ночами меня не будить: заботился обо мне... Но когда они со Штольцем перешептывались по-немецки, кипела против них почти одинаково.

Случилось так: только меня дед снарядил на базар, явился к нему Штольц. Вот и выходит, они меня спровоживают поговору. Ганс попросился пойти со мной, однако гауптман на него цыкнул и велел встать за кустом и наблюдать, не идет ли кто.

Как ни была я наивна и неопытна, сообразила: мой старик этих двух фрицев к себе приручал.

И вскоре подтвердилось.

...В воскресное утро отправилась я на базар. Маршрут мне был известен. Старик велел купить, если будут, десяток яиц — и обратно. Только вот купишек не дал: советские деньги по тому времени не принимал никто — власти запрещали. А марками немецкими старик не разжился. Да их в Куцевке почти и не знали. В Ростове, в Армавире — в больших городах марки действовали. А с чем я пошла? Понесла вязку лука и коробок спичек. За эти товары, как предполагал дед, мне дадут десяток яиц.

Я шла, поглядывая по сторонам. Была в ватнике, повязалась платками. Дед перетянул как все равно девчонку — концы полушалка вокруг талии. От этого мне было не по себе, и я, только свернула за угол, перевязала по-девичьи.

На мостовых — а ближе к базару улицы были мощены булыжником — зияли засыпанные мусором воронки от бомб или снарядов.

Из окон тех домов, где сохранились жители, на меня поглядывали. Наверное, знали кто я. Или так мне казалось? Нет, скорей всего знали. Забыла рассказать: хоть наша улочка считалась далекой, люди нарочно приходили смотреть, не покажусь ли во дворе: что, мол, за внучка у этого сукина сына Тимофея. По пути к базару в меня пацаны из-за калиток швыряли раза два камнями. Обидчики мои улюлюкали, а я молчала. Что оставалось? Не стрелять же в них из пистолета. Дед, помните, говорил: «Радоваться надо, когда тебе в рожу плюют. Я холуй, ты — холуеньш». Нет, я радоваться была неспособна. Бежать хотелось, припустить со всех ног. Куда? Это неизвестно. Одно знала: чем меня как немецкую шавку будут убивать свои, лучше уж пусть убивают враги как комсомолку.

Тяжело промаршировал комендантский взвод. Зеленые шинели, пилотки, широченные кирзовые сапоги. У солдат лица скучные, нисколько не бравые. После того как дед меня признал, он кое-что разъяснил:

— Нечего, Женюшка, рассматривать солдат, в них для нас интереса нет. С винтовками — значит, комендантский взвод. С автоматами — это резервная часть; этих тоже водят по улицам; тут батальон

стоит. В темных шинелях — охранные подразделения СД. Вряд ли встретишь. Они за линией железной дороги охраняют громадные склады, как я понимаю — боеприпасы и запчасти; в то место и с нашими полицейскими пропусками ходу нет — любого и каждого, пусть даже ребенка, срезают автоматным огнем. Уж сколько раз я просил наших, чтобы послали бомбардировщики, но пока, надо полагать, находят преждевременным...

На базаре — длинные столы. Местные продают овощи, вернее, мянут на разные шмотки с эвакуированными горожанами, которые тут застряли. Кое-где в бочатах кислая капуста и огурцы. Две или три тележки с картофелем, с морковью. В молочном ряду сметана в глечиках, топленое и свежее молоко. Выходит, не совсем еще разорены, коровы сохранились. Яйца на весь базар вынесли, может, две, может, три бабы; базар исключительно бабий, мужика или парня ни одного даже среди покупателей. Кроме того, тихий базар: уж как шумны казачки, а тут стоят и даже не перешептываются.

Я спички держу напоказ, на мне висит связка лука, но никто пока не зовет, к товару не приценивается. Хотя на базаре луку ни у одной бабы не было. Не знаю почему. Или его тут, в станице, сажают мало, или немцы отбирают.

Брожу тихонечко меж рядов. Ходят еще с брюками, с кофточками, с шапками пожилые горожанки. Одна из них не с хозяйственной сумкой, а с портфельчиком. Худенькая, похоже — интеллигентка.

Вдруг вижу: бегут полицаи в черных шинелях. Они не бегом бежали, а быстро шли, торопливо и остро вглядываясь в лица. Впереди всех маленький, шустренький, белотварый, с крысиными глазами. Полупьяные глазенки так и шарят по каждому. Думаю, сейчас эту, с портфелем, ухватит. Нет, ее оттолкнул и прямо ко мне:

— Откуда спички?

Отвечаю как ни в чем не бывало:

— Привезла месяц назад из Ростова.

— Где живешь?

— У дедушки Тимофея.

Подошли и другие полицаи. Один здоровый бугай, на рукаве нашивка.

Малый, который со мной говорит, крысиная мордочка, спички выхватил, а меня все общупывает. Не дал опомниться, за пистолетик схватиться. Раз — и засунул руку во внутренний карман. А там граната. Задумалась рука в моем кармане и тут же вышла наружу... пустая.

Я повторяю полумертвыми губами:

— Господин полицай, пан полицейский... Господин полицай, пан полицейский...

— Цыц, малявка. Надо молчать, когда тебе обыск делают! — Стал хототать перед своими: — Ну и внучка у деда: доска и два соска. Ха-ха-ха... Ладно, луком торгуй, а спички воспрещены.

Тем дело и кончилось — ушел. А с ним и другие.

Тут только я по описанию деда сообразила: это был Сашко. Он на меня кинулся первый, чтобы другие не тронули... Вполне возможно, спасал эту женщину, отвлекал внимание.

Я хотела уйти, но понимала — сразу нельзя. Женщина тем временем как растворилась. Вот молодец, умелая разведчица.

Смотрю — прямо передо мной у кадушки с капустой немецкий солдат-отпускник на прогулке. Он засовывает в капусту пятерню, тащит, пробует. Видно, не понравилось — плюнул прямо в кадушку. Другой немец палец засовывает в глечик с топленым молоком. Накручивает коричневую запекшуюся пенку, сует в рот, обсасывает, а сам, толстая харя, ржет полным голосом: понимает, что делает.

Все молчат, и я молчу... Как меня ноги держали?

Что же я в то базарное утро сумела узнать? Да немало. Прежде всего поняла сама себя: Сашко не подвела.

* * *

Вечером к калитке нашего дома подошла та самая женщина с портфелем и, увидев меня, сказала:

— Темна ночка.

Это был пароль. Я ответила:

— Оттого и голова болит.

Это был отзыв.

Она приехала из Краснодара поездом, чтобы тайно встретиться с гауптманом Штольцем.

Пока гауптман не пришел, приезжая попила чаю, пошущукалась с дедом, потом и меня позвала:

— Ты, Женя, неглупая девочка, хорошо соображаешь... Но вот что надо постараться понять. Существуют фашистские воинские отряды, которые просто грабят и вывозят все сколько-нибудь ценное из научных учреждений, музеев, заводов, агротехстанций. Но есть и другое ведомство — хозяйственное, штатское ведомство. Оно действует на тех землях, которые объявлены тыловой зоной. Уверенные, что Сталинград со дня на день падет, высшие немецкие министры поспешили объявить Краснодарский край тылом, подчиненным не военным, а штатским. У вас в Куцевке пока еще всем занимается военная комендатура. Скоро это переменится: хозяином станет гебитскомиссарият, где я и работаю... как учительница в отделе просвещения... Так вот. Сильная группа капиталистов, в том числе и родной папочка вашего Штольца, прибыла в Краснодар с целью вмешаться в распределение здешних земель. Очень влиятельные люди. Для таких, как они, и ведется война. Однако военное командование придерживает их аппетиты: генералы и сами с усами, тоже хотят наживаться. Снаружи все гладко, но подспудно идет грызня. Помогла ваша радиограмма. Вернувшись в Краснодар, я начала со старика Штольца — добилась его доверия. И он, узнав, что я еду в эти места с программами новых немецких школ, позвонил сынку и велел передать через меня зарисовки тех земельных участков, которые их фирме нужны... Теперь, Тимофей Васильевич, дом ваш становится явкой коммерческой разведки немецких капиталистов, среди которых Штольцы далеко не последние люди...

Я в тот раз не все поняла. Слова запомнила. Столько лет прошло, а у меня и поныне голос этой «учительницы» держится на слуху. Спокойная. Предмет излагает как все равно в школе. Являлось чувство, будто сижу за партой. Вот только забрела в чужой, более высокий класс. Мешал понимать восторг, которым я, глядя на эту приезжую, загорелась. Уж очень свободно она держалась. Будто имеет в запасе заговор против любой опасности. Слушая ее объяснения, я невольно ловила взгляд деда: все ли понимаю?

Он перед приезжей не тянулся, но видно было — старается вникнуть. Вдруг сказал:

— Насчет коммерческой деятельности, признаюсь, я недооценивал. Теперь вроде бы дошло: тут ведь главная классовая сущность, правильно я вас понял? Гауптман как представитель фирмы бредит миллионами. Хорошая, как я догадываюсь, приманка. Он мечтает ловить рыбку, а мы пока что станем ловить его.— Старик то и дело зыркал в мою сторону. Он, видно, и говорил больше для меня, помогал проникнуть в суть. Кончил тем, что спросил «учительницу»: — А что, не пора ли поговорить с ним?..

— Не торопитесь, Тимофей Васильевич. Задача такая: надо Штольцев разжечь: убедить, что за железной дорогой, там, где склады, о которых вы радировали, самые лучшие для них земли... Туда, на склады, совершенно необходимо проникнуть. Послать бомбардировщики мы бы давно могли. Наши планируют окружение и захват. Если, конечно, подтвердится, что хранится кое-что посерьезнее... Что туда свозят, что там выгружают — это надо выявить, и как можно скорее!

Вот какая шла беседа перед самым приходом Штольца.

— Чувствуешь, Женюша! — воскликнул дед, и глаза его разгорелись. — Немцы дошли до Волги, рвутся к бакинской нефти, а мы знаем: скоро, скоро будет наше наступление. Уже принялись раздумывать, что станем взрывать, а что окружать и спасать!

Сказав это, старик сильно закашлялся, согнулся, схватился за грудь, но тут же и распрямился:

— Вот ведь... Табак переменял. Прислали с Женюшкой, а теперь кончился.

* * *

Точно помню: больше всего меня поразило, что маленькая невзрачная женщина могла втереться в доверие к капиталисту, к крупному коммерсанту. Как ей эти капиталисты говорят то, что скрывают от своих же, да еще и посылают с тайным поручением? Разве не проще вызвать гауптмана в Краснодар: отец и сын встретятся и поговорят по душам... Значит, не проще!

Я же своими ушами слышу: эта «учительница» знакома с содержанием моей радиogramмы, действует, продолжает начатое нами... С одной стороны, я ей завидовала, что крутит такие серьезные дела, с другой — жалела, что нельзя расспросить. Это не все. Мне захотелось раньше других узнать, что там, по ту сторону станции, какие сверхсекретные склады.

Сама не понимаю, как решилась, стала уговаривать старика и прибывшую женщину направить меня туда хоть сейчас, хоть сию минуту:

— Я по-пластунски пролезу под колючей проволокой. Попрошу где-нибудь в куточке или под кустом хоть трое суток без еды.

— Слушайте, девушка, да вы опасная сумасшедшая! — «Учительница» строго на меня посмотрела. — Ведь вы радистка, не так ли? Если вы туда... по-пластунски, а там попадетесь, кто передаст в штаб о вашем подвиге, к которому, как вижу, вы всей душой стремитесь?

Я рассмеялась и вдруг лягнула:

— Как это кто? Дедушка Тимофей! Он ведь узнал, когда я вылетела. Значит, есть где-то запасная рация?

Дед стукнул кулаком по столу:

— Замолчи, соплячка! Боец называется... Я тебя всего лишаю, всякого моего доверия!

Сказал, а сам ухмыльнулся в бороду. Думал, наверное, что я его ухмылки не заметила.

— Вот, — сказал он в заключение и вздохнул, — Андрей пропал... Теперь эта кузурка дурью мучится. Эх, молодежь, молодежь!

* * *

Штолец встретился у нас с «учительницей». Я стояла на страже. Он недолго сидел, поторопился уйти. И тут как тут явился Сашко. Я первая заметила, что перелезает через плетень. Вбежала в курень, чтобы предупредить, но никого не удивила. Приезжая меня успокоила:

— Я у него остановилась.

Час от часу не легче. Думаю: «Наш пострел везде поспел».

Пока Сашко тайком пробирался по участку, «учительница» нам

с дедом шепнула, что все свои зарисовки Штольц ей передал. И к этому добавила:

— Землями, занятыми под складами, гауптман сильно заинтересовался...

Больше сказать не могла — постучался и вошел Сашко. Без дальнейших разговоров она забрала свой портфельчик, и опять же через лаз они вдвоем ушли в его хату.

Я понимала, что тут какие-то особые обстоятельства. То, что Сашко не с улицы к нам пришел, было понятно: скорей всего от нашей соседки прятался. Но как можно, чтобы наш человек — подпольщик из Краснодара — могла с подобным типом якшаться?

Для меня это было слишком сложно. Не могла я Сашко до конца раскусить. Он, конечно, помогал старику. Меня два раза спас. Но я чувствовала — и дедушка к нему относится с опаской. Мне же Сашко виделся каким-то скользким. Однако можно ведь и ошибиться...

Ладно, об этом позже.

От Сашко «учительница» утром вместе с ним отправилась в комендатуру. Это я сама видела — дед меня снова пустил в станицу. На этот раз я отправилась «гулять». Из комендатуры «учительница» часа через два уехала на автобусе вместе с гауптманом и другими офицерами. Они ее пропустили вперед; гауптман сам открыл дверцу. Удивительные дела!

Вернувшись домой, я пристала к деду:

— Неужели все это может быть: она и разведчица немецких комиссаров, и советский подпольщик. Тимофей Васильевич, как это?

— Много хочешь знать, Женюшка! Ладно, скажу тебе простую вещь. Твой отец и твоя мать из рабоче-крестьянского сословия? Ну, а ежели так, никогда ты душой не сможешь понять, что такое есть ответственность и на что буржуи ради нее готовы пойти. Ты способна предоставить, чтобы железная дорога на тысячу верст длиною принадлежала тебе или мне? А ведь у германца, как раньше у нас, дороги частного капитала. Вот и подумай, на что пойдет буржуй, хотя бы и в военной форме, чтобы прикарманить железную дорогу! Также и земли. Штольцы всю землю тутошнюю хотят прикарманить. Увидишь, Женюшка, гауптман обязательно раздостанет пропуска и себе и мне, чтобы пройти или проехать в запретную зону, туда, где склады. Не сможет здесь получить — поедет к армейскому либо к фронтовому начальству. Своего достигнет! — Сказав это, старик заулыбался: — Давай-ка, сообщу тебе о другом, Женюшка! Есть новость поважнее. Совинформбюро передает: наши перешли в наступление в районе Сталинграда. Четырнадцать тысяч гитлеровцев убиты, тринадцать тысяч взяты в плен. Вот тебе и начало того самого, что я предрекал. Помнишь, недели две как тебе говорил?..

Было 22 ноября. Никогда этой даты не забуду. В тот же день через час после нашего разговора солдаты комендантского взвода устроили у нас обыск.

А мы не сопротивлялись. Не стреляли и не швыряли гранаты.

* * *

Обыск проходил тихо.

С винтовками наперевес пробежали по участку солдаты: семеро во главе с фельдфебелем. Окружили курень, то есть пятеро занялись во дворе и в огороде, а двое вошли внутрь и принялись нюхать. Точно как нюхают собаки — и ноздри расширяли и втягивали воздух. Им понравился запах рыбы. И они первым делом за нее принялись — заталкивали в мешки. Солдатам не разрешалось рыбу ни ловить, ни глушить — это делали одни офицеры. Все, что добывал дед Тимофей, он

доставлял офицерам, а прежде всего заместителю коменданта гауптману Штольцу.

В то утро гауптман, как вы знаете, отбыл на автобусе, зато сам комендант в его отсутствие распоряжался. Как это понимать? Неужели заместитель был сильнее самого начальника? Так оно и было. Причина крылась в том, что гауптман был несметно богат, а майор из мелких чиновников всего лишь собирался через своего заместителя разбогатеть.

Однако в данном случае была, конечно, получена телеграмма, и вся комендатура пришла в действие. Часа в два начались крики, и вопли, и причитания по всей станице. Мой старик сразу сообразил: пошли отбирать у населения последние припасы. Так оно и оказалось. Выводили коров, телят, овец, свиней, ловили кур и петухов. Расскажу, кстати, до чего ловки были немцы, когда надо было поймать во дворе или в огороде курицу. Курицу схватить не так-то просто. Мне и самой дома приходилось, когда мама приказывала. Как ни глупа эта птица, догадывается, что за ней охотятся, и начинает суматошно бегать, а я за ней. Стараюсь загнать в угол. Гитлеровские вояки, надо думать, проходили специальную подготовку. Вот солдат входит во двор и видит курицу или петуха. Он за ними не бежит. Наоборот — каменеет. Только глазами ворочает. Но как только подойдет курица поближе, солдат не щадя себя падает на нее не хуже вратаря в футболе. Техника и прицельность высшего класса.

Дед не имел живности. Зато я нагляделась, когда отлавливали кур во дворе соседки.

Но я оторвалась от обыска в нашем доме. Пора сказать, что дом справа от нас был населен: там жила вдова красноармейца с двумя крошечными девочками, слева же от нее почти вплоты стоял хоть и целый, но неказистый, скривленный набок, глинобитный домишко с камышовой крышей. Двери и три его окошка были крест-накрест забраны досками, а стекла почти все побиты. Значит, у нас были одни соседи. Остальные — на другой стороне улицы. Немцы ловко делали: подходили тихо с двух концов улицы и, разбившись на отделения, беглым шагом врываются во все дворы одновременно. Если начинали брехать собаки, их тут же пристреливали. Хозяек, которые пробовали оказать сопротивление, не отдавать свою живность, били прикладами. Если же те начинали кричать или плакать, хлестали по щекам, а слишком буйных связывали веревками.

Увидев всю эту картину, я переполошилась, но дед на меня цыкнул:

— Держись простенькой послушной девочкой, кланяйся!

Это он успел сказать, пока шла конфискация у соседки. Я больше всего тревожилась о рации, хотела препятать понадежнее, но старик махнул рукой.

— Все оставь на местах!

Я напомнила ему о месте под картофелем, где раньше лежали тол, мины и парашют:

— Все оттуда вынули?

— Не хвилься, Женюшка. Сей минут там побывал — что нужно, давно, как тебе говорил, оттуда вынута и отправлено... А зараз ту одну вещь для их интереса подсунул...

Дед загадочно сказал. Я подумала: подстроил для немцев ловушку.

И вот они, солдаты. Уже говорила: вошли двое. Новые, неизвестные деду люди: солдатский состав комендантского взвода, что ни месяц, целиком обновлялся. Такая была у фашистов политика: не хотели, чтобы солдаты свыкались с местным населением. Я так думала, что Ганс к нам придет с обыском, но как потом узнала — этого Гансика,

как молодого, давно отправили во фронттовую часть. Пожилой фельдфебель и средних лет рядовой. Не ожидали, что старик с ними заговорит по-немецки. Дед сразу же всю рыбу, какая ни была у него, выложил на стол; порядочная кучка. Предложил самогонки, но фельдфебель нахмурился; я, дескать, на службе не пью.

— Так возьмите с собой!

Интересно: дед Тимофей каждое свое слово повторял и по-русски и по-немецки. Наверное, чтобы я была в курсе. Он предъявил фельдфебелю свой полицейский документ, но тот сказал, что приказ касается всех русских без исключения. Правда, тщательного обыска не делали — искали исключительно продовольствие. Дед сам отодвинул диванчик, открыл путь в подпол, погнал меня вперед подсвечивать. Солдаты оба спустились. Приказали деду вынести мешки с мукой. Вот тут-то я и увидела, как мой дедушка за последний месяц сдал. Под мешком сильно закашлялся. Его качнуло — как не свалился? А фельдфебель подгоняет:

— Шнель, шнель!

Когда вынесли муку и весь запас лука, принялись деревянными лопатами насыпать в большие чумалы картофель. У нас хорошая была картошка, крупная, чистая. Дед стал просить, чтобы всю не забирали, но фельдфебель не входил в рассуждения. Для удобства отбросил деревянную загородку, и вместе с напарником они аккуратно подбирали лопатами все подчистую: начинали с края, и картошка постепенно подсыпалась от стенки, где была камышовая прокладка. Вдруг фельдфебель поднимает с полу дощатую закладку. И что ж вы думаете? Забылся, что ли, дедушка Тимофей? Он же мне твердо сказал, что там нет ничего, а я смотрю — тянет фельдфебель мой комбинезон парашютиста. Парашюта не было, и шлем тоже куда-то отнес старик, а комбинезон оставил. Измятый, грязный, но... такая вещь!

Фельдфебель поднял, рассматривает.

— Вас ист дас? — Набычился, грозно глядит.

Мой старик спокойно отвечает, почти грустно:

— Даст ист киндер комбинезон, детский, от внука. Енкель киндер, маленький внук, в комбинезончике работал.

Фельдфебель растянул в руках — видит, и правда ребячья роба. Ему и в голову не пришло на меня взглянуть.

Вдруг мой старик прижимает к губам и целует порточину этого пыльного комбинезона. Целует и чуть не плачет:

— Дер юнге штарб ан тифус, мальчик умер от тифа!

Что тут сделалось с фельдфебелем: комбинезон отшвырнул, окрылся, ногой ударил наполненный картошкой чумал:

— Картофель найн. Не надо, пошель, пошель, шнель! — Это он и деду кричит и своему напарнику.

Повыскакивали из подпола не хуже котов, как только ноги не поломали. Муку все-таки конфисковали и лук тоже, но ни минуты больше в доме не задержались.

И вот мы стоим с дедом, смотрим друг на друга. Он подошел к двери, поглядел, как там на улице грузят награбленное, вернулся, заперся на крюк. И опять мы стоим друг против друга — большой седобородый дед и девчонка. Не знаю, как он, — я окостенела, не приду в себя. Если б моя подруга вот так по-глупому опростоволосилась, наверное, кричала бы на нее, топала от злости ногами. Но дед? Он большой, от этого, может, забывчивый. Да и зачем было хранить этот комбинезон. Сжечь, да и все.

А старик улыбается:

— Не тот борец, что поборол, — тот, что вывернулся!

Спрашиваю его:

— Не доложит фельдфебель по начальству? Не придут к нам с настоящим обыском?

— Бог не выдаст — свинья не съест!

Он еще помолчал немного, вздохнул, потом велел сесть и сам уселся напротив:

— Ты сейчас узнаешь кое-что. Можно определить: беда нас миновала — случай помог. Верно? Вижу, ты так думаешь. А теперь скажу. Комбинезон был запрятан в другом совершенно месте, в надежном. На какой случай? А я вообще-то не люблю вещи выбрасывать. И вот пригодился. Спас и тебя и меня... Ты сейчас упадешь, когда услышишь: я его, этот самый комбинезон, как услышал, что солдаты на улице, нарочно сунул в прежнее место под картошку. Чтобы они, черти, его увидели... И тебе ведь об этом давал намек...

— Дедушка,— закричала я,— дедушка! — И смотрю на него как на ненормального...— Вы такое говорите... Лучше стреляться, чем подобно делать. Как это чтобы они увидели?

— А вот так. Спокойнее, внучка! Пойдем сейчас, спустимся — и поймешь... Нет, лучше попозже, когда комендантские с нашей улицы уберутся... Пока набирайся терпения, слушай... Вчера ты что говорила учительнице? Дедушка, дескать, Тимофей имеет запасную рацию. Откроюсь перед тобой: в подполе за тем камышом, что отгораживает картофель от стенки, находится рация — точь-в-точь как твоя. Если б фрицы, которые картошку выбирали... Ну, представь — они ее всю подчистили. Так? Что бы произошло, а? Камыш бы не удержался, упал, и сразу бы...— Он прочертил пальцем по шее.— Виселица была б нам, а еще до виселицы обработка в гестапо...

Он сказал: я упаду, когда услышу. Правда, чуть не упала. Сколько сразу навалилось. Тут и обида, что меня послали, а старик сам может держать связь. Выходит, для стажировки послали, на проверку. Мне все это время не доверяли. Пусть так. Пусть я нездоровая. Но что же он плетет: нарочно комбинезон подсунул, чтобы увидели. Это ж распоследняя дурость, ненормальность. Если б старик не придумал про тиф, фельдфебель обязательно бы поднял тарарам...

Дед будто читал мои мысли:

— Женюшка, внученька, уймись, все твои сомнения мы уладим. Я кладу комбинезон, который всего лишь пустяк, детская вещь. Но они видят, и у них тревожная мысль. А я трах по башке: тиф! Немцы люди прижимистые, бережливые. Им становится понятно: мальчишечка тут в этом комбинезоне работал, а потом заболел, тряпку и то выбрасывать жалко, каждый из них так бы и сделал. А словом «тифус» я в них такой страх вселил, что сюда больше не сунутся. И мы целы.

Разговорился старик. А я сижу тупая-тупая. Понимаю все, но была и остаюсь окостенелой.

Старик надрывно раскашлялся, долго слова не мог вымолвить. Глядя на него, я вдруг увидела: не тот стал дедушка Тимофей. Даже говорит не так: старческий голос. Вижу, плохо ему, раскраснелся.

— У вас жар, Тимофей Васильевич?

— Да кто ж его знает.

Он залез кое-как на печку, стало его знобить. Накрылся чем только можно.

* * *

Самое тяжелое время началось с болезнью деда. Больше всего я страдала от безделья. Не могла ничего передать своим. Что я передам? Одно могу сообщить: мой начальник лежит на печке и бессловесно бредит... Я понимаю, что даже в тяжелой болезни, когда меркнет память, он, как опытный подпольщик, сдерживал речь. Меня едва

узнавал, я ему виделась то внучкой (но не Женей, а какой-то неведомой мне Маней), то умершей дочкой Стасей... Он не говорил, а в мычании имена у него прорывались: «Внученька, Манютка... Доченька, доченька!» Если б даже гестаповский следователь сидел под печкой с бумагой и карандашом, из этого ничего бы для себя не извлек...

...Я уже упоминала, что после войны поступила в санитарки. Девятнадцатый год работаю в больнице. Невелика птица санитарка, или, по-другому, нянечка. Но мы хоть и считаемся младшим медперсоналом, кое-что понимаем. Тем более нас учат, с нами ведут собеседования не только врачи, но даже и профессор. У нас больница нервная. Но тут тоже случаются простуды, гриппы и другие инфекционные заболевания. Теперь я точно знаю — дед болел воспалением легких. Градусника в доме не было, но я без градусника видела — пышет старик жаром.

Пусть бы мой напарник был ранен — у меня имелись бинты, я бы его перевязала. Пусть бы случился перелом руки и ноги — я знала, как накладывают шину. Тут оказалось другое: я вдруг осиротела.

В голове мешанина. Вот уже вторую неделю старик не слезает с печи. Долго кашлял и держался на ногах, а сразу после конфискации наших продуктов и этого дурацкого случая с комбинезоном болезнь его свалила как бы одним ударом. А вдруг умрет?.. Ему-то уж наверняка за шестьдесят. Хоть он и младше родного моего отца, но по справедливости может считаться моим дедом... Как я досадовала, что ни с кем из подпольщиков и своих людей меня не свел. Ведь были же и в Кущевке люди. Откуда-то, к примеру, он приносил самогон. Сам не варил, для него варили. Я думала: «Как же так, неужели нельзя было указать адреса, неужели настолько считает дурой?» Это было обидно. Действительно — в ночь прилета вела себя неправильно. Вот старик и настояжился, тем более перед тем погиб Андрей.

Я еще не знала, что такое одинокие размышления. Вдруг осталась без руководства и просто без работы. Не считать же делом то, что мыла старика и за ним подмывала, что ходила во двор к колодцу и с превеликим трудом вытаскивала журавлем воду. Ну, конечно, стирала, готовила пищу себе и деду; его я с ложечки кормила растертой картошкой. Он отворачивался, пугал меня взглядом. Дышал старик со свистом, с хрипом, казалось — вот-вот отдаст богу душу.

Ждала ли я нападения, опасалась ли? В прошлой главе рассказала, как старик подсунул немцам мой комбинезон, отвлек фельдфебеля от ходка в соседний курень. Тогда я посчитала, что он сделал глупость, и даже увидела в его поступке проявление болезни. Я долго перебирала в уме, так и эдак прикидывала. Однако ж не идут немцы нас арестовывать: выходит, старик поступил правильно. В самом деле, когда б докопались до камышовой прокладки и она бы свалилась... Но как же он мог, разумный и опытный человек, не закрепить камыш ничем, кроме как привалил картошкой?.. Кто не имел дело с хозяйственной работой, с гвоздями, молотками и проволокой, наверно, возмущался бы дедовой нерадивости. Я со своим отцом много работала, знала инструмент и материал. Вот и поняла: приколотить камыш к земляной стене подвала нет никакой возможности. Да ведь он был уверен, что у него, приближенного к комендантуре человека, никто конфискацию делать не станет... Тут получилось так: наши армии перешли в районе Сталинграда в наступление и сразу в немецком тылу резкие перемены — комендантские части снимают с централизованного снабжения.

Дед, пока был здоров, не упускал случая рассказать о том, что происходит на фронте; в день обыска обрадовал меня и окрылил. Как же хотелось слышать наши каждодневные сводки!.. Где он их брал?

Неужели ходил на дальние хутора? Нет, в самой Кущевке кто-то имеет приемник... Вряд ли.

Вот такая чертопляска творилась в моей голове. И как иначе, если одна с больным человеком.

Вдруг вспомнилось: в ночь, когда прилетела, дедушка Тимофей, уходя за грузмешком, велел, если кто придет, сказать, что ушел к Свириденко, к фельдшеру... Где живет этот Свириденко? Вот бы отыскать, пусть бы осмотрел больного. Я бы тут же и помчалась на розыски, не знала только, можно ли хоть на час оставлять старика без присмотра.

Ой, что делать, что делать?

Напрашивалась мысль: найти надо Сашко. Дед с ним близок. Пусть крысиная мордочка, но ведь не выдал ни меня, ни моего начальника. У него «учительница» ночевала... Верно-то верно, однако ж сам дед намекал: нет к этому парню полного доверия. Как же быть? Тут сам черт ногу сломит.

Не могла я не удивиться и тому, что со дня отъезда «учительницы» не появляется гауптман. Да и все комендантские офицеры наш курень забыли. Неужели обратились в трезвенников? Хорошо это или плохо? А может, до них донеслось, что старик слег? Откуда?

Еще одно, главное из главных: как быть с задачей, которую поставила перед нами «учительница»? Не оправдывается надежда старика, что гауптман добудет пропуск в запретную зону. Опять же получается, что заморозилось дело, не движется.

На третий день (раньше не могла) я радировала, что дед тяжело болен и находится в беспамятстве. В ответ получила указание ждать возвращения «учительницы», без нее ничего не предпринимать. Как же с ней связаться? И разве можно полагаться на самоизлечение? Неужели я не имею права пойти на розыск фельдшера?..

В конце недели я опять радировала, что дед Тимофей в жару, боюсь за его жизнь. Сообщила, что все связи оборвались. Попросила разрешения установить прямой контакт с доверенным лицом деда — полицаем, известным мне под именем Сашко. В штабе, как я понимаю, всполошились. Вдруг приказ: готовиться к уходу через линию фронта.

Мне в голову не могло прийти по моей неопытности, что крупное контрнаступление наших армий рвет и крушит все какие есть тыловые порядки и построения оккупантов. Получив ряд мощных ударов, вся фашистская машина затряслась, посыпались гайки, шпунтики, винтики... У меня приметы изменений были крохотными: перестал появляться гауптман и его дружки. Не слышно рояля, гармошки — значит, немцы насторожились, не гуляют. Стали тише и полицаи.

В первое же воскресенье на свой страх я пошла купить деду молока, а заодно расспросить женщин, где живет фельдшер Свириденко. До базара не дошла, да и какой мог быть базар. Во все стороны разбегались девушки и молодые парнишки. Солдаты и полицаи гонялись за молодежью. Меня обходили: по малости моей я им не годилась. Многие ребята и девчата попрятались в камышах; там их легко нашли собаки. Мимо меня пробежал, стреляя в воздух, Сашко. Подал мне какой-то знак, я не поняла.

Поздним вечером наладила связь со штабом. Спрятав рацию, вышла во двор. Оказывается, дверь была не заперта... Это объяснить могу только усталостью. Нет, было еще и другое: я привыкла, что во время сеансов связи дедушка стоял на крыльце... Выйдя во двор, я увидела, что выпал густой снег, на снегу следы мужских сапог. Кто-то подходил, но не зашел.

Это меня встревожило...

* * *

Опять я не спала всю ночь. Сидела при свете тлеющего в печи кизяка и все думала, думала.

Дед дышал прерывисто, часто и надрывно кашлял. Раза два порывался со мной говорить, но отваливался на подушку и впадал в забытие. Минут через десять заговаривал вроде бы сознательно:

— Ежли кто... Ежли придут — говори, что полумертвый, бесчувственный...

Потом крепко, хорошо захрапел, без кашля. Я отошла душой, ослабли нервы, задремала.

Вдруг стук в окошко. По-особенному стучат. Скорее всего условный сигнал. Ах, жалко будить деда. Стала трясти — открывает глаза, но не понимает ничего. А сигнал повторяется. Приоткрываю тряпку на окне, свечу моргалкой, слышу шепот:

— Это я, Сашко, выдь на минуточку!

Думаю: если он от немцев, просто окружили бы курень и нас взяли. А может, вознамерились одну захватить? Долго размышлять невозможно. Беру гранату за спину и отворяю дверь. Вижу снег и следы. Старые занесло, это новые. Не знаю как на улице, но от калитки Сашко шел один...

— Чего тебе?

— Пусти погреться.

Впустила. Он отряхнулся, постучал сапогами, сел на краешек стула; фуражку свою полицейскую положил на колени. Тихо себя ведет. Спрашивает:

— Дед на печи? Каков он? Все еще без памяти?

— Откуда ты-то все знаешь? — Жду его ответа, а сама держу за спиной руку с гранатой.

Он просто отвечает:

— Последний раз на сборе в полиции дед сильно кашлял, глаза были воспаленные. Начальник сказал: «Свалишься, Тимофей!» И верно, с той поры нет и нет старика.

— А как узнал, что он в беспамятстве?

— Га! Ты что? Я ж давеча заходил. Ты сидя спала.

— Врешь!

— Кому гнида, кому вошь... Правда заходил. Чего не запираешься?

От этого мне стало плохо. Я ведь не спала — сидела с наушниками. И он это видел. Может, бегал доносить, вернулся с солдатами?.. Я притворно зевнула:

— Ну, говори...

— Начальник полиции не навещал?

— Сколько я в Кущевке, ни разу у нас не был.

У этого Сашко глаза как побегунчики — зыркают, не останавливаются. Но вроде бы он спокойный.

— Да-а, наш начальник деда не любит, навряд придет. К тому же побаивается — вдруг тиф... Я не верю. Кашель показывает на воспаление легких. Вот принес таблетки... Красные, как кровь. Пусть принимает побольше...

— У фельдшера взял?

— Свириденко давно нет. Отправлен в Германию. Таблетки гауптман дал... Фронтовые дела знаешь?.. Фрицы хоть и передают по своему радио, что все у них гут... Какое там! Наши сообщают: громим их под Сталинградом, тысячи и тысячи сдаются в плен. Кроме того, наступаем под Великими Луками...

Как у него язык псоворачивается: «Наши сообщают: громим и м под Сталинградом...» Смотри-ка, наш выискался!

— Еще какие новости?..

— Да вот такие: комендантские-то, слышь, сильно переполошились. Резерв, который тут стоял этой ночью, погрузился, всех до одного отправили на фронт... Что же до комендатуры, теперь уже не только солдат, офицерье тоже обновляют — тех, что поздоровше, вытуряют на передовую. Ваш-то Штольц как бы не загремел. Вызвали его на медкомиссию. Пожалуй, отгулялся...

Я глаз не свожу с Сашко. Очень хочется его разгадать. Таблетки у него взяла, а сама думаю: «Вдруг это яд?»

Сашко шепчет:

— Растолкай деда, может, проснется...

Говорю:

— Толкала. Не чует. Что у тебя еще?

Я нарочно с форсом сказала. Он вздрогнул, попробовал засмеяться. Косо глянул и вдруг завздохал:

— Знала бы ты... Ох-хо-хо!

А я думаю: сколько ему дедушка доверил, но все равно своим считать невозможно. Так и эдак разглядываю. Парень лет двадцати восьми, нахальный. Похож на блатнягу. Я таких видела в Сухуми на базаре, возле забегаловок, в дверях бильярдной.

Вдруг показывает на дверь:

— Выйдем на баз!

— Чего это?

— Выйдем, выложусь как на духу...

Как же мне быть? Вот загвоздка.

— Выкладывайся тут. Дед не чует. Зачем нам выходить — оставлять следы на снегу?..

Сашко опять вздохнул и пустился объяснять свое положение: скоро, мол, придут наши, а их, то есть полицаев, немцы заберут с собой.

— Я не хочу, понимаешь!.. Сколько деду помогал: не выдал ни его, ни тебя, верно?

— Ну!

— Как ты говоришь «ну»! Я ж проявил себя и готов на любое задание. А дед до сих пор не сообщил нашим, что я свой, советский, работаю на Красную Армию...

Тут я решила схитрить:

— Ты что! Я давно сообщила.

Он обрадовался:

— Правда?

— Правда-то правда, а ты сейчас как сказал?.. Ты сказал, что нас не выдал — ни дедушку, ни меня...

— Я твою рацию мог отнести в комендатуру, поднять тревогу...

— Как же ты мог, если наш, советский? Получается, что торгуешься?

Он заюлил. Дескать, не торговался, а упомянул как факт своей преданности. Еще тише стал шептать:

— Деда не Тимофеем зовут, и он нездешний, сюда перед войной наезжал к двоюродному брательнику рыбалить. Твой начальник служил где-то в одной гостинице швейцаром. Тогда и завел бородищу. Может, только для виду швейцаром. Как думаешь, а?

Я чуть не рассмеялась: вспомнила, что у сухумского ресторана «Рица» тоже стоял белобородый дед в фуражке с золотым околышем. Вдруг и он пошел в подпольщики... Тут же и спохватилась: ничего нет особенного. Говорю Сашко:

— Ладно заливать! Расскажи лучше о себе. Как пошел в полицию. Ты добровольно пошел?

— Заставили.

— Такого дошлого заставили? Брось!

— Правду говорю. В полиции встретил деда, и мы столковались...

— Ну, а чем таким ты занимался раньше?

Он не успел ответить — в разговор встрял дедушка Тимофей. У него был слабый голос, очень больной:

— Сашко!

— Я Сашко.

— У вас делали конфискацию?

— Все подчистую забрали.

— Чем же питаетесь? Мамаля твоя клянет небось фрицев? Интересно, ты мне скажи: ей доверил, что со мной заодно?

— Разве можно. Что вы, Тимофей Васильевич!

Старик опять долго кашлял. Скорей всего под этот кашель тянул время, обдумывал, как дальше быть. Потом спрашивает:

— Ты вот сюда пришел, кто тебя охраняет? Ведь ты один не решился бы пойти.

— А почему не решиться — вы полицейай, я полицейай. Наша семья считается преданной немцам. У нас даже эта их шавка ночевала, которая к вам заходила со Штольцем. Мы держим комнатку для командированных из Краснодара. За мной хвостов нет. Вот лекарство принес от гауптмана — не беспокойтесь, Тимофей Васильевич...

Дед отвечает:

— Мне что беспокоиться, я свое отжил... Есть дело, Сашко. Ты мой тайник «почтовый ящик» знаешь? Прямо говори, не вилай!

Сашко скрутил сигарку, закурил. Дедушка закашлялся. Я крикнула:

— Загаси сейчас же!

Дед сказал:

— Ладно, дыми... Я в тебя, Сашко, верю как в очень большого прохвоста. Знаю — ты меня наколол, когда ходил к тайнику. Может, и тех, кто клал туда донесения, тоже выследил?

Сашко понял, что крутить невозможно:

— Частично.

— Выслеживал... для какой цели?

— Посылали на это дело. Я выслеживал, но вас же и оберегал. Ведь не сообщил никому — значит, это правда.

— Андрюху тоже ты выследил?

— Вы знаете: Андрюха погиб по своей вине.

Дедушка хотел было сползти с лежанки, но сил было мало, махнул рукой. Потом говорит:

— Так-так, Сашко. Ты, значит, во всем советский?..

— В этом я клянусь всей жизнью!

Старик усмехнулся, покачал головой:

— Ну, когда ты клянешься... бери бумагу, садись и пиши всех полицаев и предателей: фамилию, имя, отчество, прозвище, откуда кто взялся, какими делами славен. Мы все передадим нашим за твоей подписью. Согласен?

Сашко не колебался ни минуты.

— Затем я и пришел,— сказал и ослабил, рад был такой работе.

Он аккуратным почерком составил весь список, полчаса писал. Дед принял из рук в руки, где-то на печи спрятал.

— Теперь, Сашко, поскольку ты ужасно какой ловкий, даю тебе поручение. Ввиду моей болезни я давно к «почтовому ящику» не хожу. Доставь оттуда что там есть.

Сашко дрогнул, спрятал голову в плечи, стал отнекиваться. Дед его перебил:

— Как же так? Ты ж наш, все для нас делал. А я-то тебя собрался было представлять к медали... Завтра же и принеси!

— Не смогу, Тимофей Васильевич.

— А почему?

— Правду скажу: после того как Андрюха на том погорел, у меня ноги подгибаться станут...

Старик поднял голос:

— Я тебе приказываю!

Сашко сильно побледнел:

— Лучше тогда застрелите — и делу конец...

Тяжелый разговор. Каково мне, девчонке, слушать. Дед долго молчал, что-то в уме прикидывал. Вздохнул и говорит:

— Тогда вот что. Завтра внучка моя под видом, что ищет для меня молока, пойдет к тому месту. А ты будешь обязан отвлекать от нее опасность. Как отвлечь — решишь сам. Подходит тебе такое дело?

— Будет исполнено!

— Тогда действуй. В двенадцать пятнадцать при любой погоде. А пока прощай!

После ухода Сашко, не умея сдержатъ дрожь, я спросила деда:

— Нарисуйте где, я без него сделаю.

Дед на меня со вниманием посмотрел, хитро:

— Одна? Так ведь я иначе и не мыслю. Именно что одна и в другое совсем время.

* * *

Мы еще долго обсуждали с дедом, как я пойду, как отыщу это место. Кашель у него опять усилился, минут по десять слова не способен был произнести — забивала мокрота.

— Вот хорошо, получается, что болезнь выходит,— шутил дед.

А какие шутки. От него кожа осталась да кости да еще борода. Он мне все толково разъяснил и посоветовал идти, как только окончится комендантский час.

Вскоре дедушка опять стал путаться речью, бредить. Хотела дать лекарство — он отшвырнул таблетки; первый раз при мне заматерился:

— Туда и сюда гауптмана с его заботой!

Разбуянился, раскричался. Стал требовать, чтобы я из-под тряпок в сенцах принесла ему бутылочную гранату. Я не знала, как быть:

— У вас же под подушкой пистолет.

— Учить взялась, кузурка! Давай, приказываю, гранату, иначе сам встану.

Пока я ходила в сенцы, он заснул или потерял память. Я его укрыла, подоткнула. Меня гнул сон. Поспать бы хоть полчаса. Но вспомню, что Сашко входил в курень, а я не услышала,— от этого начиналась дрожь. Я заперлась, заложила засов, но чудится, что Сашко топчется от окна к окну. Дожидаюсь рассвета, не только не ложилась, но и не садилась. До боли колола себя иголкой, пробовала даже курить. Сделала две затяжки — зашлась кашлем. От этого меня сильно растрясло, сон отступил, но голова стала еще мутнее.

Что было дальше? Я взяла алюминиевый бидончик, в карманы ватника сунула не одну, а две гранаты-лимонки и, конечно, пистолетик. Погода была ясная, морозная, снегу немного, мягкий снег. Когда вышла и, спиной к улице, навешивала на дверь замок, чувствую — кто-то сзади стоит. Поворачиваюсь — это соседка наша. Она была не-

старая женщина, видная собой. Смотрю — не она и в то же время она: расплавленная старуха с впалыми глазами. Тихо мне говорит:

— Девчонки мои помирают с голоду. Дай чего-нибудь.— Просит, а глаза злые.

Я отвечаю:

— Мешок принесите, насыплю картошки.

— Вот мешок! — Она мне протягивает наволочку от думки. В нее больше трех кило не вместится.

Повторяю:

— Принесите мешок...

— Давай сыпь сюда. Нешто я мешок подыму, я под мешком свалюсь...

Иду в хату — она за мной.

Шепчу ей:

— Не ходите сюда!

Она смотрит вокруг и, наверное, думает: «Вот оно, волчье логово. Все равно всех вас повесят. Погоди, наши придут, сама тебя поволоку!»

Злее никого не видела. Как же захотелось ей рассказать, кто мы с дедом в действительности. Удержалась... Чтобы наполнить наволочку, лезть в подпол не пришлось —хватило картошки на кухне. Спрашиваю:

— Вареной дать?

— Неуж откажусь! — Улыбнулась. Но как увидела деда на печи, опять в глазах закипела злота.

Думаю: как же она? Пришла просить, а скрыть вражду не может. В глубине души я ее понимала. Говорю:

— Тетенька, он сильно болеет.

Она отвернулась.

Я ей высыпала в передник из чугунок — только что сварилась картошка. Она стерпеть не может: хватает, откусывает, обжигается, давится.

Прошу ее:

— Присядьте.

Нет, повернулась и пошла.

На меня что-то нашло, кричу ей вдогонку:

— Вернитесь!

Она остановилась, слушает. Потом подошла поближе:

— Ну! — Что-то она увидела в моем лице.

— Я сейчас ухожу. Смотрите — ключ будет под ступенькой...

— Чего?

— Если станет известно, что меня схватили фашисты...

— Тебя?

— Я от бессонницы почти неживая, станут ловить — далеко не убегу... Запоминайте, куда ключ кладу. Дедушка в полубеспамятстве, сопротивляться не сможет... Боюсь, они его замучают.

Соседка как была, так и брякнулась на ступеньку:

— Ой, да что ты такое буровишь?

— А сейчас, прошу, уходите, чтобы нас вместе не видели... Знайте, в Сталинграде наши берут верх, наступают на полный ход. Об этом всем говорите!

Соседка вскочила и побежала. Две картошки уронила — не вернулась поднимать.

А я **веселая** пошла по улице. Силы мои утроились. Ясно, что соседка меня **поняла** — у нее глаза стали другими. Конечно, я нарушила дисциплину. Но неужели нельзя **сказать** вдове **красноармейца**:

у нее такая в глазах ненависть... Дай ей гранату — побегит и бросит в комендатуру... Вот только дети, две маленькие дочки.

...Я шагаю, размахиваю пустым бидончиком. Иду, никого не спрашиваю. По объяснению деда представляю как на фото: при выходе на площадь, не доходя кирпичного здания комендатуры, стоят друг против друга два разрушенных снарядами дома. Между ними на мостовой широкая лужа. Из-за этой лужи, которая никогда не просыхает, народ протоптал дорожку через кирпичные развалины. Надо по крутизне подняться, потом спуститься. Так все делают. Чуть в сторонку от тропы печь, труба печная упала, лежит. В ней открытая дверца от вьюшки...

Вот я и дошла, увидела комендатуру, увидела это место, где друг против друга два разваленных дома. Увидела упавшую трубу, даже вьюшку, как она чернеет. Раннее утро. Солнечная морозная погода. Ветер гонит снежок. Людей немного, но все-таки ходят и туда и сюда. У комендатуры прогуливается часовой, смотрит по сторонам. Ни во что особо не вглядывается, но случись необычное — примет меры. Кроме него, на площади торчит полицай — верзила, которого я видела на базаре... Еще замечаю — местные люди, встречаясь, еле друг другу кивают, поговорить не останавливаются. Мне стоять тоже не годится. Иду. Никто не поднимается на старую тропу сквозь развалины. Это невозможно и глупо. Раньше-то, до морозов, на дороге разливалась лужа — ее обходили верхом. Теперь хоть скользко, но идти-то можно. И все идут — русские, немцы. Пусть бы кто стал подниматься по тропе среди кирпичей — и полицай заметит с площади, и часовой от комендатуры: полез человек, чего ему там надо? К тому же старая тропа занесена снегом.

Останавливаться нельзя. Я прошла вместе с народом по дороге, то есть по замерзшей луже, а потом и через площадь. Не смотрела, а видела: полицай и часовой меня приметили. На обратном пути пожалуй что и остановят.

Вполне возможно, они и внимания не обратили, но я-то себя чувствую, как жук на ладошке.

Вот и виселица: стоит на выходе с площади столб буквой «г», болтается для устрашения петля, ветер петлю крутит. Значит, здесь-то и висел мой предшественник. Это ужас. Как я не поскользнулась на льду!

Что же делать-то дальше? Неужели возвращаться и лезть на глазах у всех по припорошенному снегом кирпичу?.. Прямо идти — дорога на станцию, делать мне там нечего. Свернула на пустынную улочку, оглянулась — вроде бы за мной не гонятся.

Я чуть не плачу — до боли обидно, все без толку. Сейчас, наверно, и дедушка проснулся. До того дошла, что подумала — хорошо бы он был без сознания. Как сказать, что вернулась ни с чем?.. Выходит, я несмелая... Тут я начинаю понимать — действительно выручить меня могло бы только отвлечение. Правильно дед говорил, что Сашко может обеспечить это дело, отвлекая от меня опасность. Но потом-то мы перерешили, лучше, мол, пойду одна. Нет, не лучше. Сашко как полицай мог бы поднять шум на площади — придрался бы к кому-нибудь, мало ли что...

Всех мыслей не припомню. Конечно, удивлялась, как Сашко не объяснил, что именно произошло. Неправда, он пытался: дед его перебил...

Дальше было так. Ничего мне другого не оставалось, как пойти кружным путем по неизвестным мне улочкам. Вдруг навстречу Сашко. Из окон нас видно. Он смотрит без улыбки:

— Предъявите документы!

Я ему дала свой аусвайс. Он его крутит так и сяк, а сам шепчет: — Попусту шляешься, дура! Явись вовремя. Деду передай сообщение от четвертого декабря: наши под Сталинградом освободили еще десять населенных пунктов.— Отдает пропуск и громко говорит: — Можете быть свободны! — Напоследок опять шепотом: — В двенадцать пятнадцать жду...

Я побежала. Дома застаю картину: соседка обмывает из тазика деда. Дед трясет головой, мычит, ни слова не говорит, вроде бы никого не видит.

Я чертыхнулась и зло сказала:

— Уйдите!

Соседка улыбается:

— Слава богу, ты живая.

— Вам говорят — уходите сейчас же!

— Ухожу, ухожу!

Она испарилась, а я вся в слезах упала на табуретку.

Вдруг дед ко мне обращается:

— Ну что, что ты?

Значит, он притворялся, что без сознания.

Я ему все откровенно рассказала. Дед говорит:

— Видишь, не миновать нам Сашко... С другой стороны, десять пунктов, которые освободили наши под Сталинградом... Подойди ко мне.

Я подошла. Дед мне слезы вытер. Ладонь жесткая, точь-в-точь как у родного моего папки.

— Соседке ты, Женюшка, напрасно все-таки сказала...

— Что я ей сказала?.. Она пришла просить для голодных детей.

— Ладно, потом разберемся...

В двенадцать пятнадцать я была у того самого места. Движение стало погуще. Замерзшая лужа — по ней не только люди шли, это и проезжая часть дороги. Какой тут транспорт? Бывают немецкие машины, иногда возок с дровами или углем: возчики из мобилизованных стариков доставляют со станции топливо в дома, где расквартированы фрицы.

Я как подошла, застала такую картину. Старик в кожухе и брезентовом плаще с капюшоном тянет за узду запряженную в сани лошадку. Она по льду скользит — разъезжаются ноги. А возчик ее тянет в сторону, туда, где булыжник. Он ее хлещет кнутом, матерится — обычное дело. Тут навстречу легковая машина. Рядом с шофером какой-то там фюрер СС, весь в черном. Машина штабная, «мерседес-бенц», сверкает новизной. Здесь и без того узкое место, а лошадь пошла поперек. Шофер резко сигналил, громко. Лошадка дрожит. Возчик, бедолага, то ее тянет, то хлещет, то подбегает к возку подтолкнуть — растерялся. Кто-то из прохожих взялся помогать, но постовой полицай подбежал со своей дубинкой:

— Р-разойдись!

Он старается, чтобы фашист видел его рвение. Народ не должен перед лицом такого чина собираться в кучу. Разойтись, однако, не просто. Кого-то возком прижало к развалинам дома, кто-то хочет перебежать на ту сторону, но при виде гитлеровского офицера в страхе отступает.

Это все мгновение, минуты не прошло. Но разве фашист может терпеть. Открывает дверцу, выходит, орет:

— Доннерветтер! — И еще что-то позабористей. Высокий, упитанный, глаза выпучены.

Откуда ни возьмись к первому полицаяу подбегает на помощь второй. Маленький, да удаленький. Это, я вижу, Сашко. Чтобы осво-

бодить проезд, он с разгону толкает лошадь, старается из всех сил. И вдруг лошадь падает, оглобля въезжает в стекло машины, трах, дзынь, эсэсовец выхватывает из кобуры парабеллум...

Прохожие — кто куда. Я вскарабкалась на кирпичи и вроде бы с перепугу падаю ничком на сваленную трубу... Не одна я упала — многие легли на землю, в том числе и старик возчик. Эсэсовец топчет на Сашко, тот что-то объясняет, может, недостаточно почтительно... Эсэсовец поднимает на него пистолет и всаживает в грудь всю обойму — кровь так и брызнула. Потом брезгливо оттолкнул ногой и зашагал к комендатуре. Я рассовала по карманам бумажки, которые нащупала в трубе; так торопилась, что руку измазала в саже. Подыматься сразу не стала. Все лежат, и я лежу. Потом все повскакали, побежали, и я с ними. Прямо домой.

Что там дальше было, не знаю. Через час к нам с дедом пришла соседка, рассказала, что полиция Сашко беспричинно расстрелял какой-то важный фашист. И будто бы полицейай успел перед смертью послать ему вдогонку пулю.

— Жаль, не попал — должно быть, почти мертвый. Что же это делается, Тимофей Васильевич? Они уже своих принялись стрелять, будто собак...

Я спрашиваю:

— Вы там были, тетечка?

— Что ты! Я из дома от детей никуда. Народ гутарит. Вся станица всполошилась. Сашко-то всем был известен как распоследняя сволочь... Смотри-ка, перед смертью себя показал.

Дед к ней обращается:

— Соседка! — И смотрит прямо в глаза.

— Что, Тимофей Васильевич?

— Ты меня считала, что я немецкий холуй?

— Ну!

— Христом богом тебя прошу — считай так и в дальнейшем. Нужно для нашего же дела, для советского. Не ходи к нам... Недолго осталось... Терпеть нам осталось совсем недолго. Может, неделю или дней десять...

Ошибся дедушка Тимофей. Ровно два месяца осталось до освобождения Кущевки.

Это я теперь знаю, тогда, конечно, думала точно как и дед.

Еще когда дед тяжело хворал, мне свои передали, чтобы готовилась к уходу через линию фронта. Много думала: зачем уходить, как оставить больного деда? Ему я об этой радиогамме не сказала: нет подтверждения, чего ж понапрасну волновать. К тому же старик поправляется. Правду говоря, я уже и тогда сообразила: случись, болезнь кончилась бы смертью, меня бы для самостоятельной работы в Кущевке не оставили... Я поторопилась сообщить, что он выздоровел, хотя до полной поправки было далеко.

Потом два сеанса подряд я передавала добытые ценой жизни Сашко сообщения подпольных групп.

* * *

Однажды дед сказал:

— А теперь ты, Женюшка, готовься держать прямой контакт: пойдешь на встречи с нашими людьми, с подпольщиками то есть. Ах, и хорошие есть ребята, орлы.

— Вы бы и раньше меня могли посылать, — проговорила я с некоторой обидой.

Он посмотрел с улыбочкой:

— Так ты, значит, думаешь?..

— Вы смеетесь? Наверное, считали недостойной доверия?

Дедушка серьезно сказал:

— Я сильно пуганный, вот в чем вопрос. Уважаю молодых, но я их и побаиваюсь. Ты маленькая, а, между прочим, навроде Андрюхи отчаянная. Молодые, я убеждаюсь, куда как более подходят в партизаны. Потому как вам, комсомолятам, хуже смерти, ежели оскорбляют душу.

— А вам безразлично?

Он вдруг обиделся. Задрожал голос:

— Как же ты, умная девушка, можешь такое спросить? «Безразлично!» Помнишь, мне гауптман влепил в ухо? Как думаешь, что в моей душе творилось? Но... душа оч-чень уж неподходящая для подпольщика штука. Она твоя. И вроде бы собственная. Какая с детства завелась, до самой смерти не меняется. Ежели нежная да еще и ласковая, такая и остается. И чувствительность душевная, и взрывчатость, и отклик души на несправедливость — все и всегда при тебе с младенчества до древних лет. Может она у меня заскорлупнуть, как ты находишь?.. Я не верю. В нее, в душу то есть, плюют, вколачивают гвозди, студят душу и поджаривают. А все она одна и та же. Вот только скорлупа на ней с годами толщеет. Откудава берется скорлупа? От головы, которая говорит коротушечное словечко «надо!». Мово сына уводили на расстрел, душа плакала, а умственная скорлупа ее держала. И я даже к глазам, к зрению своему, душу не подпустил. Смотрел, как сына родного, кровинку мою, палили, скручивали, волокли. И я говорю: «Не знаю, кто таков». Вот как было, Женюшка. И Андрея я видел, как его брали. Стоял. Молчал. Богу молился, чтобы самого меня не заставили хватать и тянуть. Вот тогда бы и лопнула скорлупа... А я ведь знаю — Андрюха в меня верил, что я себя не выдам. Он один только раз зацепил меня глазом. И я почувал — прощит ли прощения, что полез куда было не надо... А ты говоришь «безразлично»... Ждешь, что об Андрюхе скажу. Терпи, потерписься. Зараз другое. Имеем мы право на собственную душу? Можем ее, как бомбу или гранату, брать и швырять во врага?.. Нет, нет у нас собственной души!.. У тебя-то еще есть. Если взорвешься — себя, ну, и меня прихватишь, других ты не знаешь. А я своей волей с завтрашнего дня душу твою из собственности твоей изымаю — делю на всех наших подпольщиков. И уже ты ее не можешь ни взять, ни швырнуть. На это не имеешь права. «Хочу, мол, и погибну, мне в душу плюют!» Дудки! Окончилось твое хозяйствование и твоя собственность над своей душой... Ну как, Женюшка, пойдешь на встречи или душа в пятки ушла?

— Пойду!

— Что-то ты нерадостно сказала...

* * *

В конце того же дня старик доплелся до станичной полиции, доложился по начальству.

Кряхтя и охая, как бы между делом он мне сказал, что начальник полиции теперь покоя не даст, придется и на посту где-то стоять и участвовать в обысках:

— Понимаешь, Женюшка, человек он злоющий, да еще и пьяный — давно себя потерял. К тому тебе говорю, что не миновать с данной гадюкой налаживать дружбу....

Мы поговорили немного, старик потихоньку уснул.

На дворе лютовала снежная завая, окна залепило. Из печи то и дело вышвыривало искры; еле успевала гасить. Думаю, думаю, как завтра встречусь с подпольщиками. Вдруг они меня не признают.

Однако ж пароль-то у меня будет. А если признают, как бы мне выйти с ними хоть на одно задание. Глупые мысли. Хорошо, дед доверил живую связь.

Наступил час радиосвязи. Боясь пеленгатора, я теперь выходила в эфир в запасное время поближе к полуночи. Приладила антенну и заземление, проверила, запорты ли двери, вернулась в горенку, надела наушники... Дед меня предупреждал, чтобы я его обязательно будила. А мне жалко: так устал за день, счастье, что уснул. Думаю. И тут вдруг слышу, что нам сообщают, что надо немедленно уходить! Деду приказано в Ростов, а мне к линии фронта. Бужу деда. Он сразу все понял, тут же слез с печи.

Дед лег больным — встал здоровым. Теперь-то я понимаю, как это бывает: напрягается организм и собираются все силы.

Слышу спокойный голос:

— Натягивай на себя всю какая у тебя есть одежду. До фронта топать да топать. Рации забираем с собой. Ты свою, я Андрюхину. Потеряешь направление — станешь связываться со своими. Чуешь, завывает ветрюга. Хорошо! Есть, стало быть, и наш бог, который нам подсобляет... Ну-ка, подь сюда. Ах, ботиночки твои для долгого пути не дюже подходящи. — Он выхватил из угла свои серые валенки: — Примеряй!.. Нет, сколь ни накручивай, толку не станет, натрешь ноги. Тогда вот что...

Он отрезал финкой голенище, ножницами выкроил из подошвы стельки, да слишком толстые. Как я ни старалась, не просовывалась нога. Говорю:

— Жалко, испортили валенки. А как же вы сами?

— Не рассуждай. У меня сапоги... Погоди-ка, погоди!

Потом отхватил полу от своей черной шинели, велел мне сесть и обернуть ноги. Нашлись для меня у деда и стеганые трехпалые рукавицы; такие у пулеметчиков. Велики, а все же лучше, чем с голыми-то руками.

Я не сразу опомнилась: как это он хворый, старый занимается мною, а не я им. Нельзя было перечить. У деда все получалось быстро, сноровисто: помолодел на двадцать лет.

Пока я одевалась, он приготовил два дерюжных мешка, сунул по углам сырые картофелины, затянул толстыми веревками — получились ляжки. В мой мешок снизу натолкал тряпок. Теплую, сваренную в мундире картошку высыпал из чугунка всю мне. Я попробовала возразить, он цыкнул:

— Знай помалкивай!

Он сам добыл из иконостаса мою рацию, разорвав простыню, укутал и ее и комплект питания, проверил, как у меня улеглись по карманам ватника гранаты-лимонки, вместо пистолетика дал мне «вальтер» с полной обоймой; отдал компас, часы, батарейный фонарик; любовно, как мамушка родная, повязал на мне платки.

— Смотри-ка, волосенки твои подросли. Сама только не торопись, не расти. По войне тебе не надо — маленькой удобнее.

Закончив со мной, стал одеваться и сам. Надел полушубок, поверх него натянул брезентовый плащ с капюшоном: стал похож на того возчика, который оглоблей заехал в стекло «мерседеса».

Дед полностью был готов. Взял меня за руки, потянул в сенцы:

— Глянь, что буду делать. Вишь, над дверью полка с тряпьем? — Он вытащил оттуда две бутылочные гранаты, рассовал по карманам плаща. Тряпки с полки сбросил, обнажился деревянный ящичек. От него спустилась проволока. — Гляди дальше. Накручиваю проволоку на ручку двери; засов отодвигаю, так? Ящичек тяну поближе к краю. Поняла, что будет? Только они почнут дверь дергать, сразу же мое

взрывное устройство громыхнет. А в нем заряд такой, что весь наш курень подымется аж в небеса. Да и те, что за нами придут, ауфидерзейн, отправятся к господу богу....

У меня вырвалось:

— А как будем выходить?

— Ой, Женюшка! Ты хоть связывай, что помнишь... Как мыши уходят, так и мы... Посидим напоследок, помолчим.

Посидели с минуту. Дед показал, что пора подыматься...

Отворил заднее окошко:

— Вылезай!

...Ох и сильный же гулял ветер, клонил к земле. Мы выбрались по перелазу в заледеневшее поле. Чуть светила ущербная луна, низкая поземка крыла наш след. Мело, крутило, все было нам на счастье. Дед выбирал путь меж сугробов. Мы продрались сквозь камыши к гладкому льду реки. Дед приостановился. Он тяжело дышал.

— Ну-тка, внученька, прислушайся! Что сквозь вьюгу поймешь?

— Будто мотгор где-то? Надрывный звук...

— Точно! За нами. К нашему куреню пробираются. Буксует их машина. Чтоб вам, гадам, всюду буксовалось!

Мы пока что прошли всего километра полтора. Дед мне велел идти впереди, отставал, я его ждала. Мороз был не так силен, зато ветер сек ледяной крошкой по глазам, упирался в грудь, заползал во все щели ватника. Мы бы давно заплутали, когда б не река. Она петляла среди камышей и показывала дальнейший путь. Почему идем в эту сторону, я пока не знала. Деда спрашивать не решалась: страшно мне было с ним разлучаться; за себя страшно, а за него вдвое. Видела — еле ноги тянет. Извел все силы на приготовление к уходу, а теперь с каждым шагом сникал. Я спиной поворачивалась, вперед пятками шла, только бы не потерять своего старика из виду.

Он меня подманил:

— Иди, Женюшка, вперед и вперед — до моста, небольшой мостик. Там проселок петляет: тебе налево, мне направо... Давай тут прощаться...

— А вы отдохните, Тимофей Васильевич. Нас тут и с собаками не сыщут, ветер-то все перемел... Сядьте под камыши!

Нет, он двинулся дальше. Из дому вышли двадцать минут четвертого. Ровно в полшестого услышали взрыв. Что-то сверкнуло вдали, дедушка перекрестился:

— Вот и нет братова куреня. Может, хоть кого из фрицев прихватило. Вот бы ладно!

От этой ли мысли, а может, от чего другого дедушка взбодрился, пошел побыстрее.

— Надо бы нам до того мостика дошагать до рассвета... Там проселок, он на взгорке. Насыпь. Кругом, понимаешь, болота...

Луна закатилась. Только и видны темные камышовые границы реки. В шесть утра стало чуть развидняться; пустынная местность. Если б не метель, нас бы видно было за три километра. Дед все чаще останавливается, кашляет; вдруг упал на колени. Я ему помогла подняться. Думала, скажет что-нибудь. Нет, идет. Качает головой, как конь в упряжке.

Я говорю:

— Дедушка, посидим...

— Погоди трохи. Сейчас мосток. Здесь, здесь, шагов триста...

И правда — горбится что-то. Вот мы доплелись. Я-то ничего, долго бы шла. Старик был плох.

Под мостом снегу, снегу — скопились сугробы у брусчатых переплетений. Дедушка распоряжается:

— Полезай туда, там затишек. На про... кха-кха... На прощание покалякаем.

Мы с ним рядом уселись меж высокими сугробами. Он стал доставать кисет с табаком, рассыпал много: руки дрожали. Все-таки скрутил сигарку, запалил, долго сидел молча. Ветер буянил, свистел в брусках, присыпал нас тонкой, как пудра, снежной пылью. Перехватывая воздух, дед коротко заговорил.

— Внука! — Он меня ни разу еще так не называл.— Ты... Компас где?

— Передо мной!

— Куда идти, помнишь?.. Ладно. Пока не рассвело, надо... идти дорогой. Скоро степь. Дальше, дальше... Три лесополосы отсчитай. Потом... Потом свернешь. Вправо...

Смотрю, он падает. Голову кладет на руки, засыпает. Вдруг приподнялся. Борода белая-белая, вся в снегу. И папаха из черной стала белая. И глаза белые. Не глаза — ледышки. Говорит мне:

— Приказываю: иди!

Я молчу, сижу. Разве такой приказ можно выполнять! Дед же, ясное дело, болен... С сердцем, наверное, плохо...

— Дедушка, посидим еще. Десять минут. Я приустала...

Он погрозил пальцем:

— Нельзя устать. Слышь... Война. Хотел тебе сказать: берегись мин. Поля вокруг хуторов, где земля чуть вспухла... смотри, обходи. Сколько выдюжишь — топай и топай. Пока весь припас не кончится, в хутора не заглядывай... Подожди. Еще что хотел сказать: помни пример Андрюхи!

Говорит «помни», а что помнить? Не стала расспрашивать.

— Дедушка!

— Что, Женюшка?

— Я с вами останусь.

— Чего? — Он, кажется, и правда не расслышал.

Кричу:

— Не оставляю! Вас не оставляю. Одного!

— Чего-о! — Старик вскочил на ноги.— Бунтуешь против моего приказа?! — Он вытащил из кармана пистолет.

Я тоже взбеленилась:

— Расстреливайте, от вас не уйду!

Он вдруг спокойный стал:

— Тогда смотри! — Он приставил дуло к своему виску.— Выполняй приказ, или при тебе застрелюсь... Ты.. Ты.. Лучше обнимемся на прощание.

Я бросилась к нему на грудь. Слышу его сердце бум, бум. А может, это мое так билось сердце. Скорей всего. Как я деда не свалила... Он рукавицы сбросил, взял мою голову в руки, посмотрел в глаза.

— Вот так и Андрюха погиб, жалеючи. Против приказа нельзя.— Тут же себя оборвал: — Иди, иди, шагай, пока шагается... Не жди, я оклемаюсь, я куда мне надо... Иди... Война, Женюшка...

Он меня расцеловал в обе щеки, исцарапал льдинками бороды.

И я пошла. А он остался.

Прошагала с километр по горбатой пустой дороге и все ждала выстрела. Не дождалась и повернула обратно. Припустилась бегом. Сердце в груди скакало, а я бегом да бегом. Кубарем скатилась под мост:

— Дедушка, дедушка!

Нет никого.

Думаю — засыпало снегом. Руками копаю, ногами. Нет никого. Взбежала на горб дороги — следа нет.. Хотя почему же — вот он, след. Ямка одна, другая, чем дальше, тем виднее. Поземка в ямках крутит снежную пыль...

Багровое метельное солнце приподнялось над камышом. Тогда я увидела — бредет, спотыкается мой старик дедушка Тимофей.

Хотела его окликнуть, да вдруг подумала: увидит меня... что не выполнила приказ.

Надо выполнять приказ...

И я обратно пошла. На восток. Сперва медленно, потом все быстрее. Шла по своему же следу.

До линии фронта добрела через девять дней.

Конец первой книги

НИКОЛАЙ ЗАБОЛОЦКИЙ

★

НАЧАЛО СТРОЙКИ

Перед лицом лесов и косогоров,
Там, где повсюду камень и вода,
Самой природы своевольный нор
Препятствует усилиям труда.
Но в день, когда построятся палатки
И, сгоряча наткнувшись на ружье,
Косматый зверь несется без оглядки
В дремучее убежище свое;
Когда в трущобах кедры вековые,
Под топором треща наперебой,
Вдруг накренят свои седые выи,—
Я не владею в этот день собой!

В какое-то короткое мгновенье
Я наполняюсь тем избытком сил,
Той благодатной жаждою творенья,
Что поднимает мертвых из могил.
Сквозь дикий мир нетронутой природы
Мне чудятся над толпами людей
Грядущих зданий мраморные своды
И колоннады новых площадей.
Я вижу бесконечные фронтоны
Просторных улиц, ровных, как стрела,
Сады, заводы, парки, стадионы,
Верхи дворцов, театров купола.
Все движется, все блещет, все бушует,
Прожектора лучи косые льют,
И, управляя миром, торжествует
Свободный, стройный, вдохновенный труд.

Быть может, перед целою вселенной
Когда-нибудь на этих площадях,
Изваяны из бронзы драгоценной,
Предстанем мы с кирками на плечах.
И будут наши маленькие внуки
Играть у ног строителей земли
И трогать эти бронзовые руки,
Которые все знали, все могли.

1947.

Из литературного наследия. Публикация Е. Заболоцкой.

ПУБЛИЦИСТИКА

БОРИС ЯКОВЛЕВ

★

МОСКВА, ДЕКАБРЬ 1922...

Демьян Бедный, Максимилиан Гарден, Борне Гусман, Михаил Кольцов, Михаил Лапиров-Скобло, Осаф Литовский, Иван Ломский, Анатолий Луначарский, Алексей Львов, Георгий Нерадов, Николай Погодин, Александр Сергеев, Юрий Стеклов и другие литераторы 20-х годов в историко-публицистическом репортаже

Вскоре после Октября Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, в то время управляющий делами Совета Народных Комиссаров, настойчиво упрашивал Ленина... вести дневник. Однако Владимиру Ильичу, как и его ближайшим соратникам, было всегда «приятнее и полезнее» опыт революции проделывать, «чем о нем писать», да еще каждодневно...

А что, если бы вело дневник государство! Если бы день за днем пополняло оно летопись исторических событий... Быть может, это покажется прожектерством. Но ведь совсем не прожектеры, а люди сурового воинского долга и дела учредили, помнится, штатные должности историков в соединениях Действующей армии и на флотах. Не пора ли появиться летописцам в республиках, краях и областях? На гигантских предприятиях, железных дорогах, стройках...

Сколько удивительных, поражающих воображение фактов и примеров не только воинской, но и трудовой доблести, организаторской инициативы сохранится тогда навечно в памяти народной...

Впрочем, основа для такой летописи есть. Из номера в номер ведет своеобразный дневник советская печать — ведет в центре и на местах. В столицах союзных республик, в районах или заводских многотиражках. Надо лишь вчитаться в записи и разглядеть в далеком прошлом черты будущего, которое неотвратимо становится в надлежащий исторический час настоящим.

Отважimsя на такую попытку в пределах немногих номеров столичных газет за конец декабря 1922 — начало января 1923 года. С их щедрой помощью вспомним: а как все это было? В какой обстановке свершилось пятьдесят лет назад образование Советского Союза, объединение Социалистических Республик России, Украины, Белоруссии и Закавказья?

Наши заметки написаны для литературного журнала. Они не научное исследование, а опыт историко-публицистического репортажа — напоминания о совсем малой части событий, отдаленных от нас уже полувеком, но запечатленных в забытых газетных материалах пятидесятилетней давности, никогда более не переиздававшихся.

А по точности и выразительности они ничуть не уступают архивным документам. Жаль только, что их с каждым годом все труднее читать: так безбожно выцветает скверная типографская краска. Желтеют и рвутся читанные-перечитанные полосы. Так неполно даже в лучших книгохранилищах собраны бесценные газетные страницы Дневника Советского государства.

Официальные документы — доклады, решения и декларации X Всероссийского и I Всесоюзного съездов Советов — воспроизведены в стенографических отчетах и вполне доступных заинтересованному читателю документальных сборниках. Что решают съезды, известно из обширной исторической литературы — научной и популярной. Но как, в какой духовной и нравственной атмосфере принимаются решения? Обратимся за ответом к записям, зарисовкам и откликам современников. Их статьям и заметкам, очеркам и фельетонам.

Приведем их в хронологической — как бы дневниковой — последовательности.

«ПАМЯТИ ПЕРВЫХ БОРЦОВ...»

X Всероссийский съезд Советов, принимающий решение о вступлении Российской Федерации в СССР, открывается 23 декабря 1922 года — в семнадцатую годовщину декабрьского восстания. Знаменательному историческому совпадению посвящает передовую статью «Памяти первых борцов за власть рабочего класса», редактор «Известий» Юрий Стеклов. Вот несколько ее главных положений:

Десятый съезд Советов открылся как раз в годовщину декабрьского восстания 1905 года. Казалось бы, между этими двумя событиями нет прямой связи. А между тем они связаны самым тесным и органическим образом, как начальное звено цепи с ее конечным звеном. Без декабрьского восстания, которое само явилось предтечей дальнейших исторических выступлений русского пролетариата, невозможен был бы в Москве Десятый съезд Советов победоносного трудового народа...

Лаконично и образно пишет публицист об Октябрьской революции и четырехлетней гражданской войне, навязанной интервентами и белогвардейцами:

В продолжение четырехлетней внешней и внутренней войны рабочий класс, поддержанный большинством крестьянства, разбил наголову всех своих врагов и укрепил свою диктатуру. Одновременно он в течение этих бурных лет собирал воедино раздробленную русскую землю, но на этот раз уже как землю пролетарскую, землю трудящихся масс. И совсем еще на днях он, разрушив последний оплот белогвардейщины на Дальнем Востоке, присоединил к рабочей республике последний клочок земли, оторванный от нее руками внутренней измены и иноземной интервенции...

Завершая передовую, автор связывает насущные политические задачи X съезда Советов с революционными традициями первых борцов.

Имея в виду образование СССР, Стеклов заявляет:

Десятый съезд должен завершить работу по собиранию и устройству социалистической земли, начатую нашими предшественниками и ныне доведенную до благополучного конца. Пусть же он, приступая к осуществлению этой великой исторической задачи, с чувством благоговения вспомнит тех пионеров, которые заложили первый камень в здание рабоче-крестьянской Республики, но из которых только немногим удалось дожить до осуществления своих заветных чаяний!

Верность революционным традициям — ведущая тема партийной публицистики 20-х годов.

ДИАЛОГ С ДЕЛЕГАТОМ

Когда летописцами становятся публицисты и очеркисты класса Михаила Кольцова, перед нами уже не репортерская фотография факта, а его художественная реконструкция. Свои традиционные «Впечатления» от X съезда Кольцов кристаллизует в напечатанном «Правдой» 24 декабря очерке-диалоге с не названным им делегатом. Диалогу предшествует историческая панорама, сжатая до пятнадцати газетных строк:

С этим делегатом мы встречались на всех съездах Советов. Шесть раз замыкала свой круг вокруг солнца накаленная докрасна человеческим бунтом земля, и десять раз приходил в столицу из огнедышащих недр России человек, один из многих, кто, подобно саламандрам, в огне делал и творил, не сгорая. Сначала

в русской рубахе, потом в кожаной куртке и австрийских башмаках, потом в рваном бараньем тулупе, с бритой головой, зеленым сыпнотифозным лицом, потом опять румяный в красноармейской богатырке, и, наконец, в кургузом, хозрасчетном пиджачке.

Опустим немногочисленные ремарки автора и воспроизведем диалог в наиболее лаконичной и емкой драматической форме:

Делегат. Опять впечатления напишете?

Кольцов. Да... А разве в этом что-нибудь плохое?

Делегат. Плохого, конечно, ничего. Но уж больно вы, газетчики, нас всегда жалеете.

Кольцов. То есть как жалеем?

Делегат. Именно. Усвоен здесь, в Москве, в отношении делегатов сострадательный какой-то тон. Едва только съедемся, начинается канитель. Умиляются нами, как детьми. Ишь, мол, какие хорошие, умные, грамотные. И лаптем щи не хлебают, и в носу не ковыряют, внимательно слушают ораторов. Во всем разбираются, даже удивительно, как все понимают! А ведь простые, мол, мужички! Даже внешне описывают нас столичные хроникеры как зверей каких-нибудь. «Из-под косматых лесных бровей мужицкие глаза смотрят исподлобья, словно думают свою тяжелую мужицкую думу». «Корявые мозолистые руки медленно перелистывают розданные делегатам журналы и листовки». Меня один такой бойкий товарищ в театре на «Аиде» видел, несколькими словами перекинулся и потом описал таким таежным ребенком, который приехал в Москву насчет земли раскумекать... А я куда, к черту, таежный: я хоть из слесарей, а губернской партийной школой руковожу, лекции читаю, в Эконо заседаю, с иностранцами-концессионерами через переводчиков разговариваю, красную профессию у нас в городе организовал. Чего же тут умиляться? Это надо бы уже бросить. Дураками надо быть, чтобы этим заниматься...

Нелегкий диалог, не воспроизводившийся в собраниях сочинений или сборниках публициста, завершают острые реплики Делегата. С прямолинейностью своего сурового времени он говорит:

Делегат. Будни, милейший мой, будни. Влезли в них крепко и в них разбрелись. У каждого своя задача есть. Раньше, когда очень трудно было, нам с капитанского мостика кричали: «Все на борьбу с Деникиным!.. Все на борьбу с холодом!.. С голодом! Все на борьбу с вошью! На транспорт!» А теперь у каждого свой фронт, и на нем он сидит, не смеет рыпаться. Только переключаемся мы друг с другом со своих фронтов. Чтобы воедино действовать. Как в оркестре: кто на барабанах, кто на трубе, а в общем итоге чтобы «Интернационал» получился, а не, боже упаси, шум какой-нибудь. Трудно это, конечно. И, главное, чем лучше, тем хуже.

Кольцов. Вы хотели сказать, чем хуже, тем лучше.

Делегат. Нет, именно. Как сказал. Раньше, когда очень худо было, простота какая-то была. Стоишь с винтовкой против Врангеля. Не устоишь — капут; устоишь — отлично. А тут, когда утряслись, сложность пошла. Крупная промышленность, торговля с деревней, рубль скачет... Надо во всем спокойно, без суеты, без настроений, без музыки разбираться...

Очерк заключается эпической зарисовкой открытия съезда и съездовской Москвы декабря 1922 года:

...В зале стихло. Калинин открыл съезд. В пяти ожерельях электрических огней сидела сгущенная до трех тысяч человек. выросшая, осознавшая себя и жизнь свою, окультурившаяся, очень далекая от трогательных, умильных мужичков Россия рабочих и крестьян, с хмурой опытностью слушая и верша высшие государственные дела... Вышел на улицу. Сильнее лучистого снега сверкали и подмигивали огни магазинов и кабаков, скалились непознанные лихачи, но белые пальцы военного прожектора у Кремлевской стены упрямо и непреклонно тыкали в красный транспарант — «Десятый Всероссийский...»

«ДЕСЯТЫЙ»

Спартански-скромную внешнюю обстановку X съезда живописует в «Правде» Александр Сергеев:

Большой театр оцепили. Но цепи пехотинцев уже не те лихорадочные, нервные цепи-ряды, которые в прежние годы охватывали здания съездов. Спокойно стоят дисциплинированные красноармейцы, одетые в громадные овчинные караульные тулупы. Будто красноватые монументы в шишаках... подчеркнутые иглистыми линиями штыков. Они стоят и направляют большой суетливый поток москвичей, снующих от Мюр-Мерилиза до Охотного ряда, словно гранитные шлюзы.

В зале Большого театра. Декорации ренессанс из «Онегина», в которых проходили прежние все съезды, — эти декорации заменены воздушными венецианскими звездными с перспективой.

— Перемена декораций, — замечают делегаты...

А международное — интернационалистское! — значение и звучание съезда передает корреспондент «Известий» — литературный и театральный критик Осаф Литовский. В очерке «Десятый» он пишет 24 декабря, на другой день после открытия съезда:

X — это юбилейная цифра.

X съезд Советов — юбилейный съезд.

5 лет Советской власти и X съездов верховного органа Рабоче-Крестьянской Республики. Есть над чем призадуматься и буржуазным историкам и меньшевистским пифиям!

Где они, все эти прорицатели и пророки, где они, все злопыхатели и активные враги Советской Республики?!

«Иных уж нет, а те далече»... Там по Берлинам и Парижам они уныло тянут свою мемуарно-словесную, болтливую канитель.

А на фронте Большого театра, вычерченная электричеством, все так же ярко горит летопись Советской страны:

X Всероссийский съезд Советов.

Побывав почти на всех съездах, очеркист вспоминает:

С трибуны Большого театра, с трибуны съезда, слова теперь разносятся по всему миру... Еще три-четыре года тому назад для журналистов отводилась на съезде крошечная часть оркестра Большого театра, два шага в ширину, два шага в длину. В этой загородке немногочисленные работники советской и партийной печати лихорадочно заносили в свои блокноты слова вождей... Из года в год перегородка отодвигалась все дальше и дальше одновременно с военными и дипломатическими победами в Советской России.

Из-за океана первыми появились репортеры и корреспонденты в круглых роговых очках. Теперь ложа журналистов съела весь оркестр. Теперь она полна представителями газет почти всех европейских языков. Ночью разносится их разноязычное радио по всему свету:

— Грандиозная манифестация в честь Ленина!.. Калинин заявил...

Полна дипломатическая ложа. С затаенным и тревожным вниманием слушают и глядят люди в визитках и фраках. А сбоку, сверху, с радостной улыбкой глядят то на делегатское море, то на трибуну:

Трое. Болгарин, негр и японец. Делегаты Коминтерна.

Невиданная аудитория! Невиданный съезд! Это их съезд, это их аудитория, их страна, так же как и наша, — первая в мире рабоче-крестьянская республика Советов.

Советский Союз рождается как детище пролетариев всех стран. Оплот пролетарского — социалистического! — интернационализма...

«НЕРАЗРЫВНЫЙ СОЮЗ»

Выступлением делегатов крестьян на X съезде Советов посвящает статью «Неразрывный союз», напечатанную 30 декабря «Правдой», публицист Алексей Львов. По его наблюдениям —

...с первых выступлений, по первому докладу на X съезде стало обнаружиться особенное, можно сказать, восторженное отношение съезда к выступавшим крестьянам. В прениях по докладом о промышленности, по народному просвещению, финансам крестьяне принимали живейшее участие; каждое выступление многократно прерывалось аплодисментами и под конец превращалось в овацию оратору. Это можно сказать почти о всех выступлениях крестьян.

Однако подлинным триумфом крестьянина на трибуне X съезда автор считает прения по докладу Народного комиссариата земледелия. В них-то и звучит голос, пишет Львов, настоящей деревни, от сохи.

— Кто был на съезде, — вспоминает А. Львов, — кому привелось пробить хотя бы на одном заседании, тот согласится с тем, что в... овациях вырывался неподдельный восторг, радость всех участников съезда. А вызывались эти восторги и радость тем, что каждое из выступлений крестьянина показывало, во-первых, как много успел крестьянин, и, во-вторых, насколько окреп, насколько прочен союз между рабочим и крестьянином, и как сросся крестьянин с Советской властью.

Автор статьи, как и другие публицисты 20-х годов, далек от идеализации действительности. Трезво относится он к совсем еще невысокой культуре ораторов-крестьян. Не скрывает погрешностей их отнюдь не парламентской речи:

Что касается успехов, то в области словесности и грамматики они, правда, невелики: «ето самое», «должен вам исказать», «в цендре могут двигать более скорым типом (темпом)... Все так и мелькает без малейшей запинки и без малейшей жалости к словам. На свой манер также титулуются и наркомы: «товарищ из финотдела», «товарищ по хозяйственной части», «земотдел». Кроме того, каждое выступление начинается с приветствия в очень витиеватом тоне, вроде: «приветствую вас, избранники земли русской», «привет вам, сыны народа» и т. д...

Но вот от приветствий сельский оратор переходит «к делу, к действительному и настоящему делу, рассуждения о котором поражают своей глубиной и практичностью». Для примера автор ссылается на одну из крестьянских речей по докладу Наркомпроса. В ней «двумя словами» вскрыта сущность проблемы подготовки новых советских специалистов:

Когда мы приходим к врачу или приводим своего животного, мы слышим от врача, что учился на деньги папеньки — попа: «Я бы лечил вас, да лекарства нет, вот вам ваша Советская власть!..» И будем надеяться, что все прорехи изживутся, если у нас будет землемер — крестьянин, а инженер — рабочий. Тогда только будет крепна наша Советская власть...

Особо ценит автор критический характер выступлений крестьян. Критику деловитую, меткую, конкретную. Он пишет о выступлениях деревенских ораторов по докладу Наркомзема:

Крестьянин не расшаркивается перед властью; он ее критикует. Местные органы власти временами он положительно бичует. Но и из критики и из бичевания явственно вытекает, что вот это нужно устранить, это нужно исправить, то нужно сделать, но сделает это все т о л ь к о Советская власть...

В заключение статьи четко сформулирован политический вывод:

Крестьянин вырос, крестьянин не отстает от своего старшего по развитию брата, и оттого так велик восторг рабочего, что крестьянин идет за ним не только из родственных чувств, а главным образом потому, что он видит, куда ведет Великая Октябрьская дорога.

О крестьянах-делегатах в стихотворной форме рассказывает на страницах «Правды» в своем ежедневном политическом фельетоне и Демьян Бедный. В фельетоне «С наступающим!», напечатанном «Правдой» 31 декабря, поэт пишет:

Стереотипные отбросим пожеланья.
Мы знаем силу всех, чья нам грозит вражда.

Но робость духа нам чужда.
 Сколь ни возвышенна роль «агнцев для закланья»,
 Мы дерзко предпочли играть иную роль:
 Борьба — вот лозунг наш! Победа — вот пароль!..
 Десятый съезд Советов весь
 Слышал и оценил одну простую фразу.
 Крестьянин-депутат (его назвать бы здесь,
 Так я фамилии его не вспомню сразу), —
 Он так закончил речь свою:
 «Известно, мы живем покамест не в раю,
 А все же вылезать уж стали из провалу.
 Зачем же думать нам о вражьей кабале
 И низко кланяться чужому капиталу?
 Поклонимся своей кормилице-Земле,
 И все нам даст она, что нужно!»
 Съезд этой речи хлопал дружно.
 Похлопаю и я — за мысль и бодрый тон —
 И этим кончу фельетон!

«ОСНОВА ОСНОВ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКИ»

X Всероссийский, единогласно голосуя за ленинские предложения о вступлении РСФСР в Союз Советских Социалистических Республик, обращается, подобно II съезду, провозгласившему Советскую власть, ко всем народам Земли с воззванием о мире.

Разъясняя политический смысл нового документа ленинской внешней политики Советского государства, «Правда» 28 декабря заявляет в передовой статье «Еще раз мир!»:

Этот заключительный призыв, сделанный от имени русских рабочих и крестьян, ярко характеризует политику Советского правительства, ту внешнюю — политическую ось, вокруг которой вращаются все отдельные акты нашей красной дипломатии.

Газета приводит веский и убедительный аргумент миролюбия Советской власти. Последовательности ее политики мира и дружбы между народами:

За последнее время быстрым темпом мы сократили нашу армию с 5 миллионов до 800 000. Совершенно понятно, что этим самым мы сократили наши экономически непроизводительные расходы, перераспределили материальные ресурсы и живую человеческую рабочую силу, дали стране кадры производительных работников. И в этом результате сокращения армии скрывается гарантия действительной искренности наших мирных предложений. Только безнадежный идиот может рассматривать наши мирные предложения как мелкий дипломатически-жульнический шаг. Страна наша, рабочий класс, крестьянство кровно заинтересованы в деле мира. На мире зиждется возможность нашего дальнейшего хозяйственного подъема. Вот почему с такой повторной настойчивостью предлагают мир, настаивают на гарантиях этого мира русские пролетарии и их правительство.

Подлинное миролюбие Советского правительства «Правда» противопоставляет ханжескому лицемерию империалистических агрессоров:

Обычно государства, чрезвычайно много болтающие о своей цивилизованности, о своей преданности идеалам мира, ловко прячут под пальмовой ветвью отравленный кинжал и усовершенствованную пушку. С гнусными ужимками и прыжками они предлагают разоружаться другим, ассигнуя новые и новые суммы для своего собственного вооружения. Советская же Россия первая приступила к фактическому разоружению, несмотря на то, что ее «цивилизованные» контрагенты и не думают подражать хорошему примеру.

По всесторонне обоснованной и мотивированной аргументации газеты, интересы советского народа целиком совпадают с интересами всех народов вообще: за мир! за

возможность сложить с себя бремя милитаризма! — к этому зовет народы X съезд Советов... Передовую завершают положения, ничуть не устаревшие и сегодня, полвека спустя:

Советская власть начала свою работу декретом о мире. С тех пор она непрестанно повторяет свои предложения. Политика мира — основа основ советской политики вообще. И недаром X съезд кончает свои работы под лозунгом мира!

Да здравствует мир! Да здравствует борьба за него всех народов!

КОММУНИСТЫ В БОЛЬШИНСТВЕ

Кто же принимает решения о создании Советского Союза? Кого его граждане делегируют на съезды Советов?

С историко-статистическим анализом состава их делегатов выступает в статье, напечатанной 26 декабря «Известиями», писатель Георгий Нерадов. Опираясь на материалы, собранные и разработанные Народным комиссариатом внутренних дел, автор статьи показывает на весьма наглядных и убедительных цифровых примерах, «чем в системе Советской власти является ее высший непрерываемый законодательный и исполнительный орган». По подсчетам Нерадова, 1090 делегатов I съезда Советов (13—24 июня 1917 года) делятся по партийности следующим образом: эсеры — 585, меньшевики — 248, большевики и интернационалисты — 137. Остальные мандаты принадлежат бундовцам, трудовикам, народным социалистам, плехановцам и... одному-единственному анархисту-коммунисту.

II съезд (26—27 октября 1917 года) более однороден. Из 676 его делегатов абсолютное большинство составляют большевики и левые эсеры.

На III съезде (10 января 1918 года) этим партиям принадлежит 90 процентов мандатов. На IV съезде (14 марта 1918 года) 64 процента мандатов получают большевики. 1164 делегата V съезда (4—10 июля 1918 года) составляют: 773 большевика, 353 левых эсера, 17 эсеров-максималистов, 4 анархиста, по одному правому эсеру и дашнаку...

На VI съезде (6—9 ноября 1918 года) 829 из 914 делегатов — коммунисты. Представляют РКП(б) и почти все делегаты VII съезда (3—10 декабря 1919 года). На VIII съезде (22—29 декабря 1920 года) коммунисты завоевывают 95 процентов решающих голосов (1641 из 1728). В распоряжении прочих партий — лишь 22 мандата. Из 1631 решающего голоса делегатов IX съезда (23—28 декабря 1921 года) 1522 — члены и кандидаты в члены Коммунистической партии. На съезд избраны 109 беспартийных и ни одного представителя других партий с решающим голосом.

По мнению автора, «эти интересные цифры... непреложно подтверждают, что высший орган Советской власти не является застывшим, закостенелым учреждением, с раз навсегда отлитыми штампованными формами, как бывшие буржуазные бюрократические органы». Несомненным достоинством съездов Советов Георгий Нерадов считает и то, что на них мы каждый раз встречаемся с новыми лицами...

Выразительно показывает статья и стремительный рост политического авторитета большевиков с осени 1917 года. Как справедливо замечает автор, приведенные в статье цифры показывают, что, начиная с II съезда Советов, коммунисты неизменно имеют на них большинство; начиная с VII съезда Советов, партийные группировки совершенно исчезли, по-видимому безвозвратно. Народ окончательно лишает их доверия. Статью «Составы съездов» заключает убедительный политический вывод:

Участие в съездах Советов беспартийных, в общем, весьма значительно. 109 беспартийных на прошлогоднем IX съезде — это весьма внушительный рупор. Если бы политика Советской власти шла вразрез со стремлениями и упованиями широких беспартийных трудовых масс, то можно ли сомневаться, что среди 109 беспартийных делегатов (это целый маленький парламент) нашлось бы достаточно мужественных борцов, которые не побоялись бы выступить на всенародной трибуне с открытым словом осуждения. Этого не было. Это убедительнее всяких слов ярко говорит о том, что интересы широких трудовых, по

преимуществу беспартийных масс всецело охраняются и обслуживаются Советской властью.

Сопоставим приведенные данные с составом делегатов I Всесоюзного съезда. По сообщению «Правды», на нем РСФСР представляют 1626 коммунистов (из 1727 делегатов), УССР—345 (из 364), ЗСФСР — 88 (из 91). Вся делегация Белоруссии состоит из коммунистов.

1922-й НА ЭКОНОМИЧЕСКОМ ФРОНТЕ

На каком же хозяйственном фоне совершаются интересующие нас исторические события? С чем приходят советские люди в конце 1922 года к I Всесоюзному съезду и образованию СССР? Пусть о тех днях, трудных и противоречивых, расскажут сами их свидетели. Подводя итоги 1922-му, «Правда» 31 декабря говорит в передовой «Истекший год»:

Сегодня последний день 1922 года. Истекший год не был богат внешне грандиозными событиями во внутренней жизни России, и в этом отношении он скромно уступает пальму первенства своим предшественникам. Но это был год глубокой, всесторонней упорной работы, прежде всего работы по восстановлению разрушенного хозяйства. И поскольку дело идет об успехах в этой работе, истекший год не имеет себе равных в сравнении с другими годами революции.

Но самые первые хозяйственные успехи омрачают два новых страшных врага — Засуха и Голод. «Правда» не скрывает порожденных ими трагических трудностей, которые быстро и решительно преодолевает только Советская власть:

Мы вступили в 1922 год в разгар жесточайшего бедствия, постигшего страну, — невиданного по своим размерам голода. Голод... сорвал на огромной территории начавшийся подъем сельского хозяйства и расширение посевной площади... Он сорвал весной начавшееся осенью 1921 г. оживление в промышленности, вызвав кризис сбыта. Голод потребовал огромных средств от государства для помощи пострадавшим районам, опустошил золотой запас Республики, принудив правительство к закупке хлеба за границей. Наконец, голод принес неисчислимые бедствия для тех районов страны, где его костлявая рука душила насмерть сотни тысяч его несчастных жертв.

1922 год передовая статья «Правды» расчленяет на два полугодия. Равные по календарным срокам, они весьма различны по характеру, тону и ритму хозяйственной жизни. Выражая точку зрения Центрального Комитета партии, газета пишет:

Первое полугодие 1922 г. прошло прежде всего под знаком борьбы с голодом и его последствиями во всех областях жизни страны.

Наоборот, вторая половина года, в связи с урожаем, означала уже полную перемену конъюнктуры. Урожай создал совершенно новое положение... Промышленный подъем с осени начался по всей линии, на этот раз на гораздо более прочной базе. В результате по всем основным отраслям промышленности мы имеем резкое увеличение продукции. В этом же году, во второй половине, совершилось чрезвычайной важности событие в области земледелия. Впервые за все время войны и революции, после непрерывного из года в год сокращения посевной площади, этой осенью произошло увеличение посевной площади по озимому клину. Колоссальное значение этого перелома в земледелии мы в состоянии будем оценить только впоследствии. Но этот перелом датирован 1922 годом...

Отмечает «Правда» и укрепление курса рубля. Расширение товарооборота государственных предприятий, работающих на вольный рынок, созданный новой экономической политикой. Увеличение заработной платы рабочим и служащим. Начало ремонта истерзанных восьмилетними войнами городов. Восстановление разрушенного муниципального хозяйства.

Таков. — подытоживает «Правда», — в самых коротких словах, был 1922 год на экономическом фронте. В этом году положено начало восстановления хозяйства почти во всех главных отраслях. Правда, это только начало. Начало скром-

ное в сравнении с тем ужасающим падением, с тем морем нищеты и массами руин, которыми устлали свой путь годы мировой и гражданской войны.

Но худшие времена уже позади.

То, о чем передовые «Правды» и «Известий» говорят языком политических обобщений, наглядно освещает их хроника. Нэпманы в то время весьма энергично прибирают к рукам, по экономической терминологии наших дней, наиболее «оборотистую» и потому особенно выгодную «индустрию сервиса»: гостиницы и пансионаты, рестораны и кафе, кондитерское и парфюмерное дело, галантерею и трикотаж. Но командные высоты экономики — тяжелая промышленность и транспорт, химия и энергетика, производство текстиля и внешняя торговля — в надежных руках Советской власти. Характерна в этом смысле подборка опубликованных в новогоднем номере «Известий» сообщений лишь из Петрограда — аванпоста возрождающейся социалистической индустрии:

ПЕТРОГРАДСКИЙ КОЖТРЕСТ

Петроградский кожевенный трест в ноябре полностью выполнил производственную программу по выделке обуви и на 10 процентов превысил задание по отделке кож. Трест обеспечен крупным сырьем на два месяца, а мелкими кожами — на весь год.

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ВЫПУСК ПЕРВОГО ПАРОВОЗА

1 января на Путиловском заводе произошел торжественный выпуск первого паровоза из числа заказанных НКПС — паровоза большой мощности серии «Щ».

ТОРГОВЛЯ С ГОЛЛАНДИЕЙ

Сегодня в Петроград прибыли представители торговых и промышленных фирм Голландии. Цель их приезда — переговоры с государственными и частными организациями о вывозе из России в Голландию экспортного сырья и ввозе в Россию изделий голландской промышленности.

ГЕРМАНСКИЕ ПРОМЫШЛЕННИКИ В ПЕТРОГРАДЕ

30 декабря прибыли представители ряда крупных германских лесопромышленных фирм, которые вступили в переговоры с «Северным Кустарем» по вопросу о вывозе русского крепежного леса в Германию.

ТОВАРЫ ИЗ ГЕРМАНИИ

30 декабря в Петроградский порт прибыли при помощи ледоколов наши пароходы «Большевик» и «Гогланд», доставившие из Германии разные грузы для Народного комиссариата внешней торговли, Межрабпома и других организаций. «Гогландом» доставлена, между прочим, для русско-германского акционерного общества первая партия изделий металлических предприятий концерна «Отто Вольф», который является крупным акционером этого общества.

«КОММУНИЧЕСКИЙ СВЕТ»

29 декабря — в съездовские дни — отдел «По Советской Федерации» открывает в «Правде» очерк «На Штеровке». Его автор — молодой ростовский корреспондент газеты Николай Погодин. Приведу фрагменты очерка, немаловажные, пожалуй, для последующего идейно-художественного пути автора «Кремлевских курантов»:

С черной полосы каменного Донбасса по Донцу, на Каменскую, где недавно цвела Покровская ярмарка, и оттуда по всему Дону и в степи на Ставрополь, на Кубань, слух пошел:

— Штеровка строится.

В Донецком округе приезжие люди из Бахмута рассказывали:

— Машина будет. Дороги проводят. Шахты пускают. Электричество делать будут.

А хуторяне дивились:

— Какое же там электричество, когда там степь да полынь.

— Охота же людям брехать.

А теперь, когда на Кочетовке маленькую станцию пустили и казаки свет в степи собственными глазами увидели, — уверились.

— Должно, надо быть, будет электричество.

В живой характерности и непосредственности речи персонажей очерка угадывается будущий драматург. Примечателен и (пусть еще лишь пунктирный) центральный образ корреспонденции — старый русский инженер-электрик, энтузиаст ленинского плана ГОЭЛРО.

На станции Лихой, что по Юго-Восточной дороге, — рассказывает очеркист, — инженер со Штеровки со мной вместе поезда ждал на Ростов. Заговорил о работах. Электрик, как все электрики в наше время, вдохновился своими рассказами. Красивые картины сменялись грандиозными планами, планы поддерживались цифрами, справками примерами. И пугала и очаровывала сознание живая, дышащая голосом сил районная Штеровская электростанция...

Погодин-очеркист пишет о беседе с инженером-электриком, совсем по-забелински воодушевленным ленинской идеей электрификации России:

Заговорились мы и не заметили. Около слушают люди. Молчат внимательные, тихие. Подошел к инженеру старик и как-то трогательно, по-детски, торжественно спросил:

— Правду ты говоришь, товарищ, а?.. Не обманывай нас, простых людей. Скажи правду.

— Правду, дедушка, чистую правду.

— Ну, спасибо, спасибо... Поеду в станцию. Сход соберу.

Не тогда ли складывается в сознании художника пафос электрического преобразования страны?

Очерк завершает эпическая картина стройки:

Идет слух о Штеровке. Только первые камни кладутся, а много людей ждет нового света.

— Коммунического света.

На Штеровском строительстве только перестали вздыматься тяжелые взрывы пробивки скаловых выемок... Почти готов подъездной ширококолейный путь к месту постройки. Восстановлен телеграф. Обновлены прилегающие рудники. И пускается оборудованный рудник, который будет обслуживать строительство. Этот рудник штеровцы назвали:

— Вера.

На Штеровском строительстве нет места неверию в силу непобедимого пролетарского труда. В черном каменном Донбассе нет малодушных...

И по глухим степным селениям края вместе со штеровцами крепко верят, что придет время и загорится —

Новый свет, —

— Коммунический свет.

В последних строках слышатся отзвуки интонаций Погодина-поэта, автора «Простых анапестов о рабочем». И одновременно по-деловому переключаются наблюдения очеркиста с корреспонденцией Федора Мироныча, полученной «Правдой» в предсъездовские дни с Украины:

Полтавщина за последнее время далеко шагнула вперед в области электрификации. В довоенное время электричеством освещались город Полтава, в значительной части, да один-два уездных города. Теперь, за исключением трех уездов, где уже принимаются срочные меры для установки динамо-машин, все уездные города освещены электричеством.

В Красноградском уезде работает 11 динамо-машин, из которых — 3 в го-

роде, а остальные в селах. В некоторых селах уезда освещены не только хаты, но даже улицы.

Особенно колоритны данные о гоголевском Миргороде, этом символе глуши и отсталости, рутины и косности царской окраины:

Миргородский уезд в отношении электрификации села стоит на первом месте. Здесь для двигательной силы используются реки Псел, Хорол и электричество в селах применяется не только для освещения хат, но и для сельскохозяйственных работ — молотба, работа на мельницах, крупорушках... Селянство проявляет громадный интерес к этому делу и, несмотря на недостатки в своем хозяйстве, охотно помогает и материально и своей рабочей силой.

— Бачьте, бачьте, ось що зробили большевики... — говорят селяне.

«Вот что сделали большевики...» В те годы это все чаще говорят крестьяне не только Украины, благодарные за электрификацию, а всей страны — от Владивостока до Батума или от Мурманска до Ашхабада.

За пять лет советского строя революция зажигает «лампочки Ильича» в извечном деревенском мраке. Еще важнее, что за тот же минимальный исторический срок она выращивает совсем новые государственные кадры. В том же отделе «По Советской Федерации» очеркист Иван Ломский рассказывает 31 декабря в «Правде» о восемнадцатилетней комсомолке Марфе Ивановой — председателнице Гавринского сельсовета Егорьевского уезда Московской губернии:

— Наш комиссар, — говорят про нее крестьяне... После старого сельсовета остались недоимки; их нужно было собрать. За это взялась «Марфуша», и через две недели подворно-поимущественный налог был собран полностью в размере 599 миллионов рублей. Для деревни в 420 человек эта цифра немалая. Марфа Иванова сумела подойти к крестьянству, умеет с ним ладить и работать. Вот почему все налоги поступают у нее исправно...

— Школа не работала из-за пустяков, — говорит Иванова. — Не было ступенек, ходили двором, были плохие двери, не было классных досок, а теперь все сделано... Дров навозили на всю зиму...

— Марфуша молодец, — одобряют ее крестьяне...

Председатель Средниковского волсовета хорошо отзываясь о «комиссаре» Гавринской деревни:

— Хорошо работает. Полностью. Не смотри, что баба.

Марфа Иванова — круглая сирота. У нее изба простая, крестьянская, в которой чуть ли не каждый день собрания крестьян. Она имеет и лошадь, и корову, и овец, полная хозяйка и одна управляется...

Сегодня героине очерка в «Правде» 1922 года около семидесяти. Жива ли она? Какова судьба юной гавринской «комиссарши»? Разузнать бы это вездесущим егорьевским «красным следопытам»...

ТВЕРДАЯ ВОЛЯ К ТВОРЧЕСТВУ

А в советской науке год образования СССР — год особенно плодотворного труда. За этот нелегкий во всех отношениях год Российская академия, пишет в «Правде» Николай Валевский, издает свыше 100 томов научных исследований общим объемом около 1500 листов.

В канун I Всесоюзного — 29 декабря — на торжественном собрании академии, по сообщению новогоднего номера «Известий», присутствует в Петрограде

...свыше 600 представителей науки, литературы, искусства и различных организаций. Членами-корреспондентами избраны: Д. Гильберт, проф. Геттингенского университета; Мак-Адтамарш, член Французской академии наук; Фаворти, проф. Петроградского университета; А. Эйнштейн, член Прусской академии наук и проф. Берлинского и Лейденского университетов; Ротерорт (!?!), проф. Кембриджского университета; Костычев, проф. Петроградского универси-

тета; Любененко, проф. Географического института; Иванов, проф. Лесного института; Мотеверде, ученый хранитель главного Ботанического сада; Петров, проф. Петроградского университета; Михайлов, проф. Московского университета; Готье, проф. Московского университета, и Поль-Пеляно, проф. Коллеж де Франс. Избраны академики: Карпинский на второе пятилетие президентом и академик Крачковский — секретарем отделения исторических наук и филологии. В действительные члены избран проф. Харьковского университета Бузескул.

Не каждый год и даже не каждое десятилетие ученое собрание пополняют такие члены-корреспонденты, как Альберт Эйнштейн или Эрнест Резерфорд (названный по ошибочному чтению английского начертания его фамилии — Rutherford — Ротерортом), как математик Давид Гильберт или биохимик Сергей Костычев...

Изобретатели — войсковая разведка науки. Разведчики научно-технической мысли. 3 января 1923 года в новогоднем номере «Правды» известный электротехник Михаил Лапиров-Скобло выступает с обширной статьей «О техническом творчестве и советских изобретателях»:

Многие современные научные и технические проблемы были впервые намечены у нас в России, где возникали новые, смелые идеи, уходили за границу и возвращались к нам оттуда в виде новых и вполне разработанных изобретений. Величайшие русские открытия и исследования, составившие в руках зарубежных ученых целую эпоху или эру, на русской почве не развились, не были планомерно доведены до конца. Россия — родина гальванопластики, первого электромагнитного телеграфа, первой «электрической свечки». Красильная промышленность развилась в Германии, хотя открытия Зинина совершены в Казани. Беспроволочный телеграф получил распространение как изобретение итальянца Маркони, хотя был ранее изобретен (1895 г.) русским профессором А. С. Поповым...

Только Октябрь открывает путь к народному техническому творчеству. Созданный ленинским декретом Комитет по делам изобретений при Научно-техническом отделе Высшего Совета Народного Хозяйства регистрирует за четыре года 4600 заявок на изобретения, признав из них полезными около 500. Лапиров-Скобло называет наиболее значительные послеоктябрьские изобретения. Помянем добрым словом те из них, что порождены стремлением преодолеть хозяйственную разруху, будь то шахтная печь Залесского «для плавки чугуна на дровах» или транспортер Калашникова для перевозок груженых товарных вагонов по... трамвайным путям городских железных дорог...

НОВОГОДНЯЯ АНКЕТА «ИЗВЕСТИЙ»

Что же, по мнению современников, ожидает страну — ее народ и культуру, ее экономику и оборону — впереди, в наступающем 1923-м?

На страницах «Известий» об этом 31 декабря 1922 года пишут более двадцати государственных деятелей и ученых. Среди них — во главе с М. И. Калининым — руководители центральных исполнительных комитетов, союзных Советов и Совнаркомов союзных республик, народные комиссары и их заместители, крупнейшие химики, физики, геологи, почвоведы. Все они отвечают на вопросы анкеты «Известий ВЦИК», озаглавленной «Итоги, перспективы и пожелания на 1923 год».

Открывает анкету «всесоюзный староста», только что избранный председатель Центрального Исполнительного Комитета СССР.

В первые дни революции, — вспоминает Михаил Иванович Калинин, — преобладало стремление к освобождению от государственности — каждый уезд сам хотел быть государством, сейчас, наоборот, все сознают необходимость более тесного, общего объединения социалистических советских частей.

Задача союзных органов: умелым управлением удовлетворить объединительному настроению масс, найти такие формы управления, которые бы показали

все преимущества объединения и вместе с тем не нарушили бы национально-культурных запросов народов.

О значении образования Советского Союза для народов Востока говорит председатель Союзного Совета Закавказской Федерации Александр Мясников:

Образование Союза Республик для Закавказской Федерации имеет особенное значение... Союз усиливает нашу Федерацию; ей, стоящей у преддверья Ближнего Востока, союз дает возможность укрепить хозяйство и военные силы, нужные народам Востока для борьбы с мировым капиталом. С первых же дней своего образования Союз, мы надеемся, приступит к объединению общих усилий всех союзных республик...

В течение 1923 года Союз должен дать руководящие начала хозяйственного строительства советских республик... В этом будут с ним единодушны народы Востока, колониальные страны и все угнетаемые Востока и Запада. Под знаменем нашего великого Союза мы в этом году смело и уверенно будем продолжать идти по пути развития и усиления пролетарской диктатуры.

Александр Червяков — председатель Совета Народных Комиссаров и Центрального Исполнительного Комитета Белоруссии — посвящает запись в анкете «Известий» развитию белорусской национальной культуры. Он сообщает, что

...выпуск книг, учебников на белорусском языке, субсидирование белорусского театра и проч. окончательно рассеяло агитацию шовинистических элементов, усматривающих в Союзе ССР опасность для белорусской культуры.

Строительство многонациональной советской культуры в целом, и прежде всего искусства,— тема ответа Луначарского.

В новом году,— заверяет он,— мы используем... искусство для художественно-культурного воспитания масс. Особое внимание необходимо уделить кинематографу, как это было указано на X съезде...

Обращаясь к итогам истекшего года, народный комиссар просвещения рассказывает:

1922 год показал значительный сдвиг и в правом и в левом направлении искусства. Академическое искусство обнаружило сдвиг в нашу сторону, известного рода «сменовеховство» среди правых художников.

С другой стороны, левое искусство, которое забивало себе путь голым формализмом и беспредметностью, устами Маяковского заявляет, что оно намерено перейти от формального футуризма к остро выраженному коммунизму, эстетическому выражению образов и мыслей революции и насыщению искусством быта.

В заключение Луначарский говорит с характерным для него революционным оптимизмом и глубоким доверием к художественной интеллигенции:

Я уверен, что 1923 год будет первым годом планомерного развития искусства под звездой революции. Новые пути театра в новом году еще не определились. Можно ждать обновления академических театров, развития той линии, которую ведут театры центра... развития революционного театра и более осторожных исканий левого фронта.

А в новогоднем номере «Правды» с годовым обзором, посвященным советскому театральному искусству в 1922 году, выступает театровед Борис Гусман. Он напоминает, с чем и, главное, с кем пришел наш театр к образованию Советского Союза. Погружает читателя в раскаленную атмосферу споров о путях развития театра, особенно жгучих в 20-е годы, когда одновременно творят Станиславский и Мейерхольд, Вахтангов и Таиров.

В спорах и писаниях о театре в прошедшем году,— пишет Борис Гусман,— мы часто натыкались на утверждение, что наш театр переживает кризис. Если даже это и так, то это, во всяком случае, кризис роста... Да, у нас нет еще революционного театра, нет еще революционного репертуара, но мы ищем его, мы нащупываем его, мы подбираем для него соответствующую форму.

Да, у нас нет еще твердо выработанного и установленного мнения о том, каким должен быть революционный театр и его форма (отсюда такой разброд мнений, такая неразбериха, такая страстность и истеричность в спорах), но это только заставляет театральных деятелей еще более напряженно и лихорадочно искать...

Критик-правдист называет «мейерхольдовцев», «вахтанговцев», «студийцев МХАТ». Из среды этой талантливой театральной молодежи 20-х годов вырастают и ныне действующие мастера советского театрального искусства: Мария Бабанова и Серафима Бирман, Эраст Гарин и Софья Гиацинтова, Юрий Завадский и Борис Захава, Игорь Ильинский и Мария Кнебель, Цецилия Мансурова и Сергей Мартинсон, Алла Тарасова и Максим Штраух...

Крупным достижением 1922 года Борис Гусман считает открытие Театра Революции, ставившего «Разрушителей машин» Толлера. «Правда» предлагает, «при всей нашей бедности, уделить немного денег на этот театр, чтобы сделать его действительным средоточием всех живых сил революционного театра и революционной драматургии».

Предваряя новый год театральной жизни, газета призывает твердо помнить, что театр — один из важнейших участков культурного фронта, на котором сейчас завязался суровый и упорный бой.

«ЕДИНСТВЕННЫЙ НА ВСЮ РОССИЮ»

4 января 1923 года «Правда» под рубрикой «Новое о Ленине» публикует перевод фрагментов статьи известного немецкого публициста Максимилиана Гардена. В № 38 своего еженедельника «Цукунфт» он характеризует Владимира Ильича как величайшего политического деятеля эпохи:

Его, не заменимого никем, любит рабочий и крестьянин... Ленин для крестьян и горожан, для рабочих и солдат — воплощение отечества. Страж неслабеющий и неусыпный. Не только знамя и символ, но самое существо революции. Ведь Ильич не потерпит, чтобы земля от крестьян воротилась к помещикам. Он любит скромных и бедных и старается за них и для них. Не лезет вперед без нужды, не ищет похвал... Скажет на собрании, что нужно, и потом незаметно уйдет и сядет за работу и просидит, не вставая, шестнадцать — восемнадцать часов... Рано или поздно... дойдет и до пьяного сердца Европы голос того, кто от нищей женеvской мансарды до старого Кремля пытался воплотить свою веру и сделать ее для земли реальностью, великой судьбой...

А в 1923-м немецкому прогрессивному публицисту-антимилитаристу вторит коллективный голос русских крестьян Поволжья. В том же самом № 2 «Правды» за 1923 год, через пять дней после провозглашения Советского Союза, напечатано письмо «От граждан деревни Кокушкино». Обращаясь «с братским приветом» к «нашему бывшему односельчанину В. И. Ленину (Ульянову)», крестьяне пишут:

Дорогой наш товарищ Владимир Ильич! Первым долгом шлем тебе привет от старожиллов, хорошо помнящих и знающих тебя по играм с нами в бабки, горелки и по ночевкам в лесу с лошадьми. Сорок пять лет прошло с той поры. Произошло много перемен за эти годы.

(Авторы письма ошибаются. Владимир Ильич покидает Кокушкино за тридцать четыре года, а не за сорок пять лет до публикации обращения.)

По первому зову Советской власти в Октябре 1917 года, — вспоминают кокушкинцы, — мы дали по шапке всем нашим помещикам, в том числе и нашему кулаку Николаю Фаддееву... В 1918 году все как один ходили в Красную армию и защищали Советскую Россию от нападавших на нее врагов... Наше хозяйство пришло в такое великое разорение, что только всем миром можно сдвинуть его с мертвого пути... У нас две беды: нет лошадей и нет при деревне школы. Мы знаем, что Советская власть дает безлошадникам лошадей в кредит. Просим тебя, как бывшего нашего односельчанина, походатайствовать перед Советским правительством об оказании нам кредита в лошадях. Без них мы — работники без рук: земля теперь есть, а работать нечем.

Еще нужным находим уведомить тебя, что мы просим правительство Татарской республики построить в нашей деревне школу ремесла и грамоты имени твоей покойной матери — Марии Александровны.

В заключение просим тебя берегать свое здоровье, так как ты у нас единственный на всю Россию. Когда построим школу, то попросим тебя пожаловать к нам в гости, вспомнить старину. Отныне деревня Кокушкино зовется твоим, тов. Ленин, именем. Засим до свидания...

Пятьдесят лет прошло с 1922 года. Скоро исполнится полвека с того люто-холодного зимнего январского дня, как уходит из жизни «единственный на всю Россию», на весь мир человек, воплощающий в неповторимой личности и никем не превзойденной деятельности самое существо пролетарской революции. И все эти годы и десятилетия он всегда с нами. В дни труда и борьбы. Радости и горя. Испытаний и лишений. В будни и праздники, одним из которых и стало пятидесятилетие Советского Союза...

ЮРИЙ ОСТРОВИТЯНОВ,
АНТОНИНА СТЕРБАЛОВА

★

СОЦИАЛЬНЫЙ «ГЕНОТИП» ВОСТОКА И ПЕРСПЕКТИВЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

Последние десятилетия в мировой истории ознаменовались быстрым и всеобщим выходом на международную арену молодых национальных государств, превратившихся из объекта исторического действия в его важнейшего, активного участника. Освободительные революции, поддержанные политическим авторитетом и объединенной экономической силой социалистического содружества, сорвали крышку с кессонной камеры пассивности, в которую веками были заключены восточные национальные сообщества, чьи застойность и статичность стали уже догмой социологических изданий. Подобно мощному тектоническому сдвигу, они сразу изменили политическую ось десятков азиатских и африканских стран, возбудили до предела их колоссальную потенциальную энергию.

Но «третий мир» продемонстрировал не только постоянное повышение своей политической активности. Он предъявил науке комплекс сложных и запутанных проблем, настоятельно требующих глубокого и всестороннего марксистского анализа. Крутые, трудно объяснимые повороты в политике национальных государств, сочетание динамизма и застойности, быстрые, внезапные, неуправляемые переходы из одного общественно-политического состояния в другое, образование необычных для Европы социальных слоев, групп, государственных устройств побуждают социально-экономические науки не только углублять понимание современной картины мира, но и уходить в историю, проверять адекватность своих теоретических положений реальному прошлому азиатских и африканских народов, вновь возвращаться к, казалось бы, навсегда отброшенным выводам, отвергать уже устоявшиеся взгляды.

Процессы, проявившиеся в некоторых слаборазвитых странах, стали побудительным мотивом для дискуссий об исключительном своеобразии социально-экономического развития восточных обществ. В ходе этих дискуссий восстанавливались многие важные положения Гегеля, Маркса, Энгельса, Плеханова, подвергалась сомнению правомерность для «третьего мира» классической схемы «рабовладение — феодализм — капитализм», уточнялись общие признаки этих формаций. Определенные явления, обозначившиеся в отдельных государствах, главным образом в Китае, вновь привлекли внимание советских исследователей и прогрессивных ученых за рубежом к марксистскому объяснению причин «казарменного коммунизма», к его социальной сущности и национальным формам. Социологи задумываются над генезисом классов в освободившихся странах, экономисты стремятся установить пути преодоления их хозяйственной отсталости, исследователи общественного сознания ищут ключ к «восточному небу», изучая особенности массовой психологии, сложившейся под влиянием конфуцианства, буддизма и ислама.

ВОСТОЧНАЯ ОЙКУМЕНА

Повышенный интерес к Востоку возник не в наши дни, он будоражил европейскую общественную мысль целые века. Блеск восточного государства, по образному выражению Гегеля, ослеплял и притягивал европейцев, неудержимо манил их к себе. Легенды, мифы, слухи о сказочной роскоши и беспредельной власти деспотов Востока, о его необыкновенных формах правления, образе жизни, неповторимом своеобразии философии, огромной мистической силе религии, необычайном искусстве ремесленников бродили по Европе, разжигали алчность дворян, вызывали зуд подражания у монархов, поражали воображение ученых, будили предприимчивость купцов, рождали удушливый гнев нетерпимости у фанатиков христианской церкви.

Вначале, как всегда, было слово, а вместе с ним метр и весы. В восточные государства первыми просочились миссионеры и торговцы, мечтавшие об обращении инакомыслящих и установлении торговых связей. За ними следовали обуреваемые жаждой богатства обедневшие дворянские роды, отчаянные авантюристы, толпы безудержных искателей успеха, или, если воспользоваться словарем П. Антокольского, «армия аркебузирова и лучников, рослых копейщиков, рваных драбантов, тощих ландскнехтов, ханжей и обжор». В XIX веке их сменили регулярные войска, юристы и администраторы, посылаемые буржуазными правительствами и главами банкирских домов, мечтавшими, как знаменитый Сесиль Родс, колонизировать все и вся вплоть до бесконечно далеких, недоступных и холодных звезд. Эти люди, как правило, были наглухо закрыты для зова иной цивилизации, невосприимчивы к ее сигналам, не понимали чуждой им культуры. Необозримая человеческая ойкумена сжималась в их сознании до размеров европейского континента, мировая история — до летописи его событий, а все богатство и разнообразие экономических, социальных и культурных традиций сводилось в лучшем случае к античным образцам, христианской этике и плоскому западному рационализму. В отличие от них теософы и мистики — Анни Безант, Е. Блаватская, Скотт-Эллиот — искали в восточном мышлении, прежде всего в индуизме, мистических откровений, пытались найти и прочесть хранящуюся якобы в одном из тибетских монастырей невидимую книгу «Цзян», скрывающую тайны погибшей Атлантиды, постигнуть «Хронику Аккаша», в которой будто бы запечатлены для посвященных все крупные и мелкие исторические явления.

И только лучшие умы Европы, подобно Лейбницу, Вольтеру, Монтескье и Дефо, приковывала к Востоку жажда знания, желание проникнуть в сущность незнакомого им общества, познать его достоинства и пороки. Но и их поджидали на этом пути неожиданные опасности: семантические ловушки, психологическая несовместимость, а главное, груз европоцентристских представлений, которые вынуждали их бросаться из крайности в крайность — от восторженной идеализации восточной культуры и методов управления до глубокого разочарования в них. Ближе всех к правильному пониманию восточной цивилизации, особенно ее духовного и психического склада, подошел великий Гегель, гениально предугадавший многие ее определяющие признаки. Но осмыслить Восток до конца ему мешала его общая историко-логическая, идеалистическая схема, которой он взнуздывал свое диалектическое мышление и научное воображение. Позже европейская наука, по существу, отказалась от попыток создать монистическую концепцию восточного общественного строя. Она все больше разменивалась на частности, предпочитая эмпирику теории, бесконечно накапливала, систематизировала и варьировала факты, уклоняясь от их обобщения, ограничила в конечном счете свои умозаключения афоризмом Р. Киплинга: «Запад есть Запад, Восток есть Восток».

Лишь гений Маркса и Энгельса, воплотивший в себе безупречный объективный анализ, энциклопедические знания, научную интуицию, широту и непредубежденность взглядов, нашел для человечества подлинную теоретическую истину об особенностях социально-экономической организации восточных государств. Как и всякое настоящее научное открытие, она оказалась и простой и сложной,

необычайно увлекательной для прогрессивной исследовательской мысли, и сухой и скучной для лжеромантиков от науки. Она предстала не в озарении причудливой экзотики, не всеобъемлющей универсальной схемой, а единственно верным методологическим принципом, который, не навязывая готовых решений, позволяет пройти сквозь самые сложные эмпирические лабиринты, отличить главное от второстепенного, увидеть в восточных сообществах взаимосвязь прошлого, настоящего и будущего.

Прежде всего К. Маркс и Ф. Энгельс вписали страницы восточной цивилизации в летопись поступательного всемирно-исторического развития, которое, проходя сквозь неизбежные этапы эксплуатации и подавления трудящихся, какой бы необычайный облик они ни принимали, неукоснительно движется к высшим формам общественного прогресса. В противоположность буржуазным экономистам и социологам, разгородившим глухой, непреодолимой стеной восточный и западный хозяйственные и культурные типы, основоположники революционной научной теории показали общность самых основных исторических закономерностей, свойственных всем вариантам человеческого общества. Одновременно они научно обосновали специфику восточных стран, неопровержимо доказали, что Восток не является прямой аналогией Запада. Они объяснили экономический строй и сущность государств, сложившихся в основном на азиатском, а иногда и на африканском континенте, наметили целый ряд существенных черт, выделявших восточные страны в особую социальную структуру. Главные из них — хозяйственная атомизация, экономическая раздробленность, социальная аморфность, национальная разорванность.

Для Востока как нельзя лучше подходят слова Эмиля Верхарна: «Миры вскрываются в песчинках малых». Такими «песчинками» служили первичные социальные и хозяйственные ячейки, самодовлеющие, автономные, не связанные друг с другом общины, каждая из которых представляла собой, по выражению К. Маркса, «локализованный микрокосм». Главной формой их соединения и связи была верховная исполнительная власть и подчиненный ей разветвленный государственный аппарат, который, подобно железному обручу, сковывал общество, предохраняя его от постоянно прогрессирующей угрозы распада.

Как и повсюду в мире, государство в восточных странах представляло собой порождение непримиримости классовых интересов, выросло в атмосфере жестоких социальных конфликтов, сопровождалось порабощением одних общественных сил другими. Но в этой части человеческой ойкумены, как неоднократно подчеркивал Ф. Энгельс, «в основе политического господства повсюду лежало отправление какой-либо общественной должностной функции» и оно «оказывалось длительным лишь в том случае, когда оно эту свою общественную должностную функцию выполняло». Властвующие слои и группы захватывали прежде всего контроль над экономическими, политическими и военными функциями государства, узурпировали в основном не сами средства производства, а управление ими, присваивали не главные условия труда, а их результаты. Свои эгоистические интересы они не без успеха стремились облечь в безличную форму общей цели, своим действиям придать видимость чистой, независимой государственной воли. Все это не только усиливало их произвол, но и как бы оправдывало его, создавало почти неограниченные возможности для порабощения и угнетения народа.

Зародившиеся еще в первобытных человеческих коллективах «зачатки государственной власти» (Ф. Энгельс) превращаются постепенно в органы господства над суммами общин. В зависимости от широты стоящих перед ними экономических целей они складываются в микро- или макрогосударства, а многие из них перерастают в гигантские империи, объединенные мощной централизованной силой. Ее источник — почти полная самоизоляция непроницаемых самообеспечивающихся хозяйственных организмов, которые, по определению Ф. Энгельса, создают между собой «одинаковые, но никоим образом не общие интересы» и тем самым составляют «естественную основу для восточного деспотизма».

Своеобразие климата и почвы, сложная разветвленная система ирригации, непрестанная угроза разрушения орошаемых и обрабатываемых земель предопределили разбухание таких свойств азиатского государства, как функция общественных работ.

Элементарная необходимость экономного и совместного использования воды, писал К. Маркс, которая на Западе заставила частных предпринимателей соединяться в добровольные ассоциации, «на Востоке... повелительно требовала вмешательства централизующей власти правительства. Отсюда та экономическая функция, которую вынуждены были выполнять все азиатские правительства, а именно функция организации общественных работ». «Централизующая власть правительства» координировала труд огромных человеческих массивов, обеспечивала строительство мелких и крупных плотин, дамб и оросительных каналов, составляла переписи населения, календарь земледельческих работ и кадастры земель, следила за соблюдением режима почвы, а в случае ее истощения или стихийных бедствий осуществляла массовые переселения, хранила общественные запасы, организовывала совместную оборону от угрозы внешних нападений.

Общественные работы — категорическая предпосылка, неумолимый императив любого способа эксплуатации в старой, доколониальной Азии. Без них не было бы возможно создание необходимого и прибавочного продукта, а следовательно, и его как экономического, так и внеэкономического присвоение. Выполняя эти работы, государство обеспечивало общие основы производства, которые являлись в то же время специфическими условиями существования и процветания господствующих групп и слоев. Исполнительная власть получала широкий простор для саморазвития. Она произвольно устанавливала налоги, господствовала на наиболее важных рынках, пыталась даже иногда диктовать цены, почти бесконтрольно распоряжалась финансами, ограничивая притязания властвующих элит скорее сферой распределения, чем областью производства. Но главные ее прерогативы — верховное, хотя по современным понятиям часто и номинальное распоряжение землей и крупнейшими ирригационными сооружениями, обеспечивающими жизнедеятельность многих восточных цивилизаций. «Государство здесь, — писал К. Маркс, — верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, концентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей».

Эти права азиатских государств не давали покоя европейским монархам и их ближайшему окружению, когда они в эпоху абсолютизма стремились обуздать дворянство, лишить его независимости и феодальных привилегий, утвердить свое неограниченное господство. В период царствования Людовика XIV в министерстве Кольбера обсуждался вопрос, не следует ли королю Франции по примеру властителей Индии, Турции и Персии объявить себя собственником всех земель и поместий, предоставив их бывшим хозяевам только право пожизненного владения. Кольбер обратился за советом к знаменитому путешественнику Бернье, потребовав у него описания империи Великих Моголов и вместе с тем объективной критики ее общественной системы. Конечно, Бернье как дворянин, к тому же зараженный уже вирусом буржуазной психологии, дал резко отрицательный ответ. Его аргументы звучали убедительно, ибо к тому времени все три деспотии давно вступили в полосу застоя и регресса. Тирания властителей и тимариотов, писал он, беспредельна и страшна, крестьяне разоряются и теряют интерес к труду, у ремесленников, не находящих покупателей даже среди представителей высших сословий, исчезает стимул к производству, земледелие, промышленность и торговлю поражает запустение, разрушение и упадок. Бернье настойчиво пытался доказать, что упразднение частной собственности на землю неотвратимо влечет за собой нищенство, варварство и уничтожение человеческого рода, тогда как принцип «твое и мое», создавая надежду на благосостояние и богатство, побуждает людей к труду, составляет будто бы основу всего хорошего и прекрасного в мире.

Специфика восточного общества проявилась и в особом пути зарождения

господствующих классов и слоев. Как известно из античного опыта — эталона почти всех западных представлений о возникновении классов, — частная собственность в Греции и Риме появляется значительно раньше регулярного оплачиваемого административного аппарата. Правящие классы сначала утверждают свое господство в экономике, а уже потом овладевают институтами политической власти, используя их для защиты своих экономических интересов. В Греции, например, при значительном развитии частнособственнических и товарно-денежных отношений до середины V века до н. э. государственные должности, включая членство в правительственном Совете пятисот, считались общественными постами. Их обладатели выбирались в основном не голосованием, а жребием и не получали никакого денежного вознаграждения и преимуществ, кроме почетного места в театре, упоминания в специальных декретах и золотого венка после окончания срока службы. Традиция была нарушена только при Перикле, который, преодолевая огромное сопротивление владельцев крупных состояний, сумел провести через народное собрание постановление о символической плате за исполнение государственных обязанностей. При обсуждении новых законов наиболее ярые противники реформы Перикла обвиняли его, кстати, в том, что он хочет насадить в свободных Афинах обычаи восточных варваров, которые все поголовно состоят на службе у монарха, получая от него жалованье и землю.

В отличие от Греции и Рима на Востоке административно-государственная система складывается раньше, чем возникает частная собственность на орудия и предметы труда, главным образом на землю. На протяжении целого ряда эпох государство на Востоке являлось не только инструментом, порожденным расколом общества на классы и орудием классового господства, но и само служило источником классового образования, возникновения различных функциональных слоев и господствующих элит. Общественные отношения здесь выражались не в непосредственном экономическом господстве над личностью производителя, а были опосредствованы государственно-административной системой управления, от которой находились в прочной зависимости как угнетенные, так и угнетатели. Эксплуатация приобретала завуалированную, «патерналистскую» форму, внешне лишалась конкретного классового адреса, маскировалась социальной размытостью эксплуататорского слоя, когда казалось, что все от мала до велика являются слугами единого всемогущего верховного начала.

Специфические пути развития государства и классов на Востоке, разумеется, не исключали его из единого исторического потока. Только педантам, начисто лишенным широты теоретического видения, общий социально-экономический процесс представляется прямолинейным, как каменная стрела Невского проспекта. В действительности он извилист, диалектичен, необыкновенно многообразен, проявляется через единичное и особенное, осуществляется, как напоминали Гегель, Маркс и Ленин, путем своего неосуществления, впитывает в себя множество разновидностей и ответвлений.

ФЕНОМЕН УЧЕНОЙ БЮРОКРАТИИ, ТАЙНА ШЭНЬШИ И ЗАГАДКА ВОСТОЧНОГО ПОМЕЩИКА

Наиболее яркий образец восточной социальной структуры — китайское общество. Оно во многом необычно, уникально, удивительно своеобразно. Но эта необычность означает не неповторимую, совершенно исключительную модель, а логическое завершение социальных и экономических тенденций восточного общества, его законченный, завершенный, откристиализованный образ. Именно поэтому оно позволяет проследить основные закономерности развития восточных государств, которые в других странах не выразились достаточно четко, стерлись, расплылись, заморозились в начале или на половине своего исторического пути.

Взаимодействие сложившегося в Китае аппарата верховной исполнительной власти со своим социальным основанием — средой непосредственных производителей — создает две взаимно перекрещивающиеся линии «классообразования» —

вертикальную и горизонтальную. Административный аппарат государственной власти порождает из самого себя, по вертикали, высшие, средние и низшие группы чиновничества, общественное положение которого зависит лишь от официальной государственной службы. Власть, должности, ранги знатности и возрастающее благодаря им личное богатство не становятся наследственными привилегиями, прочно закрепленными за каким-либо определенным экономически господствующим классом.

Китай уже в древности создал совершенно особые методы пополнения высшего «класса» — правящего мандарината, слоя чиновников-ученых. Ими стали сдача экзаменов, овладение кодифицированными, формальными знаниями, которые только одни и открывали доступ к государственной службе. Экзамены стали чудесным талисманом, волшебной лампой Аладина, превращавшим прошедших испытание людей и помогавшие им семьи, общины, кланы в средоточие влияния, уважения, непререкаемого авторитета и имущественного благосостояния. Преодоление экзаменационных барьеров стало самой важной целью богатых и многочисленных бедных родов, не жалевших последних средств и сил, чтобы выстоять хотя бы одного ученого-конфуцианца, претендента на государственные посты. «Все, как безумные, стремятся к власти», — отмечал знаменитый поэт Цюй Юань. И это стремление закономерно, поскольку только власть и официально признанная ученость приносили почести, привилегии и деньги.

Экзамены в Китае представляли собой трехступенчатую лестницу, причем преодоление каждой ступени награждалось специальной ученой степенью «сюодай», «цзюйжень» и «цзиньши». Они проводились в специально оборудованных и охраняемых помещениях, без связи с внешним миром, под строжайшим запретом пользоваться какими-либо материалами и пособиями. Путь к ученым степеням был невероятно труден, напоминал восхождение на Голгофу. Одни слотыкались и падали на первой ступени, другие обессиливали на второй, а добравшиеся до третьей считались избранныками судьбы. Многие тратили всю свою жизнь на постижение формальной научной казуистики и умирали, так ничего и не добившись. Поэтесса Хань Юй скорбит об участи своего возлюбленного, растратившего свои силы в бесконечном экзаменационном марафоне:

Он уехал в Дунлу, чтоб в Великой науке
Совершенного знания достичь.
На экзамен отправился двадцатилетним
И еще не вернулся домой.
Пишет тоненькой кисточкой мелкие знаки
И от чтенья совсем изнемог.
Голова побелела, как снегом покрылась,
И глаза плохо видят впотьмах.

Но прошедшие все круги экзаменационного ада сразу приобщались к привилегированной элите, отмеченной знаками официальной и общественной власти, почти автоматически возносились на пик бюрократической пирамиды. Государственная бюрократия Китая была особенно спаянной кастой, так как ее иерархия казалась внешне справедливой, основанной на различии в способностях и знаниях. Опираясь на авторитет конфуцианской науки, который в глазах народа перевешивал даже влияние религии, она сумела взять в кольцо все китайское общество, пронизать, несмотря на свою относительную малочисленность, все его поры, обеспечить себе более чем двухтысячелетнее господство, чего не смог добиться ни один эксплуататорский класс в Европе, каким бы экономическим и политическим могуществом он ни обладал.

Однако как бы глубоко ни проникало в китайское общество чиновничество, оно не затрагивало административную самостоятельность и хозяйственную замкнутость низовых производственных коллективов, внутри которых действовала своя, горизонтальная стратификация. В каждом из этих обособленных микроорганизмов, как в социальном атоме, воспроизводилась в миниатюре вся структура административного управления. Но они оставались сравнительно независимыми, а их внутренняя жизнь строилась на началах общественного самоуправления.

ния. Внутри этих коллективов выборные советы старейших, деревенские старосты, ответственные лица за пятерки и десятки дворов, на которые подразделялись деревни, начальники отрядов охраны общественного порядка обособливаются и сплачиваются в свою особую иерархию власти.

Из взаимодействия государства и самоуправляющихся коллективов на их границах образовывается еще один социальный пласт — шэньши, без которого была бы невозможна поразительная устойчивость бюрократии, сохранявшейся даже в эпицентрах самых страшных общественных бурь, потрясавших Китайскую империю. Шэньши — одна из тайн старого и дореволюционного Китая, объект ожесточенных споров экономистов, социологов и историков. Их отождествляли с чиновниками-администраторами, называли землевладельцами-джентри, определяли как помещиков-феодалов, выделяли в особый слой литератов — знатоков канонических текстов и специалистов по каллиграфии. В действительности же их социальный статус больше всего определялся тем, что они составляли неофициальную ветвь официальной бюрократии, прослойку между государственным управленческим механизмом и местным самоуправлением, неповторимый социальный институт, особую общественную подсистему. Круг шэньши складывался из бывших и несостоявшихся чиновников, лиц, сдавших экзамены, но не наделенных государственными полномочиями. Он служил и широкой кадровой базой для бюрократического аппарата, и одновременно резервуаром, всасывающим в себя администраторов, сброшенных с управленческих постов.

Alter ego бюрократии, ее тень и спутник, шэньши сплетались с корнями управленческого дерева, но существовали все же автономно за счет не государственных, а общественных средств. По поручению чиновников и собственной общины они следили за водоемами и ирригационными постройками, давали советы о сроках посева и сбора урожая, помогали собирать налоги и осуществлять надзор за исполнением трудовых повинностей, руководили церемониями, занимались обучением детей, участвовали в разрешении споров и конфликтов. Всеобщее преклонение перед ученостью возносило их над членами общины, открывало перед ними большие возможности для расширения личной собственности и выделения в особый имущественный слой.

Но шэньши служили не только общественной опорой бюрократии, а и средством ее социального контроля. Они выполняли роль специфической идеологической организации, призванной формировать и выражать мнение населения, хранить общественные устои, толковать и разъяснять морально-этические правила управления, сопоставлять с ними практику государственного режима. В случае, если эта практика резко расходилась с устойчивыми критериями или посягала на их положение, шэньши протестовали, писали письма и петиции, апеллировали к массам. Шэньши не являлись однородной социальной средой. Одни из них поднимались вверх, в ряды чиновников, многие совершали «бег на месте» в бесконечном ожидании административных постов, а некоторые часто опускались на самое дно своего сословия, выступая в роли астрологов, учителей, полунинщих бродячих философов и поэтов. Но недовольство аккумулировали не только эти обездоленные слои. Часто особую активность проявляли уволенные в отставку или отправленные в ссылку бывшие государственные сановники. Они преобразовались как по мановению ока, меняли свои взгляды, сразу начинали видеть бедствия народа, произвол бюрократии, несовершенство управления. Их настроения хорошо выразил классик китайской поэзии Ду Фу:

С тех пор века
Народ живет в печали,
Бесстыдно
Угнетаемый властями...
Гляжу: любой гребец —
Искусный мастер,
А вот правителей искусных
Нету,
Иль просто их
Не подпускают к власти?

История Китая свидетельствует, что шэньши принимали участие в крестьянских восстаниях, стараясь стать ближайшими советниками народных вождей. Но даже эта их крайняя форма протеста никогда не была направлена на разрушение и революционное преобразование господствующего бюрократическо-деспотического режима. Как отмечал уже исследователь Китая Л. Васильев, она преследовала лишь цель его исправления, улучшения и совершенствования в соответствии с древними идеализированными умозрительными образцами. Аккумулируя недовольство масс отдельными наиболее отрицательными сторонами бюрократического управления, шэньши стремились оправдать его в целом, подкрепить его деятельность силой общественной морали, освятить ее авторитетом древних традиций и вечных, неизменных этических принципов и норм. Противоречивые действия шэньши в конечном счете не подрывали государственно-бюрократическое управление, а, напротив, обеспечивали ему прочность и стабильность. Критика системы закономерно превращалась в способ ее утверждения, в средство консервации государственной бюрократии, а следовательно, и в метод увековечивания самого слоя шэньши.

В среде непосредственных производителей происходит принципиально иная социальная дифференциация, возникающая под влиянием товарного производства и обмена. Она расслаивала крестьянскую массу, способствовала выделению из ее среды более зажиточных крестьян. Росли слои и деревенских кустарей, а также городских ремесленников, обслуживавших потребности властвующей элит, развивались группы торговцев и ростовщиков, укравших значительную долю доходов бюрократии и наживавшихся на разорении крестьянских масс.

Но развитие товарно-денежных отношений с самого начала было жестко ограничено регламентацией производства, сковано административно-бюрократической системой, не оставлявших лазеек для более или менее широкой предпринимательской деятельности. В этой обстановке стремление к обогащению становилось эфемерным, призрачным, бесплодным без тесных связей с административным аппаратом. Постепенно торговцы и ростовщики опутывают паутиной невидимых уз бюрократические круги, используя процветающую там коррупцию.

Товарный обмен не уменьшает, а еще больше разжигает интерес к земле. Обладатели новых личных состояний пытаются любыми способами вложить свои деньги в земельные наделы, создавая предпосылки для крупного землевладения. Но разделение аграрного населения на крупных земельных собственников и зависимых от них крестьян происходило в азиатских государствах иначе, чем в Западной Европе, хотя и имело с ним, несомненно, ряд общих черт. Приобретение земли еще не влекло за собой массовое вытеснение крестьян, концентрацию земельных площадей в одних руках, торжество частной собственности в сельскохозяйственном производстве. Оно означало скорее вторжение частных интересов в сферу налоговых отношений между государством и земледельческим коллективом, узурпацию не собственности, а отдельных государственных и общинных прерогатив. Разгадка секрета этого процесса заключена в особенностях восточного земледелия, в котором, как уже говорилось, огромная роль принадлежала ирригации. Мельчайший орошенный земельный участок представлял собой настоящее богатство и не шел ни в какое сравнение с обширным владением целинной землей. Это вело к очень медленному освоению новых земельных площадей и создавало предпосылку аграрного перенаселения в освоенных районах. Земля в них бесконечно дробилась и дорожала, человеческий труд обесценивался, возникала «инфляция» рабочей силы.

Постоянно сокращающиеся карликовые наделы переставали удовлетворять не только жизненные потребности крестьянских семей, но и обеспечивать регулярное поступление государственных налогов. В старых восточных обществах государственный налог составлял основную форму эксплуатации как отдельных самостоятельных производителей, так и целых производственных коллективов. Китайская литература доносит до нас сквозь толщу времен жалобы крестьян на непосильное налоговое бремя. «На жалкие всходы такие налоги, что нечего есть семье», — сетует танский поэт Чжан Цзи. «Когда бы власти знали милосердие

и хоть немного сбавили налог!» — взывает Ду Сюнь-хэ. «Если скатали шелка и пшеница тоже на ток свезена — значит, чиновники будут довольны, подать получат сполна», — вторит им Ван Цзянь.

Разоряющиеся крестьянские семьи не могли, естественно, справиться со своими налоговыми обязательствами. Они ложились непосильным бременем на других крестьян и на весь первичный социальный организм, который, по существу обычаям, должен был выполнять за них налоговые повинности перед государством. Это и использовали в своих интересах обладатели крупных личных состояний. Они добивались у самоуправляющихся коллективов разрешения скупать наделы разоряющихся крестьян в обмен на обязательство вносить за них государственный налог. Но при этом нерушимо соблюдалось условие, что обработкой проданных земель продолжали заниматься прежние владельцы. В свою очередь, потерявшие землю крестьяне, превратившиеся в защищенных арендаторов, обязывались выплачивать обладателям земли арендную плату, своеобразный частный налог, который постепенно начинал во много раз превышать налоги, установленные государством.

Новые «хозяева земли», называемые по-китайски «дичжу», долгие годы обозначались на английском и на русском языках терминами «джентри» и «помещик». Но такой землевладелец не являлся помещиком в европейском смысле слова. Это был скорее земельный ростовщик, откупивший у производственного сообщества право сбора частного налога. Для него земля служила своего рода «банком», куда он помещал свой «капитал» и получал на него проценты в виде все время возрастающей арендной платы. Такие отношения получают очень широкое распространение. В орбиту товарных отношений втягивается и сама функция управления, вызывая сдачу на откуп права на сбор налогов, на контроль и регулирование хозяйственной и социальной жизни. Но как раз эти процессы и вызвали в Китае страшные экономические и социальные катастрофы. Многие новые «хозяева земли», преимущественно чиновники, освобождались по своему положению от поземельных налоговых изъятий. Более того, они тайно и незаконно исключали из налоговых списков многие крестьянские хозяйства, предпочитая присваивать не только арендную плату, но и часть государственных налогов. Государство беднело, оказывалось неспособным финансировать общественные работы, выполнять свои функции по поддержанию общих условий производства. Плотины разрушались, каналы пересыхали, почва истощалась, общественные запасы иссякали, крестьяне вымирали, бежали с земли. Периодически случавшиеся стихийные бедствия подводили под этим экономическим балансом последнюю черту. Вся отлаженная веками экономическая система приходила в полное расстройство.

Крестьянские массы отвечали на это взрывами волнений и восстаний, многочисленными революциями, приводившими в движение огромные пласты народа. Но ни одно из них не вдохновлялось идеей частной собственности на землю, не видело иного идеала, кроме идеала «гуманного» деспотизма. Свои программы и лозунги восставшие массы черпали из арсенала полумифических представлений о первобытном социальном равенстве и справедливости. Их затаенные мечты, надежды и чаяния четко и ярко передают поэтические строки Ду Фу:

О, если бы
Такой построить дом
Под крышею
Громадную одной,
Чтоб миллионы комнат
Были в нем
Для бедняков,
Обиженных судьбой.

К древним идеалам уравнительного землепользования обращались в кризисные моменты и представители правящих групп. Административная система стремилась ограничить притязания отдельных слоев на независимое экономическое господство помимо государственной власти, осуществляла реформы, пере-

распределяла землю, снижала налоги, стимулировала на время крестьянский труд. Все это вело к тому, что крупное частное землевладение появлялось и уничтожалось, вновь возникало и опять растворялось в рамках сложившейся административно-аграрной структуры.

Сочетание крупных земельных владений с отсутствием помещичьего хозяйства — парадоксальный, но тем не менее реальный факт, характерный не только для Китая, но и для многих других азиатских стран. Обвиняя в свое время Дюринга в нелепости представления, будто для ведения хозяйства на больших площадях требовались непременно помещики и порабощенные ими люди, Энгельс писал: «На всем Востоке, где земельным собственником является община или государство, в языке отсутствует даже самое слово «помещик»...»

ЗАСТОЙНОСТЬ И РАЗВИТИЕ

Составом, цементирующим незыблемость китайской общественной структуры, служили и особые формы сознания. Складываются ли эти формы в системы религиозной морали или морально-этической «религии», они всегда переводят на свой язык уже существующие общественные связи, стремятся закрепить их, канонизировать, увековечить. Каждый символ конфуцианства — мистифицированное обобщение той или иной отдельной хозяйственной, политической и экономической реальности, а вся система его соподчиненных догматов — отвлеченный слепок с китайского общества в целом с его чрезвычайно сложной, разветвленной и детализированной структурой.

Культ предков, пожалуй самый массовый, общедоступный и распространенный, представлял собою идеологический первоэлемент, помогавший соединять и укреплять первичную социальную ячейку.

Культ Неба воплощал в себе, говоря словами К. Маркса, верховное «единое начало», высший деспотический авторитет и в то же время выражал огромную зависимость человека от природных сил, которые на том уровне развития производства могла частично обуздывать и регулировать лишь могущественная централизованная власть.

Философия «дао», усвоенная впоследствии конфуцианством, учение о всеобщем пути вещей и людей, сплав науки, религии и этики, синтезировала все представления об окружающем человека мире, взаимодействии природы и общества, подчинив их власти единого беспрекословного догмата.

Конфуцианство и даосизм впитали и растворили в себе положительные знания, идеологию, мировоззрение, стали образом жизни, нормой общественного поведения и морали. Они выработали целую систему ритуалов, регламентировавшую снизу доверху общественную жизнь, оставляя все меньше простора для личной инициативы. В таком общественном сознании почти не остается места для понятия личности. Она поглощается всеобщностью, которая есть не что иное, как символ безличностной структуры восточного общественного строя. В отличие от христианства в религиозном мифотворчестве Востока отчуждается не личность, превращающаяся в богочеловека. В нем объективируются космос, масса, государственные и общественные институты, которые, лишаясь своих конкретных черт, превращаясь в иррациональные абстракции и всеобъемлющие этические принципы, с еще большей силой господствуют над личностью, обществом, коллективом. Наука, религия, культура институционализировались, превращались в инструменты господства и влияния, в ступеньки восхождения по иерархической административной лестнице, а государственный строй и общественные институты пропитывались их духом, идеями, понятиями.

Вначале китайский тип культуры содействовал духовному подъему, развитию материальной цивилизации, являлся стимулом для многих удивительных научных и технических открытий. Китайское общество за несколько столетий до нашей эры или на самой ее заре обладало научно-теоретическими знаниями и технологическими секретами, которые в XVI—XIX веках заново открывали для себя

Европа и Северная Америка. Но постепенно сплошная институционализация культуры, почти полностью лишавшая ее свободы выбора и самостоятельности развития, омертвила науку, заморозила ее восходящее движение, выработала эталон, непрерывно повторяющий самого себя, допускавший лишь схоластическое толкование изначальных общих истин. В свою очередь научное знание, заключенное в жесткие скобки конфуцианских догм, способствовало иммобильности китайского общества, служило тормозом для экономического и социального прогресса. Конфуцианские доктрины — не только и рациональное отражение общественной иерархии, сложившейся в стране. Они и постоянная попытка по-своему рационализировать развивающиеся экономические и социальные отношения, поддерживать их в состоянии стабильности, подгонять под неизменный умозрительный образец, соответствующий взглядам конфуцианства на идеальное, гармоничное государство.

Переплетение и однонаправленность действия самых различных факторов — природных, экономических, социальных, политических и религиозно-этических — породило то явление, которое со времен Гегеля и Маркса принято называть застойностью восточных обществ. Однако «застойность» нельзя понимать в абсолютном значении этого слова. Она не означает целиком статичного состояния, полного отсутствия развития и движения. В восточных обществах она выражалась в застойности общественной формы, ее редкостной устойчивости, обеспечивавшей относительное равновесие административно-аграрного строя. Внутри него появлялись элементы новых производственных отношений, все время возникали попытки образования крупных, экономически самостоятельных классов. Но темпы зарождения и развития феодального и капиталистического укладов были чрезвычайно замедленны. Государственно-аграрная структура служила как бы плотиной на пути бурного исторического потока. Опуская и поднимаемая шлюзы, она регулировала течение, разбивала поток на отдельные ручейки, ослабляла его напор, подчиняла его своим законам.

Процессы медленного и мучительного преодоления собственной неподвижности накопили в китайском обществе огромный заряд социального динамита. В бесправных, униженных, попраных массах концентрировался гнев, спрессовывалась ярость, выражаясь языком П. Антокольского, «ныла злость и бушевала горечь». Народное недовольство, взрываясь в массовых восстаниях, выливалось в грозные общественные движения, расшатывавшие твердыню бюрократической власти. Просвещенные представители верхов все чаще обращались к западному опыту, ища в нем выход из создавшегося положения. В нем старались найти путь для прогресса и оппозиционные революционные интеллигенты, большинство которых побывало в эмиграции в европейских странах и Японии. Так было положено начало серьезным экономическим и социальным сдвигам, развитию ограниченного капиталистического производства. Но прочное, трудно нарушаемое сцепление элементов новых, капиталистических отношений с традиционной бюрократической структурой создавало особый путь и для формирования современных классов. Капитал в Китае выросал несвободным, опутанным административными ограничениями, стесненным государственной регламентацией.

Особые экономические отношения сопутствовали и образованию пролетариата, который складывался как особый придаток несвободного и зависимого капитала. По сути дела, это был еще не пролетариат, а предпролетариат, включавший в себя очень узкую прослойку современного промышленного рабочего класса и неизмеримо более широкие слои наемных полурабочих-полукустарей и деклассированных париев, выброшенных за борт аграрного общества. Эти огромные массы растворяли в себе и первые пролетарские отряды, которые к началу народной революции в Китае составляли менее одного процента самостоятельного населения страны.

Претерпевала изменения и основная социальная среда — крестьянство. Капиталистические отношения, проникая в деревню, усиливали расслоение непосредственных производителей. Но и зажиточные, и средние, и бедные крестьяне, и даже основная масса «помещиков» вели хозяйство на примерно одинаковой ос-

нове — на применении архаических, примитивных орудий, личного и наемного ручного труда. Слой новых, современных землевладельцев, которые вели хозяйство на основе капиталистических форм аренды, был очень узким и не определял собою лица аграрного общества. Элементы капиталистических отношений подрывали традиционные устои производства, но не преобразовывали их, а приспосабливались к ним, как бы присасываясь к сложившейся экономической структуре.

· Специфические пути образования основных традиционных социальных слоев и групп, которые, с теми или иными модификациями, свойственны большинству восточных стран, создавали особый социальный климат. Движущие силы общественных движений развивались в чрезвычайно сложной атмосфере острых и невероятно запутанных социальных противоречий и взаимосвязей. Если Европе понадобился сравнительно небольшой исторический срок, чтобы товарно-денежные отношения и образовавшийся на их базе промышленный капитал строго дифференцировали западное общество на буржуа и пролетариев, то для Востока оказались необходимыми тысячелетия, чтобы рано зародившееся товарное производство создало хотя бы отдельные предпосылки для образования современных классов.

ВЛАСТЬ НАД ОБЩЕСТВОМ И ВЛАСТЬ ДЛЯ ОБЩЕСТВА

Колониализм серьезно изменил социальный и экономический облик восточных государств, пытаясь варварскими методами перекроить его по западному образцу. В некоторых из азиатских и африканских стран он серьезно подорвал простейшие формы доколониального производства, насильственно насадил частную собственность и феодализм, искусственно форсировал уродливое и однобокое капиталистическое развитие. Но как бы ни было сильно его влияние, он оставил в неприкосновенности огромные области старых общественных отношений, которые и стали отправным пунктом национально-освободительных революций, стартовой площадкой развития новых, освободившихся государств.

«Третий мир» все еще представляет собой причудливый конгломерат, в котором перепутались и переплелись зачатки и осколки всех известных способов производства. Однако все формации и классы в нем, последовательно вызревавшие и сходявшие на нет в западных государствах, слабо выражены, не оформлены, не завершены. В силу различных конкретных причин многие бывшие колониальные страны задержались в своей исторической эволюции, застыли на этапе докапиталистических, а иногда и дофеодалных отношений. «...важнейшей характерной чертой этих стран, — отмечал В. И. Ленин, — является то, что в них господствуют еще докапиталистические отношения, и поэтому там не может быть и речи о чисто пролетарском движении».

Сохранился в национальных государствах, конечно с большими модификациями, и основной социальный фон — аморфная, разноликая, неопределенная среда, которую в современной социально-экономической литературе принято называть промежуточными слоями. Поглощая в зависимости от уровня промышленного развития тех или иных национальных государств от 50 до 90 процентов их самодеятельного населения, они продолжают растворять в своих рядах подавляющее большинство социальных группировок «третьего мира». На их неясных, неопределенных границах существует множество переходных классовых структур, которые, строго говоря, нельзя отнести ни к одному из классов или общественных групп современного общества. Из них еще очень слабо, затрудненно, медленно выделяется пролетариат и мелкопредпринимательские слои, доходы которых очень часто не превышают средние заработки рабочих. Сами промежуточные слои распылены, неоднородны, многоступенчаты, внутренне несовместимы. Иногда высказывается предположение, что проникновение в старый социальный фон новых мелкобуржуазных элементов в корне изменяет его сущность, сплачивает разобщенных производителей продуктов, создает между ними прочные экономические связи. Трудно согласиться с этим утверждением. Если к традиционной

массе азиатских и африканских городов и деревень добавить уже модернизировавшиеся мелкобуржуазные анклав населения, то дробность, взаимоисключенность и несопрягаемость промежуточных слоев усилится во много раз. В этом случае они начинают походить на геологический разрез, в котором напластовались и перепутались отложения всех эпох и формаций. Промежуточные слои в развивающихся странах включают в себя и огромный пласт азиатского крестьянства, и объединения ремесленников в городах, не совпадающие в своих существенных признаках с феодальным европейским цеховым строем, и мелких товаропроизводителей в Африке, недавно вышедших из племен и общин, и, наконец, своеобразную культурную элиту, представителей свободных профессий, нередко получивших образование в Западной Европе и США.

Внутри каждого из этих слоев существует причудливое переплетение замкнутых социальных группировок, резко отличающихся друг от друга и по уровню положения и сознания и по целям, идеалам и традициям. В рядах самого многочисленного класса развивающихся стран — крестьянства — находится группа фермеров, ведущая хозяйство более или менее современными методами и использующая в незначительных размерах наемный труд, масса малоземельных крестьян, обрабатывающая допотопными орудиями труда участки до пяти акров, трудящиеся — владельцы крошечных наделов, удовлетворяющие значительную часть своих потребностей за счет приработков на стороне, арендаторы — исполщики и издольщики, испытывающие на себе докапиталистические формы эксплуатации труда. Рядом — кочующие племена и сельские общины, в которых в отдельных районах, например в зоне Тропической Африки, частная собственность на землю если и существует, то фиктивно, а общее, по существу, поле представляет собой объект коллективного труда. Многие из этих племен затеряны в жарких, безводных, бескрайних пустынях, жизнь человека в которых в резких, контрастных красках описана Н. Тихоновым:

Тут жизнь человека особой породы —
Играешь соленой и жаркой волны,
Отсюда до бешенства — полперехода,
Отсюда до города — как до луны.

Не менее пестр по составу слой ремесленников, незначительных торговцев и других обладателей мелких средств производства. Здесь бок о бок с владельцем бензоколонки и такси, хозяином небольшого бара или лавки иностранных товаров, стремящихся во всем походить на своих западных мелкобуржуазных коллег, существуют торговцы — разносчики воды, топлива и местных изделий, армия кустарей — ткачей, гончаров, резчиков по дереву и кости, гранильщиков, мастеров ручной обработки металлов, которые пришли почти без изменений из глубины веков и являются в XX столетии вестниками древних азиатских и африканских цивилизаций.

Очень сложна структура и отряда свободных профессий. В их числе — влиятельная группа профессоров, крупных инженеров, адвокатов, священнослужителей и литераторов, ведущих чисто западный образ жизни. Им противостоят вышедшие из трудящихся учителя, врачи, средние и младшие офицеры, провинциальные журналисты, составляющие костяк новых партий, или уже отвоевавшие для себя, или стремящиеся занять руководящее положение в «третьем мире». Если верх иерархического здания свободных профессий — оплот неизменности и консерватизма, то на его нижних этажах царят беспокойство, стремительные перемены, поиски и политические взрывы. Не случайны поэтому социальная и противоречивость, а подчас и диаметрально противоположная социально-политических направлений в освободившихся странах. Их пестрота — почти зеркальное отражение бесконечного многообразия промежуточных слоев, чья социальная палитра впитала бесчисленное множество оттенков. В этом и заключается причина того, что социальное развитие многих национальных государств совсем не походит на четкие скульптурные формы классовой борьбы. Оно напоминает скорее графическое изображение броуновского движения, когда внутренняя закономерность яв-

лений скрыта от глаз их внешней хаотичностью, неупорядоченностью, неуправляемой стихией.

Самым общим последствием разорванности и замкнутости составных элементов промежуточных слоев является сохранение, а иногда и стремительное возращание самостоятельной роли административного аппарата — этой традиционной особенности старых восточных государств. Независимость исполнительной власти и правящих политических групп в некоторых освободившихся странах достигает временами таких размеров, что теряется видимость, непосредственная связь между ними и их классовой, социальной базой. Создается иллюзия полной надклассовости государства. Оно часто выглядит как вполне самостоятельный политический инструмент, источник всех перемен в базисе, классовых отношениях и надстройке, возвышающий или низвергающий те или иные классы и слои, меняющий по собственному усмотрению свои социальные опоры. Но государственная власть, как сказал однажды К. Маркс, никогда «не висит в воздухе». Особое положение исполнительной власти в ряде слаборазвитых стран — особенность не самого государства, а его подпочвы — промежуточных слоев, их особого положения в экономике, классовой борьбе и национально-освободительном движении.

Прежде всего было бы упрощением представлять себе участие в революции всех других классов, кроме пролетариата, только как непосредственное преследование узких классовых интересов. Всякий класс, оказавшись в тот или иной период на гребне революционной волны, склонен олицетворять себя с обществом в целом. От имени общества действует в национально-освободительном движении и социальная промежуточная среда. Она искренне убеждена в том, что, пытаясь освободить себя от национального и экономического гнета, она борется за освобождение всех. Когда цели исторического прогресса и требования представителей промежуточных слоев совпадают, они становятся руководителями революций, вождями трудящихся масс. Если же они расходятся, то отождествление себя с народом становится самообманом промежуточных слоев, который неизбежно развевает революционную критику.

Захват государственной власти, естественно, повышает ответственность лидеров, вышедших из промежуточных слоев, за направление развития контролируемых ими стран. В своих программах и практической деятельности они стремятся отразить, сформулировать и учесть общенациональные нужды и цели. В этом своем стремлении они стараются опереться не только на собственные силы, но и на другие классы нации. Если при этом они создали сильный административный и военный аппарат, то перемена политической ориентации сопровождается, как правило, подавлением и экономическим ограничением бывших классовых союзников. На поверхности явлений эти сложные процессы могут представляться как проявление неограниченной государственной воли, ничем не стесняемая свобода действий исполнительной власти.

Но это всего лишь одна, и причем далеко не самая важная, причина. Основной источник большой самостоятельности государства в ряде развивающихся стран — своеобразное положение промежуточных слоев в экономической системе «третьего мира». В отличие от пролетариата и от буржуазии они не знают других форм социальной взаимозависимости, кроме локальных, клановых и общинных или же чисто административных связей. Дисциплина, организация и классовая солидарность рабочего класса подготавливаются современным комбинированным и специализированным производством, объединяющим и направляющим к единой цели тысячи индивидуальных волей и способностей отдельных рабочих. Такие организации рабочего класса, как партия и профсоюзы, — естественное порождение всего жизненного уклада пролетариата и в то же время закономерное следствие экономических тенденций, ведущих к обобществлению народного хозяйства и незримо, но методично подготавливающих приход нового общественного строя.

Природе рабочего класса чужды все виды деспотии, авторитарных режимов, обожествления «сильных» личностей. Теоретики «китаизированного» марксизма приписывают пролетариату прямо противоположные свойства. Они наделяют

его социальный характер чертами слепой веры, безграничного преклонения перед авторитетом вождей, произвольно диктующих массам нормы их классового поведения. Но маоисты выдают за пролетарский идеал издержки и извращения революционной борьбы, сознательно подменяют одни понятия другими. Тяготение пролетариата к организованности, самодисциплине, единству действий и взглядов они пытаются представить как политический фанатизм, граничащий чуть ли не с религиозным чувством. Рабочий класс создает политические партии для свержения господства капитала и образует социалистическое государство для защиты революции и утверждения ее принципов. Но перед государственной властью он ставит совершенно ясные, исторически определенные цели — построение социализма и коммунизма. В коммунистическом обществе государство отмирает. В нем будет существовать всего лишь один вид «деспотизма» — «деспотизм» высокоорганизованного интеллектуального и материального производства, которое требует централизованного руководства и четкого рабочего режима. Ф. Энгельс в статье «Об авторитете» и других работах обращал внимание коммунистов, что главный авторитет, который в будущем будут признавать рабочие, — это авторитет разумной организации труда. «Желать уничтожения авторитета в крупной промышленности, — писал он, — значит желать уничтожения самой промышленности — уничтожения паровой прядильной машины для того, чтобы вернуться к прялке». В еще более тщательно продуманной и действительно научной системе управления, сочетающей сознательную дисциплину с полным и свободным выражением творческого потенциала каждой личности, нуждается современная и будущая экономика, базирующаяся на электронике, кибернетике, бионике, постоянном овладении последними достижениями науки. В процессе ее создания родится новый человек, который воплотит в себе четкость мышления ученого и беспредельно смелую фантазию художника, глубокую, неограниченную свободу и врожденную организованность, никем и ничем не навязанную, естественную, как сам человеческий организм.

Пролетариат — крупная промышленность сплачивает и объединяет, промежуточные слои — мелкое производство рассредоточивает и противопоставляет. Карликовый крестьянский надел, крошечная ячейка ремесленной мастерской предполагают не объединение воли слоя или класса, а ее раздробление на множество разрозненных, обособленных стремлений. Изоляция в массе и массовая изоляция — таков удел мелких самостоятельных производителей, если их рассматривать с точки зрения окостеневших форм их экономической структуры.

Докапиталистическое крестьянство и мелкие производители продуктов — отдельные классы по особому месту в производстве, образу жизни, отношению к средствам труда. Но они не классы, если считать классами большие группы людей, связываемые в единое целое самими условиями их производства. В лучшем случае они «классы в себе», которым не позволяет стать «классами для себя» объективная обстановка их деятельности и жизни. Этот важнейший признак промежуточных слоев К. Маркс глубоко проанализировал на примере мелкого крестьянства. Он показал, что в XIX веке большинство французской нации — parcelльные крестьяне образовались простым сложением одноименных величин, самодовлеющих семей, добывающих себе средства к жизни скорее в обмене с природой, чем в отношениях с обществом. «Они поэтому неспособны защищать свои классовые интересы от своего собственного имени, будь то через посредство парламента или через посредство конвента. Они не могут представлять себя, их должны представлять другие. Их представитель должен вместе с тем являться их господином, авторитетом, стоящим над ними, неограниченной правительственной властью, защищающей их от других классов и ниспосылающей им свыше дождь и солнечный свет. Политическое влияние parcelльного крестьянства в конечном счете выражается, стало быть, в том, что исполнительная власть подчиняет себе общество».

В слаборазвитых странах внутренняя обособленность промежуточных слоев еще более возрастает. В них общество, по меткому замечанию Сунь Ят-сена,

перекликающемуся с образом Верхарна, напоминает собою «блюдо песка», лишенное внутренних сил взаимного притяжения и сцепления. Там мелкое производство дополнительно закупорено в капсулу касты, племени или общины. Община здесь — это общество в обществе, отдельный микромир, живущий по собственным законам. В некоторых странах, особенно африканских, она еще во многом эталон простого натурального хозяйства. В ней производится и тут же потребляется основная доля средств существования большинства ее членов. Особое разделение труда в общине существует рядом и помимо общественного разделения труда. Конечно, основы общин разрушал в течение многих лет иностранный капитал. Ее барьеры извне и изнутри подтачивает товарное производство. Ее постоянно подрывает мировой капиталистический рынок, пытается осовременить собственное национальное государство. И все же во многих азиатских и африканских странах пока сохраняются, хотя и в преобразованном виде, многочисленные общины, внутри которых заключены еще более мелкие ячейки самостоятельных крестьянских и ремесленных хозяйств. В этих условиях разветвленный государственный аппарат становится главным средством соединения и укрепления общества. Но он и возвышается над обществом, утверждая себя как относительно независимый политический институт.

Но власть над обществом в раздробленном и атомизированном «третьем мире» есть одновременно и власть для общества — неперемное условие его существования и развития. У нас до сих пор можно услышать мнение, что парламентская демократия — государственный эквивалент промежуточных слоев. Но она всего лишь политический слепок с экономических капиталистических отношений, государственная форма и политический стимул развития капитала, предоставляющая ему лучшие возможности для укрепления и роста. Соперничество буржуазных партий в рамках парламентского режима — косвенное отражение конкурентной борьбы. Под этот аккомпанемент происходит слияние состояний, создаются и укрепляются монополистические компании, разоряющие своих мелкобуржуазных конкурентов. Что могут противопоставить промежуточные слои промышленной и финансовой мощи иностранной и своей нарождающейся буржуазии? Только централизованную исполнительную власть и сильные политические организации. Мелкие крестьяне и ремесленники тянутся к государству как к единственной гарантии своих жизненных экономических интересов. В нем они видят защиту от капиталистической концентрации, от экономического натиска буржуазии. Экономическое бессилие рождает политически сильную власть.

Наряду с сильным управленческим аппаратом общим признаком национальных движений промежуточных слоев является ведущая роль армии. Развитие событий в «третьем мире» подтвердило предположение Ф. Энгельса, предвидевшего огромное значение, которое получают военные в ближайшем движении. За последнее время армия, как это хорошо показал в своей книге «Армия и политика в странах Азии и Африки» Г. Мирский, была активным началом почти во всех крупных выступлениях в странах Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии и Африки. В армии, как и повсюду в национальных государствах, происходит острая борьба. Старая армейская верхушка, тесно связанная с генералитетом бывших колониальных держав, служила и еще до сих пор служит в некоторых странах броней и опорой реакции. Ее антагонист — нижнее и среднее офицерство, вышедшее из интеллигенции и крестьян, — борется на стороне народа, пытаясь часто стать единственным руководителем революции, влить ее в специфическое русло военных революционных диктатур.

Особенно тесная связь существует между армией и крестьянством. Эта связь возникла не сегодня и не исключительно в «третьем мире». Она отчетливо прослеживается еще в европейских революциях XVIII и XIX веков. «Армия была *point d'honneur* парцелльных крестьян, — замечает К. Маркс, — она из них делала героев, которые защищали от внешних врагов новую собственность, возвеличивали только что приобретенное ими национальное единство, грабили и рево-

люционизировали мир. Военный мундир был их собственным парадным костюмом, война — их поэзией, увеличенная и округленная в воображении парцелла — отечеством, а патриотизм — идеальной формой чувства собственности». Но в «третьем мире» армия и офицерство не одно лишь орудие борьбы и достижения целей. Они — и организации, руководящие движением, сами вырабатывающие планы модернизации общества, сплошь и рядом выполняющие роль радикальных политических партий. В период кризиса монархических, консервативных и прозападных режимов армия была той силой, опираясь на которую революционные радикалы из промежуточных слоев обуздывали реакцию и одновременно сдерживали напор народных масс. В настоящее время в тех национальных государствах, где до этого преобладали организации офицеров, созданы или создаются массовые партии. Однако армия и революционное офицерство отнюдь не утратили в них своего очень влиятельного положения.

Зависимость современной общественной организации освободившихся стран от их социально-экономического прошлого отнюдь не означает фатальной предопределенности их развития. Напротив, особенности классовой структуры «третьего мира» предполагают многообразие политических форм, усиливают разноричность исторических процессов, развертывающихся на огромных территориях Азии и Африки. Сильная, самостоятельная исполнительная власть, корпоративный дух, определяющее значение офицерства и государственного аппарата резко повышают роль субъективного фактора в национальных революциях. Борьба между революционными и консервативными силами ведется главным образом за овладение управленческим и военным механизмом. Его внезапный захват создает возможность для определенной группы или партии быстро и радикально изменить в свою пользу ход политических событий.

Эти изменения часто означают коренной и решающий сдвиг в социальных и экономических отношениях, смену целей, резкий поворот во внутренней политике и внешних связях, когда та или иная страна почти мгновенно избирает для себя новый курс, вступает на путь прогресса или откатывается назад, к исходному пункту своего движения.

Жестокие столкновения происходят не только между революционными и контрреволюционными группировками, но и внутри однородных политических течений. В правящих организациях промежуточных слоев действует тенденция, которую Гегель назвал неразвитой напряженностью принципа. Она выражается в абсолютизации собственного опыта, в нетерпимости ко всем другим воззрениям, в стремлении утвердить свой взгляд на революцию любыми методами вплоть до применения самых крайних, насильственных средств. От внутренней борьбы промежуточных слоев исходят иногда токи такого высокого напряжения, что они на месяцы и даже на годы парализуют или, наоборот, катализируют социальные процессы в целых регионах «третьего мира». Далеко не случайно приливы и отливы национальной революции, ее наступления и отступления принимали вид многочисленных военных переворотов. Общие формальные черты революции и государства промежуточных слоев не уменьшают, следовательно, перспективу неожиданных перемен и резких политических колебаний. Колебания — не аномалии, не отступления от нормы, они нормальный путь промежуточных слоев в прошлых и современных революционных катаклизмах.

ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Сохранение известной самостоятельности государства — объективная реальность «третьего мира». Но было бы грубою ошибкою делать на этом основании вывод, что устойчивость формы национальных государств означает неизменность их экономических и социальных функций. В новой атмосфере революционных изменений государство из фактора стабильности, консервации существующих порядков превратилось в катализатор динамики, источник восходящего движения, в главную, если не единственную, силу преобразования отсталых

общественных отношений. Оно оказалось перед необходимостью преодолеть разобщенность и раздробленность общества и создать его новую триединую связь — экономическую, социальную и национальную; решить проблему первоначального накопления; способствовать замене старых, архаических институтов новой общественной организацией, соответствующей требованиям последней трети XX века.

Образование нового механизма структурных связей сводится в основном к строительству промышленности, модернизации сельского хозяйства, созданию современной инфраструктуры и разветвленного разделения труда, которое наряду с общенациональным рынком сплავило бы в единое целое как всю хозяйственную систему освободившихся стран, так и их разрозненные социальные и национальные группы. Но поиски методов достижения этих целей неизбежно выдвигают перед лидерами национально-освободительных революций проблему выбора пути.

После различных по времени периодов колебаний, судорожных поисков, драматических столкновений большинство руководителей «третьего мира», независимо от их мировоззрения и политической ориентации, высказались за социализм, понимая под этим словом главным образом расширение государственной собственности и общее усиление экономической роли государства. Случаен ли этот выбор или он субъективное отражение существующей реальности, сложившейся в освободившихся странах?

В «третьем мире» спонтанный рост капиталистических отношений крайне затруднен. Традиционной социально-экономической структуре очень трудно влиться в поток стихийной капиталистической дифференциации, которая неизбежно усиливает и без того огромное давление аграрного перенаселения — неизменного спутника большинства экономически отсталых стран. Аграрные реформы, ограничившие крупное землевладение, все же не смогли утолить земельный голод, удовлетворить потребности крестьян. Превратившись в частную собственность, защищенная аренда не расширила земельных площадей, которые так и остались раздробленными на карликовые крестьянские наделы. В этих условиях обычное капиталистическое развитие, означающее резкое расслоение крестьян, неизбежно бы сопровождалось вытеснением колоссальных человеческих массивов. Этот страшный, все усиливающийся пресс, который, несомненно, не выдержала бы слабая промышленность развивающихся стран, вверг бы «третий мир» в водоворот нарастающих общественных катаклизмов. Даже пока сравнительно небольшая дифференциация крестьянства, вызванная ростом капиталистических товарных отношений и ускоренная «зеленой революцией», уже привела к катастрофическому переполнению городов массами обездоленных людей, превратив эти города в источник политической нестабильности и социальных взрывов.

Если развитие капитализма и возможно, то только в особой государственно-капиталистической оболочке, которая одновременно и поддерживает капиталистические отношения, и сдерживает их, ограничивая деятельность частного предпринимательства второстепенными хозяйственными сферами. Такая хозяйственная политика позволяет в известной мере централизовать процессы накопления и сочетать, хотя и в недостаточной степени, темпы роста капиталистического уклада с темпами ломки и исчезновения старых, докапиталистических производств. Это, по существу, еще не непосредственный переход к капитализму, а лишь его исторический пролог. В обществе такого типа, которое условно можно назвать предкапиталистическим, частная промышленность и множество стихийных рыночных очагов сосуществуют и переплетаются с государственным сектором и правительственным регулированием экономики, а над национальной буржуазией возвышается бюрократическая элита, которая либо полностью осуществляет исполнительную власть, либо делит ее с формирующимся капиталистическим классом.

Социально-экономическая организация «третьего мира» гораздо легче укладывается в рамки некапиталистического развития. В докапиталистическом крестьянстве и массах мелких производителей азиатских и африканских городов зало-

жено стихийное влечение к социализму, смутное, расплывчатое представление о справедливом обществе равенства и братства. Это желание усиливается ненавистью к колониализму, который в широких кругах народа, естественно, отождествляется с капиталистическим способом производства. Трудящиеся «третьего мира» интуитивно чувствуют, что некапиталистический путь предоставляет им возможность избежать разрушительных последствий стихийного расслоения простых товаропроизводителей, планировать постепенную, поэтапную перестройку старых хозяйственных структур, использовать традиционные институты для прогрессивных общественных преобразований. Знаменательна огромная тяга крестьян, ремесленников и мелких торговцев Азии и Африки к кооперации, к коллективным формам производства и распределения, превращающая их в серьезную антикапиталистическую силу.

Не заинтересованы в распространении частнособственных, капиталистических отношений и многие представители господствующих слоев. Их экономические интересы все теснее связываются с развитием государственного сектора, который обеспечивает им регулярные доходы, высокий уровень жизни, выгодное положение в системе управления государством. В африканских странах, например, лучшей формой социальной мобильности считается не приобретение предпринимательских лицензий, а пополнение армии чиновников, продвижение в государственный аппарат.

От скрещивания и переплетения самых разных интересов возникает мощный антикапиталистический импульс, выражающийся в требовании обобществления экономической и социальной жизни. Осуществление этих требований открывает перед слаборазвитыми странами новые исторические перспективы. Национализация промышленности и кооперация сельского хозяйства, если они, конечно, всесторонне используют местные условия, проводятся осторожно, методами, доступными пониманию широких народных масс, облегчают накопление, помогают мобилизовать и сосредоточить на решающих направлениях технического прогресса все финансовые и материальные ресурсы. Под влиянием обобществляемого производства изменяется не один лишь тип экономики, но и характер государства. Связь между ним и его социальной базой становится отчетливой и ясней. В суровой обстановке неутраченной борьбы с империализмом и внутренней реакцией исполнительной властью активно ищут поддержки трудящихся, сама выступает инициатором их организации в политические партии и экономические союзы. Единичное руководство революционных правящих групп постепенно сменяют более широкие демократические режимы.

Наряду с изменением роли государства меняется и классовое содержание промежуточных слоев. Трудящиеся, занятые в национализированном и кооперативном секторах, уже не социально неопределенная масса, а качественно новые слои народа, в том числе и члены рабочего класса. В борьбе за свои права они опираются на коллективное производство и получают новые возможности непосредственно влиять на государственный аппарат.

Но и некапиталистическое развитие еще не означает прямого подступа к строительству социализма. Даже тогда, когда социализм провозглашен не просто как лозунг, а как реальная программа и цель, это развитие наталкивается на огромные трудности, занимает целую историческую, предсоциалистическую полосу, когда новое содержание вливается в старые формы, выплескивается из них, взрывает их изнутри, порождая комплекс мучительных и трудноразрешимых проблем. В. И. Ленин недаром настойчиво предупреждал, что на Востоке легче начать революцию, но гораздо труднее ее продолжить. Он по разным поводам возвращался к этой теме, доказывал, что революционные взрывы в насыщенном неповторимой спецификой колониальном мире принесут гораздо больше сюрпризов, неожиданностей, непредвиденных зигзагов, чем европейские и русская революции.

Основные экономические цели предсоциалистического развития (первоначальное накопление, преодоление хозяйственной отсталости, строительство техниче-

ских и промышленных основ индустриального общества, формирование современного рабочего класса, а следовательно, и создание материальных и социальных предпосылок социализма) обычно решаются капиталистическим способом производства, а некоторые из них — еще на этапе разложения феодализма. Эти цели часто вступают в противоречие с задачами повышения жизненного уровня народа, с издавна сложившейся системой производства и распределения материальных благ. В предсоциалистическом обществе государство, хотя оно и испытывает постоянно влияние трудящихся, еще не является их аппаратом. Оно осуществляет свою волю через относительно узкие группы руководящих слоев, состоящих из новой интеллигенции, представителей армии, партийных функционеров, администраторов, технических специалистов.

Дальнейшее направление развития предсоциалистического общества зависит от многих внешних и внутренних обстоятельств. Наиболее вероятный путь его движения, который подтверждается практикой передовых национальных государств, — рост рабочего класса, образование кооперативного крестьянства, создание массовых экономических и политических организаций трудящихся, активно включающихся в руководство обществом и открывающих перед ним подлинно социалистическую перспективу.

Огромная тяга трудящихся масс «третьего мира» к общественным формам производства и жизни объясняется, естественно, не одними типичными признаками его экономической и социальной структуры. Ее могучий стимулятор — успешное осуществление труднейшего и сложнейшего эксперимента по строительству социализма в странах и районах с господством докапиталистических отношений, особенно в ранее отсталых национальных окраинах Советского Союза. Влечение к высшему общественному строю усиливается и лавинообразно нарастающей популярностью социалистических идей в капиталистических государствах, привлекающих все новые слои населения, и в первую очередь протестующую и бунтующую молодежь.

В век научно-технической революции, уничтожающей временные и пространственные барьеры, соединяющей средствами массовой коммуникации самые отдаленные регионы мира, разъединенные и противопоставленные друг другу Запад и Восток, несмотря на их огромные различия, начинают стремительно сближаться. Происходит захватывающе интересный, хотя и сложный и противоречивый процесс — взлет обоюдного обогащения культур, взаимопроникновение западного и восточного революционного мышления, которое вопреки всем, иногда даже очень тяжелым, политическим издержкам содействует интернационализации освободительной борьбы, сближению самых разных антикапиталистических движений. Много лет назад В. И. Ленин показал, что появление в капиталистических государствах социалистических идеалов придает борьбе трудящихся стран Азии совершенно иное направление. «...Восток, — писал он, — окончательно встал на дорожку Запада... новые сотни и сотни миллионов людей примут отныне участие в борьбе за идеалы, до которых доработался Запад».

Помощь СССР, всесторонняя интернациональная поддержка, многогранный международный революционный опыт позволили, например, такой слабо развитой стране, как Китай, далеко продвинуться по некапиталистическому пути, построить отдельные блоки и звенья социалистического механизма, создать, правда с серьезными ошибками и потерями, гигантскую обобщественную экономическую сферу, войти в политическую систему мирового социализма. Но, как предупреждал В. И. Ленин, для построения социалистического строя недостаточно обобществить средства производства, «...нужен громадный шаг вперед в развитии производительных сил, надо преодолеть сопротивление (часто пассивное, которое особенно упорно и особенно трудно поддается преодолению) многочисленных остатков мелкого производства, надо преодолеть громадную силу привычки и косности, связанной с этими остатками». Именно поэтому разрыв отсталой страны с мировым социалистическим сотрудничеством, конфронтация с передовыми и наиболее последовательными революционными силами на Западе, шовинизм, возвращение к национальной замкнутости, гальванизация старых деспотических спосо-

бов управления закономерно ведут к утрате всех прогрессивных завоеваний. Многие из причин, которые в одних условиях облегчают некапиталистическое развитие, в другой обстановке создают угрозу его деформации и извращения. Гипертрофия государства в сочетании с анемичной социальной структурой, неразвитостью пролетариата, отсутствием испытанных традиций классовой борьбы порождает возможность превращения исполнительной власти в замкнутый, саморазвивающийся организм, который воспроизводит разбухающий управленческий персонал в качестве своей главной политической опоры. В обстановке растущего отрыва государства от масс в его системе возникают бюрократические касты, узурпирующие управление государственной собственностью, рассматривающие трудящихся как слепое орудие для укрепления своего престижа. Они замораживают демократию, приостанавливают движение к социалистической цели, отождествляют свои эгоистические интересы с интересами нации и государства и от их имени эксплуатируют трудящихся, прибегая к методам как экономического, так и внеэкономического принуждения. Против попыток отождествления такого общественного строя с подлинным социалистическим обществом в свое время в резких и решительных тонах выступил Энгельс. Он назвал этот строй «кричащим анахронизмом», «распространяющимся, как зараза, государственным социализмом», потребовал разоблачить его на примере Явы, где голландцы «на основе древнего общинного коммунизма организовали производство на государственных началах и обеспечили людям вполне удобное, по своим понятиям, существование».

Подобные исторические прецеденты тем более опасны, что имеют тенденцию повторяться. В отдельных национальных государствах образуются верхушечные, авторитарные элиты, которые паразитируют на отсталой психологии народа, сознательно размывают пролетариат, преднамеренно разобщают массы, натравливают друг на друга разные слои трудящихся, возрождают в модернизированном виде отжившие, архаические институты, используя их для утверждения неограниченного деспотизма. Преданная революция оказывается в ситуации, когда, по характеристике Маркса, вместо того чтобы общество завоевало себе новое содержание, государство как бы возвращается к своей древнейшей форме. Этот процесс маскируется, заслоняется от масс каскадом гремящих социалистических лозунгов, камуфлируется взвинченными, экзотическими «революционными» ритуалами, которые призваны культивировать в народе настроения жертвенности и самоотрешенности. В таком обществе фраза неизбежно становится выше социального содержания, которое эфемерно, неустойчиво, подвижно, как труть, находится в полной зависимости от постоянно меняющихся внешних и внутренних политических целей.

Теория и практика новых авторитарных режимов, пытающихся под именем социализма оживить традиции прежних деспотических государств, дискредитируют подлинно социалистические идеалы, встречающие все большее понимание и поддержку у руководителей многих национальных государств. Не решая обычно ни одной из назревших экономических и социальных проблем, встающих перед слаборазвитыми странами, они лишь увековечивают бедность, отсталость и угнетенное положение народа, заводят нацию в тупики и закоулки истории, ввергают ее в состояние непрерывного недовольства и брожения. В этом случае неизбежен длительный период зигзагов, шатаний, верхушечных переворотов, упорной и ожесточенной борьбы, которая в конечном счете должна вернуть общество на путь движения к настоящей социалистической цели.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ К ЧИТАТЕЛЮ

Отличительный признак марксистско-ленинской теории — способность вести диалог с самым широким кругом читателей, вовлекая их в мир научных исследований, делая как бы соучастниками и соавторами размышлений и поисков. К обширной читательской аудитории, прежде всего к интеллигенции, обращаются и Юрий Островитянов

и Антонина Стербалова. Хотя, возможно, ряд их рассуждений и требует сосредоточенного напряжения мысли, все же представляется, что трудность восприятия отдельных мест статьи объясняется не столько манерой авторов, сколько сложностью тех проблем, которые они выдвигают и пытаются осветить. Проблемы эти — особенности традиционной экономической и социальной структуры восточных стран, иллюстрируемые в основном на материале Китая; различные варианты современного развития молодых национальных государств; объективные и субъективные факторы осуществления там провозглашенных социалистических целей.

Нельзя сказать, что у нас ощущается недостаток в публикациях, освещающих историю и современный социально-экономический строй освободившихся стран, а также деформации социалистических программ в некоторых бывших колониальных и зависимых государствах, в особенности в Китае конца 50-х — начала 70-х годов. Но далеко не все авторы способны удержаться от двух крайностей. Одна из них — это стремление изображать современное состояние восточного общества в красках, заимствованных с другой социально-экономической палитры и более соответствующих иным национально-культурно-историческим традициям, главным образом европейским. Другая, напротив, — такое погружение в культурную специфику Востока, которое сплошь и рядом исключает применимость к ней диалектического метода марксистской политической экономии и исторического материализма. В этом отношении работа Юрия Островитянова и Антонины Стербаловой отличается выгодным образом. Она продолжает старую — и вечно молодую — марксистскую традицию анализировать современное состояние общества, исходя из его исторических предпосылок, прослеживать причинно-следственную связь настоящего с прошлым, что только и позволяет достоверно судить о будущем.

В статье не употребляется термин К. Маркса и Ф. Энгельса «азиатский способ производства». Все же она в определенном смысле возвращает нас к бурным спорам конца 20-х — начала 30-х годов об этом положении марксизма. В последующие годы оно оказалось основательно забытым, что, на наш взгляд, обеднило возможности теоретического анализа как исходной исторической базы, так и перспектив развития восточных государств. Более того, многочисленные замечания Маркса и Энгельса об азиатском способе производства, которые они, к сожалению, не имели возможности развернуть в столь же стройную систему, что и анализ западноевропейского общества, стали трактоваться отдельными учеными лишь с отрицательным знаком. А между тем именно эти замечания — и особенно в наше время — позволяют лучше понять усиленную тягу многих освободившихся стран к некапиталистическому варианту прогресса, что существенно пополняет резервы мировой социалистической революции. Не случайно в своих последних трудах такие выдающиеся советские ученые, как академики Е. С. Варга и В. В. Струве, а также крупный венгерский исследователь Ф. Текёи и известные французские марксисты М. Годелье и Ж. Сюре-Каналь поднимают вопрос о необходимости нового осмысления тезисов марксизма об особенностях организации производства и социальной жизни на Востоке, что уже нашло отражение в работах советских и прогрессивных зарубежных исследователей.

В чем же, в нескольких словах, сущность азиатского способа производства? Многие исследователи рассматривают его как особую форму перехода от первобытного классового общества к классовому, причудливо сочетающую отдельные черты и рабовладения и феодализма и растянувшуюся на века. Для понимания данной формы необходимо принять в расчет специфическую географическую среду, в которой выживание отдельных родо-племенных образований было возможным лишь при условии выполнения масштабных общественных работ (например, орошения), намного превышающих силы отдельных общин. Эта общая потребность вместе с необходимостью в надежной военной защите создала естественный базис самостоятельной государственной власти, которая насильственно соединяла многочисленные патриархальные общины и выступала первым эксплуататором трудящихся. «Общие для всех условия действительного присвоения посредством труда, и р и г а ц и о н н ы е к а н а л ы, играющие очень важную роль у азиатских народов, средства сообщения и т. п., — писал Маркс, — представляются в этом случае делом рук более высокого единого начала — деспотического правительства, витающего над мелкими общинами».

Разумеется, термин «азиатский способ производства» условен. Он строго привязывает определенный тип общества к одной части света, в то время как этот тип, что и показала наука уже после Маркса, имел более широкое географическое распространение и большую историческую значимость. Другая необходимая оговорка, с которой полностью согласуется и содержание рассматриваемой статьи, состоит в том, что азиатский способ производства не есть база какой-то одной («нулевой» или же «шестой») почему-либо не изученной формации, а представляет собою более широкое понятие, обозначает целую переходную эпоху к классово-антагонистической строю в странах Востока и доколумбовой Америки. Частная собственность здесь развивается позднее хотя бы потому, что мощные естественные и связанные с ними долговременные социальные факторы при рутинной технике производства объективно сдерживают накопление сколько-нибудь значительного прибавочного продукта. Но и уже возникшая частная собственность в этих странах также обладает большим своеобразием. Она долгое время неотделима от экономических функций разросшейся деспотической власти, зависит от нее, а порою в определенном смысле и подчиняется ей.

Об этом приходится говорить потому, что очевидная специфика восточных капиталистических обществ, исследованная и проанализированная марксизмом, нередко используется его противниками с целью «опровержения» марксистско-ленинского учения. Известный ренегат марксизма Р. Гароди в своей книжке «Китайская проблема» пытается с помощью категории «азиатский способ производства» ревизовать всю научную методологию анализа общественного развития, третируя концепцию социально-экономических формаций как «догматическую» теорию «пяти стадий» и демагогически приписывая ее лишь ученикам Ленина. Уподобляясь синице, грозившей «зажечь море», Гароди, однако, не в силах предложить что-либо конструктивно новое. Такова сила аргументации марксизма, что даже его явные и скрытые противники не в состоянии ничего противопоставить теории, от которой они демонстративно отмежевываются.

Отнюдь не новость то, что методологической предпосылкой подобного ревизионистского выпада является крайний догматизм, которым Гароди особенно отличался в 40—50-х годах. Этот догматизм (а вместе с тем и утопизм) заключается в желании увидеть воплощенными в жизни все содержательные абстракции, в первую очередь понятие формации в чистом, так сказать рафинированном, виде. Ошибки такого рода основоположники нашего учения разоблачали много раз. «...Абстракции,— писали К. Маркс и Ф. Энгельс,— отнюдь не дают рецепта или схемы, под которые можно подогнать исторические эпохи. Наоборот, трудности только тогда и начинаются, когда приступают к рассмотрению и упорядочению материала — относится ли он к минувшей эпохе или к современности,— когда принимаются за его действительное изображение».

На этих трудностях как раз и греет руки ревизионизм. На том лишь основании, что никакая абстракция в действительности не может — да и не должна — заменить собою многообразный исторический материал, ревизионисты предают анафеме верные и испытанные обобщения ради пустых и сомнительных спекуляций, а в основном ради набора сырых фактов, которыми ничего нельзя доказать или же, напротив, можно доказать все что угодно.

Думается, что Юрий Островитянов и Антонина Стербалова удачно избежали не только схематизации, но и модернизации явлений, дав в то же время дополнительную пищу для размышлений о возможностях и причинах такого социального феномена, как социал-милитаристская и гегемонистски-шовинистическая практика группы Мао Цзэ-дуна. Объяснить отрицательное явление отнюдь не значит его оправдать. Отказ же от объяснения ничуть не лучше оправдания. Ведь ни один советский человек не перестает заинтересованно думать о возврате Китая в нормальные условия социалистического строительства и о прекращении страданий братского китайского народа, вызванных волюнтаристской политикой маоистов.

Конечно, выяснение глубинных истоков маоизма и его критика занимают лишь часть статьи «Социальный «генотип» Востока и перспективы национальных государств». Главное в ней — теоретический анализ трудных, а порою и мучительных поисков народами освободившихся стран путей к современному развитому обществу, свободному от эксплуатации, социального и национального гнета.

Политическое пробуждение трудящихся масс Востока в результате Великого Октября и последовавшей за ним серии социалистических и народно-демократических революций сопровождалось в широком всемирно-историческом плане взаимодействием двух противоположно направленных гигантских социально-экономических процессов. Прежде всего определился характер современной эпохи, в центре которой стоит международный пролетариат, как эпохи перехода от капитализма и вообще от частнособственнических укладов жизни к социализму, то есть к высшему коллективистскому укладу. В то же время наступившая эпоха застала многие общества еще не расставившись с первобытным коллективизмом и лишь вступившими на путь эволюции в сторону частнособственнического строя. Продолжать эту эволюцию или же, прервав ее, совершить скачок к высшей форме социальной организации, представленной социалистической системой,— такова проблема, вставшая перед многими лидерами национально-освободительного, антиимпериалистического движения. Успешно решить ее возможно, лишь научно анализируя социальный «генотип» Востока, лишь умея сознательно использовать нестойкость частнособственнических отношений и остатки общинного коммунизма в сочетании с современной техникой и организацией производства для терпеливого и настойчивого выращивания клеточек социализма. Несомненно, что в освещении этой проблемы марксисты-ленинцы должны задавать тон, ее исследование призвано стать важным направлением политической экономии, исторического материализма и научного коммунизма.

Ричард КОСОЛАТОВ,
доктор философских наук.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ЛЕОНИД НОВИЧЕНКО

★

ДРАГОЦЕННОЕ ЧУВСТВО ЭПОХИ

В 1938 году в сборнике под тем же названием было опубликовано стихотворение выдающегося поэта Советской Украины Павло Тычины — «Чувство семьи единой» («Чуття єдиної родини»). Стихотворение оказалось чрезвычайно своевременным, больше того, оно как бы ожидалось многонациональным советским читателем тех лет: само его название скоро стало крылатым словом, вошедшим в широкий общественный обиход и приобретшим в наши дни, что называется, мировую известность.

И это так естественно. Новый этап в развитии дружбы и единения народов Советского Союза, открытый историческими победами социализма в 30-х годах, требовал своего поэтически обобщенного выражения — и стихи Тычины дали художественную плоть и кровь небывало окрепнувшему чувству этой дружбы и этого единения.

Часто упоминая те или иные «цитатные» строки из стихотворения, мы однако, не всегда ценим всю полноту его содержания.

Во многих своих стихах 30-х годов Тычина выступал поэтом-песенником; правда, песенником очень своеобразным, стремившимся воедино слить «музыку» и «политику», уловить новые «всемирные ритмы» в звучании трудовой поступи Советской страны, ее дел и побед (примером может быть известное стихотворение «Партия ведет»).

В «Чувстве семьи единой» преобладает иное начало — сосредоточенное размышление, сложность которого ощущается в затрудненно-прерывистом движении мысли, в рабочем напряжении необычных, прихотливых метафор, как бы «выверяющих», вы-

ясняющих с разных сторон выношенную поэтом идею.

Конкретный повод для стихотворения, его первичное зерно — поэзия постижения другого языка, трудности и радости проникновения в его глубинную сущность, в его смысловую первоматерию. Тема несколько необычная, отнюдь не часто встречавшаяся в поэзии, но для Тычины исполненная глубокого поэтического-философского значения: в ней он видит знамение советской эпохи, создавшей «мост из стали» между ранее разобщенными нациями, народами.

Идея братства народов и их культур с новой силой раскрывается и подтверждается для поэта в живом чуде единства духовных сущностей, единства, которое таится под самыми разнообразными национально-языковыми формами: «Хоть слово сказано иначе, но суть в нем наша остается»...

Творец языка — народ. А народ вложил в языковые глубины такой сложно преобразованный опыт исторического творчества и борьбы, такие заветные чаяния и устремления, которые не могут не объединять его со всеми другими народами. После памятных горьковских мыслей о труде народных масс как первооснове всех культурных ценностей¹, видимо, и Тычине было легче прийти вот к этим строкам, неотразимым по своей яркой поэтической истинности и вместе с тем достойным найти место в любом учебнике как точная образная формулировка материалистического понимания социально-исторической сущности языка:

¹ Имеется в виду доклад А. М. Горького на Первом всесоюзном съезде советских писателей.

То не язык, не просто звуки,
не слов блуждающие льдины,
слышны в них труд, и пот, и муки —
живой союз семьи единой.

В них шум лесов, цветенье поля
и волны радости народной.
В них единенье, кровь и воля
от давних дней и по сегодня.

(Перевел Н. Браун)

(В украинском оригинале: «Бо то не просто мова, звуки, не словникові холодини — в них чути труд, і піт, і муки, чуття єдиної родини. В них ліс шумить і пахне квітка, хвилюють радощі народні. Одна в них спільна чути нитка від давнини і по сьогодні».)

История всемирной литературы нового времени знает множество взволнованных слов, сказанных поэтами в честь родного языка. Тычина нежно любит свой украинский язык, он называет его прекрасным и пребогатым, он еще не раз будет писать о нем. Но здесь, в этом стихотворении, он, может быть, первым из поэтов сказал: «И открываешь первородство в глубинах языка чужого» («В послідньому вбачаєш першість, як до чужої прийдеши мови»).

Можно отметить, между прочим, психологическую точность этого наблюдения, знакомого, наверное, каждому филологу: действительно, то, что ты считал «первым», как бы изначально данным в семантическом и даже формальном строе твоего родного языка, вдруг начинает по-новому открываться в иноязычной стихии, — и кто скажет, где «первое», где «последнее» в этих бесконечных, пусть и по-разному звучащих, внутренних соответствиях². Но важно снова повторить: едва ли не впервые в поэзии было сказано с такой силой и глу-

² Любопытно сравнить поэтические раздумья Тычины о «чувстве семьи единой», которое проявляется в семантической первооснове языков, с утверждениями ученого, академика Н. И. Конрада, опубликованными в 60-х годах: «Исторический процесс показывает, что языки отдельных частей человечества неуклонно идут к сближению именно в этом (то есть в семантическом... Л. Н.) смысле, при сохранении и даже развитии самобытных черт... Можно сказать, что в наше время огромная часть человечества, во всяком случае его ведущая часть, обладает общим языком. Общность языка в этом случае — одинаковость семантической системы при разных формах ее выражения. Такая общность поддерживается и развивается в процессе совместной жизни и деятельности...» (Н. И. Конрад. Запад и Восток. М. 1972, стр. 476).

биной о радости познания других языков и других культур как радости утверждения в великом и необъятном чувстве интернационализма. «Чувстве семьи единой», как определил его поэт, сумевший «прочитать» это чувство в глубинах, казалось бы, такой неповторимой, такой тонкой субстанции, каковой являются каждый в отдельности национальные языки:

Спочатку так: немов підкова
в руках у тебе гнеться, бідна,
а потім — мова! мова!
чужа — звучить мені як рідна.

Да, это стихи о радости взаимопознания и взаимодействия, ставших законом жизни наций в Советской стране. О радости быть чутким и восприимчивым к духовным ценностям братских национальных культур, радости, рождающей у поэта гордое и несколько необычное по форме признание: «Я володію аркодужним перевисанням до народів». (Образ неожиданный, ярко-«барочный», подсказанный чисто индивидуальными предметными ассоциациями, но именно к смелой, вызывающей необычности Тычина здесь и стремился; и вряд ли можно согласиться с переводчиком, заменившим эту властную поэтическую своеобычность, в общем, привычным: «Сияет радугою дружбы мне единение народов».)

Это стихи, наконец, о радости переступить через всякую узость и ограниченность, через всякие мелкие броды, даже если они «родные» («Глибинним будучи і дружним, чужим і чуждим рідних бродів»); ясно, что «родные броды» в понимании пламенного патриота Тычины — именно то отсталое, узкое, косное, что не только не совмещается, но и противостоит всему великому и ценному в его национальной культуре.

В стихотворении «Чувство семьи единой» нашел живое и многогранное выражение зрелый социалистический интернационализм украинского поэта, глубокое понимание им гуманистической и созидательной сущности ленинской дружбы народов.

С идеей братства и сотрудничества советских социалистических наций поэт связал свои давние раздумья о судьбах национальной культуры, о путях ее развития, о богатстве и полноте самой человеческой личности. Как и в других этапных произведениях Тычины, здесь в полную силу проявила себя работающая, ищущая, обаятельная в своем трудовом напряже-

нии поэтическая мысль, чуткая ко всему новому в жизни народа и страны. А это было действительно новое явление в духовном мире современного человека, больше того, современного человечества — «чувство семьи единой», рожденное великим Октябрем и стократно усиленное в сознании советских людей всем жизненным укладом победившего социализма.

П. Тычина дал одно из наиболее ярких поэтических «наименований» этому чувству, и поэтому разговор о нем особо подробен. Но тема дружбы народов — большая тема всей советской многонациональной поэзии. И не просто тема, а всепроникающая идея, органическая часть ее миропонимания, живое проявление идеологии пролетарского интернационализма. Она сверкает множеством реальнейших жизненных красок в произведениях, навеянных, так сказать, повседневной конкретикой советской действительности: в грузинских стихах Н. Тихонова, в жите «Большевикам пустыни и весны» В. Луговского, в «Леки» Р. Гамзатова, в стихотворном послании А. Малышко к А. Твардовскому, в украинском цикле К. Каладзе «Грузинские песни у Днепра», в таджикских стихах В. Мысыка и стихах «Идущим на помощь» К. Кулиева — самом простом рассказе о самых обычных случаях из жизни народов-соседей, когда во время зимних вьюг на перевале балкарец спешит помочь терпящему бедствие свану, а сван — балкарцу... Сама неисчерпаемость этих мотивов и явлений, ими выражаемых, убедительнее всего говорит о том, что перед нами новый жизненный закон, закон дружбы и единения, охватывающий все стороны бытия советского человека.

Не менее щедрый поэтический урожай дает эта тема, решаемая в обобщенно-политическом, философском, моральном, «культурологическом» аспектах (разумеется, во многих случаях такое разделение очень относительно). Рассмотренное стихотворение Тычины — как раз произведение этого ряда. Но первое место здесь по праву принадлежит традиции В. Маяковского. В годы, когда только складывалось единство народов и культур Советского Союза, его стихи, проникнутые мощным пафосом интернационализма, помогали строить новые, социалистические отношения между нациями с силой подлинно «партийных книжек». Едва ли не раньше многих других художников он увидел и с присущей ему

страстью выразил всесоюзный размах социалистической стройки, многонациональный характер единой по своим идейным основам советской культуры.

Встретившись в Казани с татарским, чувашским, марийским переводчиками своего «Левого марша», поэт в одном из стихотворений писал, что у него было такое ощущение, будто он собственной рукой ощупывал «бестелое слово «политика», — ведь он воочию увидел, как некогда темные, забытые народы идут «на штурм, на камень, на крепость культур». Верный друг братских народов, высоко ценивший их культуру, язык, неповторимость национально-психологического облика, Маяковский в своих стихах отдал долг искренней любви и уважения Украине (стихи так и называются «Долг Украине»), и вскормившей его Грузии («Владакавказ—Тифлис»), и Азербайджану («Гулом восстаний, на эхо помноженным...») — да разве только им! Многоцветье культур и языков было дорого Маяковскому в своем новом, советском, социалистическом содержании, в своей интернациональной духовной сущности.

Вместе с тем поэт, строитель и певец новой исторической общности людей, был непримирим к любым проявлениям национальной узости или кичливости, к местному национализму и великодержавному шовинизму. Программным в этом смысле было и остается стихотворение Маяковского «Нашему юношеству», актуальность которого ничуть не уменьшается и в настоящее время, в эпоху интенсивного взаимного сближения народов и их культур. Славя Москву «как огневое знамя», объединяющее свободные народы и передовых борцов всего мира, поэт призывал молодых строителей социализма:

Товарищи юноши,
взгляд — на Москву,
на русский вострите уши!

Он призывал равнять «взгляд на Москву», потому что,

Когда
Октябрь орудийных бурь
по улицам
кровью лился,
я знаю,
в Москве решали судьбу
и Киевов
и Тифлисов.

Эти заветы Маяковского, в частности поэтическое утверждение им великой миссии

русского языка как языка межнационального общения и сотрудничества народов, обретают сегодня как бы вторую, еще более полную и яркую жизнь в сознании нашего читателя. С именем Маяковского в советской поэзии навсегда связан и тот наступательный, лишенный какой бы то ни было созерцательности пафос борьбы за живой, практически осуществляемый интернационализм, который был характерен для любых выступлений поэта на эти темы.

Преломляя в своем образном «хрусталике» реальную действительность, многонациональная советская поэзия учит новой морали в отношениях между нациями, между трудовыми народами, морали, в которой общечеловеческие идеалы дружбы и братства научно обоснованы и подтверждены боевым лозунгом класса, перестраивающего мир: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

И какое разнообразное, какое многостороннее образно-философское выражение получает она в стихах советских поэтов! Здесь и Микола Бажан с его восхищением перед «дружбой масс», которая «впервые входит в вечность» (поэма «Такое прозрачное солнце», 1936). И Максим Рыльский с характерным для него образом добрых дружеских огней, которые он видит в окнах побратимов, живущих во всех концах Советской страны:

Не раз нас голос братній заклика
До Бровчиної вирядитись хати,
Заглянути на вогник Маршака,
На Тихонова світло завітати.

Огні нас кличуть, друже, звідусіль,
Обійми всюди нас чекають щирі,—
І там, де супокійний Янка Вріль,
І там, где запальний Зар'ян Наїрі.

Здесь и Эдуардас Межелайтис, чей Человек, вооруженный передовыми идеями времени, воплощает в себе подлинно всемирную отзывчивость и солидарность в борьбе с силами социального зла: «Где бы в человека ни стреляли, пули — все! — мне в сердце попадали»... И Сергей Орлов, в суровой мелодии «Интернационала» слышащий пророчество грядущего всеземного братства трудящихся:

Я думаю о времени грядущем.
На свете нет другой еще такой
Мелодии, воспрянул бы с которой
Для мира и для счастья род людской
В семье единой на земных просторах.

И Мирзо Турсун-заде, гордящийся тем, что имеет право сказать ребенку, рожденному на земле его отцов: «Ты в Азии издал свой первый крик, и дом твой — азиатский материк, но в Азии счастливой ты рожден, где утвердился вольности закон»... И Петрусь Бровка, вложивший мысль о том, что в семье братских наций Советского Союза его народ вышел на небывалую мировую дорогу, в удивительно простой и емкий образ тропинки своего детства, которая, начавшись в родных лугах и борах, обвилась теперь вокруг всей планеты («Тропинка под Нью-Йорком»). И Иракий Абашидзе, давший след за Тычиной выразительную формулу единства в многообразии, утверждаемого культурой социализма: «Сто языков различного звучанья в язык Свободы объединены».

Все это, конечно, отдельные примеры — материал для исследователя темы, которую мы называем «чувством семьи единой», практически неисчерпаем. Человек, задавший себе труд окинуть взором хотя бы главнейшие произведения, которыми она представлена в поэзии, создаваемой на десятках и десятках языков народов СССР, обнаружит в ней и бесконечное многообразие конкретных жизненных мотивов, и взволнованность личных открытий — сердечных и философских, и поразительную пестроту национальных образно-интонационных оттенков в выражении идей, объединяющих всех. (Вспоминается военное стихотворение Гафура Гуляма «Ты не сирота», где было, между прочим, такое обращение к осиротевшему ребенку, которого приютила братская узбекская земля: «Спи, мой мальчик, ягненок мой белый»... Этот «белый ягненок» — незабываем!) Но здесь хочется сказать о другом — о необходимости тщательного анализа и осмысления художественных богатств, накопленных поэзией народов СССР в этой тематической области не только в масштабах опыта и «внутренних потребностей» советской литературы, но и с точки зрения мирового идейно-художественного значения этой темы.

В своем выступлении на XXIV съезде КПСС товарищ Гэс Холл сказал очень точные слова о том, что в современной борьбе социализма против капитализма на чашу весов брошены не только количественные показатели, но и вся качественная сторона жизни, включающая в себя «весь спектр человеческих ценностей». Он гово-

рил: «С помощью каких таблиц можно сравнить жизнь в капиталистическом обществе с присущими ей извращениями, унижениями, жестокими страданиями и муками — этими продуктами расизма, порождаемого капитализмом, с расцветающей жизнью при социализме, с жизнью, свободной от расизма, основанной на равенстве и уважении достоинства каждого человека?»

Советское многонациональное социалистическое государство показало всему миру пример того, как на научной основе марксизма-ленинизма решается один из «проклятых вопросов» прошлого — национальный вопрос. Политический, экономический, культурный, идеологический опыт народов нашей страны, руководимых Коммунистической партией, дополняется в этом смысле их художественным опытом — опытом советской литературы и искусства, имеющим такое же поучительное всеобщее значение.

Да, писатели, художники Страны Советов полным голосом сказали о радости жить единым социалистическим общезитием народов, сказали о чистоте духовного и нравственного климата в обществе, свободном от расизма и национализма, от национальной вражды и недоверия. Да, советские писатели имели счастье художественно открыть и донести до мирового читателя «чувство семьи единой» — уже не как мечты, не как программы на далекое будущее, а как живой реальности, вошедшей в сознание, в эмоциональный мир, в дела и поступки миллионов людей!

Это и есть одна из самых высоких человеческих ценностей, которую несет миру социализм, утверждает его искусство.

В чем же объективно проявляется международная, мировая значимость того нового «поэтического материка», который открыли художники, воспевавшие дружбу и единение братских социалистических наций?

Прежде всего, разумеется, в убеждающей, поистине видимой «всесветным очам» силе самого идейного и жизненного содержания этих мотивов. Одним из нагляднейших примеров может быть поэзия Расула Гамзатова. Частые в его стихах упоминания о сравнительно недавнем историческом прошлом своего края с предельной ясностью свидетельствуют, насколько «горячими», сложными и запутанными были отношения горских народов со своими соседями. Да и

не только отношения межнациональные, но и межродовые, отравляемые «кровничиством». Гнет социальный, гнет национально-колониальный, гнет взаимной вражды и недоверия, незнания и отчужденности — на пятачке какого-нибудь аула концентрировались острейшие проблемы вековой истории человечества.

И в сопоставлении с этим прошлым еще более благородным и возвышенным предстает итог новой, советской жизни горских народов, о котором пишет поэт:

...Кривной мести закон на земле Дагестана
Соблюдали железно с давнишних времен.
Годы шли, заживали старинные раны,
Но сердца бередили этот дикий закон.
Но закон единенья сильнее, святее.
Он возник, правотой наивысшей прав.
О Россия, в семнадцатом кровью своею
Нашу дружбу скрепили мы, братьями став!
С той поры моя родина краше и шире,
С той поры горизонты земные ясней.
Подмосковные рощи, просторы Сибири
Вижу я из подоблачной сакли моей...

Закон братского единения между народами, между людьми труда сильнее и святее, чем любой закон «кривной мести», — не в этом ли главная сущность науки интернационализма, которую несет миру коммунистическая цивилизация? И не делает ли ее в данном случае особо убедительной тот историко-психологический контекст, который стоит за стихами аварского советского поэта?

Ощущением всесоюзных и всемирных горизонтов, открытых перед его народом, проникнуто, по существу, все творчество Расула Гамзатова. «Тысяча распахнутых окон» на мир, о которых афористически говорится в книге «Мой Дагестан», — это поэтическая формула связи национального и интернационального в мировосприятии его лирического героя. Сам эстетический облик этой поэзии — убедительное свидетельство того, сколь плодотворно для искусства любого народа сочетание лучших национальных традиций с опытом русской и всей мировой художественной культуры.

В постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик» подчеркивается, что всемирная история еще никогда не видела во взаимоотношениях десятков наций и народностей столь нерушимого единства интересов и целей, воли и действий, такого духовного родства, доверия и

взаимной заботы, какие постоянно проявляются в нашем братском союзе.

Нашей литературной критике чрезвычайно важно исследовать, проанализировать, в каких характерах, в каких человеческих историях и судьбах, имеющих достаточную художественно-типическую «емкость», воплотила это новое единство и родство людей советская литература, в частности поэзия. И хотя лирический характер, образуемый живой целостностью конкретных образов и мотивов поэта, структурно во многом отличен от характера героя романа или драмы, он, в конечном счете, и в поэзии является главным «носителем» и выразителем тех или иных важнейших сторон общественного самосознания. Лишь безраздельное переплетение большой темы, большой идеи с личностью и всей судьбой талантливого поэта создает художественное явление, способное иметь широкое общее значение в искусстве.

Прекраснейшим воплощением характера борца за социализм, убежденного и последовательного интернационалиста, подающего братскую руку трудящимся всех рас и наций, вошел в мировую поэзию лирический герой Маяковского — это факт общеизвестный и признанный.

А если обратиться к представителям братских литератур, чей путь к интернационализму имел подчас черты существенного своеобразия, обусловленного целыми комплексами исторических, историко-культурных и психологических причин?

Тут снова вспоминается П. Тычина — уже не просто как автор стихотворения «Чувство семьи единой», произведения по-своему итогового, а как художник, который в сем своим предшествовавшим творчеством как бы создал повесть, и поэтически и душевно чрезвычайно яркую, о сложном, честном и, хочется сказать, доблестном пути становления нового, интернационалистского сознания.

Любая попытка дать все это в кратком пересказе ведет, разумеется, к опасности схематизма. Но вспомним: если за несколько месяцев до октября 1917 года поэт пишет «Золотой гомон» — поэму, искренний патриотизм которой еще не был освещен пониманием социальной сущности событий, — то уроки революционных лет сразу же обращают его идейные поиски к проблеме соотношения национального и классового, национального и интернационального. Для такого поэта чуткой исторической мысли,

как Тычина, каждый шаг вперед по этому пути становился личным, душевным — и потому художественным — открытием. И уже через год-полтора после «Золотого гомона», в разгар гражданской войны, звучат его слова, говорящие о том, что рождается новая связь между понятиями родины и трудового народа, родины и революции: «Поэт, полюбить не преступно отчизну, но только — для всех!..»

В закономерной связи с этим расширялись интернациональные горизонты поэзии Тычины. И не только понятным чувством революционера, видящего своих собратьев и союзников за рубежом, в странах капитала, но и особой, выстраданной гордостью за эпоху, освобождающую зрение человека от шор всяческой «местной» ограниченности и обособленности, продиктованы памятные строки, адресованные Р. Роллану и А. Барбюсу (1921): «Через все преграды стен я увидел вас. О благословен час!» (В украинском оригинале еще прямее: «Через головы племен я побачив вас...»)

Надо знать многое в предшествующей духовной истории немалой части украинских интеллигентов из поколения Тычины, надо вспомнить туманившую подчас их зрение «жалкую химеру национальных самоограниченностей» (это позднее, хотя и по сходному поводу, скажет Е. Чаренц), химеру, питаемую, в свою очередь, теми невыносимыми условиями, в которые ставил украинскую и другие национальные культуры царизм, — надо знать и помнить все это, чтобы понять, какие глубокие и значительные чувства вкладывал в свои признания поэт.

Интернационализм — это освобождение от любых подобных химер, это свет, озаряющий пути к новому, доброму и счастливому миру. Подлинный расцвет национальной культуры, расцвет самой личности нового, свободного человека отныне мыслится по-этом лишь в условиях совместного труда и теснейшего братского единения с другими народами, «воскрешенными», как и украинский, Великой Октябрьской социалистической революцией.

Отсюда тесная взаимосвязь двух тем, все более четко определявшихся в его поэзии: борьба против буржуазного национализма с его ведущими в болото духовными «бродами» и утверждение подлинно интернациональной широты видения мира, прежде всего мира нового, советского.

Иракий Абашидзе недавно очень точно писал в «Вопросах литературы» (1972, № 9)

о характерном уже для первых послеоктябрьских лет «невиданном взрыве интереса писателей друг к другу и к народам, которые они представляли». Фигуру Тычины в этом отношении уже в 20-е годы характеризовали, с одной стороны, стихотворение «Ответ землякам», являвшее примером полного и окончательного расчета с «великой ложью» всякого национализма, а с другой — именно такой живейший интерес к братским народам и их культурам. Глубокие идейные истоки этого интереса хорошо объяснила в одной из своих статей Маризтта Шагинян, знавшая поэта в те годы: «Помню, в самом начале двадцатых годов... первую встречу с поэтом Павло Тычиной, еще совсем молодым человеком, ревниво внимательным, жадно любопытным к становлению нового мира на земле, к языкам и культуре братских советских народов — он учился в то время грузинскому и армянскому и оставил мне автограф на этих языках. Позднее, когда открылась мне над бессмертными страницами «Кобзаря» вся глубокая красота украинского языка, я лучше поняла упорное стремление Тычины к знакомству с языками наших советских республик, он как бы укреплял этим чувство новой близости с Родиной, воспитывал в себе новое государственное сознание, сознание себя членом большой семьи, гражданином всего СССР»³.

«По-армянски читаю и пишу. Целый мир новый...»⁴ — лаконично сообщал в это же время П. Тычина в письме одному из своих киевских знакомых.

И когда мысленно соединяешь все это с лирическим самораскрытием Тычины, видишь целостный, чрезвычайно привлекательный образ поэта, упорно стремящегося к новым, интернациональным берегам, видишь мощную духовную энергию, вкладываемую в это движение. Образ, в определенном смысле глубоко типический для искусства, для всего художественного сознания советской эпохи. (Наиболее близкие аналогии в литературах народов СССР здесь, вероятно, возможны с такими фигурами, как Е. Чаренц — в Армении или М. Ауэзов — в Казахстане.) И этот образ и его знаменательное внутреннее движение, несомненно, глубоко ощутимы в творчестве Тычины, как и ряда других советских поэ-

тов, для широкого зарубежного читателя. Потому что именно такое человеческое искание и обретение истины, воплощенное в живых коллизиях живого художественного характера, имеет подлинно убеждающую силу для всякого читателя.

Следует иметь в виду и еще одну важную грань данной темы.

Тот «взрыв» познавательного и практического, творческого интереса советских писателей к братским народам и их культурным ценностям, о котором писал И. Абашидзе применительно к 20—30-м годам, давно уже превратился в устойчивую качественную черту, характеризующую новый тип «мастера культуры», сформированный социалистической эпохой. Назовем лишь некоторые поэтические имена: Тихонов, Заболоцкий, Пастернак, Мартынов, Рылский, Бажан, Первомайский, Чиковани, Турсунзаде... За каждым из них — огромный круг межнациональных контактов в советском и зарубежном мире, контактов, ясно видимых и в оригинальном творчестве, и в переводах, и в публицистических выступлениях, вдохновленных идеей дружбы народов.

Примечательно и то, что во многих случаях эти контакты едва ли не в равной мере ориентированы и на Запад и на Восток; пример, скажем, М. Бажана, давшего образцовые переводы «Витязя в тигровой шкуре» и «Фархада и Ширин», прекрасно знающего грузинскую культуру, посвятившего грузинской и узбекской теме ряд стихов и вместе с тем принесшего в современную украинскую поэзию широкий круг культурных и жизненных реалий Запада (поэма «Ночь Гофмана», книга оригинальных реминисценций по мотивам Р. М. Рильке «Четыре рассказа о надежде», сборники стихов «Английские впечатления», «Итальянские встречи»), можно дополнить ссылками на немало иных, может быть еще больше впечатляющих в этом смысле, поэтических биографий.

Каким поистине добрым и верным другом разноименных, разноликих народов прошел, например, по земле Востока (так же, кстати, как и многих стран Запада) лирический герой Николая Тихонова: вот удивительно целостный и привлекательный человеческий образ, с неотразимой поэтической силой опровергающий жестокий и живой афоризм относительно того, что «Запад есть Запад и Восток есть Восток, и с места они никогда не сойдут...!» Непри-

³ «Литературная газета», 24 января 1948 года.

⁴ «Радянське літературознавство», 1971. № 11, стр. 76.

миримый враг всяких «сагибов», всяких колонизаторов и шовинистов, в каком бы обличье они ни выступали, он, советский русский человек, действительно шел по дорогам древней Азии посланцем мира и дружбы, влюбленным в новое, социалистическое братство народов:

Он был веселым легким Одиссеем,
Земля, дымясь, вступала в новый рост,
И над ее дорогами висели
Великие созвездья вольных звезд.

Это тоже явление принципиального международного значения, потому что, при всей обширности предшествующей европейской традиции, восходящей к «Западно-восточному дивану» Гёте, лишь советская социалистическая культура с ее духом последовательного интернационализма смогла найти пути для подлинного сближения и плодотворного взаимодействия двух огромных культурных миров.

Тема «семьи единой», поистине необъятная по предметной широте и многообразию, имеет еще один аспект, пожалуй, по-особому всеохватный.

Большая поэзия XIX века особенно у народов России и в странах Восточной Европы, вместе с идеей борьбы за социальное и национальное освобождение трудящихся масс (здесь, в данных регионах, логика исторических обстоятельств теснейшим образом связывала обе эти задачи) высоко вознесла идею грядущей семьи народов, их свободного братского единения.

Да, это так: передовая поэзия XIX века, страстно утверждавшая идеи истинного, демократического патриотизма, связывавшая с мечтой о свободе мечту о национальном возрождении угнетенных народов, не уставала напоминать, что впереди — идеал единой, дружной всечеловечной семьи. Борец за свободу Венгрии Петефи называл себя певцом всемирной свободы. По известному слову Пушкина, о временах грядущих, «когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся», мечтал в беседах с русскими друзьями гений Польши Мицкевич.

Сам Мицкевич в одном из стихотворений писал, что поэты народов, разделяемых

самодержавным гнетом, подобно скалам над ревущим потоком, по-братски клонятся друг к другу своими вершинами, возвещая этим гармоническое согласие будущего.

Всемирно известен завет Шевченко о «семье великой, вольной, новой». Акакий Церетели в Грузии призывал идти рука об руку с прогрессивной, революционной «молодой Россией» «не только для осуществления национальных, но и общечеловеческих идеалов».

Новый всемирно-исторический этап в борьбе за свободу и единство народов был поэтически озаменован «Интернационалом» Э. Потье — гимном революционного рабочего класса всех стран.

Во взаимоотношениях десятков наций и народностей Советского Союза, сплотившихся под руководством ленинской партии в единую братскую семью, находят реальное, практическое воплощение мечты лучших умов и сердец человечества. И советская литература отвечает на поистине мировой вопрос о возможности «семьи великой, вольной, новой», изображая реальную семью советских народов и рожденное ею «чувство семьи единой», которое вошло теперь в спектр основных общечеловеческих ценностей.

В нынешнем мире есть кому прислушаться к ее ответам на этот вопрос, есть кому черпать в них науку для собственной борьбы за великие революционные, гуманистические идеалы.

И когда мы читаем, скажем, у кубинца Николаса Гильена призыв к «союзу чисто-сердечному, союзу нерасторжимому» детей двух обездоленных народов — черного и белого, когда в стихах непальского поэта звучат ноты, близкие поэзии Самеда Вургуну или Эдуардаса Межелайтиса: «Пусть будет у каждой звезды свое особое «бытие», но люди должны трудиться в гармонии, в единстве, как братья, не как посторонние», когда поэты борющегося Вьетнама славят в лице Москвы, Советского Союза свою надежду, мы видим, что «чувство семьи единой» реально становится в наше время одной из тем уже не только советской, но и мировой поэзии.

У. ГУРАЛЬНИК,
доктор филологических наук

★

ЕДИНАЯ, МНОГОНАЦИОНАЛЬНАЯ

Когда будет написана история науки о литературе и литературной критике в послеоктябрьскую эпоху (а потребность в таком обобщающем труде имеется), одна из самых содержательных страниц, несомненно, будет посвящена вопросам изучения интернациональной природы многоязычной советской литературы. На этом главном направлении современной литературной теории предстоит еще решать задачи большой сложности: их неутомимо поставляет сама быстротекущая жизнь. Но и сделано уже немало, о чем с удовлетворением думаешь сегодня, в год пятидесятилетнего юбилея Союза ССР.

Открывая Первый всесоюзный съезд писателей, А. М. Горький свою вступительную речь начал с утверждения всемирно-исторического смысла объединения советских писателей. Он усматривался в том, что «разноплеменная, разноязычная литература всех наших республик выступает как единое целое перед лицом пролетариата Страны Советов, перед лицом революционного пролетариата всех стран и перед лицом дружественных нам литераторов всего мира».

Эту мысль Горький развил и в докладе и в заключительной речи на съезде. К ней он возвращался неоднократно в своей публицистике и в литературно-критических статьях. Особо подчеркивалось, что писатели Советского Союза демонстрируют «единство нашей цели, которая, конечно, не отрицает, не стесняет разнообразия наших творческих приемов и стремлений».

Речь шла, таким образом, о принципиальных основах союза братских социалистических литератур. На Первом съезде решительно утверждалось равноправие литера-

тур всех народов — больших и малых, литератур с давними традициями или же только после Октября приобщившихся к письменности. Оптимистические представления о будущем нашей единой и многонациональной литературы, ее возможностях Горький связывал с процессом возрождения всей массы трудового народа «к жизни честной — человеческой», к свободному творчеству новой истории, к творчеству социалистической культуры.

И в докладах и в выступлениях представителей братских республик было отчетливо сказано, что они, писатели, работают не только каждый на свой народ, но каждый на все народы Союза Советских Социалистических Республик. И в этой связи была сформулирована задача, во весь рост вставшая перед литературоведением и критикой: «Историки и критики нашей литературы должны... начать работу, которая внушила бы людям нашей страны, что хотя они разноплеменные, разноязычны, но все и каждый из них — граждане первого в мире социалистического Отечества».

Горьковский призыв был услышан. Он на долгие годы определил пафос советского многонационального литературоведения, направление поисков нашей литературной критики. В пропаганду новаторского опыта и идейно-эстетических богатств литератур народов СССР, в разработку теоретических проблем вложили свой талант и знания многие русские ученые и критики. Назовем имена К. Зелинского и В. Гоффеншера, М. Богдановой, М. Фетисова, А. Макарова...

За последние десятилетия в СССР выросла и окрепла, завоевала международное признание литературоведческая школа, целиком посвятившая себя изучению совет-

ского многонационального историко-литературного процесса. На наших глазах развернулась деятельность ученых — как в Москве и Ленинграде, так и в столицах союзных и автономных республик, — общественно-политическое и научное значение которой трудно переоценить.

От первых разведывательных работ — критико-биографических очерков — ученые переходили к созданию внушительных монографий о выдающихся представителях национальных литератур; от интенсивного накопления фактического материала, характеризующего разнообразные формы литературных взаимосвязей, — к теоретическому осмыслению процесса взаимообогащения художественных культур в эпоху социализма. Одновременно в содружестве с Институтом мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР во всех республиках и автономных областях шла подготовка очерков истории отдельных национальных литератур в советское время. С конца 40-х годов и по настоящее время параллельно на русском языке и языке данной литературы выходит серия таких очерков. Этих книг сегодня, вероятно, уже больше тридцати.

Случалось, иные выпуски серии подвергались критике, подчас довольно суровой. Однако в целом эта своеобразная библиотека, уникальная по своему составу и характеру, свидетельствует о методологической зрелости нашего литературоведения, его готовности решать объемные и сложные задачи.

К их числу, например, относится замысел обширного труда, воссоздающего целостную картину всего историко-литературного процесса в Союзе ССР за полвека. Почва для такого обобщающего исследования была подготовлена, как мы видели, названной серией очерков истории отдельных национальных советских литератур, равно как и рядом содержательных публикаций, посвященных проблемам взаимодействия и взаимообогащения литератур в эпоху социализма. Предшествовала «Истории советской многонациональной литературы» и тщательная научно-организационная подготовка.

Работа велась одновременно в Москве и в столицах союзных и автономных республик. Без малого десять лет большой коллектив ученых отдал этому исследованию. После завершения издания в целом — а оно уже не за горами — критика, несомненно, су-

меет по достоинству оценить этот внушительный по объему и неординарный по литературному качеству труд. Но уже теперь мы вправе утверждать, что, несмотря на отдельные недочеты и промахи, сделан существенный, заметный шаг в осмыслении современного историко-литературного развития.

Наряду с изданием шеститомной «Истории советской многонациональной литературы», первые книги которой уже дошли до читателя, ученые и критики все более серьезное внимание сейчас уделяют проблемам теории.

Как проявляет себя национальное своеобразие на современном этапе, в условиях интенсивного взаимообогащения и сближения культур братских народов? Как национальное взаимодействует с общесоветским, интернациональным? Какая роль в формировании и развитии новой исторической общности людей — советского народа принадлежит художественной литературе? Эти вопросы относятся к числу капитальных. К ним, коренным вопросам творчества, сегодня с разных сторон, но одинаково заинтересованно обращаются поэты и прозаики, литературоведы и критики.

В преддверии пятидесятой годовщины Союза Советских Социалистических Республик газета «Известия» напечатала статью Расула Гамзатова «И песнь моя — страна родная»¹ — раздумья поэта о традициях и новаторстве, национальном и интернациональном в нашей жизни и в искусстве. Обращает на себя внимание та настойчивость, с которой автор книги «Мой Дагестан» вновь и вновь возвращается к этому кругу идей, горячность, с которой говорит о них, убежденность, с которой отстаивает свое понимание их сущности.

Речь идет о самом сокровенном, жизненно важном и необходимом. О том, что каждый национальный поэт по мировоззрению своему должен стать поэтом интернациональным, ибо мы, пишет Р. Гамзатов, в отличие от наших предков являемся хозяевами не только своих аулов и гор, а хозяевами огромной страны, которая находится в центре событий всего мира. «Коммунистическое мировоззрение, — говорит он далее, — ни от одного народа не требует жертвовать своим образом жизни, обычаями, добрыми традициями, языком, культу-

¹ «Известия», 1972, № 128.

рой. Наоборот, национальное в нашей стране получает дальнейшее развитие, новое звучание и значение. Каждому народу в условиях социализма дана возможность внести свою лепту в прогресс человечества. Мелодию одних песен не заглушает мелодия других».

Расул Гамзатов решительно восстает против спекулятивного подхода к теме интернационализма. Он иронически отзывается о недалековидных критиках, склонных усматривать в «туристических стихах» и «командировочной поэме» расширение кругозора и масштаб мышления их авторов. «Поэзия — это человековедение. Она не география мира, а география движения человеческой души».

Почти одновременно с появлением статьи Гамзатова на страницах журнала «Искусство кино» — в связи с II Ташкентским международным кинофестивалем стран Азии и Африки — выступил Чингиз Айтматов. В статье «Наш интернациональный долг» он, по существу, затрагивает те же вопросы, что и его дагестанский собрат, и, главное, расставляет те же акценты. Айтматов говорит о необходимости строго и внимательно отобрать и принести человечеству все лучшее, что создано культурой каждой страны, поскольку все это составляющие человеческой культуры, современной и будущей. Этим глобальным масштабом писатель измеряет наши достижения, определяет сложность еще не решенных проблем: «Решающее значение... имеет развитие... социалистического содержания. В современном социалистическом искусстве, искусстве глубоко партийном, существуют вполне определенные, общие для всех нас идейно-художественные принципы. Они являются главными, определяющими факторами в творчестве, независимо от национальной принадлежности»².

Произведение, претендующее на общественный интерес, утверждает Айтматов, опираясь и на собственный литературный и кинематографический опыт, не может обойтись только лишь национальными мотивами, проблемами сутубо местного значения. Такие попытки, предостерегает он, приводят к опустошению искусства, «к закабалению его нормативами национальной специфики».

На наших глазах происходит дальнейшее расширение границ национального бытия,

вбирающего в себя культурные ценности, лучшие традиции разных народов. Для художника, идущего в ногу со своей эпохой, живущего жизнью своего народа, являющегося глашатаям идей своей социалистической родины, проблемы национального и интернационального в искусстве не противостоят друг другу, они взаимообусловлены. По словам Расула Гамзатова, четкая идейная позиция помогает художнику избавиться от эмоциональной путаницы в этих вопросах.

Речь идет о проблемах кардинальных и вместе с тем насущных для повседневной нашей творческой практики. И прежде всего от литературоведов и критиков читатель ждет сегодня весомой аргументации, всестороннего обоснования этих важных концепций. Они должны раскрыть диалектику взаимодействия национального и интернационального во всей ее сложности, показать истоки и перспективы сближения литератур, динамику развития общих черт и качеств. Наконец, им предстоит разобраться в той ситуации, которая складывается в единой и многонациональной советской литературе на современном этапе ее истории, в условиях развернутого строительства коммунизма.

Решению этих актуальных теоретических и историко-литературных задач, несомненно, будет способствовать фундаментальный коллективный труд «Национальное и интернациональное в советской литературе», вышедший в издательстве «Наука» под маркой Института мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР. К нему примыкает по своему содержанию и направленности сборник «Единство» (составитель Л. Теракопьян), приуроченный издательством «Художественная литература» к полувековому юбилею Декларации и Договора об образовании Союза Советских Социалистических Республик.

Авторы обоих изданий поставили перед собой цель углубить наши представления о процессах, происходящих в литературах социалистического реализма сегодня. И нужно сказать, что литературоведы и критики на этом отнюдь не легком пути во многих случаях добиваются совершенно очевидного успеха. Подход их к проблематике — творческий, «антидогматический». Ведь недаром Расул Гамзатов с горечью писал о категории людей, способных упростить сложные и усложнить ясные вопросы, об иных теоретиках, пытающихся навязать живой жиз-

² «Искусство кино», 1972, № 5, стр. 22.

ни свои мертворожденные умозаключения. Коллективные труды «Национальное и интернациональное в советской литературе» и «Единство» всем своим пафосом направлены против вульгаризаторских представлений о национальном своеобразии как некой совокупности неизменных вековых национальных черт, против попыток уравнивать национальное с патриархальным, косным.

Вникая в содержание новых работ о национальном и интернациональном в советской литературе, видишь, что главнейшие проблемы рассматриваются в них во множественности и взаимосвязанности разных аспектов. Случается, что бесспорные, казалось бы, истины обнаруживают серьезные логические противоречия. Бывает и наоборот. Сколько глубокомысленных проблем, по поводу которых некогда скрещивалось полемическое оружие, отпали как бы сами собой: практика социалистического строительства в СССР внесла существенные коррективы в одни теории, другие были попросту опрокинуты самой жизнью.

Оба издания, вышедшие одно за другим с интервалом в год, убеждают в том, что литературная наука и критика в решении проблем национального и интернационального отнюдь не находятся на «дальних подступах»: авторы вплотную подходят к раскрытию того, что цементирует наши многонациональные литературы в единое целое. Перед нами исследования о процессе воссоединения разных литератур в интернациональный монолог при бережном сохранении и развитии лучших специфических черт и качеств каждой.

Известный казахский писатель А. Алимжанов недавно писал на страницах «Литературной газеты»³, что в нашей литературе ныне пришла пора ставить и решать проблему взаимообогащения без скидок на «возраст» литератур. «Надо с одинаковой требовательностью говорить и о тех литературах, письменные традиции которых имеют многовековую историю, и литературах «младописьменных». Это условие строго выдержано авторами в новых исследованиях, о которых идет речь. Главное их достоинство, позволяющее говорить об их новом качестве, заключается в том, что идея интернационализма в литературе рассматривается как эстетическая реальность. Литературоведы и критики проявляют пристальный интерес к национально-

му и интернациональному как к категориям художественности. Эти категории, конечно же, множеством нитей крепко-накрепко связаны с социальной, экономической, духовной жизнью народов. Но они обладают и своей эстетической спецификой, не укладываются целиком в общесоциологические дефиниции, что должно учитываться самым серьезным образом.

Эти новые плодотворные тенденции в подходе к предмету исследования явственно обнаруживаются в таких статьях академического издания, как «Интернационализм и национальная самобытность» А. Петросян, «Национальный характер и история» Н. Воробьевой, «Национальная жизнь и художественная концепция личности» Е. Горбуновой, «Общественное развитие и национальные традиции» А. Пошатаевой, в сборнике «Единство» — «О стилевых течениях и «национальных стилях» в советской многонациональной литературе» Ю. Суровцева.

Характерно для нынешних тенденций, что даже в статьях, посвященных отдельным национальным литературам, авторы на конкретном материале ставят и решают вопросы крупномасштабные, общесоюзного значения — такие, как, например, своеобразие национального художественного образа и его соотношение с интернациональным художественным опытом. Наибольшая удача при этом сопутствует тем исследователям и критикам, которые мыслят широко, охотно и со знанием дела проводят параллели, привлекают примеры из разных литератур. Так, Н. Надъярных в статье «Упорство поэтической воли» (сборник «Национальное и интернациональное...») при изучении трансформации условной образности обращается не только к опыту Леси Украинки и Ивана Франко, писателей Советской Украины — Стельмаха, Драча, Винграновского и других, но и апеллирует к творчеству Пришвина и Федина, Межелайтиса и Марцинкявичюса.

Эта методика широкого и свободного анализа самого разнообразного национального материала с целью выявления его внутренней общности органична и для лучших статей сборника «Единство». Богатством убедительных сопоставлений и сравнений отличаются, в частности, статьи М. Пархоменко «Рождение нового эпоса» и Л. Якименко «О поэтике современного романа».

Серьезное внимание в новых работах уделяется проблеме национального и интернационального в русской советской литера-

³ «Литературная газета», 1972, № 24.

туре. Обычно, как это ни кажется парадоксальным, в трудах на подобные темы о ней почему-то говорилось лишь попутно. Свое исследование «К спорам о национальном народном характере» Л. Залеская целиком построила на русском материале. В связи с современными дискуссиями о национальном народном характере автор возвращает нас к идеям и образам произведений А. Толстого и М. Шолохова, Дм. Фурманова и Л. Сейфуллиной, Вс. Иванова и А. Твардовского. Жаль только, что в заключительной части Л. Залеская переходит на невнятную скороговорку. Бегло, тезисно изложены мысли автора о так называемой «деревенской прозе», о национальном характере русского крестьянина и его эволюции в пооктябрьскую эпоху. А проблемы эти важны для понимания существа анализируемых в статье споров.

«Национальное и интернациональное в советской литературе» — современная книга. Проблемы, поставленные в ней, «решительно выдвинулись на передний край искусства», — читаем мы в академическом труде. Приводятся тому веские доказательства. Однако дело не ограничивается констатацией. «Интерес к народной жизни, взятый в исторической преемственности и национальной определенности, — сказано далее, — весьма плодотворен, таит в себе немалые возможности. Следует, однако, отметить, что интерес этот должен быть обеспечен историзмом мышления, пониманием интернациональных перспектив нашей культуры, если он расчитан на действительно серьезные творческие результаты. И, наоборот, бесперспективно национальное чванство во всех его видах...»

Таков один из лейтмотивов книги.

Когда в иных книгах и статьях начинало преобладать внимание к «национально-особенному» в искусстве (а этот крен наблюдался в литературоведении и критике), то это приводило, между прочим, к неравномерности в разработке взаимосвязанных вопросов литературной теории: недостаточно интенсивно исследовалось самое формирование интернационального единства советской литературы как новой исторической общности. «Арифметический» подход к советской литературе как к простой сумме высоко развитых национальных литератур мало что дает для понимания подлинной природы этого феноменального явления.

Авторы рассматриваемых книг перенесли центр внимания на интернациональную об-

щность интересов и судеб, настоящего и будущего братских литератур народов СССР.

Несколько лет назад А. Егоров писал в журнале «Коммунист»: «Наша интернациональная художественная культура, будучи многонациональной, представляет собой не конгломерат отдельных национальных культур... Это цельный социально-духовный организм. Он функционирует по своим законам, которые присущи только интернациональной общности и возникают вместе с нею»⁴. Принципиальное значение труда «Национальное и интернациональное в советской литературе» и состоит в том, что здесь исследуется действие закона дружеского всестороннего сотрудничества и сближения художественных культур народов СССР, закона, который отнюдь несводим к обычным культурно-эстетическим контактам, имевшим место и ранее. Эта диалектическая закономерность выражает новый тип взаимоотношений национальных искусств, присущих социалистическому развитию. Речь идет, если воспользоваться определением Ю. Суровцева, «не просто о региональной общности литератур различных народов, связанной между собой, скажем, этническим родством, языковой близостью или многовековым территориальным соседством, — такие общности существовали и до социализма, порождая подобию тех или иных культурно-исторических особенностей... В Советском Союзе, в социалистическом обществе стали единым культурно-художественным «организмом» — «организмом» новой общественной природы — литературы не только регионально близкие прежде, но и совсем различные генетически, до Октябрьской революции вовсе или почти не соприкасавшиеся друг с другом, очень далекие друг от друга по языку, по накопленным до того традициям художественного творчества и т. д.»

Утверждение интернационального характера нашей социалистической культуры не имеет ничего общего с нигилизмом в национальном вопросе. Эта мысль — одна из краеугольных в современных статьях и исследованиях по национальному вопросу. В статье Г. Ломидзе «Истины ясные и спорные» (сборник «Национальное и интернациональное...») по этому поводу верно сказано: «Обострение национальных чувств, высокая степень их интенсивности у народов

⁴ «Коммунист», 1969, № 1, стр. 37.

социалистических стран обусловлены ростом национальной гордости, осознанием роли и значения собственной нации в истории человечества. Социальная и психологическая база этого чувства — интернациональное сотрудничество социалистических народов, которое укрепляет сознание национальной гордости, наполняя его гуманистическим общественным содержанием... Интернационалист не тот, кто с легким сердцем, отказываясь от собственной нации, становится якобы тем самым человеком широких взглядов. Для интернационалиста нет альтернативы: либо своя нация, либо интернационализм. Одно невозможно без другого, одно не исключает другое, а подразумевает их единство».

Соответствие содержания национального чувства задачам интернационального единства становится, таким образом, важнейшим критерием. Равно ошибочны и попытки отказаться от национального во имя общечеловеческого, и попытки игнорировать необходимость международных контактов, цепко держаться за любые национальные различия, отгораживаясь ими от мира. Эта мысль, кстати сказать, все громче и убежденнее звучит в выступлениях многих наших литераторов. Так, Мустай Карим на выездном заседании секретариата Правления Союза писателей РСФСР в Казани летом 1972 года заявил: «Искусство во всех своих видах всегда было и будет лучшим выражением самосознания нации, проявлением ее достоинства, оно вызывает к жизни необходимость нравственного самоутверждения. При этом лишь во взаимном общении и взаимообогащении мы гарантированы от национальной замкнутости и застоя. Поэтому нераздельное единство двух начал — национального и интернационального — заложено в саму природу искусства, составляет его сущность»⁵.

Анализировать «национальное чувство» в литературе трудно, сложно. Оно, это чувство, не существует ведь как нечто единое, нерасчлененное. Его истоки в классовом обществе противоречивы, подчас взаимоисключающи. Поэтому правы те исследователи, которые под национальным чувством разумют сложный сплав многообразных жизненных явлений. Оно не сводится только к эмоциональному отношению людей к своей национальной принадлежности, к своей нации, ее интересам. В национальном чувстве соединены вместе начала эмоциональные и

интеллектуальные, психологические и социально-исторические.

Такая постановка вопроса, думается, не оставляет места для кривотолков. Но в конечном итоге дело ведь не в формулировках, а в реальном их наполнении. Отрадно, что многие современные исследователи и критики, и в частности авторы названных книг, умеют, анализируя многоликий историко-литературный процесс, доказать перспективность нашего художественного развития на путях пролетарского интернационализма.

Современная научная мысль не может обойтись без полемики с идейными противниками. Есть она и в названных работах. Ведется она на серьезном уровне, в качестве аргументов мобилируются живые факты литературы. Оспариваются не отдельные высказывания инакомыслящих, к тому же вырванные из контекста, как это порой бывает, — речь идет о концепциях, которые не согласуются с действительностью, о теориях, не выдержавших проверки временем.

Сошлемся на статью Л. Арутюнова «Проблемы исследования художественных форм национального сознания» в сборнике Института мировой литературы. Национальное и интернациональное, говорит автор, относятся к числу «трудноуловимых» художественных категорий. Но он не останавливается «у порога общих рассуждений». Опираясь на классические высказывания Маркса, Энгельса, Ленина, обращаясь к сочинениям больших мыслителей и ученых разных времен — от Гегеля до Потебни, — автор вскрывает несостоятельность решений проблем национального сознания, которые на рубеже веков предлагались идеологами типа Н. Страхова, Вл. Соловьева, П. Струве, С. Булгакова, Н. Бердяева и которые в наши дни безуспешно пытаются гальванизировать такие «советологи», как Биллингтон, автор пасквиля «Икона и топор», изданного в Нью-Йорке. Свою контраргументацию Л. Арутюнов подкрепляет тонким анализом произведений искусства, в том числе искусства новейшего: содержательным разговором о «Белом пароходе» Айтматова, о фильме Параджанова «Цвет граната», о прозе Гранта Матевосяна. Творчество этих и других мастеров советского многонационального новаторского искусства рассматривается в связи с наиболее значительными явлениями современного мирового художественного процесса, где с ними «соседствуют» сложный микромир У. Фолкнера и проти-

⁵ «Литературная Россия», 1972, № 27.

воречивые экранные эксперименты выдающегося кинематографиста Ф. Феллини.

К слову сказать, в интересной статье Л. Арутюнова есть и свои промахи. Так, некоторую «уязвимость» его позиции в определении диалектической связи национального и интернационального в искусстве и литературе резонно отмечал Е. Громов (см. «Новый мир», 1972, № 11).

Масштабность подхода к явлениям позволяет исследователям конкретно определить новые художественные качества советской социалистической культуры, проследить за формированием нового интернационального единства. В этом отношении интересна тема статьи Ю. Борева «Личность — нация — человечество» (тот же сборник). Сочетание национального и интернационального рассматривается не только в «общесоюзном», но и в общемировом аспекте. Речь идет о значении опыта советской литературы для духовной жизни всего человечества.

Однако некоторые положения, выдвигаемые автором в качестве рабочих гипотез, на наш взгляд, спорны. Отдельные примеры, которыми автор аргументирует свою точку зрения, неубедительны. В частности, в главе «Национальное и интернациональное как эстетические категории» Ю. Боров не вправе столь безоговорочно утверждать, что «широкое признание» получила «общественная концепция» прекрасного, рассматривающая «прекрасное как высшую общечеловеческую ценность». Ссылаясь на свои труды и труды ряда советских эстетиков, в которых, по его словам, эта концепция получила «детальную и многостороннюю разработку», Ю. Боров несколько идеализирует действительное положение вещей: вокруг этой проблемы отнюдь еще не достигнуто единогласия. Позиция Ю. Борева, Л. Столовича, А. Зися встречается и основательные, на мой взгляд, возражения.

Некоторые формулировки, касающиеся широкого значения предмета «для человечества как рода» (а они встречаются в разных главах статьи Ю. Борева, особенно в той части, которая касается «общечеловеческого в разных ветвях цивилизации»), дают основание упрекнуть его в нечеткости определения классовой сущности пролетарского интернационализма.

Чрезмерная увлеченность глобальными, чтобы не сказать космическими, масштабами подчас мешает Ю. Борову спроецировать свои теоретические построения на реальную землю с ее конкретными, острей-

шими притом, социально-классовыми конфликтами. Вот один только пример такой именно обобщенно-отвлеченной постановки проблемы в «планетарном» плане: «Человечество имеет дело с единым материальным миром, с единой, хотя и многообразной, материальной средой, обладающей едиными законами. Все народы окружает единый воздушный океан, единое звездное небо, единое солнце светит с неба, единые законы материального мира природы и общества, единые психофизические и гносеологические законы... закономерности общественного производства... общественных отношений, общественных формаций, классовой борьбы действуют и проявляют себя в жизни разных народов... Вместе с тем различный и всякий раз своеобразный жизненный, исторический, художественный, психофизиологический опыт разных народов заставляет национально своеобразно преломиться общечеловеческие начала и законы в искусстве каждой нации и в исторически и классово обусловленном творчестве каждого художника. И вне этой диалектики национального, интернационального и личного нет истинного творчества. В сходстве, «пересечениях», совпадениях, общих чертах, казалось бы, бесконечно далеких и несомнимых явлений духовной культуры особенно явно проявляется себя общечеловеческое начало».

Нам пришлось процитировать достаточно обширный кусок, чтобы показать, как Ю. Боров, развивая мысль об общечеловеческом характере коммунистических идеалов, нашего гуманизма, по ходу изложения местами отклоняется в сторону подмены классово определенного понятия «пролетарский интернационализм» расплывчатым понятием «общечеловеческое начало».

На это уже указывал Ан. Дремов, автор статьи «Пути и трудности поиска» («Литературная Россия», 1972, № 30). Он, как мы видим, не беспричинно усматривает в иных боревских формулировках отождествление интернационального с общечеловеческим, с относящимся к «человеческому роду» в целом. Ан. Дремов, развивая свою мысль, решительно выступает против приуменьшения в условиях жестокой борьбы идеологий «сферы действия принципа партийности и классовой дифференцированности при рассмотрении национальных и интернациональных особенностей искусства». Это абсолютно справедливо.

В ряде работ заново перечисляются по-

учительные страницы истории. Воскрешаются эпизоды борьбы русских марксистов, В. И. Ленина против философов типа Леонтьева, Мережковского, Бердяева, чьи пессимистические концепции русского национального характера были продиктованы ненавистью к революции, боязнью народа, пробуждавшегося к активному и самостоятельному историческому творчеству. Уменьше связать сегодняшние проблемы с прошлым опытом придают теоретико-литературным исследованиям о национальном и интернациональном в советской литературе глубину и объемность.

Жаль, однако, что наследие Горького, опыт Горького, и по сей день служащие ориентиром для многонациональной семьи советских писателей, использованы недостаточно не только авторами сборника «Единство», но и книги «Национальное и интернациональное в советской литературе». На публицистические и литературно-критические суждения основоположника социалистического реализма, конечно, ссылаются, самое же его художественное творчество, по сути, остается в стороне.

В статье З. Кедринной «К высотам реализма» (сборник «Единство») вслед за Г. Гачевым и Г. Ломидзе поднимается вопрос об ускоренном развитии молодых и младописьменных литератур. Эта проблема продолжает служить предметом острых дискуссий. Последняя из них развернулась на упомянутом выездном заседании секретариата Правления СП РСФСР. Иные ораторы истолковывали понятие «выравнивание» младописьменных литератур и литератур, имеющих богатые и древние традиции, как нивелирование их национального своеобразия.

Этим критикам убедительно возразил поэт Д. Кугультинов: «Я понимаю «процесс выравнивания» литератур не как нивелирование, не как утрату национального своеобразия, а как рост качественный, качественный скачок, ставший возможным благодаря Советской власти»⁶.

Характерно для сегодняшнего уровня литературоведения, что анализ произведений братских литератур ведется без всяких «скидок», требовательно, серьезно, деловито. Именно такой тон господствует в статьях А. Бучиса и В. Огнева о современном романе и поэзии Советской Прибалтики, в статье Ш. Елеукунова «Казахская проза: традиции и современность» (сборник «Единст-

во»). Однако рецидивы восторженной стилистики нет-нет, а дают о себе знать подчас самым неожиданным образом, и тогда появляются обкатанные эпитеты типа «титанический» или «грандиозный». Иные характеристики явно завышены. «Мощно прозвучала в романе Ю. Трифонова и горьковская тема социально-нравственного величия труда, поэзии дела, которое забирает человека без остатка, дела, которое больше человека, потому что оно больше его жизни», — пишет Л. Якименко об «Утолении жажды» (в сборнике «Единство»). Здесь несколько нарушены пропорции.

Пережитки национализма в сознании людей наиболее стойки, как свидетельствует практика, в отношении к историческому прошлому, которое зачастую идеализируется. Об этом говорят в сборнике «Единство» В. Оскоцкий в статье «Историзм и история» и Г. Ломидзе в статье о национальной культуре и народности литературы. Ею открывается этот сборник. «Нет ничего дурного и достойного порицания в том, что писатели воссоздают картины национальной истории, с любовью говорят о родном крае, о языке своего народа, о его земле», — пишет Г. Ломидзе. — Уважение к своему языку, своей истории никак нельзя считать признаком национальной ограниченности, отхода от общенародных, коммунистических идеалов. Все зависит от того, что именно из истории восхваляется, с каких позиций и во имя чего это предпринимается, утверждению каких идей, каких чувств и настроений служит обращение к прошлому».

Историзм мышления — неременное условие подлинного научного решения проблем национального и интернационального в литературе. Историзм в подходе к прошлому позволяет установить многочисленные прочные связи между формированием национального характера и борьбой трудящегося большинства за свободу и независимость. В этой освободительной борьбе национальное самосознание народов бывшей царской России в конечном счете проявилось как классовое сознание, в эпохи революционных ситуаций оно достигло высокого взлета. Историзм мышления в подходе к современности дает исследователям литературы и критикам возможность взглянуть в будущее, с максимальной долей вероятности прогнозировать дальнейшее развитие нашей духовной культуры.

Увы, мы сравнительно мало говорим о методике, достижениях и недостатках новых

⁶ «Литературная Россия», 1972, № 27.

работ на столь важную тему, и вовсе не потому, что таковые не обнаруживаются!..

Естественно, что не все вопросы изучены ныне с одинаковой обстоятельностью. Некоторые проблемы критиками — в том числе и упомянутыми здесь — только ставятся, только обсуждаются. Естественно, что искать исчерпывающих, окончательных решений всех затрагиваемых авторами сборников вопросов не следует. Однако отметим, что здесь неосвещенными оказались и некоторые важнейшие моменты современного многонационального литературного развития. Так, серьезного внимания заслуживает проблема «двуязычия». Она не так проста, как это может показаться при беглом ознакомлении с нею.

Думается, что литературоведам и критикам пора вплотную заняться этим вопросом. Добрый пример показали лингвисты. Нынешним летом научный совет, исследующий закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций, обнаружил труд «Проблемы двуязычия и многоязычия» (М. «Наука». 1972). На богатом фактическом материале охарактеризованы важнейшие типы двуязычия, существующие в СССР, освещены различные аспекты проблемы — собственно лингвистический, социологический, психологический, педагогический. К сожалению, непосредственно о литературе как таковой сказано сравнительно мало. Тем не менее книга эта способна активизировать мысль наших критиков и историков литературы.

Безусловно, был прав Мирзо Турсун-заде, писавший на страницах «Литературной газеты» о том, что история литератур народов нашей страны знает немало случаев, когда национальные писатели одинаково свободно чувствовали себя в двух и более языковых стихиях. Явление это и сегодня не редкость. Мирзо Турсун-заде ссылается на творчество Чингиза Айтматова, которое убедительно доказывает, что «писатели национальных республик Советской страны и в наши дни могут быть истинными художниками слова не только тогда, когда пишут на языке своего народа, но и когда обращаются к русскому»⁷. С ним солидарен Ануар Алимжанов. Он отмечает непосредственную связь «двуязычия» с процессом сближения и взаимообогащения литератур. Тот факт, что «сейчас многие писатели создают свои произведения не только на родном языке, но и на языках народов-братьев», поистине сви-

детельствует о всеобщем росте культуры. «Читатель справедливо оценит творчество казахского писателя, на каком бы языке он ни писал — родном или русском»⁸.

Алимжанов ссылается на пример О. Сулейменова, чьи стихи и поэмы являются «плодом пристального изучения лучших традиций национальной культуры и умелого использования законов русского стихосложения, глубокого знания традиций героического эпоса своего народа и требований современных читателей».

Как видим, здесь затронуты явления серьезные, немаловажные для современного этапа литературного движения. Но авторы в данном случае ограничиваются констатацией факта и его обобщенной характеристикой. Отметим, что данная проблематика обсуждалась на юбилейной научной конференции Союза писателей СССР, Института мировой литературы имени А. М. Горького и Академии общественных наук при ЦК КПСС — «Новая историческая общность людей — советский народ и литература социалистического реализма».

К сожалению, в таких серьезных коллективных трудах, как рассматриваемые нами, проблема двуязычия в литературе, в частности великая роль русского языка как языка межнационального общения, не раскрыта с достаточной отчетливостью и конкретностью.

Помимо отмеченных просчетов, следовало бы обратить внимание, условно говоря, на «литературоцентризм» отдельных исследований и статей. За редким исключением авторы не обращают внимания на идентичные процессы у «соседей» — в родственных сферах эстетического освоения действительности. Маловато примеров, почерпнутых непосредственно из самой жизни, прямых сопоставлений литературных образов и их реальных прототипов. В этом смысле литературоведение и критику обогатил бы деловой союз с социологией.

Случается, отдельные авторы изменяют обстоятельства изложения. И тогда страницы пестрят длинными перечнями имен и названий. Информационная ценность таких «инвентарных списков» минимальна, типологическое их значение сомнительно, так как подчас за одну скобку выносятся не только разномасштабные, но и качественно несовместимые эстетические явления. Обилие перечней портит серьезную статью В. Дончика «Примеры синтеза и многомерности»

⁷ «Литературная газета», 1972, № 2.

⁸ Там же. № 24

(сборник «Единство»). Избыток «списочного состава» порой ощущается и в других работах. Давно настало время отказаться от этого хотя и испытанного, но малоэффективного способа «панорамирования» движения литературы. Он только создает видимость широкого охвата явлений.

...Первый советский нарком по просвещению А. В. Луначарский как-то сказал: «Человечество идет неудержимо по пути интернационализации культуры. Национальная основа, разумеется, останется надолго, может быть, навсегда, но интернационализм и не предполагает ведь уничтожения национальных мотивов в общечеловеческой симфонии, а лишь их богатую и свободную гармонизацию»⁹ Здесь развита давняя ленинская мысль о том, что уничтожение капиталистического общества со всеми присущими ему антагонизмами, в том числе и в международных отношениях, «...ускорит в громадных размерах падение всех и всяких национальных перегородок, не уменьшая этим, а

в миллионы раз увеличивая «дифференцирование» человечества в смысле богатства и разнообразия духовной жизни...»¹⁰.

Осознать подлинные масштабы этого процесса помогают такие книги, как «Национальное и интернациональное в советской литературе», как сборник «Единство».

Своеобразным эпитафием ко всем подобным трудам, к большой коллективной работе советских литературоведов могли бы стать слова, записанные в Программе Коммунистической партии Советского Союза: «Исторический опыт развития социалистических наций показывает, что национальные формы не окостеневают, а видоизменяются, совершенствуются и сближаются между собой, освобождаясь от всего устарелого, противоречащего новым условиям жизни».

Современная критика и литературоведение активно служат делу интернационального воспитания наших людей, одной из главных задач советского искусства и литературы.

⁹ А. В. Луначарский. Собрание сочинений в 8-ми томах, т. 7, стр. 183.

¹⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 281.

ЛЕОНИД МАРТЫНОВ

★

ПЕТЕФИ

(К 150-летию со дня рождения)

Написать о Петефи? Я не литературовед и тем более не умею писать к юбилеям. Действительно, я перевел немало стихов и несколько поэм Петефи и таким образом попытался воссоздать на русском языке облик поэта и его музыки. Это, я думаю, лучше, чем пересказывать чужие стихи своими словами в прозе. А рассказывать даже на основании переведенных мною произведений Петефи о его жизни я, конечно, не сумею лучше, чем это сделали его соотечественники, например Антал Гидаш и Дьюла Ййеш. Что же остается на мою долю? Поведать о том, как я познакомился с творчеством Петефи и как стал я переводить его стихи? В самом деле, попробую сделать так, если это удастся и если это будет интересно для читателя.

Начать хотя бы с того, что в двадцатом или в двадцать первом году я познакомился с мадьяром Миклошем, которого мы звали попросту Николаем. Я помню сторожку над Иртышом, у пляжа, туда мы приходили купаться. Сперва Николай был только скромным приходящим помощником бакенщика, обитавшего в дощатой прибрежной сторожке. Этот бакенщик, бывший боцман черноморского флота, старик почтенный и седой, но не настолько старый, чтобы быть участником Севастопольской кампании, за которого он себя выдавал, во хмелю бегал, бывало, с багром по берегу, крича: «Ура! Бей французов, англичанов, американов, японов, испанов, всех иностранцев!» — пока, споткнувшись, не падал в тину иртышского побережья. И наконец, он упал, чтобы больше не встать. И тогда на смену воинственному старцу и воцарился в сторожке спокойный, даже меланхолический мадьяр Николай. Он остался

в Омске, женившись, как это случилось со многими военнопленными империалистической войны. И мало-помалу мы подружились, он давал мне напрокат лодку-тоболку, чтобы кататься на высоких волнах при северном ветре, иногда я ездил с ним проверять и зажигать бакены, и порой при этом невнятно, но музыкально он пел печальные венгерские песни, ритм и фонетика которых, как я и рассказывал впоследствии, помогли мне в свое время понять мотивы лирики Шандора Петефи. Но о Шандоре Петефи я узнал не от мадьяра Николая, а гораздо раньше, еще до революции, из старого номера журнала «Нива», в котором обнаружил портрет молодого красивого человека и подпись под ним: «Александр Петефи, венгерский поэт, пропавший без вести на поле боя». Возможно, это было напечатано в связи тоже с какой-нибудь юбилейной датой. Во всяком случае, так я узнал о Петефи еще прежде, чем встретил кое-какие переводы его стихов. А мадьяр Николай ассоциировался у меня не с Петефи, а с другим мадьяром, которого за несколько лет до этого, году в шестнадцатом, я видел даже не наяву, а во сне. Я рассказывал Николаю об этом сновидении. будто иду по улице Декабристов, бывшей Варламовской, а навстречу — мадьяр, бравый, красивый, в венгерке, длинноусый, вытаскивает пистолет и палит прямо в меня. «Добрый сон! — сказал мне на это мадьяр Николай. — Когда во сне нападают, ругают, бьют — это хорошо. А если целуют, обнимают, приласкиваются — это плохо, к худому, к пакости! Да и не только во сне, а и взаправду: которые низко кланяются, расстилаются — тех опасайся, а другой лаетяся, а душа-человек! Вот старик: кричал «бей

иностранцев!», а сам меня пожалел, кормил, помощником сделал!»

Магьяр Николай хорошо научился говорить по-русски. И я думаю, не без моего содействия. Я помогал ему в этом. Я помогал ему находить слова, усваивать обороты речи во время наших частых бесед, когда я спрашивал его о венгерском житье-бытье. Мы не толковали тогда о Петефи, но говорили о многом, о чем я у Петефи впоследствии прочел: о вине, о конях, о цыганах, о Дунае и Тиссе. И кое-какое понятие о Венгрии и венгерцах я, несомненно, получил.

И когда через четверть века к нам в Сокольники явились два венгерца и я услышал от них предложение переводить Петефи, чтоб добавить к существующим переводам еще новые, это не показалось мне чем-то чуждым и невозможным. К тому времени я был уже совершенно зрелым человеком, имеющим гораздо большее, чем четверть века назад, представление об истории Европы, и в частности о Венгрии. И вот к числу ранее мне известных магьяр, военнопленных германской войны и участников Октябрьской революции, прибавились еще и два этих славных товарища — поэт Антал Гидаш и его жена Агнесса. Она была первой из венгерок, с которой я познакомился, и, кроме того, Агнесса, дочь Бела Куна, оказалась большой ценительницей как венгерской, так и русской поэзии и прекрасным редактором переводов с венгерского. Я думаю, что здесь не стоит повторять всего того, о чем я высказывался и устно и письменно много и много раз. Всем нам известно, с каким тактом и умением Агнесе Кун удалось объединить на славное дело перевода венгерской поэзии на русский язык целое содружество советских поэтов, в числе которых были и Пастернак, и Тихонов, и Маршак, и Левик, и Исаковский, и Заболоцкий, и Николай Чуковский, и еще многие другие. в результате чего появился сперва однотомник Петефи, затем антология венгерской поэзии, а вслед за этим и четырехтомник Петефи, а еще позднее и книги переводов из Верешмарти, Араня, «Человеческая трагедия» Мадача, книги Йозефа Агиллы, Эндре Ади. И если кто еще, кроме Агнессы и Гидаша, помогал мне понять Петефи, то, конечно, это был тоже с их помощью ставший известным мне Эндре Ади. Ибо, как я полагаю, никто иной, кроме как Эндре Ади, замечательный венгерский поэт XX века, так хорошо не про-

должил традиций поэзии своего славного предшественника великого поэта XIX века Шандора Петефи. Этот прекрасный и трагический Эндре Ади, будто бы проводивший массу времени в Париже и Ницце, сумел в своих произведениях лучше, чем кто-нибудь другой, увидеть прошлое и настоящее своей родной страны, страны, растущей под знаком поэзии Петефи, выразившего в своих творениях все наиболее высокое и трагическое, что было в венгерском былом, и революционное стремление в грядущее. В стихах Ади, в его видениях всего того, что «в грязных стойлах Гуннии творилось», в его повествованиях о будапештском «Эльдорадо пьяных радостей», в его элегии о пареньке из рода кунов, который, «огромными глазами глядя на мир мучительных соблазнов, гонял стада по знаменитой венгерской степи Хортобади», и в поэтических провидениях Ади грядущей революции для меня как бы воскресал и становился все более зримым и ясным пропавший без вести на поле боя Шандор Петефи.

Но это опять-таки было уже несколько позднее того дня, когда я с помощью Агнессы и Гидаша сделал свой первый перевод из Петефи, перевод того стихотворения, в котором объявился перед русским читателем —

Магьяр со спутанными волосами
Над окровавленным челом!

В этом образе, как мне казалось, что-то было и от магьяра вообще, и от Петефи в частности, и даже что-то от моего нового друга Антала Гидаша. Я, конечно, не сказал ему об этом, тем более что Гидаш, посмотрев на содеянное мною, проворчал: «Дело пойдет!»

И вот в течение ряда лет я перевел добрый десяток тысяч строк из стихотворений и поэм Петефи да еще просмотрел при этом в порядке консультации и для сравнения со своими переводами почти столько же чужих переводов. И думаю, что в силу всего этого я имею право высказать свое суждение о творчестве Петефи и о характере героев его произведений (называю их не выбирая), а те, что первыми приходят на память): о пастухах из пушты, всадниках в овечьих шубах, летом вывернутых мехом вверх, о сельских и городских скромницах и горячках, а главное, конечно, о героических борцах за венгерскую свободу и о вдохновенном борце за свободу мировую, имеющем в своем образе, несомненно, и

черты самого Петефи,— об Апостоле, апостоле этой борьбы.

Апостол — говорю я и утверждаю, что не случайно при чтении этой поэмы Петефи «Апостол» мне вспоминается другой апостол — «Тринадцатый апостол» Владимира Маяковского! Чем больше я углублялся в творчество Петефи, тем более находил в его стихах необыкновенного и удивительного сходства со стихами Маяковского. Я уж не говорю о сходстве издевательских стихов в адрес глупых критиков. Это естественно. В общем, понятно и смысловое и интонационное сходство стихов о виршеплетах.

У Маяковского:

Господа поэты,
неужели не наскучили
пажи,
дворцы,
любовь,
сирени куст вам?
Если
такие, как вы,
творцы —
мне наплевать на всякое искусство.

Или еще:

Как вы смеете называться поэтом
и, серенький, чирикать, как перепел!

У Петефи:

Попробуй их останови,
Чирикающих о любви
Молокососов желторотых!
Я говорю о виршеплетах.
Молю их: дайте нам покой,
Казнить не надо род людской.
Любовь! А что она за птица?
Скажите — где она гнездится?
Похлебка, что сварили вы
В кастрюльке глупой головы,—
Все эти клецки восклицаний
В шафранной жижице мечтаний...
Подумайте: любовь ли это?

Не напоминают ли эти образы строки Маяковского — «из любвей и соловьев какое-то варево»?

Я бы мог привести еще целый ряд примеров единомыслия двух великих поэтов. Но самое удивительное — это похожесть отношения Петефи и Маяковского к нашему дневному светилу. Все мы помним дачный разговор Маяковского с солнцем:

Я крикнул солнцу:
«Погоди!
послушай, златолобо,
чем так,
без дела заходить,
но мне
на чай зашло бы!»

А вот что однажды крикнул солнцу Петефи:

Сударь, стойте, удостоите
Хоть лучом внимания!
Почему вы так скупитесь
На свое сияние?

Конечно! Оба они, обороняющиеся от глупых критиков, издевавшиеся над пошлыми виршеплетами, поэты — борцы, пророки, апостолы, не могли не беседовать с солнцем. Это в их натуре.

Петефи, как и Маяковский, поэт революции, лирик, в сотни образов облакающий любовь, возбуждал и возбуждает до сих пор не только эмоции, но страсти, споры. Так, я думаю, породит споры и это мое заявление об огромной его схожести с Маяковским. Может быть, одни скажут, что никакой уж такой особенной схожести и нет, а другие скажут, что это я, переводя стихи Петефи, столь родственные по духу со стихами Маяковского, вольно или невольно придал им некий элемент и внешнего сходства. Но едва ли это так: Агнесса оторвала бы мне голову за неточность, за отсебятину. Уж о том, чтоб этого не было, мы заботились.

Перевод стихов Петефи хотя и был для меня почти таким же волшебным-увлекательным процессом, как и создание собственных стихов, но все-таки сопровождался еще более упорным и, несомненно, более кропотливым трудом. Шла борьба за тончайшие нюансы, за то, например, можно ли передавать явно мужские рифмы в стихах Петефи, звучащие на мой слух дактилическими. Сохранять ли силлабику в некоторых песнях? Надо ли, можно ли пытаться передать особенности звучания венгерского стиха, как быть с рифмующими словами, звучащими по законам венгерской фонетики созвучно, а по-русски разноударно, например как «чонтвари — пахари — черт поберй»? К согласию мы приходили порой далеко не сразу. Чаще всего ясность в наши препирательства вносил терпеливо слушающий наши споры Гидаш. Но иногда и его авторитетное вмешательство не помогало воцариться согласию меж нами. И однажды Агнесса, отчаявшись убедить своими доводами, даже швырнула в меня, насколько мне сейчас помнится, энциклопедическим словарем. Я хохотал: она напомнила мне агрессивного мадьяра из доброго сна, и вообще мне было очень интересно увидеть, как вдруг из этой культурнейшей женщины вы-

порхнул древний гуннский дух, без наглядного понятия о котором мне было бы невозможно проникнуть в стихию мадьярского бытия, из чьей глубины и возникал для меня образ Петефи.

Что еще могу я сказать о нем? По тем признакам, которые мне удалось уловить из его произведений и повестей об его жизни, он представляется мне юношей и затем молодым человеком настолько жизнедеятельным, энергичным, одаренным, что к двадцати годам он впитал в себя не только литературу и фольклор родной своей страны, но овладел несколькими иностранными языками и освоил, как говорится, культурное наследие всего цивилизованного мира. Он сам об этом сказал лучше, чем мог бы сказать кто-нибудь другой:

Что душа бессмертна — знаю!
Но не где-нибудь на небе,
А вот здесь, на этом свете,
По земле она блуждает.

Между прочим, вспоминаю:
Кассием я звался в Риме,
В Альпах был Вильгельмом Теллем
И Камиллом Демуленом
Был в Париже...

Кассием он звался в Риме! Тем самым Кассием, который с Брутом готовил покушение на Цезаря. Безусловно, он знал и древнюю литературу, и творения тех, кто предвозвестил Великую французскую революцию, и конечно, знал Байрона, Гюго, Гейне. Он переводил Беранже и Томаса Мура. Он перевел на венгерский «Кориолана» Шекспира. Несомненно, он усвоил все лучшее, что ему могло дать человечество, и все это не только помогло ему создать свои самобытные, новаторские творения, но и помогло стать неутомимым, необыкновенно жизнестойким общественным деятелем, политиком в лучшем, в самом высшем смысле этого слова, революционным вождем, борцом за свободу своей страны и за свободу мировую. И если говорить о нем как о лич-

ности, индивидууме, человеке, то это был человек в самом высоком смысле этого слова, человек, близкий к идеалу гармонического развития, человек отнюдь не преждевременно рано, но вовремя и естественно развивший свои способности, вовремя возмужавший человек, который за свою, увы, короткую жизнь сделал столько, сколько не по силам сделать целому миллиону инфантильных недорослей, какими еще и до сих пор кишит человечество и которые не понимают, что

Мир — не дитя! Он зрелый муж отныне!

Сказавший так имеет право на бессмертие. Недаром в народном сознании он, пропавший без вести на поле боя, слыл не за мертвеца, а за героя, который вот-вот возьмет да и объявится снова. Бессмертный Петефи остался навсегда не только в сознании венгерского народа, но и народа России.

Он жил в воображении прогрессивной русской молодежи 40-х, 50-х и 60-х годов прошлого столетия: в журнальных публикациях переводов из Петефи поэта-революционера Михайлова, умершего впоследствии в Сибири, на каторге, и во многих других произведениях русских прогрессивных авторов — в стихах, появлявшихся под названием «Из Петефи» или «На мотив Петефи». Но больше того: некоторые старые, без указания автора и переводчика переводы стихов Петефи можно найти в дешевых народных песенниках, которые разносили по Руси в своих коробах офени-коробейники, подобные прадеду моему Мартыну Лоцилину, а может, в их числе и он сам. В этих песенниках безымянно, как и пушкинская «Черная шаль» или лермонтовское «Выхожу один я на дорогу...», присутствовали песни Петефи. Так он оставался и остается живым в памяти и на устах русского народа.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

★

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Дм. Молдавский. Песня, ставшая книгой.— **И. Борисова.** Зоркость памяти.— **Ст. Рассадин.** «И в этом наше ремесло».

ПОЛИТИКА И НАУКА

Ю. Суровцев. Ленинская концепция культуры.— **А. Василевский.** Слагаемый будущей победы.— **А. Ахтамзян.** У истоков советской дипломатии.— **В. Елисеева.** Слушается дело...— **Д. Большов.** Злоключения «Великого Отказа».

Литература и искусство

ПЕСНЯ, СТАВШАЯ КНИГОЙ

Песня, ставшая книгой. Рожденная Октябрем поэзия. Составление и вступительная статья Л. Климовича. М. «Художественная литература». 1972. 608 стр.

«Под самым небом наш народ на скалах каменных живет, уснешь, а облако чрез юрту к тебе за пазуху вползет» — это из стихов киргизского поэта Кубанычбека Маликова.

«Солнце жгло его: «Не посмеешь!» Ветер яростно кожу сек, и пески по несметной смете отпускали ему песок» — это голос каракалпакского поэта Байнияза Каипназарова.

«Стонут первые гагары, первый рев моржа с пролива. К морю белые вельботы люди тащат торопливо», — пишет в стихах чукотский прозаик и поэт Юрий Рытхэу...

Это несколько стихотворных строк из книги, лежащей перед вами...

Строки стихов или оживающие страницы географического атласа?

А может быть, партитура симфонии, где каждый поэт ведет партию, исполняя ее на инструменте, созданном им самим?

Или это те взятые из сказки тонкие волокна, каждое из которых можно разорвать, но сплетенный из них канат неодолим?

Впрочем, оставим образы поэтам — в сборник «Песня, ставшая книгой» вошло много

десятков их имен, представляющих сорок три нации и народности!

Эту книгу берешь в руки с гордостью: ведь перед нами не просто антология нашей многонациональной поэзии, столь богатой незаурядными и самобытными талантами. В «Песню, ставшую книгой» вошли стихотворения поэтов тех народов, письменность которых возникла после Октября, или тех, у которых она была до этого лишь номинально. И вот, собранные вместе, эти стихи и песни превратились в удивительный человеческий документ, коллективный рассказ о том, что же такое социалистическое общество на практике, в работе, в деле.

Читая эту книгу, отчетливо понимаешь, что столь пугающий некоторых западных теоретиков «прыжок через формацию» в условиях многонациональной социалистической страны, окружающей малые народы особым вниманием и пониманием, привел к ускоренному развитию и к их органическому расцвету.

Вот лишь одно из многих свидетельств тому.

В томах старой Литературной энциклопе-

дни (30-е годы) об аварской литературе практически не было сказано ничего, о даргинской говорилось лишь, что в ней «происходит «первоначальное накопление» литературных сил и произведений», а в ряде других статей о младописьменных литературах в основном анализировалось народное творчество.

В новом издании, в КЛЭ, названным литературам посвящены обширные очерки. Статья об аварской литературе, например, прибавила к именам Г. Цадаса и З. Гаджиева целую плеяду имен, среди которых имя Расула Гамзатова перемахнуло не только границы Дагестана, стало всемирно известным.

Книга открывается — по алфавиту народов — стихами абазинского поэта Калимурзы Джегуганова «Великое имя»:

Если
Под кровлю
Рабочих лачуг
В Париже, Нью-Йорке, Вене
Войдешь
И не сможешь сказать:
— Я друг! —
Скажи вместо этого:
— Ленин! —
Верней и понятней пароля нет...

(Перевел В. Максимов)

Ее заключают стихи эскимосского поэта Юрия Анко:

Партия нас оградит от беды,
Для партии — невозможного нет:
Партия скажет — и тают льды,
Партия взглянет — и всюду свет.

(Перевел В. Португалов)

Символично это обрамление — оно выражает чувство, органически присущее всем поэтам.

Рост, движение страны «ухватила», передала эта прекрасно изданная книга. Здесь отражены и коллективизация, и социалистическое строительство, и Великая Отечественная война с ее жертвами, подвигами и победами. Здесь запечатлены приметы нового быта, черты радостного отношения к жизни, уверенности в своем завтрашнем дне у представителей народов, обреченных в прошлом на вымирание. Здесь торжествует идея дружбы народов, идея братства, взаимной помощи, о чем так хорошо сказал тувинский поэт Сергей Пюрбю:

Свою судьбу я с другом поделю.
Полгоря, если в горе друг со мною.
А будет радость — другу подарю.
И станет радость радостью двойною.

(Перевел Е. Храмов)

Для меня эта книга еще и поэтическое утверждение виденного и пережитого. Помню, как много лет назад я ехал в село Корткерос к здравствовавшему тогда старейшему поэту-коми Михаилу Лебедеву (в сборнике представлены его стихи «Земля коми»). Путь шел через тайгу. Тот «гул тайги», в который, по словам поэта, вошел «как жизни новой вестник — шум машин», сменился грохотом... Странный это был лес — мимо нас проносились стволы, лязгали невидимые тросы, раздавался стук падающих деревьев... Но людей не было! То есть они были, управляли механизмами, но мы их не видели! И я вспомнил все это — и строки из стихов 1930 года, и свою поездку, и старого поэта, пишущего свои воспоминания, — читая стихи Василия Лыткина, Серафима Попова, Николая Фролова, Геннадия Юшкова и других поэтов коми-зырян о сегодняшнем дне их края.

Стихи каракалпаков напомнили другое: Тахиаташ и Амударью, борьбу с дейгишем — разрушением берегов, с отступающей пустыней... Я был там в период строительства плотины, и меня поразило, что вместе с вопросами экономики и темпов ставились и вопросы эстетики стройки... Руку человека — вот что воспел каракалпак Тлеуберген Жумамуратов:

Ладонь оживляет скупые пустыни,
Ладонь — это наши жилище и труд.
Земные богатства, что созданы ныне,
От нашей ладони начало берут.

(Перевел Г. Юнаков)

И еще. Я приехал в город Ош поглядеть изделия местных мастеров. Я шел по базару, где рядом с коврами, глиняными блюдами и сундуками, обшитыми металлом, чинили транзисторы. Я шел по городу, о котором в старых справочниках говорилось лишь в связи со священной горой Сулеймана. На горе я тоже был. Пейзаж там хрестоматиен и назидателен: на заднем плане дымились горы, а на переднем высились трубы, тополя и многоэтажные дома и школьники в тубетейках бежали в класс! Что поделаешь, иногда в самом, казалось бы, банальном раскрывается удивительный, почти фантастический смысл.

В стихах поэтов Киргизии это новое вошло не только прямо и непосредственно — оно осветило лирические строки Аалы Токомбаева, и Джусупа Турусбекова, и Темиркула Уметалиева, и Суюнбая Эралиева, во-

шло в их образную систему. И когда на извечную тему «ночь — одиночество — поэт» пишет С. Эралиев, его строки звучат неожиданно:

«Нет, — говорю себе, — забудь печали!»
Хлестнул коня всему наперекор,
и над собой уже не вижу гор,
и задеваю звезды я плечами.

Луна под мышкой у меня. Суров
безлюдный мир высокого раздолья.
Ни звука, ни движенья...
В космос, что ли,
оточевали юрты чабанов?

(Перевел Р. Моран)

Конечно, по одному-двум стихотворениям того или иного поэта трудно в полной мере судить об его индивидуальности. Но тем не менее отчетливо видишь, что строки чувашских поэтов Педера Хузангая (из стихотворения «Интернационал») или Аркадия Эсхеля (о зерне, которое может стать пулей) подлинно поэтичны. Так же как подлинно поэтична, до предела насыщена смыслом знаменитая строфа Расула Гамзатова, ставшая почти формулой нашей многонациональной поэзии:

Ни хитроумье бранное, ни сила
Здесь ни при чем. Я утверждать
берусь:
Не Русь Ермолова нас покорила,
Кавказ пленила пушкинская Русь.

(Перевел Н. Гребнев)

Эта мысль — о влиянии Пушкина и, шире, всей русской литературы и культуры на литературу братских народов — звучит и в стихах известной чеченской поэтессы Раисы Ахматовой, адресованных Пушкину:

Тебе от громких рек и строгих скал
Несу любовь, как пламя, на ладони.
В Михайловском, где ты стихи слагал,
Склоняюсь я в почтительном поклоне.

Благослови меня, благослови
В селе, где рифма рифму привечала, —
На то, чтобы я пела о любви,
А если надо, о любви молчала.

(Перевела И. Лиснянская)

Много интересных фактов из истории взаимодействия культур сообщил в своем вступительном очерке Л. Климович. Он рассказал о первых публикациях эпоса «Манас» русским исследователем В. Радловым и казахским ученым Ч. Валихановым, о чувашском поэте Михаиле Сеспеле, писавшем на чувашском, русском и украинском язы-

ках, о том, как высоко отозвался Н. Гоголь об эпосе «Джангар», и о многом другом.

Вопрос о взаимодействии литератур и отдельных писателей, конечно, сложен, объемен, и в маленьком предисловии, естественно, трудно поставить его во всей полноте. Но следовало хотя бы тезисно сказать и о прямом воздействии на братскую поэзию и русских классиков, и Маяковского, и Есенина, и Тихонова... Вероятно, не стоило бы так категорично заявлять, что созданные еще до революции (а порой и в далекие века) алфавиты для бесписьменных народов служили лишь «колонизации, русификации и христианизации», — это антиисторично, проблема гораздо сложнее. Следовало бы подчеркнуть иное: фактор приобщения бесписьменных народов, хотя бы и против воли царских чиновников, к русской культуре, к идеям прогрессивной философии, к революционной борьбе. Речь идет не просто о смене шаманизма другой, более развитой религией. Вслед за чуждыми народу религиозными произведениями шли Пушкин и Лермонтов, Чернышевский и Горький...

Еще более активно взаимодействуют литературы сегодня. Думаю, что Межелайтис влияет, скажем, на Эралиева, при всей самостоятельности, свежести образов, масштабности киргизского поэта, что Прокофьев оказал воздействие на ряд поэтов Украины и поволжских республик, а Маршак, Михалков и Барто — на всесоюзную детскую литературу и т. д. Есть и обратные влияния: попробуйте хотя бы мысленно изъять фактор влияния украинской поэзии на Багрицкого, отчасти Светлова — и вы обедните представление об этих поэтах.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии говорилось: «В образовании, укреплении и развитии... могучего союза равноправных народов, ставших на путь социализма, сыграли свою роль все нации и народности нашей страны, и прежде всего великий русский народ. Его революционная энергия, самоотверженность, трудолюбие, глубокий интернационализм по праву снижали ему искреннее уважение всех народов нашей социалистической Родины». Прочитав эти слова, Первый секретарь ЦК КП Киргизии Т. Усубалиев подчеркнул: «Под благотворным влиянием культуры русского и других народов СССР, огромных социально-экономических преобразований шло формирование новописьменной литературы киргизского народа. Поэтому советская киргизская литература и искусство с самого

своего возникновения были интернациональными, социалистическими по своему содержанию».

Проблемы школы, проблемы традиции очень важны. Важен вопрос об истоках, о языковой, образной, жанровой первооснове, о начальной, а то и «высшей» поэтической школе.

Составитель Л. Климович проделал немалый труд, собрав стихотворения поэтов сорока трех национальностей. Было бы несправедливо придираться и спрашивать, почему то или иное стихотворение есть, а другого нет.

Можно только пожалеть, что Рашид Рашидов, известный детский поэт, представлен крайне банальными стихами («Если сын в семье рожден, пусть не балуют его, чтобы стал мужчиной он, не боящимся бед»). Кто виновен? Автор? Переводчик?

Рашит Нигмат представлен хорошими стихами. Но, может быть, было бы интереснее прочесть его стихи, связанные с иной традицией — с традицией Маяковского, о которой он сам писал в статье 1950 года «Наш родной поэт» («Дружба народов», №2). Кстати, там же опубликованы статьи Р. Гамзатова «В долгу перед Маяковским» и еще нескольких поэтов, чьи высказывания бесспорно могли бы помочь составителю показать одну из мощнейших и новаторских линий многонациональной поэзии страны... К известному стихотворению лакского поэта Абуталиба Гафурова «Аул Кули» я бы прибавил еще одно — то, что он посвятил Маяковскому (на русском языке впервые напечатано в газете «Дагестанская правда» 14 апреля 1940 года)... Впрочем, это дело составителя. Но мне кажется, что как раз новаторская линия (не в пример традиционной) в антологии представлена слабее.

Но тем не менее масштабный и яркий сборник дает материал для многих суждений.

Есть одна очень существенная черта у сборника. Кроме известных поэтов и опытейших переводчиков (Н. Тихонов, М. Луконин, К. Симонов, М. Дудин, В. Державин, С. Липкин, Н. Гребнев, Я. Козловский и другие), в нем немало стихотворений, переведенных самими авторами, великолепными знатоками не только родного, но и русского языка.

Эта «двуязычность» культуры, ощущение русского языка таким же родным, как и тот язык, на котором пела колыбельную мать, — характерная черта времени, которая

требует изучения и теоретического обсуждения.

И еще один интереснейший, общий для всех народов процесс можно наблюдать, читая сборник. В одних случаях стихотворения на самую, казалось бы, современную тему опираются на образы старых дастанов и эпических песен. Влияние «Джангара» и «Манаса» — эпосов мирового звучания — изучено более или менее хорошо. Но существуют и не оформленные в целое, разрозненные былины и песни разных народов. И не их ли звучание врывается в стихи многих поэтов и Поволжья и Северного Кавказа? Было бы слишком просто отвергать возможность и такого пути — речь идет о мере таланта, вкуса, такта, с которым авторы пришли со «старым оружием» к современной теме.

Есть и иной путь, более трудный для авторов, — путь решительного отказа от сложившихся фольклорных традиций и перехода сразу к тому, что уже завоевано русскими поэтами (в первую очередь), а также другими, близкими по языку. «Опережение» читателя, живущего еще в привычном кругу устнопоэтических форм, в оное время порой граничило с его потерей, но отдельные стихотворения поэтов этого плана (обычно середины 20-х годов или начала 30-х) остались жить...

Есть и третий путь — осторожное, умелое использование национальной классики эпической поэзии и глубокое освоение поэзии, уже обретшей письменность.

Читая и перечитывая любимые в стране стихи башкирского поэта Мустая Карима «Я — россиянин» («Не русский я, но россиянин. Этим ты навсегда, душа моя, гордись! Такого счастья нет нигде на свете. За десять жизней не отдам я жизнь»), или кабардинца Алима Кешокова («Счастья достигнет лишь тот, кто с дороги передохнуть на часок не свернет. С честью послужит скакун быстрогой только тому, кто стремится вперед»), или калмыка Давида Кугультинова («Иных веков сурово бремя, и давит время, как гора, но если ты посеял семя животворящего добра, — над ним не властны будут годы, сквозь толщу лет пробьются всходы»), читая песни киргизского певца Токтогула или лезгинского певца Сулеймана Стальского, стихи поэта-манси Ювана Шесталова, или поэта-марийца Миклая Казакова, или нанайца Андрея Пассара, или нивха Владимира Санги, или чуваша Якова Ухсая, мы еще и еще раз убеждаемся, какими яркими талантами

богата наша многонациональная литература и как многообразны, как различны они по своему звучанию (это чувствуется и в переводах). Ведь путь прихода в современность был у каждого поэта иным — и в силу различия путей его народов в первую очередь, и в силу различия индивидуальных путей художников.

Каковы бы ни были учителя и влияния, главное — и это хорошо представлено в антологии, в частности в стихотворении превосходного поэта Кайсына Кулиева, — это обретший силу родной язык:

Звон родника, раскаты бури снова,
Зной солнца, и вечерний мир полей,
И голос гнева в час беды суровой,
И воркованье нежных голубей.

В день горя ты, как посох, нам хорош,
В день радости ты, как зурна, поешь,
Родной язык, ты юности язык,
Родной язык, ты верности язык.

(Перевел Н. Тихонов)

«Песня, ставшая книгой» — документ времени и одновременно сборник хороших, со вкусом подобранных стихов.

Дм. МОЛДАВСКИЙ.

Ленинград.

★

ЗОРКОСТЬ ПАМЯТИ

М. Бирзе. Не все вернулись домой. Рассказы. Повесть. Перевод с латышского. М. «Художественная литература». 1971. 318 стр.

Книга Миервалдиса Бирзе «Не все вернулись домой» кажется написанной на одном дыхании, хотя здесь можно увидеть рассказ, помеченный 1955 годом, и найти главы из произведения, еще только создающегося. Это итог пятнадцатилетнего писательского труда. В этом итоге нет, однако, ни паузы, ни покоя, а есть напряжение живого и деятельного чувства, для которого каждое новое жизненное впечатление важно не только само по себе, а как возможность глубже осознать вчерашний день и вчерашний опыт. Прожитое постоянно бросает свой сильный и беспокойный отсвет на события текущего дня.

М. Бирзе стал известен как писатель еще в то время, когда он был врачом туберкулезного санатория в маленьком латышском городе Цесисе, где проработал семнадцать лет. Туберкулез был и у него самого — эту болезнь М. Бирзе получил в фашистских концлагерях, в Бухенвальде. Война наложила свою печать на всю жизнь писателя в самом прямом, нефигуральном смысле. Она же сформировала и его творчество.

Произведения, вошедшие в новую книгу М. Бирзе, разные по объему и жанру (рассказы, повесть, путевые очерки, воспоминания), читаются как одно большое повествование — сборник оставляет редкостное впечатление цельности и единства. Антифашистский, гуманистический пафос книги выражает себя без декларативности и суесловия — публицистический заряд, который кроется в повествовании, составляет существо его содержания.

И еще одно общее соображение. Большинство героев М. Бирзе, как бы они ни отличались друг от друга, находятся под сильным давлением обстоятельств, которые диктуют им необходимость четкого нравственного решения. Это решение может то определиться на длительной дистанции поведения, то вылиться в однажды совершенном поступке. Оно может быть обдуманым, выношенным, а может оказаться стихийным, если не инстинктивным. Так или иначе, но всякое благородное решение кажется писателю ценностью, которую важно не пропустить, увидеть, зафиксировать, расшифровать — ведь скрытое в людях душевное и духовное богатство не должно лежать мертвым кладом, оно должно быть в обращении, чтобы влияние его расширилось, а вместе с этим умножалось и само это богатство.

Большая часть книги М. Бирзе посвящена войне. Войной в какой-то мере отмечены и судьбы тех героев писателя, кто по возрасту своему войны не видел или кого она задела косвенно. За четверть с лишним века, прошедших после окончания войны, современный читатель получил уже целую библиотеку первоклассных книг, рассказывающих и о партизанской и подпольной борьбе советских людей в годы фашистской оккупации, и о тех, кто боролся и погибал в фашистских лагерях смерти. Книга Миервалдиса Бирзе продолжает линию этих произведений, она посвящена партизанскому подполью на территории Латвии и узникам-латышам, попавшим в фашистские концлагеря. Однако значение книги далеко

не исчерпывается ее летописным характером, хотя она важна и как документ, как свидетельство еще одного очевидца. Писатель исследует характер и психологические коллизии, возникающие в античеловеческих условиях фашистской неволи, своеобразные людские пути и судьбы, которые у каждого складываются в этих условиях по-своему драматично и в этом драматизме — неповторимо. Каждая из судеб вызывает у писателя самое пристальное и уважительное внимание, рассказывает ли он о героях или жертвах, об отчаянных смельчаках или о тех, кто сопротивлялся лишь в меру своих слабых сил, помогая тем, кто был еще слабее его. Для М. Бирзе ценно всякое сопротивление фашизму, всякое проявление человеческой солидарности и взаимопомощи в условиях, когда уничтожение людей становится системой.

Для М. Бирзе нет незначительных ситуаций, нет незначительных судеб. Пусть далеко не каждый из героев способен был на такой рывок в свободу, который предпринял сам автор книги, когда бежал из фашистского лагеря (об этом писатель рассказывает в своих мемуарах «День Победы — день рождения»; подробно говорится об этом и в отлично написанном предисловии Л. Осиповой, которое ставит личную судьбу писателя в ряд судеб его героев). Собственная судьба дает ему тем большее право быть внимательным и уважительным к другим историям противостояния и свободы, к тем, в ком достоинство и протест только еще кристаллизуются. Человек может погибнуть раньше, чем этот протест выльется в подвиг, всем видный и всеми признанный, и тем не менее свой вклад в общее сопротивление этот человек вносит, может быть сам даже не понимая всего, что им сделано и с ним произошло. Не случайно эпиграфом повести «И подо льдом река течет...» М. Бирзе делает слова Юлиуса Фучика о том, что не было безымянных героев, что «муки самого незаметного из них были не меньше, чем муки того, чье имя войдет в историю».

Среди героев этой повести есть такие, чьи имена действительно способны войти в историю,— подпольщик Гирт Виньауд и бежавший из фашистского лагеря Апенайс Рейнис, погибшие в единоборстве с фашизмом. Сцена героического, трагически закончившегося боя Гирта с немцами — одна из лучших в повести. Но, пожалуй, не меньшее внимание М. Бирзе привлекают люди,

только просыпающиеся к борьбе. Такова Елена, невеста Апенайса Рейниса, такова жена Гирта Зента, которых к борьбе привела любовь. И еще один характерный путь — старый трудяга Сниедзе, отец Елены. Он работает и ни во что не вмешивается, но жизнь ставит перед ним вопрос — помочь ли бежавшему Апенайсу, что связано для старика со смертельным риском, или сохранить себе жизнь и покой, отказав тому в помощи и покровительстве. Сниедзе не был бы тем честным тружеником, каким он являлся всю жизнь, если бы стал предателем. А оказав помощь Апенайсу, он стал уже на путь сопротивления, которое перевернет позже всю его жизнь, потому что цепочка продолжается, смыкается с другими. Дочь Сниедзе и невесту Апенайса Елену логика борьбы приводит к тому, что она должна убить, не может не убить фашистского прихвостня. Очень характерна в этом смысле и судьба родителей Зенты — мелких буржуа, которые при немцах могли просуществовать довольно безбедно, даже уютно, хотя никакой симпатии они к немцам не испытывали. Однако и ненависти не было. Но, желая спасти из фашистской тюрьмы свою дочь и внучку, они волей-неволей приходят в непосредственное соприкосновение с системой фашистского насилия, что в конце концов вынуждает их определить свой путь.

Отлично написан рассказ «Весной снег стаял». В тюремную камеру, где фашистские прихвостни собрали столяров, бондарей, колесных дел мастеров и прочий трудовой народ, который был бы им полезен, приводят нового заключенного. «Речь нового жильца была краткой:

— Я — Дзенитис, столяр.— Затем, убежденный, что товарищи узнали о нем все, стянул с ног внушительные, созданные деревенским сапожником юфтевые сапоги и завалился на боковую». Дзенитис оказался редкостного мастерства умельцем. Когда ему был сделан первый подневольный заказ, «в Дзенитисе гордость старого мастерового боролась с нежеланием оказать услугу этим захребетникам». Тем не менее Дзенитис стал выполнять заказы, потому что трудом своим кормил всю камеру. Однако и этот выход не оказался выходом. Когда Дзенитиса вызвали на допрос и спросили, что бы он сделал, если бы к нему пришел его брат, который был коммунистом, дал ли бы Дзенитис ему хлеба, честный Дзенитис, очень далекий от какой бы

то ни было борьбы, отвечает с естественностью, что как же родному брату хлеба не дать. Не может он отрицать и другую свою «вину» — видели его стоящим с винтовкой у моста. Да, стоял, но опять-таки он не собирался ни в кого стрелять, просто боялся, что мост обольют керосином и подожгут. В Дзенитисе снова говорит только разум честного мастерового, он далек от политики, но логика фашистского порабощения такова, что она в конце концов извращает и уничтожает всякое созидательное начало в человеке. Рассказ завершается гибелью Дзенитиса.

Есть, однако, в книге М. Бирзе судьбы и нравственные коллизии, которые писатель изучает столь же кропотливо и тщательно, как и судьбу столяра Дзенитиса, хотя это антипатичные ему характеры и ситуации. Речь идет о тех, кто шкурный интерес поставил превыше всего. Вот так в рассказе «Огни на лугу» М. Бирзе старается выяснить, каким образом шофер Видвуд, начав в молодости лгать и предавать, готов опять пойти на новую ложь уже в зрелые годы. То страх за свою жизнь, то страх испортить репутацию, то страх потерять любовь женщины диктует Видвуду ту блудливость его поведения, которая может быть опасна, как и предательство. Пытаясь разобраться в том, как он шаг за шагом предавал инженера Зарса — сначала при немцах, отказавшись помочь Зарсу сжечь мост, по которому отступали оккупанты, потом в мирное время, когда Зарс был несправедливо обвинен в сотрудничестве с немцами и Видвуд умолчал о правде, — Видвуд говорит о том, что он «был заражен страхом, как болезнью». Рассказ остался бы, вероятно, художественно плоским, если бы писатель ограничился изложением воспоминаний Видвуда и его первоначальной самооценкой. Но М. Бирзе идет по более сложному и правдивому пути. Видвуд такой, каким он перед нами предстает сейчас, в день своего рождения, окруженный любовью жены и налаженным уютом, слишком припаян к этому покою и уюту, чтобы в своем самоанализе пойти до конца. Нет, когда вдруг объявился Зарс и Видвуду грозит разоблачение, он снова — с исчезнувшей было на долгие годы уверливостью — будет искать возможности избавиться от новой опасности. Признав себя трусом, он еще продолжает поступать как трус: «...Мелкой дробью... Если такой дробью попасть в человека, разумеется, только по ногам, ничего страшного не про-

изойдет. Наверняка мелкая дробь не заденет даже кости. Впрочем, в человека, пожалуй, нельзя стрелять, даже по ногам... В случае необходимости он выстрелит в землю — припугнуть». Видвуд слишком робок, чтобы идти на прямое зло, потому что даже в злой активности есть риск — уж лучше елозить, ускользать от всякого определенного действия и творить зло замаскированное.

Вот такой довольно распространенный и наименее различимый род обывательской морали, судя по книге, толкает писателя к особо острому, зоркому анализу.

...Как уже говорилось, наиболее своеобразной и плодотворной стороной писательского дарования М. Бирзе является его способность улавливать те переходные периоды в становлении человеческой личности, когда пробуждаются или обнаруживаются ее подспудные силы, когда натура сама определяет себя. Только что это был беспомощный, незаметный человек — и вдруг в нем промелькнуло, пусть еще не устоялось, не успело закрепиться что-то дерзкое, энергичное, если не героическое. Только что перед нами стоял обыкновенный честный ремесленник, наивный и вроде бы недалекий, — и вдруг эта заурядность оборачивается надежной нравственной твердью. Но вот мы познакомились с немецким священником Хагером («Путешествие по Гарцу. 1945. 1970»), человеком в высшей степени просвещенным в нравственных вопросах и уверенным в своей моральной безупречности, — какое изощренное двоедушие обнаруживается, однако, во всем поведении Хагера, какое умение вовремя быть слепым и вовремя прозревать, вовремя уходить в нейтралитет и вовремя становиться великодушным. Хагер годами мог не замечать находящегося рядом с его селом фашистского концлагеря, в этой намеренной слепоте перекладывая ответственность с себя на время.

Судя по вещам последних лет, Миервалдса Бирзе все настоятельнее занимает мысль о мере вины и мере ответственности каждого человека; он хотел бы определить, в чем виноват человек, а в чем эпоха и обстоятельства. Писатель как бы выясняет, какое бремя требований способен выдержать человек.

Человеческая и художническая память М. Бирзе меньше всего склонна замыкаться в прошлом. Больше всего она деятельна. Эта деятельность направлена не столько на восстановление новых, забытых подробно-

стей пережитого, сколько на углубляющееся его постижение. Новая книга М. Бирзе свидетельствует о том, что с годами память о прошлом становится у писателя все более

устремленной в будущее, все более дальновидной и зоркой. Она разгорается, а не гаснет.

И. БОРИСОВА.

★

«И В ЭТОМ НАШЕ РЕМЕСЛО»

Григоре Виеру. Песнь любви. Перевод с молдавского Якова Анима. Кишинев. «Карта молдовеняскэ». 1971. 152 стр.

У поэта Д. Самойлова есть стихотворение об «обычных словах», чьи прелесть и значительность вовсе не умирают, а лишь туманятся от долгого употребления. «Их протирают, как стекло,— и в этом наше ремесло».

Стихи программны, и программа, конечно, не просто стилистическая. Ремесло поэта — бороться не только за чистоту слов, но за чистоту понятий. Это неразрывно.

Поэтому когда Григоре Виеру мечтает сложить песню всего из двух слов — «мама» и «отец», когда он среди слов, борющихся за существование, опадающих, как листья, нащупывает «слова бессмертные: мама, родина, любовь», это попытка заново для себя и для других ощутить ценность бессмертных понятий. Это попытка обрести не что иное, как нравственную опору, осмыслить связность бытия. Ведь слова эти — «мама, родина, любовь» — обладают чудесным свойством: «Если к уху их поднести, точно в раковине морской, можно услышать, как наши предки произносили их».

Открыть новизну в обычном — это всегда открыть и самого себя, свое видение мира. В применении к Виеру то же самое следовало бы сказать несколько иначе: открыть самого себя в непрерывных, непрекращающихся отношениях с людьми, отношениях глубоко родственных, почти семейственных. Поэзия Виеру — это поэзия связей и связности, и его лирический автопортрет — это, пожалуй, семейный портрет. Только семья очень большая. В нее входят не только те, кто рядом: мать, любимая, дети,— но и дальние предки, и потомки, и родина.

Одно из стихотворений Виеру называется «Анкета» (вот, кстати, пример того, как он с некоторым, пожалуй, даже вызовом взялся «протереть», как стекло, скучное,

обыденное слово). И в этой анкете вдруг главное место занимает не сам поэт, а те, кому он так или иначе обязан.

Начинаются стихи так:

— Ваша фамилия,
имя, отчество?
— Я.

Но уже во второй «графе» автор скромно отступает на второй план:

— Год рождения?
— Тот юный год,
когда мать и отец
полюбили друг друга.

И дальше:

— Профессия?
— Край своей люблю.

— Родители?
— Мать.
Одна только мать.

— Как зовут ее?
— Мама.
— Род занятий ее?
— Ожиданье...

— Есть ли родственники
за границей?
— Да, отец.
Похоронен в чужой стороне
в 1945-м.

Отступив на задний план этого семейного портрета, Виеру не спрятался, не стучевался. Может быть, даже наоборот: резче прозвучала его индивидуальность.

Его анкета — «опросный лист» души, и биография, в ней запечатленная, — биография духовная. Мы видим, как истинно, некрикливо поэт любит родину («профессия» — это сказано подчеркнуто скромно, как то, чем просто немислимо хвастаться), как глубоки его отношения с матерью, какой незажившей раной болит память о погибшем на фронте отце.

Анкетное «я» выросло. Выросло за счет счастливой причастности к родному краю, за счет горького прикосновения к общей для многих беде.

«Мороз ли, дождь ли, ветер ли, каждое утро на маленьком мосту, за селом, появляются двое детей». С утра высматривают они почтальона: нет ли писем от отца? И цепенеют, когда почтальон вынимает из сумки «пепельного цвета квадратик — один из тех, после которых никогда уже солдат не напишет, никогда не ступит на порог родного дома».

В этих строках из повести Иона Друцэ «Листья грусти» — судьба Григоре Виеру, судьба его сверстников, крестьянских детей, прошедших через войну, через голод, через раннее сиротство. До сих пор Виеру слышит ночной стук маминной швейной машинки, доносящийся из детства:

Поспешный стук машинки,
прерывистый и чуткий,
мне был и колыбельной,
и песенкой-побудкой...

К нам женщины под праздник
ходили за платками,
подрубленными ночью
солеными стежками.

И дети шли послушно
за вышитой сорочкой,
был ворот на сорочке
моей слезой прострочен.

Стихи печальны, но Виеру не захвачен жалостью к себе, хотя бы и маленькому: мне кажется, совсем не случайно в стихотворении говорится, что люди уносили на сшитой одежде слезинку малыша, единственное, что он мог дать им в ту пору...

Виеру вырос, стал поэтом, интеллигентом. И не порвал с селом. Остался крестьянином — не только по происхождению, но и по восприятию мира (хоть и сожалеет, что уже не так уверенно держит кошу, как держал ее отец).

Трепетное отношение к природе, к родной земле — вообще органичная черта достойнейшей части молдавской поэзии. Ей не приходилось заботиться о восстановлении связей: они и не рвались. Поэтому у Виеру, у крестьянина-интеллигента, нет надерзости в утверждении близости с почвой. Все естественно, все просто...

Иной раз даже засомневаешься: а не слишком ли просто?

Как известно, принц Гамлет горевал над могилой: «Державный цезарь, обращенный

в глен, пошел, быть может, на обмазку стен». Размышления эти вполне общечеловечны: кого из нас не тревожило сожаление, что наша живая плоть станет неизменным прахом, пригодным для самого утилитарного использования — хоть для той же «обмазки стен»?

Виеру словно нарочно по-своему откликается на эти раздумья: «Люди у нас весной подкапывают берег реки — берут глину для дома. Достают наших предков, превратившихся в глину, потом месят глину, ох, пока ноги не раскраснеют...»

Обратим внимание: поэт захвачен не извечной тревогой о смертности, но процессом труда. Это самое «ох» относится к работе, и только к ней. А упоминание о предках как бы даже бесстрастно.

Но нет, это не бесстрастность. Это уверенность в разумности круговорота природы, давшей умершим предкам возможность служить потомкам (как угодно, лишь бы служить!), давшей им пантеистическое бессмертие: «Словно ветви, кости предков под землею разрослись». Зловещая эмблема смерти — кости — превратилась в символ жизни, в образ разросшихся шумящих ветвей.

За внешней бесстрастностью — благодарная и болевая память Виеру, из которой растет спокойная нежность к земле, к предкам, к матери.

Вот он рассказывает всего-навсего о том, как мама ест виноградину:

Как ее на ладони катает,
будто в пашне горошину,
путь от грозди до рта
замедляя нарочно.

Как ладонь о подол оботрет,
еще раз поглядит на нее,
словно хочет проститься,
и тремя перстами несет виноградину
в рот,
вроде начиная креститься.

Как потом прикрывает глаза,
точно под веками,
а не под небом
не виноградина,
а слеза...

Эти подробности не могла дать простая наблюдательность. Их дал влюбленный сыновний взгляд. Привычный жест старой крестьянки зафиксирован как бы замедленной съемкой, поднят до символики, но язык не повернется произнести здесь слова «прием» или «находка». Они неуместны, как и по отношению к вот этим строкам:

Когда я возле нее,
сон матери в поле безмятежен,
в изранные ее ладони
жаворонок
может снести яичко.

Такова поэтесса Виеру. Смелый, непростой, едва ли не угонченный образ обладает естественностью дыхания. Кажется, просто видишь происхождение образа: спящая мать, сын, у которого дух захватило от нежности, да жаворонок в небе. Простые, привычные деревенские слагаемые. Поэзия здесь добывается из быта, из земли, из обыденных радостей и печалей: «От времени и труда пальцы мамы стали тоненькими, как свечки. И когда прошлой осенью в поле она собирала картофель, соскользнуло с пальца кольцо, обручальное ее кольцо».

Так предельно просто начинается стихотворение. Дальше оно усложняется — но не за счет усложнения образности, а за счет обострения жалости, любви и сочувствия: «С тех пор каждый день, словно в черную воду, она погружается в землю, ищет свое кольцо. Ох, вот прямо здесь, у меня под ногами, колышутся волны земли. Я прыгаю в сторону, в сторону, в сторону, чтобы хоть я своей тяжестью не давил на усталое тело ее. Хоть я».

О подобных стихах иногда говорят почтительно: «Изощренность... Интеллектуализм... Высокое мастерство...» А я бы сказал: высокая культура чувства. Или, как говаривали в пушкинские времена, «прекрасное образование сердца».

Получилось так, что свои «взрослые» стихи Виеру начал писать после того, как уже стал детским поэтом, пожалуй, сейчас самым популярным в Молдавии. И начав писать «взрослое», он не знал — или почти не знал — периода робкого ученичества. По той простой причине, что и в стихах для детей душевно «выкладывался».

Так в детских стихах о том, что бумагу нужно делать не из грустных, а из веселых елок, тогда все письма будут веселыми, — в этих стихах, быть может, оказалась горькая зарубка на душе Виеру, помнящего свое детство, деревенскую околицу и ребятишек, ждущих писем от воюющих отцов. Само веселье здесь — это надежда. Надежда, что такое больше не повторится...

А вот еще одно из его детских стихотворений (переведенное Валентином Берестовым и вошедшее в другую книгу):

Ну-ка, М,
Дай руку А.
Ну-ка, МА,
Дай руку МА,
МА и МА, а вместе — МА-МА.
Это я пишу сама...

МАМА, МАМА, МАМА, МАМА...
Тихо перышком скриплю.
Посмотри скорее, мама,—
Вот как я тебя люблю!

Крохотная героиня стихотворения не отделяет впервые написанных ею букв от родного лица мамы, и сам процесс учения неотделим от признания в любви.

О том же (во всяком случае, в первых строчках) говорит «взрослое», написанное «свободным стихом» стихотворение: «Мальчики в школе сначала прилежно складывают букву с буквой, слог со слогом в поисках первого слова так, что капельки пота струятся, и снова: А — М, М — А, МА. Пока однажды, прозреньем ошеломленные, вдруг видят перед собой ту, что дала им жизнь...»

Пока что это взрослый, чуть холодноватый конспект того, детского, эмоциональнейшего стихотворения. Но спокойствие временно, ибо стихи движутся к горькому осознанию того, что мать рано или поздно уйдет:

И у них тоже дети,
и они их любят,
и еще до школы
показывают им буквы,
одну за другой
вырывая буквы
из живого тела
первого слова,
ими самими когда-то
сложенного едва.
Сперва
вырывают А,
за ним М,
потом сразу:
МА.
Пока не остановятся
перед гнетущей громадой
молчания.
А!..

В том, веселом, стихотворении («Ну-ка, М, дай руку А...») сами буквы одухотворялись, сливаясь с образом матери, в которм для ребенка (впрочем, как и для вполне взрослого поэта Григоре Виеру) воплощены добро и разумность мира. В этом, грустном, напротив, речь не о слиянии, но о разлуке...

Да, стихотворение грустное. Но и светлое. Потому что даже невеселые строки, «вырывая буквы из живого тела первого

слова», говорят, что «слово», то есть понятие *мама, мать*, все-таки бессмертно. Связи не рвутся. Память не уходит. Любовь не исчезает бесследно.

На этом можно бы и кончить рецензию, но необходимо сказать о том, о ком почти не вспоминаешь, читая книгу (в чем его парадоксальная заслуга). О переводчице Якове Акиме, с которым Виеру очень повезло. Потому-то и не думаешь, читая, перевод это или не перевод (хотя при этом ясно чувствуешь национальную характерность поэта), что перевод органичен и легок, он словно сделан без натуги; так бывает, когда сойдутся близкие поэты.

Мы видели: Виеру часто как бы отходит назад, уступая первые места тем, кого любит и кем дорожит, но от этого не теряется в толпе, а даже резче выражает свою индивидуальность. Так вышло и с переводом: Я. Аким не побоялся «смириться», не стал навязывать Виеру несвойственного ему и тем самым тоже дал простор собственному лирическому характеру, высказал важное и личное для себя самого.

Конечно, Акиму, как и самому Виеру, одно удалось больше, другое — меньше, но сейчас не хочется разбираться в этих оттенках. Ведь это самое первое знакомство с «русским» Виеру (если говорить о «взрослых» его стихах), а при первой встрече

естественнее думать о том, что ты приобрел, а не о том, чего тебе хоть чуточку недодали.

Если же и стоит поворчать, то вот по какому поводу. Переводы нескольких (в том числе и цитированных) стихотворений подверглись в книге правке по сравнению с журнальными публикациями. Вот всего один самый короткий, но не самый безобидный пример. В стихах о том, как мама ест виноградину, были такие строчки: «Как ее на ладони катает, будто в пашне горошину...» Именно бы ли — в журнале «Кодры» (1970, № 1). А в книге так: «...на ладони катает, будто горошину...» Потеряны всего два слова — «в пашне». И потеря подчеркнула вес этого существительного с предлогом. Что осталось? То, что виноградина круглая и горошина круглая. Значит, их можно катать. Все! А что было? Было тонкое сравнение крестьянского ритуала еды с ритуалом работы. Было, вероятно, и сопоставление шероховатой рабочей ладони с самой пашней — много чего было. Образ был многомерным, эмоциональным, а стал плоским, чисто зрительным.

Старая истина говорит: слово в поэзии как солдат в строю — больно ощущается потеря каждого.

Ст. РАССАДИН.

Полигика и наука

ЛЕНИНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРЫ

В. В. Горбунов. Ленин и социалистическая культура. М. «Мысль». 1972. 340 стр.

Многостороннейшая по материалу и не преходяще актуальная по смыслу тема «Ленин о культуре и культурной революции» привлекает к себе сегодня все большее внимание наших ученых (разных гуманитарных специальностей) и целых научных коллективов. Достаточно напомнить о книгах — если говорить только о книгах и только о книгах последних пяти-шести лет — А. Арнольдова, П. Федосеева, Э. Баллера, С. Ковалева, Г. Карпова, Б. Рюрикова, В. Щербины, Г. Куницына и других историков, философов, эстетиков, литературоведов или о таких коллективных трудах, как «Коммунизм и культура», «Культурная революция в СССР», «КПСС во главе культурной революции в СССР»...

В ряду подобных исследований, в которых проблематика теории культуры органично объединена с изучением конкретного исторического опыта культурного строительства в СССР, находится и книга В. Горбунова.

Ее автор — один из активных участников нынешней комплексной разработки вопросов марксистско-ленинской культурологии. Подзаголовок — «Ленинская концепция формирования социалистической культуры» — сразу же вводит нас в «двухплоскостной» мир исследовательских интересов В. Горбунова; книга строится как бы на двух «этажах» (единого, однако, «здания»): в плоскости теоретического анализа понятия «социалистическая культура» и в плоскости социологии культуры предреволю-

ционной России и советской культуры 20-х годов.

Относительно второй из плоскостей — так сказать, конкретно хронологической — с моей стороны, то есть со стороны специалиста-историка, видимо, достаточно будет заметить, что фактологическая оснастка работы очень богата. Материал, привлеченный и осмысленный автором, обширен и разнообразен по характеру источников; во многом он не включен еще в научный обиход (таковы, например, многочисленные извлечения из архивов). В. Горбунов чувствует себя в этом материале уверенно и свободно — исследовательски самостоятельно.

Таково мое впечатление от этой стороны книги — впечатление литературоведа. Я позволю себе дать совет своим коллегам со всей возможной тщательностью изучить историко-культурный «слой» работы В. Горбунова: он полезен, важен и для того, кто занимается изучением литературного процесса, а в ряде случаев (например, для уяснения вопроса об идеологических корнях «пролеткультовщины») попросту необходим.

Сосредоточусь же я на некоторых концептуальных моментах содержания книги «Ленин и социалистическая культура». А именно: что дает нам, литературоведам, критикам, книга В. Горбунова в теоретической ее плоскости?

Во «Введении», где четко очерчен круг вопросов, более всего занимающих В. Горбунова, указывается на те области культурного строительства, которые — каждая в отдельности — изучены, по мнению автора, достаточно полно: это сферы истории народного образования, науки, литературы и искусства в нашей стране. «Танцую» от этого аргумента, в общем-то справедливого, хотя, разумеется, не закрывающего путей для дальнейших конкретно-исторических исследований в каждой из названных областей, В. Горбунов дополнительно обосновывает свое право на рассмотрение их как частей того целого, которое называется процессом становления и развития социалистической культуры. Это целое постоянно в центре авторских размышлений; логика анализа этого целостного единства определяет собой композицию книги, темы и способ чередования восьми ее глав, методологический ее пафос.

Как литературоведу мне может показаться, что кое-где автор недостаточно учитывает специфику художественного процесса. Но, во-первых, случаи, когда возникает же-

вание эстетически «доредактировать» автора, редки, а во-вторых, в контексте данной книги мысль о монизме, единстве, комплексности понятия «культура в целом» теоретически нигде не умаляет значения специфики художественной культуры. Напротив, автор не раз предупреждает читателя насчет «опасности... сбиться здесь на вульгарный социологический анализ» и сам подвергает обоснованной критике различные вульгаризации (наиболее основательно и подробно «Две основные оппортунистические линии» — капитулянтов-догматиков типа Бернштейна, Каутского, Суханова, Троцкого и схематиков типа Богданова, Бухарина, Плетнева; обе эти «линии», как показано в книге, сходились в вульгаризаторской фальсификации марксистско-ленинской теории культуры вообще, социалистической культуры особенно и художественной культуры социализма в частности).

Мне хотелось бы подчеркнуть, что для эстетики, литературоведения, искусствознания, литературно-художественной критики мысль о комплексном единстве понятия «культура», так сказать, вдвойне важна: принимая и защищая ее, мы не только доказываем тем самым историко-материалистическое перворядство методологии наших наук; сама специфичность предметов наших наук может быть правильно понята (и освобождена от формалистики и вульгаризации всякого рода) лишь тогда, когда мы знаем, что «развитие культуры — целостный процесс, охватывающий как область материального, так и духовного производства и имеющий общее основание».

В. Горбунов, как и другие наши культурологи, понимает под культурой «совокупность материальных и духовных ценностей, созданных и создаваемых человечеством в процессе общественно-исторической практики...». Существенно членение широкого понятия культуры на производство ценностей, способы их потребления в обществе, средства их бытования, функционирования (то есть культурные «институты»); существенно и разделение культуры на материальную (В. Горбунов включает сюда «технику, производственный опыт, материальные ценности, созданные в процессе производства») и духовную: «производство, распределение и потребление духовных ценностей в области науки, искусства, литературы, философии, морали, просвещения и т. д.». О духовной культуре и идет речь в книге.

В определение состава духовной культуры следовало бы, я думаю, включить политическое сознание, ценности и институты идеологического и социально-психологического характера, ценности и институты того, что у Ленина охватывается термином «политическая культура» населения¹. Кроме того, стоило бы (особенно имея в виду аспект «распределения и потребления») сильнее подчеркнуть, что и в духовной культуре есть своя материальная сторона,— это соображение еще более укрепило бы мысль автора о взаимообусловленности материальной и духовной культуры. При всем том определение культуры, из которого исходит В. Горбунов, представляется принципиально верным и, повторяю, актуально важным для всего «спектра» гуманитарных дисциплин.

Столь же принципиален (и богат научными «последствиями») отчетливо проводимый в книге В. Горбунова тезис «о прямой зависимости культурных процессов от общих революционных преобразований, происходящих в обществе».

Понимание связи между прогрессивным, подлинно народным наследием в национальной культуре и революционным движением в истории каждого народа — актуальный по сию пору принцип. Я не хочу вновь бросать камень в недавние статьи некоторых критиков, принявших колокольный звон и раскольничьи догматы за истинную народность (хотя что-то не слышно признания ошибавшихся в допущенных ошибках), но разве не забвением этого принципа такие «смещения понятий» порождалься? Где асоциальность, там и аятисторизм. А народность культуры — явление, социально-исторически меняющееся, движущееся. Тип революционных преобразований определяет собою социальный тип культуры. Для исследователя советской литературы необходимо понять, что ее общенародный характер обусловлен социалистическим содержанием всех культурных надстроек нашего общества.

Монистичность и строгая социальность подхода к явлениям духовно-идеологической культуры, решительное признание основополагающего значения революционного творчества масс — на этих путях раскрывает В. Горбунов естественно централь-

ное для своей книги понятие культурной революции.

Какую культуру начали строить народы нашей многонациональной страны, освобожденные Великим Октябрем? Ответ кажется очевидным: социалистическую. Но очевиден этот ответ лишь с точки зрения накопленного более чем за полвека социально-культурного опыта.

На начальном этапе советской истории социалистический характер перспектив культурного строительства надо было доказать научным, историко-материалистическим анализом (что и сделали Ленин и ленинская партия); эти социалистические перспективы надо было отстаивать в борьбе с буржуазными и мелкобуржуазными воззрениями. Известно, что многие идеологи тех лет — от «культуртрегеров» кадетского толка до меньшевистствующих квазимарксистов, троцкистов и прочих — отрицали возможность социалистической культуры в России, мотивируя эту антиленинскую идею спекулятивным соображением о том, что Россия «до этого» не прошла этапа «нормальной» (то есть буржуазной) демократии. Наряду с криками о том, что революция-де разрушает культуру (абстрактно трактуемую), раздавались голоса, заявлявшие, будто культурно-созидательная работа партии и государства есть никакая не социалистическая культурная революция, а «обычное» (опять же абстрактно трактуемое) просвещение, через которое уже прошли цивилизованные европейские страны.

Спекулятивной «обработке» подвергался тот несомненный, реальный факт, что Октябрьской революции пришлось — мимоходом — действительно решать задачи не только социалистической, но и буржуазно-демократической революции, освобождаясь до конца от «остатков средневековья... от этого варварства, от этого позора, от этого величайшего тормоза всякой культуры и всякого прогресса в нашей стране»².

В. Горбунов детально раскрыл в своей книге это переплетение «двух социальных войн» в революционном движении России начала XX столетия, последствия этого переплетения в культурной жизни, в особенности те, что сказались в борьбе за культурное наследство, необходимое социалистическому культурному стро-

¹ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 404.

² Там же, т. 44, стр. 144.

ительству. При этом В. Горбунов, как и подобает исследователю-марксисту, принципиально отвергает размытость критериев в подходе к тому, что именно за культура созидалась у нас после Октября.

В советской стране не было никакого абстрактного «культурничества»; культурно-просветительная работа велась, по выражению В. И. Ленина, «на почве наших пролетарских завоеваний»³, велась на этой именно почве повсеместно — в центре и на окраинах, в России и в других, нерусских, национальных «средах». Качественное обновление социальной базы и политических условий культурной работы имело решающее значение для направленности, содержания самой этой работы во всех без исключения сферах духовной культуры.

Вот почему, как подчеркивает В. Горбунов, «было бы неправильно представлять решение задач буржуазно-демократической революции в условиях советской действительности как мероприятия, не выходящие из рамок обычных демократических требований при капитализме. Еще большей ошибкой было бы делить культурную революцию (у народов СССР.— Ю. С.) на демократический и социалистический этапы развития, и дело не только в том, что демократические и социалистические задачи были теснейшим образом связаны и решались в единстве, а прежде всего в самом характере демократических преобразований при диктатуре пролетариата. Например, решение такой «элементарной»... задачи, как ликвидация неграмотности большинства населения России, означало новый культурный уровень развития всей страны, страны, вступившей на путь социализма, и это определяло качественно новый характер демократических преобразований в соединении с политической властью рабочих, т. е. при диктатуре пролетариата».

К такого рода качественно новым процессам можно отнести и рождение письменности у народов, которые ее не имели до Октября, и развертывание повсюду широкой сети школ и вузов, создание новой интеллигенции из среды рабочих и крестьян, и приобщение народных масс к благам художественной культуры через каналы массовых художественных коммуникаций, а параллельно с этим развитием материальной базы искусства и литературы их содержательное, творческое обновление. Все

³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 364.

эти вроде бы «элементарные» процессы суть процессы исторически-новаторские по своему социалистическому типу.

Нетрудно почувствовать прямое отношение размышлений и выводов В. Горбунова к истории нашей литературы, в частности к нынешним обсуждениям проблем генезиса социалистического реализма в нашей многонациональной стране...

Исследование В. Горбунова заканчивается главой «Ленин о партийном и государственном руководстве процессом формирования социалистической культуры». Логичность такого завершающего места данной главы в книге понятна: всем ходом анализа В. Горбунов подвел читателя к закономерному выводу о том, что «партийно-государственное руководство — решающее условие успешного социалистического строительства, успешного проведения культурной революции, а значит, и всего процесса формирования социалистической культуры». Не случайно здесь подчеркивается слово «успешное». Руководство партии и государства культурой — объективная закономерность социалистической общественной жизни в целом и самого культурного процесса, в котором оно выступает как внутренняя потребность. Успешно это руководство тогда, когда соблюдаются ленинские принципы активности, идеологической принципиальности, компетентности партийно-государственной работы в сфере культурного строительства.

От дореволюционных работ В. И. Ленина (прежде всего знаменитой статьи «Партийная организация и партийная литература») до его книг, статей, писем, распоряжений последних лет жизни автор показывает последовательное применение и развитие В. И. Лениным «двух важнейших положений, из которых должна исходить партия в области развития культуры: 1) нельзя пускать развитие культуры на самотек, надо планомерно руководить этим процессом, направлять его в нужную для партии, народа сторону; 2) такое руководство предполагает широкую инициативу масс, создание условий, при которых каждый деятель культуры мог бы всесторонне развернуть свои способности и таланты.

Эти два положения Ленин рассматривал в единстве, как две стороны одной задачи, и если он говорил о первом, то обычно сразу же напоминал и о втором».

Правда, приходится признать, что эта, восьмая, глава книги выглядит несколько тезиснее, суше, чем другие. Не то чтобы

она была фактологически менее интересной (и здесь перед нами много фактов, отнюдь не «избитых» и самостоятельно осмысленных). И не в том дело, что глава эта меньше всех прочих по объему. Думается, впечатление мое обусловлено тем, что автор слишком строго замкнул здесь себя в хронологические рамки начала 20-х годов, поспешил на теоретические, общеметодологические «выходы» к периодам последующим, и прежде всего к современности, к проблематике культуры и руководства ею в условиях развитого социализма.

В заключение моих заметок-впечатлений (повторяю, не рецензии специалиста-историка) коснусь дебатиремого сегодня нашими культурологами вопроса о временных границах понятия «культурная революция». Точка зрения В. Горбунова представляется мне правильной, поскольку она диалектична.

Главная цель нашей культурной революции — переход общества к новому социальному типу духовного производства, построение новой, социалистической культуры. Эта цель достигнута, и в этом смысле,

как неоднократно указывалось в документах партии, культурная революция у нас осуществлена. Но пишет В. Горбунов, «бытует и более широкое толкование культурной революции, распространяемое на весь период развития социалистической культуры вплоть до перехода к коммунизму. Такой подход к задачам культурной революции, когда наряду с вопросом о ее победе в целом (при переходе к социализму) ставится и вопрос о ее окончательном завершении (при переходе к коммунизму), также правомерен». Правомерен, ибо, одно не противоречит другому, одно подготавливает другое. XXIV съезд партии подчеркнул, что общество развитого социализма, общество строящегося коммунизма проходит ряд этапов и периодов развития на своей собственной основе. Процесс культурного строительства, прогресс культуры продолжается, и это историческое движение исполнено великого революционного смысла...

Ю. СУРОВЦЕВ.

СЛАГАЕМЫЙ БУДУЩЕЙ ПОБЕДЫ

В. С. Емельянов. На пороге войны. М. «Советская Россия». 1971. 235 стр.

Незабываемые предвоенные годы. Будучи кануном великих испытаний, они все больше привлекают внимание историков, писателей, мемуаристов. У нас и на Западе появилась обширная литература, посвященная второй мировой войне и предшествовавшему ей периоду. Среди зарубежных авторов нередко тон задают антикоммунисты, фальсификаторы истории. Да и у нас кое-кто неудачи первого этапа войны пытается объяснить мнимыми ошибками в подготовке страны к обороне. Поэтому очень нужны книги, в которых правдиво рассказывается о героических усилиях Коммунистической партии и всего советского народа по созданию наших Вооруженных Сил, укреплению экономической и военной мощи и международного престижа первого в мире социалистического государства.

К числу таких наших книг относятся воспоминания В. С. Емельянова «На пороге войны». Я имею счастье знать автора воспоминаний, человека замечательной судьбы. Герой Социалистического Труда, член-кор-

респондент Академии наук СССР Василий Семенович Емельянов, будучи сыном рабочего и сам рабочий, коммунистом-подпольщиком, участником Октября и гражданской войны, в годы Советской власти окончил Горную академию, был послан в Германию, где на заводах Круппа учился мастерству сталевара, а затем стал одним из создателей советской оборонной промышленности. Значителен вклад его в строительство атомной промышленности СССР.

В. Емельянов известен читателю по первой книге мемуаров «О времени, о товарищах, о себе». Книга «На пороге войны» является продолжением первой. Она тоже посвящена времени и товарищам. О себе же, как и в первой книге, В. Емельянов пишет скупой, сдержанно. Неумолимо надвигалась война. Она охватила Европу, приблизилась к границам Советского Союза. Заводы Круппа и других фабрикантов смерти работали на всю мощь, готовя оружие для Гитлера и его армии. Успеем ли мы

завершить то, что задумано, создать оборонную промышленность, вооружить армию и флот современным оружием, снабдить боеприпасами? Должны успеть! А предстояло сделать очень многое. Автор напоминает, что когда в марте 1921 года надо было подавить мятеж эсеров в Кронштадте, то всем членам партии были розданы винтовки и лишь по 25 патронов. Больше не могли дать.

В. Емельянов правдиво воспроизвел обстановку того времени, нарастание тревоги за безопасность страны, показал непреклонную волю партии, которая мобилизовала трудящихся на самоотверженный труд, стремясь выиграть время, чтобы отвести от страны надвигающуюся опасность, а если война станет фактом, то встретить ее во всеоружии.

В книге показано, как строились новые и реконструировались старые оборонные предприятия, велись работы по производству брони различного назначения, создавались тяжелые танки, танки «Т-34», налаживался массовый выпуск минометов, изготавливались броневые амбразуры, башни для оборонительных сооружений на западной границе. Когда читаешь эти страницы воспоминаний В. Емельянова, то еще и еще раз убеждаешься в дальновидности нашей партии и Советского правительства, правильно определявших основные направления развития оборонной промышленности в канун второй мировой войны и принимавших все возможные в то время меры к тому, чтобы ускоренными темпами создавать для армии и флота боевую технику и вооружение.

Вот хотя бы два примера. В Автобронетанковом управлении Наркомата обороны все еще шли споры о том, сколько понадобится танков, если война станет фактом. Кое-кто считал, что достаточно будет две сотни тяжелых танков, чтобы «проткнуть оборону противника» и гнать его до Берлина. А в это время созданная по решению ЦК КПСС комиссия выехала на Урал, для того чтобы выявить заводы, которые должны освоить производство современных танков. За время этой поездки, пишет автор, входивший в состав комиссии, был подготовлен проект постановления правительства. В нем содержались конкретные предложения каждому заводу о выпуске танков с указанием сроков выпуска. В книге говорится, что когда готовился проект поста-

новления о производстве танков на Урале, никому из членов комиссии и в голову не приходило, что война начнется так скоро. И уж тем более едва ли в то время кому-либо приходила мысль, что именно уральские танковые заводы станут главными поставщиками танков для фронта в годы Великой Отечественной войны. И еще один пример, подтверждающий своевременность и эффективность конкретных мер, принятых партией и Советским правительством для укрепления Советских Вооруженных Сил. Война с Финляндией позволила вскрыть некоторые недостатки в оснащении войск боевой техникой и вооружением. В частности, стала ясна необходимость усилить армию минометами. И ЦК КПСС принял меры к расширению их производства. Уже в конце 1939 года В. Емельянов получил задание ЦК срочно организовать производство труб для минометов, причем первая партия труб должна была быть поставлена через три дня.

В предвоенные годы велась напряженная борьба по внедрению самой передовой технологии на оборонных предприятиях, по выпуску самой совершенной боевой техники и вооружения. Автору удалось показать пафос, а подчас и драматизм этой борьбы. Ее результаты сказались в годы Великой Отечественной войны. Промышленность нашей страны сумела тогда выпустить сотни тысяч орудий, танков, самолетов, которые не уступали, а по многим тактико-техническим показателям превосходили немецкие, точнее крупповские, поскольку предприятия военных преступников Густава и Альфрида Круппов были основными производителями военной продукции (орудий, танков и другой боевой техники) для гитлеровской армии.

В свое время крупповская администрация высокомерно относилась к советским инженерам (среди них был и автор книги), проводившим практику на немецких заводах. В. Емельянов приводит слова директора немецкого завода в Крефельде: «Вам мы можем этот процесс показать, мы его осваивали десять лет,— вы будете осваивать двадцать, а за это время мы уйдем так далеко вперед, что нынешний технологический процесс производства будет представлять интерес только для историков». Вот на чем строился расчет крупповской администрации! Получая за техническую помощь большие деньги от Советской страны и соглашаясь принять на свои заводы советских

инженеров, германские промышленники надеялись, что те не смогут овладеть сложной технологией, а если и овладеют ею, то она успеет устареть.

Небезынтересно отметить, что об этом пишет известный американский публицист Уильям Манчестер: в отличие от оружейников держав-победительниц Густав Крупп в 30-е годы оснастил свои заводы новейшей техникой, а нержавеющая крупповская сталь была признана в 1929 году лучшей в мире. Не этим ли обстоятельством объяснялось то высокомерие, которое крупповская администрация проявляла к советским инженерам? Однако наши инженеры не только в более короткие сроки освоили новейшую технологию, но и развили ее. Благодаря самоотверженному труду советских людей удалось в годы Великой Отечественной войны обеспечить армию и флот самой современной боевой техникой и вооружением.

Превосходство советской боевой техники над гитлеровской, точнее над крупповской, наглядно продемонстрировано, в частности, в битве на Курской дуге летом 1943 года. Описывая эту битву, У. Манчестер называет ее «величайшей танковой битвой в истории», в результате которой от «Орла до Белгорода сожженная земля была усыпана обломками лучшей стали» с заводов Круппа.

С большой теплотой пишет автор о советском рабочем классе, о его мастерстве и высоко развитом чувстве долга. Так, говоря о старейшем оборонном предприятии страны — Северном заводе, — автор свидетельствует: «Мастерство здесь передавалось от поколения к поколению... Опыт старших совершенствовался знаниями молодых». Самоотверженность рабочего класса помогла партии решать сложнейшие задачи по дальнейшему развитию оборонной промышленности. Когда, как пишет В. Емельянов, «наследие старой техники вошло в конфликт с новой, необходимой для обороны страны, сколько же нужно было приложить русской смекалки, чтобы находить решение всех возникающих каждодневно сложных задач производства».

В своих воспоминаниях В. Емельянов рассказывает о встречах с И. В. Сталиным, Н. А. Вознесенским, И. Т. Тевосяном, В. А. Малышевым, М. В. Хруничевым, Б. Л. Ванниковым, И. А. Лихачевым, М. Л. Рухимовичем, А. Ф. Иоффе и с другими партийными и государственными деятелями,

учеными, военными моряками, артиллеристами и танкистами, руководителями оборонных предприятий. Особенно проникновенно говорит он об Иване Тевосяновиче Тевосяне, замечательном человеке, крупном организаторе советской индустрии, внесшем большой вклад в развитие нашей оборонной промышленности. Я лично хорошо знал И. Т. Тевосяна: в ноябре 1940 года мы оба входили в состав правительственной делегации во главе с В. М. Молотовым, которая посетила Берлин. Если до этого мои отношения с И. Т. Тевосяном были официальными, то во время поездки в Берлин мы по-настоящему подружились.

Мне по долгу службы приходилось часто обращаться по тому или иному вопросу к Ивану Тевосяновичу, имевшему на протяжении всей своей службы в государственном аппарате непосредственное отношение к оборонным вопросам, к производству вооружения и боевой техники. Я не помню ни одного случая, когда правильно поставленный перед ним вопрос не получил бы быстрого и должного разрешения. При этом меня поражало отличное знание им дела, умение быстро и правильно наметить конкретный план действий и проявить вовремя сильную и разумную волю для его реализации. Все эти качества снискали ему огромную популярность и любовь как среди тех, кто с ним работал в аппарате, так и со стороны рабочих и инженерно-технического персонала промышленных предприятий. Мне понятна поэтому та теплота, с которой автор воспоминаний пишет о Тевосяне. Ведь он начинал свою деятельность в оборонной промышленности под непосредственным руководством этого замечательного человека.

Внимание читателя привлекут и те страницы книги, где ее автор делится воспоминаниями о встречах с И. В. Сталиным. В книге, в частности, описан прием в Грановитой палате в честь героинь-летчиц Гризодубовой, Расковой и Осипенко, на котором И. В. Сталин произнес всех взволновавшую речь о женщинах. «Я сидел, — пишет В. Емельянов, — задумавшись. И вдруг где-то как электрический ток пробежало: «Ну почему он не всегда такой?» Да, И. В. Сталин мог быть внимательным. Мне, много лет проработавшему под непосредственным руководством И. В. Сталина, неоднократно приходилось видеть его таким. Но, к сожалению, как известно, он был и иным. Об этом тоже сказано в книге,

в ее главах «Экранная броня», «Разоблаченная легенда» и в некоторых ее других местах.

В воспоминаниях В. Емельянова рассказывается и о том, как партия вела борьбу за организованность и дисциплину на предприятиях, воспитывала советских людей в духе уважения законности и правопорядка. Не умолчал автор книги и о людях, которые, будучи поставлены партией на ответственные посты в оборонной промышленности, больше заботились о своих кабинетах, чем о деле, любили тешить своих подчиненных анекдотами, а не руководить ими. Имена такого рода «деятели» названы в книге. Они недолго продержались на своих

постах. Этот факт тоже многозначителен. Он свидетельствует об умении нашей партии избавляться в интересах дела от нерадивых работников, какое бы положение они ни занимали.

Книга В. Емельянова «На пороге войны» интересна и поучительна. Это не только правдивый рассказ о самоотверженном труде тех, кто, обгоняя время, создавал советскую оборонную промышленность. Его книга учит, как надо заботиться о священном для всех нас деле — дальнейшем укреплении обороноспособности советской отчизны.

А. ВАСИЛЕВСКИЙ,
Маршал Советского Союза.

У ИСТОКОВ СОВЕТСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

А. О. Чубарьян. В. И. Ленин и формирование советской внешней политики.
М. «Наука». 1972. 315 стр.

Дипломат ленинской школы Г. В. Чичерин писал в 1924 году, что еще не настало время для полного изложения стройной ленинской системы внешней политики: «Только впоследствии, когда все материалы по нашей внешней политике за период, когда В. И. Ленин руководил делами, будут собраны и систематизированы и когда целый ряд острых вопросов наших дней отойдет в историю, можно будет восстановить в стройную систему внешнюю политику Советской республики, как ее понимал Владимир Ильич»¹.

Теперь, когда проведена огромная работа по собиранию и изучению ленинского наследия, настало время для такого полного и систематического исследования роли В. И. Ленина в формировании советской внешней политики. За последние годы у нас появился ряд трудов, в которых на основе новейших публикаций ленинских документов и материалов, архивных изысканий все более полно раскрывается история становления Советского государства, его внешняя и внутренняя политика и руководящая роль В. И. Ленина в этих вопросах.

Недавно вышла в свет книга А. Чубарьяна, в которой анализируется роль Ленина как основоположника советской внешней политики. Автор ее, учитывая результаты

предшествующих исследований в этой области, сделал шаг вперед в изучении самой проблемы формирования советской внешней политики на первом этапе существования Советского государства. Появление работы А. Чубарьяна представляется особенно важным сейчас, когда отмечается пятидесятилетие образования Союза ССР.

Автор довольно полно использует ленинские документы, из которых наибольший научный и политический интерес представляют те, что опубликованы в последние годы. Вводимые в научный и публицистический оборот, эти материалы позволяют исследователю как бы заглянуть в творческую лабораторию Ленина, который не только в своих публичных выступлениях, но и в многочисленных рабочих документах как глава Советского правительства определял всю внешнюю политику страны. Несомненным достоинством книги А. Чубарьяна представляется ее полемическая направленность против тенденциозных концепций, имеющих хождение в современной буржуазной историографии.

Трудность освещения ленинской системы внешней политики заключается в том, что сам Ленин не свел воедино, не изложил в обобщенном систематизированном виде свой подход специально к проблемам внешней политики. Это отчасти можно объяснить тем, что он рассматривал внешнюю

¹ Г. В. Чичерин. Статьи и речи. М. 1961, стр. 276.

политику как неразрывную составную часть политики вообще и не отделял методологию подхода к внешней политике от социально-экономического и политического анализа. По выражению Г. Чичерина, стройная и цельная система внешней политики была у Ленина в голове.

Уже в трудах дооктябрьского периода Ленин применил и раскрыл научную методологию подхода к политике, в частности к международным отношениям и внешней политике государств. Автор рецензируемой книги в главе «Разработка В. И. Лениным основ внешней политики социалистической России (дооктябрьский период)» подробно остановился на выступлениях вождя в период первой мировой войны, показывающих связь политических требований и лозунгов интернационалистов-ленинцев с теорией социалистической революции.

В буржуазной историографии намечалась определенная тенденция игнорировать научно-теоретическую основу и объективную значимость ленинской политики, сводя ее к умелому использованию развитой еще в XIX веке концепции «баланса сил». Особым нападкам с ее стороны подвергаются выводы марксистов-ленинцев о закономерностях исторического процесса, в силу которых в странах мира происходит замена капитализма социализмом. На понимании этих исторических закономерностей и основаны ленинские принципы внешней политики: принцип интернационализма в отношениях между народами, ведущими борьбу за свое социальное и национальное освобождение, и принцип мирного сосуществования между государствами социалистической и капиталистической системы.

А. Чубарьян положил в основу своего анализа два, как он выражается, «внешне-политических комплекса», под которыми автор понимает события, связанные с Брестским миром и Генуэзской конференцией. В книге обстоятельно показана борьба Ленина за выход из империалистической войны и заключение мира между Советской Россией и Четверным Союзом. Правда, международная обстановка, положение внутри страны и в самой партии в тот период, а также подробности дипломатической борьбы в период Брест-Литовских переговоров (чему автор отводит немало места) теперь уже достаточно широко освещены в специальной литературе. Поэтому ныне больший интерес вызывают не исторические факты как таковые, а анализ того, как фор-

мировался внешнеполитический курс нашего государства, как складывались основополагающие идеи и установки в области международной политики, имеющие долговременный, принципиальный характер. Ведь именно в период Брест-Литовских переговоров перед партией впервые встали следующие вопросы: допустимо ли вообще вступать в какие бы то ни было соглашения с империалистическими державами? возможно ли мирное сосуществование социалистического государства с капиталистическими? каково соотношение национальных, то есть государственных интересов страны, где победил социализм, с интересами «мировой революции» или интернациональными обязательствами социалистического отечества?

Уже в ленинском Декрете о мире и других внешнеполитических актах Советского правительства (их разбору А. Чубарьян посвятил специальную главу) сформулированы основы советской внешней политики: интернациональная идея равноправия всех наций, осуждение империалистической войны как преступления против человечества, стремление к установлению мирных отношений между народами. И то, что историки и публицисты вновь и вновь обращаются к анализу Декрета о мире, объясняется не только тем, что с него начинается формирование собственно внешней политики Советского государства. Это программный принципиальный акт долговременного значения. Декрет о мире, Декларация прав народов России, Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа послужили принципиальной основой сплочения народов в интернациональную общность — в единое многонациональное государство.

А. Чубарьян, выпустивший несколько лет назад монографию «Брестский мир», вновь подтвердил свое глубокое знание литературы, исторических источников, относящихся к заключению Брест-Литовского договора. Но теперь он шире, чем прежде, подошел к брестскому опыту, стремясь выявить решение в период Бреста таких вопросов, которые важны для всего периода перехода стран мира от капитализма к социализму. Автор, к примеру, обстоятельно разбирает отношение В. И. Ленина к проблеме развития мирового революционного процесса и укрепления внешнеполитических позиций первого социалистического государства.

То, что исследователю хорошо известны позиция Англии, Франции и США. их отно-

шение к Советской России в тот период, позволяет ему показать сам процесс формирования советской внешней политики. Однако вывод, который делает А. Чубарьян, изложив материал в главе «Буржуазный мир и Советская Россия», относительно того, как позиция капиталистических держав воздействовала на выработку принципиальных направлений советской внешней политики, нуждается в уточнении. Автор пишет: «Таким образом, позиция буржуазного мира в отношении Советской страны после Октябрьской революции оказывала весьма существенное влияние на процесс формирования принципиальных направлений (подчеркнуто нами.— А. А.) советской внешней политики и дипломатии, на становление ее форм и методов». Позиция крупнейших мировых держав оказывала влияние на выбор форм и методов советской внешней политики в тот период, но, конечно, не могла «существенно влиять» на ее «принципиальные направления».

Основные, принципиальные направления нашей внешней политики определил Декрет о мире, который в известном смысле явился вызовом империалистической политике войны. Ей противопоставлялась программа демократического мира. Опубликование тайных дипломатических договоров наносило удар по империалистической колониальной политике. Принципиальный курс на борьбу против империализма и колониализма, поддержка народов, борющихся за свое социальное и национальное освобождение, предопределялись классовой природой социалистического государства. Таким образом, позиция отдельных империалистических держав могла оказывать известное влияние на выбор форм сосуществования социалистического государства с ними, на конкретные виды и масштабы компромиссов, но не на принципиальные линии.

Задачу истинно революционной партии В. И. Ленин видел не в том, чтобы зарекаться от любых компромиссов, а в том, чтобы «через все компромиссы (курсив в оригинале.— А. А.), поскольку они неизбежны, уметь провести верность своим принципам, своему классу, своей революционной задаче...»². Даже такой крупнейший компромисс, как Брестский мир, не повлиял существенно на основополагающие направления советской внешней политики. Величай-

шая прозорливость В. И. Ленина как государственного деятеля и заключалась в том, что он отчетливо представлял себе пределы уступок, грань между принципиальными позициями и дипломатической тактикой.

Ведущие направления советской внешней политики сложились практически в первые же годы победы Октября. Они развивались и в дальнейшем, оставаясь неизблемыми в своей классовой основе.

В книге А. Чубарьяна показано, что ленинские Тезисы по вопросу о мире, его статьи, участие в дискуссиях имели решающее значение для утверждения правильной линии во внешней политике, учитывающей национальные интересы Советского государства и его интернациональный долг. В этом смысле итоговые выводы автора в первой части книги представляются важными, тем более что они основаны на большом количестве фактов. В период Бреста Ленин и его соратники практически решали сложный принципиальный внешнеполитический вопрос стратегии социалистического государства — вопрос о содействии мировому революционному процессу и национально-освободительным движениям при одновременном установлении мирных отношений с капиталистическими государствами.

На наш взгляд, нуждается в уточнении и вывод А. Чубарьяна о том, что в период Бреста Ленин еще не ставил вопрос о формах и методах взаимоотношений со странами капитализма. Ведь эти вопросы не только возникали, но и решались уже в первые месяцы после Октября. Кстати, об этом свидетельствуют и материалы самого исследования. Готовность вести переговоры, заключать мирные экономические соглашения, обмениваться официальными представителями (все это и есть формы и методы взаимоотношений) была выражена Лениным публично не раз со дня Октябрьского переворота.

Другое дело, что после Бреста Ленин и его соратники вновь и вновь возвращались к вопросу о конкретных путях налаживания отношений с отдельными странами капиталистического мира. В этой связи представляет интерес дальнейшее развитие принципа мирного сосуществования в 1918—1921 годах и появление самого термина «мирное сосуществование». Для выявления генезиса понятия «сосуществование» представляются ценными ленинские интервью иностранным корреспондентам.

Эти интервью (некоторые из них исполь-

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 133.

зованы А. Чубарьяном) интересны в связи с выработкой Лениным курса на сосуществование с капиталистическими странами, особенно с США и Японией.

А. Чубарьян приводит два идентичных высказывания Ленина о желательности концессий для Советской России «в течение того периода, когда будут существовать рядом социалистические и капиталистические государства»³, или (в современном переводе с английского) «во время сосуществования социалистической и капиталистических стран»⁴. В этих двух документах, относящихся к концу 1919 года, — в письме «Американским рабочим» и в интервью Мак Брайду для газеты «Крисчен сайенс моитор» — Ленин, по существу, впервые пользуется термином «сосуществование», хотя сама идея была выражена им ранее.

На генезисе этого термина автору следовало остановиться подробнее, тем более что буржуазная пропаганда утверждает, якобы Ленин н и к о г д а не говорил о мирном сосуществовании социализма и капитализма. Между тем известно, что в 1919—1920 годах Советское правительство приложило немало усилий для налаживания нормальных отношений с США и Ленин уделял этому серьезное внимание. А. Чубарьян не касается вопроса о миссии Л. Мартенса, явившейся первой практической попыткой советской дипломатии добиться взаимопонимания с США. В книге приводится высказывание о подходе Ленина по этому вопросу: «Мы решительно за экономическую договоренность с Америкой, — со всеми странами, но особенно с Америкой».

Автор считает, что в 1917—1918 годах В. И. Ленин лишь «в общей форме поставил проблему установления мирных отношений с капитализмом». Подробная разработка политики мирного сосуществования произошла, по его мнению, позднее, уже в ходе подготовки к Генуэзской конференции. «В 1921—1922 годах, — пишет он, — Ленин сформулировал советскую концепцию мирного сосуществования, ее основы, формы и методы».

Но ведь разработка Лениным концепции мирного сосуществования, как уже отмечалось выше, явилась непрерывным творческим процессом, который продолжался в

течение всего периода после Октября. Поэтому едва ли верно говорить, что сама концепция сформулировалась лишь к 1921—1922 годам. От Декрета о мире, где выражена готовность установить мирные отношения с капиталистическими государствами, до директив советским дипломатам в Геную, в которых основой мирного сосуществования предлагалось рассматривать признание равноправия систем собственности, то есть в период с 1917 по 1922 год, Ленин формулировал советскую концепцию мирного сосуществования, ее различные аспекты, неоднократно пользуясь понятием «мирное сосуществование». В 1922 году, когда сложились объективные условия для участия нашей дипломатии в общеевропейской конференции, советская делегация в Генуе (на основе ленинских директив) впервые официально предложила признать «параллельное существование» государств с противоположными системами собственности. Поэтому точнее, пожалуй, сказать, что разработанный ранее принцип мирного сосуществования в 1922 году в дипломатическом порядке был выдвинут как основа для сотрудничества государств.

Путь, пройденный Советской страной за четыре года от Бреста до Генуи, — это путь, сопровождавшийся сложной борьбой за утверждение международного статуса социалистического государства. Генуэзская конференция несомненно знаменствовала крупный успех ленинской внешней политики и дипломатии. Советская Россия была признана де-факто многими государствами Европы. Ей удалось заключить равноправный договор с Германией и, отклонив необоснованные финансовые претензии западных держав, в то же время не прервать полностью нить дальнейших переговоров.

Но можно ли считать, что во время Генуэзской конференции завершилось формирование основных направлений советской внешней политики? А. Чубарьян фактически заканчивает свое исследование на генуэзском комплексе. Однако если под основными принципиальными направлениями советской внешней политики широко понимать о б щ е с о з н а ю у внешнюю политику, то ее оформление произошло, конечно, вместе с образованием Союза ССР.

Автор не касается вопроса о том, что накануне Генуи оформился единый дипломатический фронт советских республик, которые отстаивание своих общих интересов на конференции и заключение договоров

³ Там же, т. 39, стр. 197.

⁴ Сборник «Письма В. И. Ленину из-за рубежа». М. 1966, стр. 364.

поручили делегации РСФСР. После Генеу советская дипломатия базировала свою активность на Рапалльском договоре, добиваясь распространения его на другие союзные республики, что и было достигнуто в ноябре 1922 года. Большое значение для формирования основных направлений советской внешней политики имела и реализация выдвинутого в Генеу предложения обсудить проблемы разоружения. В декабре 1922 года в Москве состоялась дипломатическая конференция РСФСР и соседних буржуазных государств по вопросам сокращения вооружений.

Образование Союза ССР — важная веха во внешней политике и дипломатии нашего государства. В Договоре, увенчавшем создание Союза ССР, четко определена не только внутренняя компетенция, но и внешние функции общесоюзных органов: представительство в международных делах, государственные границы Союза, прием новых республик в его состав, решение проблем войны и мира, заключение внешних государственных займов, ратификация международных соглашений, определение системы внешней торговли и т. д. Образование Сою-

за ССР упрочило международные позиции всех союзных республик, так как в ходе создания единого Союза четко определились задачи внешней политики союзного государства. Вот почему в исследовании о формировании советской внешней политики следовало, на наш взгляд, охватить, по крайней мере, весь 1922 и даже 1923 год. Это необходимо еще и потому, что Ленин, несмотря на тяжелый недуг в конце 1922 и начале 1923 года, продолжал уделять внимание проблемам международных отношений. Не только его последние публичные выступления конца 1922 года, но и продиктованные им статьи свидетельствуют о внимании Ленина к проблемам советской внешней политики.

Отмеченные нами недочеты не умаляют серьезных достоинств книги А. Чубарьяна. Исследователь на большом фактическом материале убедительно показал направляющую роль Ленина в формировании главных принципов внешней политики многонационального Советского государства.

А. АХТАМЗЯН,

кандидат исторических наук.

★

СЛУШАЕТСЯ ДЕЛО...

Наталья Четунова. Человек идет по городу... М. «Советский писатель».
1971. 238 стр.

На книжных прилавках ежегодно появляются немало книг, биографии которых начинаются с газеты. Далеко не все из них, переселившись с газетной полосы в книгу, обретают второе дыхание. Порой этот процесс носит характер искусственный, когда с помощью такого переселения предпринимается безуспешная попытка гальванизировать статью или очерк, сыгравшие свою роль в плане газетном и не рассчитанные на долгую жизнь.

Но было бы непростительным грехом предавать забвению те материалы из периодики, что выдерживают испытание временем, сочетая в себе злободневность с глубокой разработкой проблемы, и дают возможность читателю за конкретным фактом, эпизодом увидеть явление, испытать силу нравственного воздействия словом.

Но стану приводить перечень такого рода произведений, хотя их и не так уж много. По чистоте же «газетного происхождения»

открыть такой перечень, пожалуй, следует книгами В. Пескова и А. Аграновского. Читатели «Комсомольской правды» и «Известий» хорошо знают имена этих журналистов-писателей, чьи выступления в прессе, столь различные по жанру, отличаются завидным долгожительством. Отнюдь не кокетством прозвучало признание В. Пескова по телевидению: «Я не пишу книг; я пишу в газету». Это так. Книга — итог повседневного творческого деяния журналиста, его активного вторжения в жизнь, частица его самого, его верований, надежд. Все это в полной мере относится и к Н. Четуновой. О ее очерках, статьях, многие из которых публиковались в «Литературной газете», собранных в книгу «Человек идет по городу...», можно по праву сказать: прежде чем написать их, автор все это прожил.

Глубокая убежденность, искренность, со-единенные со знанием дела, сообщают пуб-

лицистике Четуновой абсолютную достоверность и вызывают незамедлительный и живейший отклик читателей. Какой поток мыслей, предложений, а порой и возражений рождают ее выступления на судебно-правовые темы! Нередко они служат основой для острых дискуссий, разгорающихся на страницах газеты. Многолетние личные наблюдения — мне приходилось сталкиваться с Четуновой по работе — позволяют сказать о ней самой то, что она превыше всего ценит в людях: не получая и не ища никаких личных выгод, а жертвуя, напротив, своим временем, силами, удобствами, здоровьем, она только тогда и счастлива и довольна, когда растет и крепнет дело, которому она служит. Жизнь у нее богата и радостью и бедами, и друзьями и врагами — борьбой.

Большой раздел книги озаглавлен «Суд идет...». Разные дела приводят Четуну в залы судебных заседаний, в кабинеты прокуроров, судей. Чаще всего это жалобы на неправосудные приговоры, на чью-то клевету, оговор. Эти человеческие документы и ложатся нередко в основу публицистических выступлений писательницы, в которых конкретные судьбы людей переплетаются с проблемами правосознания в самом широком смысле этого понятия, с острыми вопросами судостроительства, законодательства, воспитательными функциями судебного процесса. Для Четуновой не существует мелочей в том, что касается отправления правосудия: важно все — от внешнего вида судебного зала до интонаций судьбы.

«Случалось ли вам, читатель, бывать на судебном заседании, где правильно посадили в тюрьму вора, правильно осудили мошенника, где в общем все было правильно, но откуда люди ушли с тяжелым чувством возмущения несправедливостью? — пишет Четунова. — Не такой несправедливостью, на которую можно пожаловаться в кассационную инстанцию, а такой, какая мелкими уколами кровенит душу, отнюдь не переходя за рамки «законности»? Просто судья, не дослушав свидетеля, оборвал его грубым или бестактным словом, просто не заметил тяжелого душевного состояния подсудимого, просто не понял, о чем, волнуясь, нескладно толкует малограмотная старуха — потерпевшая, или просто выражением лица, жестом, тоном голоса выказал свое презрение, или раздражение, или пренебрежение к тому или другому участнику процесса... В этих случаях, — справедливо резюмирует автор, — судебное заседание «воспитывает» не-

уважение к суду и неверие в справедливость».

Пафосом высокой гражданственности проникнут разговор Четуновой о делах судебных. Она широко распахивает двери залов, в которых идут процессы над людьми оступившимися, над преступниками, шаг за шагом исследуя вместе с судьями конфликтные ситуации, за которыми часто встают сложные проблемы социального, нравственного, психологического характера. Очень важно, что в сам процесс исследования автор вовлекает читателя, заставляя его задумываться над широким морально-этическим кругом вопросов, стоящих за внешне мелкими делами.

Я говорила уже, что, прежде чем написать книгу, писательница ее прожила. Понимать это следует буквально, хотя Четунова нигде не упоминает о том, скольких усилий, терпения вложено и лично ею в расследование той или иной жалобы, какую упорную борьбу приходится ей порой вести для восстановления истины. Характерна в этом смысле история трагической судьбы бухгалтера Букреевой, осужденной в результате судебной ошибки к длительному сроку заключения. Рассказано об этом в очерке «Оговор».

Судебное дело, досконально изученное писательницей, служит ей не только материалом для доказательства невиновности Букреевой, но и для глубокой разработки самой проблемы оговора, тенденции, все еще порой бытующей в делах судебных, — стремления виновных из мести свалить с большой головы на здоровую, ввести в заблуждение судебно-правовые органы, посадить на скамью подсудимых невинного. Нетрудно представить масштабы беды, могущей обрушиться на голову человека, ставшего объектом мести преступника, если в процессе следствия и судебного разбирательства будут допущены хоть малейшие нарушения нашего законодательства. Не ограничиваясь рассмотрением одного лишь дела Букреевой, писательница проводит буквально социологическое исследование. Она знакомится с бюллетенями Верховных судов РСФСР и СССР за многие годы и в результате приходит к выводу: значительное число приговоров, отмененных Верховными судами из-за необоснованности, недоказанности обвинения, связано с некритическим, легковерным отношением к оговору, лжесвидетельству.

Логика исследования подводит автора к проблеме наказания за оговор. В нашем уголовном кодексе, пишет она, есть статья, ка

рающая за ложный донос. Почему так редко применяют ее судьи? И далее она ведет гражданственно страстный разговор о нравственной ответственности судей, адвоката, прокурора за судьбу человека, оказавшегося на скамье подсудимого. Органично спаяны, как звенья единой цепи, различные аспекты одной и той же проблемы. Она рождает уйму вопросов, сомнений, предложений, которыми делится с читателями Четунова.

Не послужит ли надежным средством предупреждения неправосудных приговоров участие в отдельных случаях адвоката в следствии с самого начала, с момента предъявления обвинения? — размышляет Четунова. Чтение документов судебного заседания заставляет ее поставить и такой немаловажный вопрос, как культура ведения протоколов. И здесь в поле ее зрения не одно лишь дело, а множество, потребовавших от нее тщательного изучения. Она напоминает о постановлении одного из пленумов Верховного суда СССР, строго предупредившего против небрежностей, неточностей в ведении протоколов. Ведь в результате такой небрежности, сказано в постановлении, «не представляется возможным решить вопрос о правильности действий суда и о соответствии приговора данным, установленным в судебном заседании».

Какой же выход? А что, если поставить в зале суда магнитофон? Ведь он автоматически устранил бы грубости и бестактности, позволил бы точно фиксировать и содержание и тон каждого произнесенного в зале суда слова, а главное, создал бы возможность при сомнениях и спорах, при пересмотре дел в высших судебных инстанциях восстановить точно сам судебный процесс.

Так расследование одного дела вызвало цепную реакцию взаимосвязанных проблем судопроизводства, без учета которых затруднен поиск истины.

Многие статьи Четуновой полемичны, вызывают желание спорить, размышлять над поднятыми проблемами, но никого не могут оставить равнодушными, ибо в основе их — человек, оказавшийся в данном, конкретном случае в ситуации трагической по собственной ли вине, по воле ли обстоятельств. Одна, но пламенная страсть владеет писательницей, одна мысль неизменно присутствует в ее публицистических выступлениях: единственно надежное средство воспитания и перевоспитания человека — уважение, доверие и доброта.

...Чезаре Беккариа. Два века отделяют нас

от времени, когда появился ставший вскоре знаменитым его трактат «О преступлениях и наказаниях», в котором юрист-гуманист XVIII века первым поднял голос протеста против утвердившейся в его время практики (и обосновывающей ее теории) жестокостью и только жестокостью вести борьбу с преступностью. «В те времена и в тех странах, — писал в своем трактате Беккариа, — где были наиболее жестокие наказания, совершались и наиболее кровавые и бесчеловечные преступления, ибо тот же самый дух зверства, который водил рукой законодателя, управлял рукой и отцеубийцы и разбойника».

Казалось бы, далекие времена! Канули в прошлое многие и многие проблемы, занимавшие умы Беккариа и его современников. Многие, но не все. Остродискуссионным и поныне остается вопрос о наказании. Вот почему так часто обращается Четунова к классическому трактату Беккариа. Столетие спустя, напоминает автор рецензируемой книги, положение Беккариа, обоснованное уже неоспоримыми данными широко публикуемой статистики, подтверждает Маркс: «...История и такая наука, как статистика, с исчерпывающей очевидностью доказывают, что со времен Каина мир никогда не удавалось ни исправить, ни устрашить наказанием. Как раз наоборот!»

Не следует впадать в грех простодушия и полагать, будто ныне начисто перевелись сторонники борьбы с преступностью мерами жестокости. Достаточно обратиться к дискуссиям, периодически возникающим на страницах газет по этому поводу, чтоб убедиться в обратном. Чаще всего в таких дискуссиях сталкиваются две крайние и как бы взаимоисключающие точки зрения: одна — за жестокость, другая — против. При этом и противники жестокости в пылу полемики впадают в крайность, призывая лишь к милосердию и снисходительности. В основе судебной публицистики Четуновой неизменно присутствует мысль о недопустимости подобных волонтаристских решений проблем борьбы с преступностью. Она неустанно пропагандирует, отстаивает гуманистическую идею социалистической правовой науки и практики, требующих справедливости и обоснованности приговора, соразмерности наказания совершенному преступлению.

Что касается отношения читателя к проблемам, волнующим Четунову, она отнюдь не требует безоговорочного согласия с ней.

«...Лучше, если мои мысли вызовут вас на спор, заставят взглянуть на затронутые темы по-иному, поведут к новым решениям... Ведь даже принятое уже решение — идет ли речь о судоустройстве, о градостроительстве или о профсоюзах—о любом общенародном деле — порождает новые вопросы и задачи, ждущие новых споров и новых решений».

Второй раздел книги «...Но гражданином быть обязан» охватывает широкий круг тем. Речь в нем идет о градостроительстве, о жизни и работе партийных организаций, о колхозной деревне. И здесь внимание писательницы обращено прежде всего к людям, повстречавшимся ей на дальних и близких журналистских дорогах и которые, как говорит она, «показались мне счастливыми и

сильными своим деятельным участием в улучшении жизни... увлеченностью большими, нужными обществу делами». При всей значительности этого второго раздела, все же остается ощущение некой искусственности в сплаве его с публицистикой судебной. Оба раздела живут в книге своей особой жизнью, и, думается, издавать их следовало бы раздельно.

Небольшая емкая книга — итог не одного года жизни и деятельности писательницы. Книга вобрала в себя многое из того, что жило и боролось на страницах газет, и, опираясь на прочный фундамент общественно значимых проблем, обрела второе дыхание и продолжает активно работать.

В. ЕЛИСЕЕВА.

ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ «ВЕЛИКОГО ОТКАЗА»

Р. Штейгервальд. «Третий путь» Герберта Маркузе. Перевод с немецкого. М. «Международные отношения». 1971. 339 стр.

Буржуазный философ Герберт Маркузе широко известен своими весьма агрессивными антикоммунистическими и антисоветскими высказываниями. Это, естественно, в большой степени предполагает и апологетичность его взглядов по отношению к буржуазным порядкам. Но в таком случае его идеи не должны были бы пользоваться симпатией со стороны антиимпериалистической оппозиции. Однако не менее известно и то, что «леворадикальная» бунтующая молодежь и значительная часть оппозиционно настроенной интеллигенции капиталистических стран, широкое движение «новых левых» объявляют его своим кумиром и идейным отцом.

В одном из интервью журналу «Шпигель» Г. Маркузе отверг такое отцовство. «Я не отец и не дедушка новых левых», — заметил семидесятилетний профессор, но тут же добавил, что охотно бы стал таким отцом, если бы только ему не была противна авторитарно-патерналистическая поза. Ведь он же не отвергает это движение. Более того, он рассматривает его как «важнейший, если не единственный шанс будущих радикальных изменений» и весьма доволен той гармонией, которая установилась между его идеями и опытом «новых левых». «Да, но вы не забывайте, — под-

черкивает тут же философ, — что я все еще марксист»¹.

Спекуляция именем Маркса — один из способов, применяемых Маркузе с целью обеспечить принятие его идей в кругах мелкобуржуазной оппозиционной интеллигенции. Автор рецензируемой книги со знанием обстановки утверждает, что в ФРГ, например, еще никогда не наблюдалось столь большого интереса к марксизму, подлинного стремления серьезно, хотя не редко лишь в чисто созерцательном духе, изучить марксизм. Тем более вредоносна предпринимаемая Маркузе спекуляция. Он будто бы идет навстречу желанию не удовлетворенных фразеологией официальной пропаганды интеллигентов ознакомиться с марксизмом, но критикует при этом марксистов-ленинцев, практику реального социализма, революционную науку, выдавая эту критику за восстановление подлинного образа мыслей Маркса. Таким образом он спекулирует именем Маркса в интересах антикоммунизма, сбывая с толку многих искренне ищущих правды людей. Автор подчеркивает, что такого рода критика марксизма принимается многими представителями откровенно буржуазных, реформистских, а также ревизионистских кругов как наибо-

¹ „Der Spiegel“. № 31. 1969. S. 103.

лее действенная. Не случайно же активисты различных оппортунистических, правых и левобуржуазных идеологических течений используют Маркузе как своего свидетеля в борьбе против реального социализма, марксизма.

Один из теоретиков австрийской социал-демократии, Н. Лезер, в статье «Старые и новые левые», напечатанной в журнале «Цукунфт», оценил систему Маркузе как «творческое достижение высокого ранга», главная заслуга которой в том, что она наконец-то «сделала необходимые наставления классическому марксизму, одернула его»². Известно также, что буржуазная пропаганда называла Маркузе третьим «после Маркса и Мао», и т. п.

Но следует ли серьезно относиться к такого рода теориям, представляющим собой окрошку из троцкизма, анархизма, право-оппортунистических и маоистских тезисов, претендующим к тому же на то, чтобы называться марксистскими, могут ли они иметь широкое распространение вследствие своей эклектичности?

Изучение особенностей идеологической классовой борьбы в современную эпоху, как это справедливо подчеркивается в рецензируемой книге, показывает нам, что в данном случае речь идет не только о проблематике, связанной с одним определенным идеологом, но о коренных идеологических процессах в тех слоях буржуазии, которых объективные общественные изменения толкают к развитию влево, но которые еще не встали на путь революционного рабочего движения или не восприняли его марксистской теории. «Теория Маркузе не есть каприз отдельной личности,— цитирует автор предисловия Я. Фогелер выступление Р. Штейгервальда на теоретической конференции во Франкфурте-на-Майне в 1970 году.— Она выразила в понятиях суть настроений целого социального слоя. Речь идет о той части новой, особенно интеллектуальной мелкой буржуазии, которая сознает, что она живет в исторически безвыходном положении, но все же не готова еще полностью и безоговорочно перейти на позиции социалистического рабочего движения. Оставаясь между фронтами, она предпочитает оправдывать эту свою позицию утонченным антисоциализмом».

Западногерманский философ Р. Штейгервальд глубоко исследует в своей книге фи-

лософию и политику так называемого «третьего пути» и предлагает весьма обстоятельную критику теоретических заблуждений одного из ведущих представителей этой философии — Г. Маркузе.

При оценке источников современной левобуржуазной оппозиции автор обращается к анализу некоторых особенностей противоречий современного империализма, обострения этих противоречий, присущей империализму тенденции к ликвидации демократических свобод. С одной стороны, подчеркивается в рецензируемой книге, имеет место небывалый рост производительных сил, благодаря чему созданы небывалые материальные средства для лучшей жизни всех членов общества, с другой — беспримерная монополизация богатства и власти узким слоем представителей монополистического капитала, что обуславливает злоупотребление огромными средствами и силами в деструктивных целях (гонка вооружений, агрессия во Вьетнаме).

Официальная пропаганда рекламирует современное капиталистическое общество как «общество всеобщего благоденствия». Однако противоречия и трудности экономической жизни 60-х годов показали, что ни одно капиталистическое государство не избежало значительных циклических колебаний и спадов в экономике, что капиталистическую систему лихорадит острый валютно-финансовый кризис, что даже в наиболее развитых странах капитала миллионы людей испытывают муки безработицы и нужды, неуверенность в завтрашнем дне. Вмешательство господствующих сил в жизнь многочисленных средних слоев населения, выразителем интересов которых является Маркузе, имеет место не только в сфере крупных политических и экономических проблем, но проникает буквально повсюду. «Людам подчас может казаться, что они действуют по своей воле,— замечает венгерский ученый Б. Кёпечи в книге «Реформа или революция?»,— в то время как они являются всего-навсего лишь орудиями совершаемых в интересах данного общественного строя скрытых манипуляций. В «потребительском обществе» все направлено на то, чтобы человек во всем, начиная с выбора шнурков для ботинок и кончая пристрастием к той или иной музыке, подчинялся нормам определенного образа жизни»³.

² „Die Zukunft“, Н. 4. 1968, S. 23.

³ K ö p e c z i B é l a. Reform vagy forradalom? Budapest. 1970, old. 44.

В такой обстановке все отчетливее выявляется обострение внутрикапиталистического противоречия между так называемой индивидуальной буржуазной свободой, с одной стороны, и усилением государственно-монополистической диктатуры — с другой. Находящийся под влиянием мелкобуржуазной идеологии индивид хочет быть свободным. Но он не видит, что для получения этой свободы необходимо преобразование производственных отношений. Он хочет быть свободным вообще, в смысле полной автономии, свободным от любой детерминации. Непонимание классового содержания действующей в условиях капиталистического строя «детерминации» придает такому «стремлению к свободе» анархистский характер. В основе его — абстрактная критика общественных процессов: раз империализм использует власть, организацию, дисциплину, то все это уже «само по себе плохо». «Спонтанный позитивистский подход к государственно-монополистическим порядкам при отрицательном отношении этих сил к коммунистической организованности, дисциплинированности и социалистической власти, — подчеркивает доктор Штейгервальд в статье «Интеллектуальный радикализм в ФРГ и наносимый им ущерб», опубликованной в журнале «Новая мысль», — все это ведет к развитию у мелкобуржуазных левых сил прежде всего антиинституциональных, анархических черт»⁴. Эта антиинституциональность мелкобуржуазного радикализма включает в себя не только оппозицию государственно-монополистическому характеру системы, отмечается в книге, но и отрицательное отношение к реально существующему социализму. Таковы истоки и один из аспектов социальной направленности маркузианства.

Весьма существенным в книге является выяснение апологетического по отношению к капитализму характера теоретических изысканий Маркузе. Автор глубоко вскрывает как социальные, так и теоретические основы этой замаскированной оппозиционностью апологетики.

В работах Маркузе мы найдем немало острокритических замечаний о том, что нынешнее капиталистическое общество вследствие растущей концентрации и тем самым растущей власти экономического, политического и культурного контроля души всякую оппозицию, грубо подавляет

все, что выступает против его сущности. Эта критика находит отклик среди тех, кто подвергается подобной репрессивности. Маркузе, как это может показаться на первый взгляд, открывает даже реальную перспективу преодоления нынешней несправедливости. Он отмечает, например, что достигнутый уровень производительных сил обеспечивает ныне преодоление материальной нужды и делает возможным существование иного вида свободы. О так называемой «сверхрепрессии», или дополнительной репрессии, осуществляемой только в интересах сохранения власти, он говорит как об излишней, подлежащей революционному преодолению.

Но Маркузе тут же как бы забирает одной рукой то, что дал другой.

Дело, оказывается, в том, что современная цивилизация порождает целую систему факторов, обладающих интегрирующим эффектом, который может предотвратить социальные изменения. Создается некая всепобеждающая заинтересованность в сохранении индустриального статус-кво. Человек развитого индустриального общества вследствие осуществляемых по отношению к нему манипуляций начинает отождествлять себя с существующим строем и теряет, таким образом, способность искать выход за его пределы. Даже государственный аппарат, это мощнейшее орудие политической власти монополий, представляется ему в таком аспекте рассмотрения лишь средством благоденствия, воплощением разумности, коллективной потребности. Ибо ведь с помощью его достигается рациональность новой производительности, а следовательно, и лучшее удовлетворение потребностей. Перед лицом такой рациональности сглаживаются все антагонизмы. Интегрируется и пролетариат, теряющий свою былую революционность.

Так социальная система капитализма освобождается от положения обвиняемого. Весьма привлекательная для многих неопытных в политике людей «критичность» маркузианства сначала крепко берет в плен своим внешним радикализмом, с тем чтобы тут же превратить пленников в покорных слуг системы. Не случайно же ныне теоретики правой социал-демократии так высоко оценивают систему Маркузе.

Безусловной заслугой автора книги является глубокий анализ этой мнимой критичности маркузианства и его оборотной стороны — апологетики. Последнее роднит

⁴ „Nova mysl“, № 2, 1971, str. 235.

«левый» маркузианский радикализм с правым оппортунизмом социал-демократического толка. Это родство, как верно подчеркивается в книге, имеет не только общие в известном отношении социальные корни — приверженность буржуазности, но проявляется и в теоретическом плане. «Левый» и правый оппортунизм оказываются солидарными в распространении тезиса о потере рабочим классом революционного потенциала. Одинаковость апологетических стереотипов проявляется и в отказе признать производственные отношения базисом, определяющим общественную жизнь, а следовательно, и в отказе дать рациональное объяснение основных пороков и причин эксплуатации и угнетения человека человеком. Дело, дескать, не в капиталистической собственности, не она является источником враждебного человеку характера капитализма. А если так, то и обобществление необязательно несет человеку свободу. Здесь нетрудно найти почти буквальное совпадение текстов социал-демократических программ и маркузианских тезисов.

Однако естественно возникает вопрос о том, как же в связи с его теорией «интегрирующих эффектов» расценить заявление Маркузе, что революция все же «столь настоятельно необходима... как и ранее»? Не свидетельствует ли это заявление о попытке указать все же выход за пределы осужденной им репрессивности? И о какой революции идет речь?

Выход он действительно называет, и видит он его в «Великом Отказе» — еще одном свидетельстве маскировки апологетики с помощью ультрареволюционной фразы. Он утверждает, что система, обладающая такой способностью, как «интегрирующий эффект», не может, не в состоянии, исходя из сущности своей, изнутри взрастить силу отрицания. Интегрированные социальные слои не могут уже являться базой революционного действия. В этой системе все репрессивно. Даже прогресс культуры, прогресс техники обладают репрессивностью, ибо они несут с собой новую степень интеграции хотя бы тем, что создают новые блага, привязывающие людей к господствующей системе. Выход может быть найден только с помощью внешних сил. Это внешнее не следует понимать механически в пространственном смысле. Внешнее — это означает быть качественно вне системы. Это может быть высвобождение таких инстинктов, которые существующей системой загнаны

вглубь. Именно так может выглядеть «революционный» путь преобразования человеческой сущности. Это может быть бунт деклассированных элементов, которые не подверглись еще интеграции. Это, наконец, тотальный разрыв, полный отрыв от прошлого, внезапный скачок в некое чудесное будущее.

Как много интригующей «революционности» и как мало действительного анализа, практических рекомендаций!

Но не только отсутствием практических рекомендаций порочна эта «революционность». Маркузе, по существу, декларирует отказ от всякой подготовки революции. «Радикальность» Маркузе нацелена на отказ от учета реальных сил, способных принять участие в подготовке революции, от необходимости завоевания условий, способствующих этой подготовке. Он отрицает, отмечает автор, преемственность в отношении развитых производительных сил, он требует того же, чего добивались реакционеры всех мастей в своей критике справа буржуазно-демократического строя: «отказаться от 9-й симфонии», аннулировать буржуазную гуманистическую культуру. Он отклоняет всю традиционную политическую практику, партии, комитеты, группировки на всех уровнях, объявляет себя противником всякого использования учреждений системы, в том числе и парламента. Тут уж действительно остается лишь лозунг «бегство от капитализма», а по существу — философия безнадежности или призыв к отчаянному бунту.

Снова в маркузианском нигилизме мы улавливаем тенденции, весьма близкие к маоистскому левачеству. Однако не только своим левацким нигилизмом опасен «Великий Отказ», но и бесперспективностью.

Внутри системы, дескать, уже больше ничего нельзя сделать, ибо все существенные силы интегрированы. В качестве решающей оппозиции называются деклассированные элементы, вытесненные из решающих сфер существующего строя. «Отказ» со стороны этих слоев не может иметь столь глубоких последствий, как революция эксплуатируемых, но развивающихся классов, каковым и является рабочий класс. «Отказ» со стороны деклассированных слоев не ставит под угрозу основы самой системы. Поэтому реакция, как правило, без особого труда подавляет выступления этих слоев, даже если они по проявлению бывают более отчаянными и более шумными, чем выступле-

ния рабочих масс, а тяжелые последствия авантюризма «ультралевых» сил обрушиваются в первую очередь не на них, а на рабочих.

Маркузианский путчизм, по сути дела, представляет собой одну из разновидностей преклонения перед стихийностью, замешанной как на правом, так и на «левом» оппортунизме. Критику общества не может осуществлять философское учение, считает Маркузе. Это становится задачей историческо-социальной практики, только практики. Всякая интерпретация должна быть отброшена. Не случайно, пожалуй, с позитивистской основой стихийности маркузианского «революционаризма» корреспондирует позитивизм стихийности реформистского эволюционизма ведущих деятелей правой социал-демократии. «В Англии никогда не забегали далеко вперед при установлении пути в будущее», — писал бывший в то время лидером лейбористской партии Англии Х. Гэйтскелл. «Мы увидим, как далеко мы прошли», — приводит он излюбленное выражение другого лидера лейбористов — Герберта Моррисона, подчеркивая, что отражает оно, дескать, всеобщее английское мнение, будто можно видеть перед собой всегда только маленькую часть пути и только во время самого продвижения картина становится достаточно отчетливой...⁵. К тому же направлена и развиваемая австрийским социал-реформизмом приверженность к так называемой Tagespolitik (политике дня, политике будней) как «действий всех видов, которые пригодны лишь для того, чтобы возможно лучшим образом решать проблемы... в рамках существующего общественного порядка и существующих государственных форм»⁶.

Обратимся к примерам стихийности несколько иного рода, непосредственно связанной с влиянием Маркузе.

Вот выдержки из листовки, приведенные в статье «Гаммлеры, прово, анархисты», опубликованной в западногерманском журнале «Дойче югенд»: «Внимание! Секретная инструкция для всех прово на день анархии. Заучить на память и разжевать. Мы собираемся сегодня перед консульством США... Мы штурмуем консульство... В каждой комнате мы наносим ожоги сотрудникам консульства... Через час наши специа-

листы взрывают весь комплекс зданий консульства. После этого мы следуем к ратуше и принуждаем обер-бургомистра Брундерта провозгласить с балкона ратуши тотальную анархию...

Ответственный: Ганс Петер Э.»⁷.

Кто же такой этот Ганс Петер Э.? Кто он думает? Куда он идет? В беседе выяснилось, как отмечает автор, что о более или менее широком понимании этим юношей политических отношений не может быть и речи. Его участие в политических акциях оказалось следствием крайней неудовлетворенности и смятения, которые «коренились в ограниченно-личной сфере».

Случай этот приводится здесь потому, что он является довольно характерным для деятельности той части западноевропейской молодежи, находящейся под влиянием маркузианства, которую называют провотариатом. Так называют себя ультралевые бунтари, провозгласившие своей задачей провоцирование беспорядков (отсюда и происхождение самого термина: провоцировать — провоцировать) в любое время, по любому поводу, в любой ситуации. Именно такими методами, по мнению прово, можно если и не добиться изменений социального строя, то хотя бы навредить ему.

«Недовольство — вот та питательная среда, которая взращивает прово», — замечает Б. фон Охсзее в статье «Феномен прово»⁸. Заметим — одно лишь недовольство. Но «нет ответственности, нет налагающего какие-либо обязанности идеала, нет обязанностей, которые определяли бы границы экспериментирования»⁹, в основу которого положен принцип провокации, «беспрограммной спонтанности», отрицающий всякую форму организации, всякую ответственность перед обществом, учет объективно сложившейся ситуации и вытекающих из нее требований, учет закономерностей общественного развития и классовой борьбы. Недаром организации прово быстро распадаются, а участники их, зараженные, как признает это и Охсзее, идеологией неоанархизма, продолжают с еще большим произволом «действовать далее на индивидуальном базисе»¹⁰.

Вот так-то одно лишь недовольство, без

⁵ См. „Sozialistische Weltstimmen“, Berlin und Hannover, 1958, S. 109.

⁶ „Die Zukunft“, 1966, H. 8/9, S. 48.

⁷ „Deutsche Jugend“, H. 1, 1968, S. 31—32.

⁸ Ibid., H. 2, 1968, S. 65.

⁹ Ibid., S. 67.

¹⁰ Ibid., S. 64.

«налагающего какие-либо обязанности идеала», или то, что, по Маркузе, называется ведущим к «Великому Отказу» «непереносимым отвращением», неумение видеть в современном мире ничего, кроме «животно-агрессивных основ установленного порядка»¹¹, формирует психологию бунтарской разнuzданности. Девиз этой разнuzданности — мстить всякому порядку, всему окружающему, всему обществу, цивилизации, всякой организованности.

Зараженные этим «непереносимым отвращением» мстители становятся, зачастую сами не понимая того, слепыми исполнителями воли раскольников и политических интриганов самого реакционного толка.

Неправильно было бы, конечно, представлять всех стихийно протестующих лишь как драчунов и устроителей погромов. И молодежь, зараженная маркузианством, ищет различные пути противопоставить что-то свое подавляющей ее на каждом шагу капиталистической действительности. И это ее стремление выражается, в частности, как отмечает один из авторов западногерманского журнала «Меркур» Д. Баак, в отказе «вообще участвовать в этом обществе», в желании «удалиться в такой мирок, где отношения между людьми дают возможность вести себя как заблагорассудится»¹², то есть скрыться от общества любой ценой. Этот пассивно-утопический протест тоже ведь является одной из разновидностей «Великого Отказа», и характерен он для так называемых хиппи, о которых уже достаточно много писалось в нашей прессе. «Они бегут от мира, который основан на технике, работе, рекламе, науке, потреблении и власти,— пишет в журнале «Дойче югенд» Х. Фритц.— Они эмигрируют из этого мира, по отношению к которому они употребляют термин «индустриально-милитаристский комплекс»¹³. Бегут куда?

Хиппи заявляют, что они бегут от обывательщины и мешанства. Однако это лишь иллюзия бегства, ибо сами же они не только демонстрируют, но и практикуют мешанство ничуть не «лучшее», нежели то, от которого хотели бы убежать.

Они открыто заявляют, например, о своей аполитичности. «Если 10 000 людей устраивают шествие возле здания бундестага,

чтобы демонстрировать против войны, то это не представляет собой абсолютно никакого значения. Но если 10 000 людей устраивают шествие возле здания бундестага без всякого основания, то это уже большое дело» — такие высказывания, отмечает Х. Фритц, часто можно встретить в газетах хиппи¹⁴.

Д. Баак свидетельствует, что хиппи пытаются утвердить систему отношений, где труд не играет никакой роли¹⁵. Они заявляют об этом даже в своих официальных программах. Можно, конечно, понять желание многих хиппи избавиться от оккупации гнетущими силами капиталистического общества. Но чем внимательнее мы присматриваемся к их действиям и заявлениям, тем больше убеждаемся, что предлагаемая ими альтернатива едва ли более удовлетворительна, чем отвергаемое ими общество, что, несмотря на внешнюю несхожесть, у них обнаруживается немало черт, общих с откровенно анархистствующими бунтовщиками. Ведущая ими критика также абстрактна, также основана на присущей маркузианскому «Великому Отказу» негативной диалектике огульного отрицания.

Маркузианство негативно и в своем отрицании всякой попытки предвидеть и рационально описать хотя бы основные контуры общества ожидаемой после «Отказа» эры. Его конкретно-позитивная сторона, как отмечает автор рецензируемой книги, остается темной, не поддающейся определению. Это нечто совершенно иное, свободное от всякого конкретного содержания и лежащее «по ту сторону реальности». Оно определяется лишь в негативных понятиях, с помощью некоей суммы отрицаний («нерепрессивно», «не подвержено действию принципа производительности» и т. п.). Немногие же «позитивные» формулы, как, например, утверждение, что не труд, а игра станет основой существования в условиях свободной культуры, обращение к мифам об Орфее для поисков прототипов этого существования, напоминают, пожалуй, лишь иллюзии о лучшем мире, подобные религиозным воззрениям о райском блаженстве.

И здесь очевидно родство маркузианства не только с характерными для «левого» оппортунизма левосектантскими и наивно-

¹¹ „Deutsche Jugend“, Н. 2, 1968, С. 63.

¹² „Merkur“ Н. 5, 1969, С. 432.

¹³ „Deutsche Jugend“, Н. 1, 1968, С. 26.

¹⁴ См. *ibid.*, С. 28.

¹⁵ См. „Merkur“, Н. 5, 1969, С. 432.

романтическими утопиями. Скучность маркузианского описания тех будущих ценностей, которые должны олицетворять новый мир, проблематичность этого мира опять же корреспондируются с социал-демократическим «видением» социализма, представляющим собой лишь новую разновидность старой бернштейнианской формулы «движение — все, конечная цель — ничто». Это классическое для социал-реформизма соединение стихийности с полным отсутствием конкретной перспективы является основой теоретических построений идеологов современной социал-демократии. «Гуманистическая цель социализма, — пишет теоретик австрийских реформистов Э. Матцнер, — несомненно, никогда окончательно не может быть реализована, а достижение ее — задача, отнесенная в бесконечность»¹⁶.

Эта цель не подкреплена никаким конкретным проектом. И этот проект принципиально невозможен, ибо социалистическая доктрина в трактовке теоретиков правой социал-демократии не предполагает познание этой цели, которая, дескать, «находится по ту сторону истории, в ее профетической субстанции», а «бесклассовое общество — это лишь пророчески провозглашенный потусторонний символ», как высказывается в теоретическом органе СДПГ А. Ратман¹⁷.

Подобного рода подмена всякой конкретной программы борьбы за социалистические преобразования бессодержательными метафорами и мистическими концепциями в различных вариантах присуща как социал-демократическому, так и левосектантскому оппортунизму, с которым в социальном и в теоретическом плане тесно солидаризируется маркузианство.

Автор подчеркивает необходимость вести принципиальную полемику с Маркузе и его сторонниками, ибо она навязана практикой борьбы, пагубным влиянием маркузианских идей на многих участников антиимпериалистического движения, агрессивным антикоммунизмом Маркузе. Однако при этом необходимо видеть различие между объективным характером находящейся под влиянием маркузианства оппозиции и субъективными мотивами многих ее сторонников, которым необходима помощь в пре-

одолении буржуазного содержания сознания, тех заблуждений, которые мешают развертыванию эффективной политической активности левоопозиционной интеллигенции.

* * *

Итак, читатель получил интересную книгу, обстоятельное марксистское исследование, богатое фактическим материалом, интересными теоретическими разработками, оригинальным критическим подходом к ряду проблем. Здесь можно было бы высказать пожелания относительно уточнения некоторых формулировок. Автор пишет, например: «Социалистическое сознание содержит обязательный минимум научных взглядов...» Но откуда такая дозировка? Ведь социалистическое сознание научно по своему существу. В этом именно и состоит его качественное отличие, как это верно подчеркивает сам же автор, от сознания стихийного, а не в наличии лишь количественно дозированных элементов научности. В книге сказано: «Маркузе отрицает историю, ибо боится, что она перенесет пороки на будущий социалистический мир». Такая редакция текста дает повод для усмотрения в позиции Маркузе искренней заботы о чистоте социалистического устройства, защите социалистического мира от засорения пережитками прошлого. Но ведь сам же автор неоднократно утверждает, что Маркузе является противником реального социализма, что в его утопиях не содержится социалистической перспективы. Требуют уточнения, по нашему мнению, и высказывания автора о приближении Маркузе в некоторых его тезисах последних лет (например, в работе «Одномерный человек») к марксизму, о проявлении в теориях Маркузе подлинного влияния марксистско-ленинского учения. Из этих высказываний можно сделать ошибочный вывод об объективном тяготении Маркузе, хотя и весьма непоследовательном, к некоторым марксистским положениям. Но сам же автор говорит о мнимом усвоении Маркузе учения Маркса, причем с целью соединения марксизма с экзистенциализмом и «исправления» Маркса в духе Фрейда, о стремлении Маркузе на протяжении всей его деятельности ослабить пролетарскую философию.

Все это, однако, не изменяет общей весьма положительной оценки книги

¹⁶ „Die Zukunft“, 1967, Н. 3/4, С. 43.

¹⁷ См. „Geist und Tat“, 1965, Н. 5, С. 148.

Много лучшего оставляет желать перевод и редактирование перевода. Здесь, к сожалению, допущены небрежности, затрудняющие не только чтение, но и понимание отдельных мест. Приведем лишь некоторые из них: «Маркузе... неисторически интерпретировал правильное сегодня в возможное вчерашнее», «Логика Платона... возлагает приказы о низвержении действительности...» Нелегко понять смысл и следующей фразы: «Необходимо учитывать эту историческую и политическую обста-

новку того периода, чтобы правильно понять, что означало требование Маркузе, чтобы Советский Союз ослабил функции подвергаемого жестоким нападкам социалистического государства в пользу индивидуальной свободы, толкуемой им в буржуазном духе...» Понять-то в конце концов можно, но редактировать перевод таким образом нельзя. Небрежностей такого рода в книге немало, и они, конечно, достойны сожаления.

Д. БОЛЬШОВ.

КОРОТКО О КНИГАХ

★

РУСТАМ ИБРАГИМБЕКОВ. В этом южном городе. Повести и рассказы. М. «Советский писатель». 1972. 272 стр.

Молодой азербайджанский писатель Рустам Ибрагимбеков стал известен широкому кругу читателей сравнительно недавно, когда в журнале «Дружба народов» была опубликована его первая повесть «На 9-й Хребтовой». Потом один за одним печатались в периодике его рассказы; многие из них вошли в недавно изданную книгу «В этом южном городе».

Р. Ибрагимбеков принадлежит к числу авторов, которыми движет «одна, но пламенная страсть». Он исполнен жажды добра и справедливости, он мечтает о жизни, проникнутой уважением и доверием людей друг к другу. Он ненавидит жестокость, насилие, зло, в каких бы видах оно ни проявлялось. И хотя доброта, по его мнению, лежит в основе характера большинства трудовых людей, но ложные идеи, старые обычаи, закостенелые предрассудки могут обернуться агрессивной силой, действием которой не всегда могут противостоять даже вполне незлобивые люди.

Так и происходит в повести «На 9-й Хребтовой», где зло временно берет верх, одерживает хоть и пиррову, но все же победу. Во всех остальных своих рассказах и повестях Р. Ибрагимбеков отказывает злу и в таких победах. Нет, Ибрагимбеков отнюдь не толстолец, не сторонник противопоставления злу. Он жаждет одного: чтобы ни при каких обстоятельствах в человеке не просыпался зверь или подлец — в этом смысл повести «Деловая поездка».

Добрые человеческие чувства торжествуют свою победу в рассказах, герои которых совершают поступки, казалось бы, не очень значительные, но от этого не менее благородные. Достаточно, например, одному из них подавить раздражение, вызванное непонятной ему затеей матери, и уступить ей, когда она очень этого ждет («Дача»), другому ценой известных усилий собрать на день рождения сына старых товарищей, между которыми начинают рваться давние дружеские связи («День рождения»), третьему грубовато и неумело приласкать сына, у которого теперь новый папа («Урок пения»), чтобы все эти как будто незначительные импульсы добросердечия, взаимопонимания соединились в ровное и

сильное течение добра. Следует сказать, что иногда это течение буквально захлестывает автора, приобретает оттенок сентиментальности и беллетристичности, как это происходит в рассказе «В командировке».

О степени острого отвращения молодого писателя ко всякому злу можно судить и по повести «Забывтый август», опубликованной недавно в «Юности». Речь здесь идет о главаре мальчишеской шайки, пахане, Аркадии Резчикове, захватившем «власть» в годы безотцовщины во дворе одного южного города. Вся повесть дышит нескрываемой и, что называется, выношенной ненавистью автора к этому тупому, наглому и жестокому типу. Пахан действует по старому, не им придуманному методу — он стремится внушить своим «подчиненным» страх перед собственной персоной. Трусливый страх перед главарем побуждает членов созданного им «отряда» и воровать, и издеваться над своими товарищами, и доносить друг на друга. От одних пороков рождаются другие. Цепная реакция зла — вот цель, по которой ведет огонь писатель в этой повести, как и в ряде других своих произведений. И это меткий огонь, благо природа вооружила его художественным даром немалой силы и глубины.

Если всмотреться в рассказы и повести Р. Ибрагимбекова пристрастным критическим оком, можно заметить в них и слабые стороны. Увлеченный перипетиями борьбы, которая идет в душах ведущих его героев, он порою оказывается небрежен в изображении эпизодических, но, в общем, довольно важных фигур. Иные страницы написаны слишком информационно. Конечно, по этому поводу нельзя не подсадовать. При всем том рассказы и повести Р. Ибрагимбекова — произведения умные, серьезные и добрые — вызывают теплые чувства.

В. Боборыкин.

★

ГАРИФ АХУНОВ, МАРСЕЛЬ ЗАРИПОВ. Мы из Казани, с Волги... М. «Советская Россия». 1971. 237 стр.

«Нефтяные промыслы начинаются постепенно: сначала попадает одна скважина, за ней, словно обреченная кем-то, другая,

третья — и только потом уже ряды белых резервуаров, шеренги вышек, опоры электропередач, один за другим уютные белые города и рабочие поселки»...

Наше читательское вхождение в книгу «Мы из Казани, с Волиги...» чем-то напоминает этот пейзаж: образ современной Татарии возникает в книге постепенно, как бы все более сгущаясь. От главы к главе он набирает энергию и краски, и не потому только, что накапливаются подробности и факты, а и потому еще, что письмо авторов книги, двух татарских литераторов Г. Ахунова и М. Зарипова, обретает силу постепенно. Книга родилась в результате путешествия по Татарии, но это не описание путешествия и не путевые заметки. Это портрет республики, взятый в разнообразнейших аспектах — историческом, экономическом, культурном, нравоописательном.

Книга является одной из первых в серии, выпускаемой издательством «Советская Россия». Серия называется «В семье российской, братской». Читатель сможет познакомиться таким же вот образом с Якутией и Тувой, Карелией и Чувашией, со многими другими краями, областями, автономными республиками, входящими в состав Российской Федерации. Тем более заложены здесь опыт обобщенного «портретирования» целого края важен и для последующих работ.

Достоинство книги заключается в том, что в центре авторского внимания всякий раз оказываются люди, взявшие свою судьбу с наукой Татарии, с ее хлебом, с промышленностью. В этой публицистической книге есть свои персонажи, свои герои. И удача тех или иных разделов книги определяется, прежде всего, тем, насколько всякий раз удалось авторам найти «узловую фигуру», насколько глубоко удалось в ее судьбе увидеть и раскрыть время, судьбу многих других. «У каждого человека две биографии. Одна своя, другая — его народа», — говорится в книге. — И счастлив тот, кто может сказать, что в каждом штрихе его жизни повторилась жизнь его народа». Могут устареть цифры, меняются показатели и соотношения экономических величин, одни месторождения иссякают, а другие, наоборот, только начинают раскрывать свои богатства, — неизменный интерес сохраняют характеры и судьбы людей, осваивающих эти богатства, сегодня достигающих каких-то показателей, а назавтра их уже превышающих. Секрет долговечности, несиюминутности подобного рода очерковых книг прежде всего в освещении богатства человеческого.

Начиная рассказ о буровом мастере Мугаллиме Гимазове, авторы книги пишут: «Мы испокон веков дети земли. Мы знали, как растить хлеб, умели ходить за скотом, могли ловить рыбу, бить зверя, а как добывать нефть, этого мы не знали». И прежде чем рассказать о Гимазове, авторы книги пишут о тех, без кого Гимазов не стал бы Гимазовым, кто как бы подготовил то место, которое предстояло занять этому рабочему человеку в биографии его респуб-

лики, — о лауреате Государственной премии П. П. Балабанове, еще до войны начинавшем осваивать татарскую нефть, о Бабкене Эльчибекове, приехавшем в Татариию из Баку, где еще у Нобелей работали его отец и дед. Продолжая дело именно этих людей, с которыми он, может быть, не был даже лично знаком, добился едва ли не мировой славы мастер скоростного бурения Герой Социалистического Труда Мугаллим Гимазов. Книга дает представление не только о славе Гимазова, но о том главном, что отличает всякую творческую натуру, — о его способности к росту, к движению. Авторы книги умеют найти в судьбах людей моменты, в которые как бы концентрируется суть каждого характера, каждой биографии. Это может быть момент трудового подвига, а могут быть дни сомнений, противоречивой борьбы, делового и нравственного поиска.

Неверно было бы, однако, думать, что в поле зрения авторов книги попадают только люди заслуженно признанные, снискавшие славу и звания. Нет, на страницах книги мы найдем людей, известность которых, может быть, и не простирается дальше их деревни или нефтепромысла, а душевная красота при этом — поразительная. Страницы, посвященные водителю двенадцатитонного «КРАЗа» Савину, или очерк о сельской поварихе Гильмиевой читаются как поэтичные новеллы.

Думается, книга Г. Ахунова и М. Зарипова с интересом будет встречена не только земляками ее авторов, но и за пределами Татарии, поскольку она соединяет в себе большой познавательный материал и значительное нравственное содержание.

Г. Павлова.

★

ОСИП ЧЕРНЫЙ. Немецкая трагедия. Повесть о Карле Либкнехте. (Серия «Памятные революционеры») М. Политиздат. 1971. 478 стр.

Фундаментом сюжета книги Осипа Черного «Немецкая трагедия» стал рассказ о поистине трагическом для Германии пятилетии (1914—1919), когда страна, истерзанная внутренними социальными противоречиями, была вынуждена вести гибельную для народа войну, навязанную ему кайзером и немецкими империалистами. В центре широко и подробно освещенной картины исторических событий оказался глубокий характер борца-революционера, человека необычайной убежденности и силы духа, вождя первых немецких коммунистов Карла Либкнехта, его путь, через ошибки и сомнения, к постижению истинной цели борьбы — революции.

Стремление подчеркнуть единство судьбы народа и вождя пролетариата, раскрыть их кровную связь особенно ценно в книге, потому что именно оно придает повествова-

нию конкретность, придает не просто достоверность, но и эмоциональную убедительность. Ведь когда читаешь о принципиальной, серьезной ошибке Либкнехта — голосовании в рейхстаге 4 августа сорок четвертого года за военные кредиты вместе с правыми социал-демократами, — о его мучительных сомнениях в правильности сделанного шага, а затем о бескомпромиссном, безоговорочном признании вины (эпизоды встречи с Крейнцем и штутгартского собрания), когда видишь Либкнехта в холодной и сырой тюремной камере, совершенно ясно понимаешь, как неразрывно это единство, понимаешь не только умом, но и сердцем, что трагедия жестоко подавленной немецкой революции — это и трагедия ее лидеров, которые, возглавив борьбу, отдали жизнь в ожесточенной схватке с контрреволюцией.

Привлекает в книге Черного желание автора показать многогранность характера Либкнехта. силу его эмоций, глубину интеллекта, стремление нарисовать портрет не только вождя, но и человека, семьянина, любящего отца и мужа. Правда, это не везде одинаково хорошо удается автору, героическое и человеческое не всегда удачно «монтируется» друг с другом, но уже сама такая попытка, безусловно, плодотворна.

Интересны в повести характеры и соратников Либкнехта и его противников. С особой теплотой написан автором образ боевого друга, вождя спартаковцев — мужественной и непримиримой Розы Люксембург. Живы и по-своему обаятельны старый рабочий Крейнц и молодой, но уже прекрасно разбирающийся в расстановке классовых сил Кнорре.

Образы лидеров правой социал-демократии Шейдемана и Эберта — двух таких несхожих, но единоклубных в своей ненависти к народу и коммунизму политиков — созданы в повести своеобразный художественный контраст.

Хочется сказать еще об одной особенности новой повести. В ней автору удалось дать почувствовать, как велико было влияние на Либкнехта и его товарищей по борьбе идей Ленина. Русская революция и образование молодой республики Советов повлияли не только на опыт и тактику лидеров «Союза Спартак» — влияние это всколыхнуло и заставило действовать немецких рабочих, заставило заявить о себе как о классе, имеющем свои политические права.

Книга Осипа Черного, развертывая перед нами картину бурных революционных боев, рисуя творческие характеры первых вождей немецкой революции, оптимистически утверждает, что «два великих ее борца, Карл Либкнехт и Роза Люксембург, мужественно и гордо встретившие свой последний час, погибли с убеждением, что дело их жизни будет продолжено другими и даст на немецкой земле величайшие всходы».

Н. Беккерман.

★

А. А. ЕЛИСТРАТОВА. Гоголь и проблемы западноевропейского романа. М. «Наука». 1972. 303 стр.

Книга рассматривает поэму Гоголя «Мертвые души» во всем многообразии ее литературных и историко-литературных связей. В постановке А. Елистратовой тема эта приобретает не только академический интерес. Созданная одним из крупнейших советских филологов, монография родилась в самой гуще литературной жизни сегодняшнего дня и является откликом на ее насущные требования.

Всем своим содержанием книга направлена против попыток сближения Гоголя с современным модернизмом. Полемика с подобными «экспериментами», неоднократно предпринимавшимися зарубежными истолкователями творчества писателя, составляет важную сторону замысла А. Елистратовой. В отличие от Набокова, Эрлиха, Лаврина и т. д. она отказывается видеть в авторе «Мертвых душ» духовного предтечу Джойса и Кафки. Подходя к наследию Гоголя с позиций последовательного историзма, исследовательница рассматривает величайшее произведение писателя как явление, возникшее в общем русле развития передового искусства Европы XVIII — XIX веков, и связанное с ним теснейшими кровными узами.

Средством обоснования этой стержневой идеи работы служит широко применяемый в ней метод сопоставительного анализа. А. Елистратова находит точки внутреннего соприкосновения между Гоголем и такими, казалось бы, не похожими на него художниками, как Фильдинг, Смоллет, Стерн, Дидро, Гёте, Бальзак, Диккенс, Теккерей и т. д. Подобные параллели оказываются плодотворными во многих отношениях. Проследившая эволюцию сходных литературных тем, мотивов и образов, А. Елистратова одновременно демонстрирует многообразие форм их национального воплощения. Именно благодаря такому изобилию оттенков картина мировой литературной жизни, воссозданная в монографии, приобретает характер объемности и внутренней целостности. Тем самым создаются и предпосылки для уяснения особой национально-исторической природы гоголевского реализма в его наивысшем творческом проявлении — «Мертвых душах».

Оставаясь неизменным центром, вокруг которого группируется обширный литературный материал, поэма Гоголя не тонет в этом потоке, а, напротив, воспринимается как узловое точка в развитии важнейших идейно-художественных тенденций мирового реалистического искусства. Такое восприятие опирается на всю внутреннюю логику исследования. Направление авторского анализа особенно четко проявляется при истолковании гоголевской концепции личности, возникающей, как показывает исследовательница, «на стыке» Просвещения и XIX века. Гуманистический принцип эти-

ческой философии Просвещения, принцип безграничной способности человека к совершенствованию, у Гоголя преломился сквозь подсказанную новым временем идею развития истории в ее специфически русском осмыслении — в неразрывном единстве с представлением о творческой роли народных масс как главного двигателя истории.

Именно с этим А. Елистратова связывает и внутренний трагизм мироощущения писателя, и высочайшие взлеты его творческой мысли. Весь ход исследования подводит читателя к выводу о том, что великий автор «Мертвых душ» был одним из немногих художников XIX века, сумевших взглянуть на современный мир с позиций отдаленного, предчувствуемого будущего. Эту устремленность в завтрашний день А. Елистратова обнаруживает не только в лирических отступлениях поэмы, но и во всем ее поэтическом строе.

В подобном далеко не традиционном истолковании Гоголь действительно становится «современным» художником, хотя его контакты с нашей эпохой возникают совсем не в тех точках, где их стремится обнаружить буржуазное литературоведение. Правда, в своем стремлении оградить писателя от покушений реакционной критики А. Елистратова допускает и некоторые полемические «перегибы», изолируя Гоголя от известных влияний и взаимосвязей. В первую очередь это касается немецкого романтика Гофмана, упоминания о котором в данной работе носит несколько беглый и поверхностный характер. Между тем аналогии этой не стоило бы избегать, ибо и она способна была бы кое-что прояснить в сложном художественном составе гоголевского творчества. Впрочем, таких потерь немного и они с лихвой компенсируются теми находками, какими изобилует книга, представляющая важный шаг в изучении как гоголевского наследия, так и истории мирового реалистического искусства.

А. Ромм,

доктор филологических наук.

Ленинград.

★

ПЕРВЫЕ ПЬЕСЫ РУССКОГО ТЕАТРА. М. «Наука». 1972. 512 стр.

Интерес к Древнерусскому искусству год от года растет. Не говоря уже о специалистах и любителях, подчас и люди, в общем, равнодушные к искусству, покупают дорогостоящие альбомы, отправляются в далекие поездки посмотреть на памятники древнерусского зодчества.

Древнерусской литературе, и в частности драматургии, повезло гораздо меньше. Старинная литература незаслуженно оказалась на периферии внимания массового читателя и критики. Но ведь трудно понять новую литературу и новый театр, не зная их истоков. В октябре 1972 года исполнилось триста лет с момента возникновения русского

театра. В связи с этой датой Группа специалистов по изучению древнерусской литературы Института мировой литературы имени А. М. Горького выпускает труд «Ранняя русская драматургия». Книга «Первые пьесы русского театра» открывает серию изданий этого труда. Книга содержит тексты старинных пьес, их исследование, комментарии и библиографию.

Часто возникновение русского театра связывают с театром Ф. Г. Волкова в Ярославле. В действительности пьесы на русской сцене начали разыгрываться гораздо раньше. В 1672 году при дворе царя Алексея Михайловича был создан театр под руководством пастора И.-Г. Грегори. Как отмечается в вводной статье, устройством театра «было занято вместе с актерами, по-видимому, не менее 200 человек. Среди них люди самых разнообразных специальностей: подьячие, стрельцы, столяры, жетяничники, портные».

Таким образом, при общей идеологической ориентации на двор обществственный резонанс спектаклей выходил далеко за пределы придворных кругов. Наряду с царской фамилией и боярами «невольными» зрителями репетиций и спектаклей был трудовой люд из мещанской слободы.

Рецензируемая книга содержит две пьесы — «Артаксерсово действо» (на русском и немецком языках) и «Иудифь», — а также обширную вводную статью, написанную О. Державиной, А. Деминим и А. Робинсоном. Тексты пьес сопровождаются комментариями, составленными А. Деминим и Е. Ромодановской.

В вводной статье даны новые сведения, обогащающие научную литературу о нашей русской драматургии. До настоящего времени отдельные драмы в основном изучались изолированно, а не как явление в целом. Поэтому особенно плодотворным представляется стремление авторов подойти к изучению предмета типологически, извлечь общие, наиболее существенные черты, присущие ранней драматургии, понять причины и историко-социальные условия ее возникновения.

Очень интересен раздел «Историческое место и значение первого русского театра» (А. Робинсон), где устанавливается связь ранней драматургии с представлениями придворной церемониальной эстетики.

Источник занимательности драм, как отмечает автор, коренился в их «зеркальности»: «Царь, царица и бояре... с неослабевающим интересом следили за раскрывавшейся перед ними театральной жизнью «царей», «цариц» и «бояр».

Трудно переоценить значение фундаментального труда. Прежние разрозненные издания текстов, ставшие во многих случаях библиографической редкостью и опубликованные подчас без соблюдения необходимых текстологических правил, не отвечают уже требованиям современной науки. Настоящее издание, публикующее тексты в систематическом порядке, в строгом соответствии с правилами современной тексто-

логии, в сопровождении интересных и новых исследований, с успехом восполняет этот пробел в советском литературоведении. Приближение орфографии старинных текстов к современной делает издание доступным более широкому кругу читателей.

З. Лихтман,
кандидат филологических наук.

★

А. ВАРГАНОВ. Суздаль. Очерки по истории и архитектуре. Ярославль. Верхне-Волжское книжное издательство. 1971. 180 стр.

Вот наглядный пример, какой емкой по содержанию, по охвату событий может быть сравнительно небольшая книга! Она насчитывает всего 180 страниц, но они вместили в себя историю города Суздаля со времени его упоминания в летописи под 1024 годом до наших дней, когда он превратился в один из интереснейших и наиболее посещаемых туристических центров нашей страны.

«Богоспасаемый город Суздаль», как именвал его летописец Ананий Федоров, возник в самой гуще славянского земледельческого поселения во Владимирском ополье. Густая сеть водных артерий, выводящая к знаменитому пути «из варяг в греки», плодородные земли, наличие трудоспособного населения, среди которого были и пахари и мастера на все руки, определили Суздалью выдающееся место в отечественной истории. Город был резиденцией многих государственных деятелей средневековья. С ним связано имя Юрия Долгорукого, сына Владимира Мономаха.

Книга о Суздале переносит читателя в лабиринты более чем семивековой давности и знакомит с памятными событиями, которые предшествовали и подготовляли объединение раздробленных русских княжеств в единое государство. Тут междоусобицы, и борьба смердов, и период татаро-монгольского ига, и распри церковников, и возвышение купеческого класса... Шаг за шагом автор «ведет» город к близким нам временам.

С интересом читаются страницы, посвященные зарождению революционного движения в Суздале. Здесь в начале века активно действовала организация РСДРП, стоявшая на ленинской платформе. Алексей Гастев, Алексей Скобенников, преподаватель Московского университета Иван Херасков и многие другие развернули в

Суздале и его окрестностях широкую подпольную пропагандистскую работу. О победе Октябрьской революции жители города узнали из листовок, расклеенных на домах и заборах: написаны они были «на простой бумаге фиолетовыми чернилами»...

Книга выгодно отличается от традиционных очерков «по истории и архитектуре». Автор насытил ее познавательными сведениями, касающимися суздальского быта, истории ремесел, огородничества, кожевенного и колоколотейного дела. С большой теплотой пишет он о суздальских зодчих — Мамине, Грязнове и Шмакове, творения которых и ныне восхищают тысячи отечественных и зарубежных туристов.

Хочется сказать несколько слов и о самом авторе книги. Алексей Дмитриевич Варганов — колоритнейшая фигура среди краеведов. Почти полвека отдал он изучению памятников Суздаля, Владимира и других городов России. Будучи одним из основателей Суздальского музея, которым Варганов руководил много лет, он ходил по деревням, приобретая для музейной экспозиции национальную одежду, глиняные кувшины, прялки, иконы, старинные церковные и светские книги. Возглавляемая А. Варгановым реставрационная мастерская вернула нам много бесценных памятников старины. Советское правительство высоко оценило заслуги А. Варганова, наградив его орденом Ленина. Ему присвоено звание заслуженного деятеля искусств РСФСР. Энтузиаст своего дела, он сумел собрать вокруг себя столь же увлеченных людей, таких, например, как архитектор Ольга Гавриловна Гусева, имя которой упоминается в книге. Приехав в Суздаль после окончания института, она прочно «вжилась» в суздальско-владимирскую старину, найдя свое призвание в восстановлении первоначальной красоты архитектурных памятников прошлого. По ее же проекту сооружен оригинальный суздальский ресторан с эмблемой птицы Сирия.

В заключение несколько критических замечаний. При знакомстве с книгой ощущаешь некоторую неровность, дробность повествования, которая в ряде мест нарушает неторопливость, обстоятельность авторского рассказа, свойственную его предыдущим публикациям. Жаль, что издательство не позаботилось о хорошей бумаге, о качестве иллюстраций. Право же, досадно, когда книга о таком замечательном русском городе, как Суздаль, написанная любящим, неравнодушным человеком, издана неряшливо, бесцветно.

Н. Хохлов.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

★

ПОЛИТИЗДАТ

И. Бирюнов. Под сенью монополий. Буржуазная идеология — враг рабочего класса Британии. 238 стр. Цена 49 к.

Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи. Том 3. 536 стр. Цена 1 р. 16 к.

Документы Первого Интернационала. Первый Интернационал и Парижская коммуна. 1871—1971 гг. Документы и материалы. 712 стр. Цена 1 р. 84 к.

М. А. Суслов. Избранное. Речи и статьи. 696 стр. Цена 1 р. 23 к.

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

Р. Атаян. «Спартак». — На крыльях бури. Романы. Перевод с армянского. 487 стр. Цена 1 р. 16 к.

З. Богуславская. Транзитом. Повести и рассказы. 350 стр. Цена 50 к.

Г. Гор. Изваяние. Фантастический роман. 238 стр. Цена 50 к.

Т. Джатиев. Мои седые кудри. Повести. Перевод с осетинского. 360 стр. Цена 71 к.

В. Золотов. Земля горячая. — Тепляки на страже. Повести. 463 стр. Цена 84 к.

А. Иванов. Не своим голосом. Литературные пародии. 119 стр. Цена 34 к.

Л. Пасенюк. Островок на тонкой ножке. Рассказы. 224 стр. Цена 31 к.

Ф. Певнев. Осенние костры. Роман. 312 стр. Цена 62 к.

Л. Первомайский. Творческие будни. Статьи. Воспоминания. Заметки. 335 стр. Цена 74 к.

Р. Петявичус. О хлебе, любви и винтовке. Роман. Перевод с литовского. 495 стр. Цена 89 к.

Г. Семенов. Сосны. Стихи. 144 стр. Цена 38 к.

В. Ухли. Ткут девушки шелка. Роман. Перевод с чувашского. 192 стр. Цена 31 к.

Я. Хелемский. Листва. Книга лирики. 119 стр. Цена 35 к.

А. Чаковский. Блокада. Роман. Книга 3. 287 стр. Цена 69 к.

В. Шаламов. Московские облака. Стихи. 127 стр. Цена 26 к.

А. Штейн. Пьесы. 424 стр. Цена 1 р. 11 к.

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Я. Брыль. Птицы и гнезда. Роман. — На Быстринке. Смятение. Повести. Перевод с белорусского. Вступительная статья В. Оскоцкого. 464 стр. Цена 98 к.

Е. Буков. Стихотворения. Перевод с молдавского. 208 стр. Цена 61 к.

Н. Гарин-Михайловский. Детство Тёмы. — Гимназисты. Вступительная статья Ф. Кузнецова. 440 стр. Цена 92 к.

А. Каландадзе. Мравалжамир. Стихи. Перевод с грузинского. Вступительная статья Ю. Суровцева. 159 стр. Цена 34 к.

В. Короленко. Без языка. Вступительная статья В. Маевского. 139 стр. Цена 25 к.

Неоавангардистские течения в зарубеж-

ной литературе 1950—60 гг. Сборник статей. 400 стр. Цена 1 р. 14 к.

Панчатантра. Перевод с санскрита и предисловие А. Сыркина. 368 стр. Цена 46 к.

К. С. Причард. Негасимое пламя. Роман. Перевод с английского. 416 стр. Цена 1 р. 50 к.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

У. Умарбеков. Зеленая звезда. Роман. Перевод с узбекского. 134 стр. Цена 31 к.

И. Уханов. Завтра все будет иначе. Рассказы и повести. 239 стр. Цена 31 к.

Р. Эзера. Отблеск солнца. Повести. Перевод с латышского. 342 стр. Цена 70 к.

А. Яшин. Избранная лирика. Предисловие В. Солоухина. 32 стр. Цена 13 к.

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Ц. Бадмаев. Большой Хуралдан. Стихи. Перевод с бурятского. 64 стр. Цена 21 к.

С. Данилов. Мой смелый друг. Стихи. Перевод с якутского. 96 стр. Цена 36 к.

Э. Миндлин. «Красин» во льдах. Документальная повесть. 207 стр. Цена 74 к.

М. Поступальская. Планета океан. Рассказы о воде. 224 стр. Цена 46 к.

С. С. Смирнов. Мы — из Вреста. Рассказы о героях легендарной обороны. 64 стр. Цена 14 к.

М. Стельмах. Гуси-лебеди летят... — Щедрый вечер. Повести. Перевод с украинского. 304 стр. Цена 63 к.

А. Шамилов. Курдский пастух. Повесть. Перевод с курдского. 208 стр. Цена 52 к.

О. Шестинский. Опасная сторона. Рассказы и стихи. 79 стр. Цена 26 к.

«СОВРЕМЕННОК»

А. Балакаева. Судите меня сами. Повесть. Перевод с калмыцкого. 271 стр. Цена 56 к.

В. Брюсов. Стихи. Составление и вступительная статья Н. Ванникова. 400 стр. Цена 95 к.

И. Данилов. Февраль — месяц короткий. Повести. 271 стр. Цена 71 к.

М. Карим. Время — конь крылатый. Стихи. Перевод с башкирского. 328 стр. Цена 1 р. 48 к.

Памятники Отчества. Сборник статей. 253 стр. Цена 2 р. 22 к.

А. Ткаченко. Открытые берега. Повести и рассказы. 335 стр. Цена 85 к.

«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

Ю. Воишев. Я жду отца. — Неодержанные победы. Повести. 159 стр. Цена 30 к.

День поэзии России. 543 стр. Цена 2 р. 28 к.

Н. Кальма. Птицы колибри. Рассказы. 87 стр. Цена 75 к.

В. Солоухин. Славянская тетрадь. Сборник. 384 стр. Цена 85 к.

М. Шегал и Л. Ястржембский. По революционной Москве (Путеводитель по памятным местам Москвы). 176 стр. Цена 1 р. 4 к.

«ИСКУССТВО»

XXIV съезд КПСС и проблемы развития советского искусства. Составление, общая редакция и вступительная статья И. Голика. 349 стр. Цена 1 р. 25 к.

Василий Дмитриевич Полenov. 1844—1927. Авторский текст и составление альбома Т. Юрова. 142 стр. Цена 4 р.

Р. Стенерсен. Эдвард Мунк. Перевод с норвежского. (Жизнь в искусстве). 152 стр. Цена 1 р. 21 к.

Н. Федоренко. Краски времени. Черты японского искусства. 144 стр. Цена 1 р. 74 к.

«ПРОГРЕСС»

А. Гуляшки. Избранное. Перевод с болгарского. 342 стр. Цена 1 р. 42 к.

А. Лундвист. Жизнь и смерть вольного стрелка. Баллада в прозе. Перевод с шведского. 238 стр. Цена 87 к.

«НАУКА»

Античность и современность. К 80-летию Ф. А. Петровского. Сборник статей. 504 стр. Цена 2 р. 35 к.

И. Белоед. Ленинская теория национально-языкового строительства в социалистическом обществе. 214 стр. Цена 65 к.

М. Виткин. Восток в философско-исторической концепции К. Маркса и Ф. Энгельса. 116 стр. Цена 38 к.

Р. Габитова. Человек и общество в немецком экзистенциализме. 222 стр. Цена 68 к.

Геродот. История. В 9-ти книгах. Перевод Г. Стратановского. Под общей редакцией С. Утченко. 600 стр. Цена 3 р. 11 к.

Л. Демкина. Национальные меньшинства в странах Восточной Африки. 127 стр. Цена 53 к.

С. Дробашенно. Феномен достоверности. Очерки теории документального фильма. 184 стр. Цена 64 к.

Против общего врага. Советские люди во французском движении Сопротивления. Сборник статей. 395 стр. Цена 1 р. 84 к.

И. Синицына. Танзания. Партия и государство. 281 стр. Цена 1 р. 36 к.

А. Смородин. В. В. Маяковский и публицистика 20-х годов. 270 стр. Цена 1 р. 9 к.

Экономика независимых стран Африки. Сборник статей. 364 стр. Цена 1 р. 53 к.

«МЫСЛЬ»

Автоматизированная система управления. Теория и методология. Том 1. 455 стр. Цена 1 р. 80 к.

Н. Барышников и Б. Мартынов. Основные направления экономической политики партии. 126 стр. Цена 21 к.

Г. Белкина. Философия марксизма и буржуазная «марксология». 96 стр. Цена 16 к.

Б. Воронович. Философский анализ структуры практики. 279 стр. Цена 1 р. 38 к.

В. Камаев. Современная научно-техническая революция: экономические формы и закономерности. 261 стр. Цена 1 р. 4 к.

А. Луначарский. Об атеизме и религии (Сборник статей, писем и других материалов). 508 стр. Цена 1 р. 31 к.

В. Маркушина. Международные научно-технические связи в системе современного капитализма. 271 стр. Цена 1 р. 38 к.

Новейшая история Китая. 1917—1970 гг. 437 стр. Цена 2 р. 9 к.

К. Платонов. О системе психологии. 216 стр. Цена 28 к.

Политическая экономия. Том 4. Социалистическое воспроизводство. Перерастание социализма в коммунизм. Закономерности развития мировой социалистической системы хозяйства. 415 стр. Цена 89 к.

И. Прохоренко. Развитие социалистических производственных отношений. 301 стр. Цена 1 р. 14 к.

«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. 1971 г. Сборник документов. 256 стр. Цена 70 к.

В. Княжинский. Международная стратегия антикоммунизма. 112 стр. Цена 19 к.

Г. Черников. Основные теории антикоммунизма. Критический очерк. 96 стр. Цена 16 к.

«ЭКОНОМИКА»

Ю. Бронников. Рационализация процессов управления на предприятии. 69 стр. Цена 19 к.

Г. Суворова и А. Степанов. Экономическая география СССР. 311 стр. Цена 88 к.

Р. Шнипер. Сводное планирование народного хозяйства области и района. 191 стр. Цена 58 к.

«ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Вопросы борьбы с преступностью. Выпуск 16. 156 стр. Цена 49 к.

Д. Златопольский и О. Чистяков. Образование Союза ССР. 319 стр. Цена 1 р. 42 к.

Марксистско-ленинская общая теория государства и права. В 4-х томах. Том 3. Социалистическое государство. 560 стр. Цена 2 р. 12 к.

Становление основ общесоюзного законодательства. Сборник. 326 стр. Цена 1 р. 41 к.

«МИР»

Ф. Стейси. Физика Земли. Перевод с английского. 342 стр. Цена 1 р. 33 к.

МЕСТНЫЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Блок и музыка. Сборник статей. Составитель М. Элин. Ленинград. «Советский композитор». 280 стр. Цена 1 р. 48 к.

Ю. Гончаров. Вспоминая Паустовского. Предки Вунина. Воронеж. Центрально-Черноземное книжное издательство. 180 стр. Цена 55 к.

Б. Изюмский. Град за лукоморьем. Исторические повести. Ростов-на-Дону. Книжное издательство. 360 стр. Цена 92 к.

А. Малин. Смех — не грех. Васни, фельетоны, пародии. Симферополь. «Таврия». 143 стр. Цена 55 к.

Мухтар Ауэзов в воспоминаниях современников. Алма-Ата. «Жазушы». 359 стр. Цена 82 к.

А. Никульков. Книга о поэтах. Обретенное Лукоморье. «Россия, ты меня учила». Поэты большого города. 223 стр. Цена 48 к.

В. Утнов. Гражданин Тобольска. О жизни и творчестве П. П. Ершова, автора сказки «Конек-Горбунок». Свердловск. Средне-Уральское книжное издательство. 147 стр. Цена 34 к.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «НОВЫЙ МИР» ЗА 1972 ГОД

И. Бодюл, первый секретарь ЦК КП Молдавии. Чувство семьи единой. XI—3.

Анастас Микоян. Торжество ленинской национальной политики (К 50-летию образования СССР). XII—3.

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ, ПЬЕСЫ

Мухтар Ауэзов. Лихая година. Повесть о бунте смиренного рода албан. Перевел с казахского Алексей Пантиелев. Предисловие Чингиза Айтматова. VI—17.

Витаутас Бубнис. Жаждающая земля. Роман. Перевел с литовского Виргилиус Чепайтис. X—3; XI—70.

Василь Быков. Обелиск. Повесть. Перевела с белорусского Галина Куренева. I—3.

Е. Герасимов. Море в Черкассах. Повесть. II—54.

Дмитрий Голубков. Озеро. Рассказ. I—48.

Валентин Катаев. Разбитая жизнь или Волшебный рог Оберона. VII—3; VIII—8.

Вера Кетлинская. Вечер. Окна. Люди. III—3; IV—91; V—26; VI—108.

Виктор Козько. Високосный год. Повесть. IX—59; X—86.

Юлий Крелин. От мира сего. Повесть. IV—7.

Леонид Лиходеев. Я и мой автомобиль. Роман-фельетон. I—131; II—105; III—107.

Евдокия Мухина. Восемь сантиметров. Из воспоминаний радистки-разведчицы. XI—135; XII—151.

Гарий Немченко. Красный петух плямутрок. Рассказ. V—6.

Георгий Савченко. Чико, Чико. Рассказ. V—140.

Нина Семенова. В воскресенье рано утром... Повесть. IX—102.

Виталий Семин. Женя и Валентина. Роман. XI—15; XII—43.

Анатолий Софронов. Ураган. Драма в трех действиях. IX—17.

Маризтта Шагинян. Человек и время. Воспоминания. Часть вторая. (Первую часть см. «Новый мир», 1971, № 4.) I—71; II—148.

Рустам Шумелов. Сдаем автоматику. Рассказ. XII—111.

Виллем Элсхот. Блуждающий огонек. Повесть. Перевела с фламандского Р. Райт-Ковалева. V—159.

Василий Юровских. Материнское благоговение. IX—140.

СТИХИ И ПОЭМЫ

Тудор Аргези. Твои листья; Колочий кустарник; Две души; Для грядущего. Перевел с румынского Михаил Синельников. XI—166.

Белла Ахмадулина. Из новой книги: «...И отстояв за упокой...»; Медлительность; «Ремесло наши души svelo...». Стихи. V—24.

Генрих Бёль. Моя муза; 1. Кёльн; 2. Кёльн; «Ангел, если ты его ищешь...» Стихи. Перевел с немецкого Лев Копелев. I—127.

Павел Боцу. Из поэмы «Дом на Буджаке»; Песнь на пороге дома; Поля в июне; Ночь с бомбардировщиками. 1941 год; Вино сорок первого года. Перевел с молдавского В. Корнилов. IX—54.

Петрусь Бровка. «Как молнии, наши дни...»; «Порой...»; Первые стихи; И ручеек и водопад; Если б снова...; Поговорим-ка по душам; Другьям-критикам; Путь один. Стихи. Перевел с белорусского Валентин Корчагин. VIII—3.

Антанас Венцлова. Что значу я?..; Прогулка; Итальянский этюд; Вдох. Перевел с литовского Л. Миль. XI—132.

Евг. Винокуров. Удача; «Что ж, надо постепенно приучаться...»; Посреди Дели; «И было нам тогда не до красот...»; Муза; Будда; «С детских лет и мне завет завещан...»; Сорок; Сосна; «Мне нравится обыденная речь...»; Старики; «В чем тут загвоздка, не пойму...»; «Хоть вспоминать об этом нет резона...» X—81.

Дмитрий Голубков. Люба; Сирень. Стихи. VII—144.

Джуманияз Джаббаров. Костер дружбы. Перевел с узбекского Александр Наумов. XI—12.

Николай Заболоцкий. Начало стройки. Из литературного наследия. Публикация Е. Заболоцкой. XII—181.

Римма Казакова. Предчувствия; «Когда все врозь и только взгляды...»; «Быть женщиной — что это значит?..»; «Как на нелепо близкой сцене...» Стихи. I—45.

Карло Каладзе. Из поэмы «Думы». Перевел с грузинского М. Синельников. IV—3.

Наум Кислик. Пристань; Воспоминание о вокзалах. Стихи. V—3.

Давид Кугультинов. Бунт разума. Поэма. Перевела с калмыцкого Юлия Нейман. II—3.

Янка Купала. Стихотворения: Под крестом; Здешний; «Не обделил господь и языком...»; «Вот так живу — дышу и не дышу...»; Мое страдание; Почему?; Сеятель. Перевел с белорусского Н. Кислик. VII—140.

Лев Озеров. Оружейная баллада. Стихотворение. VIII—203.

Омор Султанов. Ответное слово; На берегу Иссык-Куля; Север. Перевел с киргизского Илья Фояжков. XII—106.

Максим Танк. Партизанская школа. Стихотворение. Перевел с белорусского Яков Хелемский. IX—100.

Ефим Тедеты. К прозрачному ручью; Два сердца. Перевел с осетинского Владимир Цыбин. XII—148.

Тураб Тула. Горсть земли. Перевел с узбекского Александр Наумов. XI—13.

Николай Ушаков. Новые стихи: «Едешь...»; «Сумасшедший запах медуницы...»; «Сидят портные на столах...»; «Я над Туркменией летел...» III—104.

Владимир Цыбин. Эхо; «Этот день, такой ранний-ранний и теплый...»; «Когда грядущий день встает, мая...»; «Спокойствием дыша...»; «Все с той же грустью, с той же силой...»; «Воспоминаний не тая...»; «Своей тоской плачу тебе оброк...» Стихи. II—100.

Игорь Шкляревский. Из новой книги: «В Карелии чай с комарами!...»; Рыжик детства; «Последняя любовь прекрасней первой...»; Сельское кладбище; «Заньли росой обожженные нервы...»; «Осенний вечер. Еще светло в березах...» VI—105.

Кашиф Эльгар. Журавлям. Перевел с кабардинского Владимир Цыбин. XII—150.

Из французской поэзии

Жоашен дю Белле. Из книги «Сожаления»: «Ты помнишь, Лагаи, я собирался в Рим...»; «Кто может, мой Байель, под небом неродным...»; «Блажен, кто принял, когда пришла пора...» Перевел Вильгельм Левик. III—142.

Рэмон Кено. Стихи последних лет: Прекрасное образовательное путешествие; При лунном свете; Крепче скалы; Вечный бульдозер; Улитки. Перевел М. Кудинов. III—132.

Французские эпиграммы

Клеман Маро. Сон.— **Меллен де Сен-Желе.** Некому поэту.— **Жан Берто.** «В наш век добро мы помнить перестали...» — **Матюрэн Ренье.** Все не вовремя.— **Жан-Ожье Гомбо.** На святость Поля.— **Теофиль де Вио.** На похороны сына фрейлины.— **Д'Асейн.** Злоstinному неплательщику.— **Поль Скаррон.** Эпитафия.— **Изаак де Бенсерад.** «Сапожник, двадцать лет проживший в нищете...» — **Жан де Лафонтен (?)**. На лютую зиму во Франции.— **Прадон.** «Твой друг снискал любовь у Лоры...» — **Никола Буало-Депрео.** Некой девице.— **Гийом Амфри де Шолье.** На ревность.— **Бернар де Ламоннуа.** На исцелителя-чудотворца.— **Баратон.** На процветающего кюре.— **Жан-Батист Руссо.** «— Начать ли тяжбу мне с моим соседом?...» —

Вольтер. На смерть д'Оба, человека образованного, но до того взбалмошного, что с ним все избегали встречи.— **Алексис Пирон.** «Святой отец наш Блез...» — **Пьер-Антуан де Лаплас.** Эпитафия интригану.— **Повс-Дени Экушар-Лёбрен.** «— Я обворован, я в печали!..»; На одного пиита.— **Баур-Лормиан.** На Экушара-Лёбрена.— **Жан-Пьер Понсе-Дельпеш.** «Я в гостях у Жюля неприлично...» — **Повс де Верден.** «Вот капитал. Пускай тебе вовек он...» — **Арман Гуффе.** Запечатывал.— **Шарль Брего-Дю-Лю.** «Открой, как дряхлый муж твой стал отцом...» — **Александр Поте.** «Жак попался красотке в сети...» Перевел Владимир Васильев. III—134.

Анонимные эпиграммы

1. На смерть маркизы Помпадур; 2. На введение во Франции бумажных денег; 3. Эпитафия тирану; 4. На смерть Мольера; 5. На первое издание французского академического словаря (1694); 6. «Лишь день разлуки, и уже письмо мне...»; 7. «— Ты видел дистих мой? Все хвалят мысль и слог...»; 8. «Отмучился поэт Симон!..» Перевел Владимир Васильев. III—140.

Поэты Армении

Людвиг Дурян. «Прими, пастух, меня в свое жилище...»; Аист. Перевел Михаил Синельников. VI—10.

Сильва Капутикян. «Новые Кузьминки, Новые Кузьминки...»; Встреча на Эйфелевой башне; Мать; Триолет; «Этот вечер сказочен и тих...»; «Настоящее нас развело...»; И опять...; «Я не боюсь состариться...»; Осень. Перевели Э. Балашов, Юрий Ряшенцев, Елена Николаевская, Белла Ахмадулина. VI—3.

Юрий Саакян. «Спит человек...» Перевел Петр Вегин. VI—13.

Ашот Сагратян. «Лилово-розова с утра...»; «Не любишь эту землю...»; «Моим рисункам десять тысяч лет...» Перевел Петр Вегин. VI—11.

Паруйр Севак. «Я не резиновый — уж это точно...»; Вдохновенье. Перевел О. Чухонцев. VI—13.

Геворк Эмин. «Устойчив и неуязвим...»; «Он был просто цветком...»; «Человечество я воспевал...»; «На руках тебя носят?...»; Осень. Перевели Вера Потапова, Юрий Левитанский. VI—8.

Из украинской поэзии

Вогдан-Игорь Антонич. Ометы. Перевел Н. Котенко. IX—6.

Василь Боровый. Степное. Перевел Н. Котенко. IX—16.

Паатон Воронько. Октябрь; Наш век; «Мне в тягость затишье и дач и квартир...» Перевел В. Корчагин. IX—4.

Иван Вырган. Девочка с шариком. Перевел Н. Котенко. IX—5.

Петро Дорошко. Зовут меня расстояния. Перевел Н. Котенко. IX—15.

Иван Драч. Баллада любви. Перевел Петр Вегин. IX—6.

Леонид Киселев. Исповедь отцу. Перевел Н. Котенко. IX—11.

Виталий Коротич. Тишина. Перевел Н. Котенко. IX—7.

Павло Мовчан. Белый дождь. Перевел Н. Котенко. IX—10.

Василь Мысык. В музее. Перевел Н. Котенко. IX—5.

Микола Нагнибеда. В день рождения. Перевел Юрий Саенко. IX—3.

Борис Нечереда. Снегири. Эстамп. Перевел В. Корчагин. IX—14.

Борис Олейник. «Простые ратаи больших и малых сел...»; Мой долг. Перевели Н. Котенко, В. Корчагин. IX—8.

Юрий Сердюк. «Соболиных молний...» Перевел Н. Котенко. IX—13.

Леся Тыглий. Отчизне. Перевел Н. Котенко. IX—3.

Никита Чернявский. «Латвия — ласточка звонкокрылая...»; Из латвийских этюдов. Перевел Н. Котенко. IX—12.

Поэты Чукотки

Михаил Вальгиргин. Олененок. Перевел Анат. Пчелкин. X—150.

Владимир Тыньский. Ярар. Перевел Анат. Пчелкин. X—149.

ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ.

Григорий Вайс. Утром, после войны... X—184.

Полина Виноградская. Штрихи к портрету. IV—195.

В. Емельянов, Герой Социалистического Труда, член-корреспондент Академии наук СССР. Путь в студенчество. IX—210.

Борис Изаков. Двадцатые годы, Москва — Берлин. VII—213.

Н. И. Крылов, дважды Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза. Огненный бастион. IV—153; V—207; VII—176; VIII—217.

А. И. Микоян. В Нижнем Новгороде. IX—170; X—152; XI—177.

А. Пастернак. Лето 1903 года. I—203.

Степан Щипачев. Трудная отрада. VI—201.

ПУБЛИЦИСТИКА

Федор Бурацкий. Надежды и иллюзии (Научно-техническая революция и управление). VII—146.

Генрих Волков. Три лика культуры. VI—185.

Диалог: «Кортгарш» — «Новый мир». Венгерские и советские писатели о проблемах войны и мира. VI—165.

Л. Карпинский. Новая рабочая арена (Научно-техническая революция и советский рабочий класс). V—179.

Н. Матчаиов, Председатель Президиума Верховного Совета Узбекской ССР. Ташкентский хашар. VIII—205.

Х. Н. Момджян. Философия ренегатства. XI—209.

Юрий Островитянов, Антонина Стербалова. Социальный «генотип» Востока и перспективы национальных государств. Несколько слов к читателю. Послесловие Ричарда Косолапова. XII—197.

Г. Хромушин. Научно-техническая революция и идеологическая борьба. III—160.

Б. Яковлев. Москва, декабрь 1922... XII—182.

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ

Стихи, найденные в развалинах... Стихи переведены с польского Марком Максимовым, вступление и комментарий — Владимира Беляева. II—174.

НА ЗАРУБЕЖНЫЕ ТЕМЫ

Юрий Жуков. Лечу в Венесуэлу. Записки журналиста. IV—204.

Владимир Огнев. От Хорватии до Словении. II—199; III—175.

ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ

На бережные Челны
Майя Гаяина. Дождливой осенью... III—144.

Василий Росляков. Первая встреча. I—185.

Виталий Семин. Строится жизнь. IX—149.

Гаяина Филяшина, бригадир комсомольско-молодежной бригады. Моя бригада. VI—153.

А. Гульченко, секретарь Приморского краевого комитета КПСС. Край у Тихого... X—126.

Игорь Дуэль. Берег и море. X—137.

Гаиб Каландаров, Анатолий Покровский. С Памира далеко видно. XI—168.

В МИРЕ НАУКИ

Б. Никифоров, профессор, **С. Остроумов,** профессор, **Н. Стручков,** профессор. Посередине — проблема. V—245.

М. Шаргородский, профессор. Этика или генетика? V—232.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Н. Анастасьев, А. Зверев. Заметки на полях переводной прозы. IX—242.

Сергей Антонов. От первого лица... (Рассказы о писателях, книгах и словах). Статья первая. X—243. Статья вторая. XI—253.

И. Борисова. У истоков эпической традиции. II—230.

А. Бочаров. Зрелость науки, надежность методологии (Освещение современных литературных проблем в новом томе Краткой литературной энциклопедии). III—236.

Е. Громов. Дialeктика единства. XI—238.

У. Гуральник, доктор филологически наук. Единая, многонациональная. XII—229.

А. Дубровин. Постулаты на очной ставке. V—256.

Владимир Канторович. Завод и люди. VI—224.

Ю. Кузьменко. Курсом современности. III—227.

Леонид Мартынов. Петефи (К 150-летию со дня рождения). XII—239.

А. Марченко. Время искать себя. Размышления о молодом герое современной прозы. X—221.

А. Мясников. Критика и современность. VIII—249.

Лидия Нечаева. По горьковскому замыслу. VI—237.

Леонид Новиченко. Драгоценное чувство эпохи. XII—221.

В. Оскоцкий. Связь времен. IV—231.

М. Чудакова. Заметки о языке современной прозы. I—212.

Мариэтта Шагинян. «Разговоры с Гёте» И. П. Эккермана (К трем датам: 140, 180 и 125). IX—254.

Александр Янов. Движение молодого героя. Социологические заметки о художественной прозе 60-х годов. VII—232.

К восьмидесятилетию

К. А. Федина

Б. Брайнина. Верность призванию. II—227.
Редакционная коллегия «Нового мира». К восьмидесятилетию К. А. Федина. II—226.

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

Н. Эйдельман. О гибели Пушкина (По новым материалам). III—201.

ОТКЛИКИ И КОММЕНТАРИИ

В. Войнов. Перевернутый флаг (Гаррисон Солсбери. Из многих Америк будет одна. Нью-Йорк. 1971). XI—234.

Э. Чепоров. Что же такое насилие?.. (О. Демарис. Америка насилия. Нью-Йорк. 1970). IX—236.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Литература и искусство

Л. Аннинский. Степаны причастности (Ионас Авижюс. Потерянный кров. Роман. Перевод с литовского В. Чепайтиса). VII—262.

Павел Антокольский. Проза и память (Анастасия Цветаева. Воспоминания). VI—250.

Л. Антопольский. Уроки прикладной духовности (Людмила Шипахина. Завтра и всегда. Повесть. Антон Герращенко. Личное счастье. Повесть). X—268.

С. Асадуллаев, доктор филологических наук. Народность, реализм, партийность (Юрий Барабаш. О народности. Литературно-критические очерки. Авторизованный перевод с украинского И. Карабутенко). II—251.

И. Борисова. Зоркость памяти (М. Бирзе. Не все вернулись домой. Рассказы. Повесть. Перевод с латышского). XII—247.

Александр Борщаговский. Путь художника (Л. Первомайский. Произведения в семи томах). III—250.

И. Варламова. Вдогонку за временем (Григорий Ходжер. Конец большого

дома. Роман. Белая тишина. Роман. Амур широкий. Роман). X—264.

Р. Гальцева, И. Родиянская. О личности Достоевского (Б. Бурсов. Личность Достоевского. Роман-исследование). III—262.

Александр Гладков. Монолог о диалогах (Валентина Ивашева. Английские диалоги. Этюды о современных писателях). VI—260.

Виктор Гончаров. Грани алмаза (Грани алмаза. Стихи якутских поэтов). VIII—265.

И. Дедков. Межа Пелаген Амосовой (Федор Абрамов. Деревянные кони. Повести и рассказы. Федор Абрамов. Аляка. Повесть). IX—275.

Александр Дейч. Встречи с Болгарией (Б. Брайнина. На Старой Планине). VII—271.

Александр Дымшиц. Человек — людям (А. Макаров. Человеку о человеке. Избранные статьи. Составитель Н. Ф. Макарова). III—258.

Т. Zubov, генерал-майор артиллерии, председатель Таалинской секции Советского комитета ветеранов войны. «Русской ложкой деревянной...» (Ю. Виноградов. Моонзунд в огне!). X—273.

В. Камянов. Мера обобщения (Виктор Астафьев. Пастух и пастушка. Современная пастораль). I—255.

Анна Караваева. Замыслы и свершения Александра Фадеева (А. Фадеев. Собрание сочинений в семи томах). I—246.

Валентин Катаев. Книга о мастере (М. О. Чудакова. Мастерство Юрия Олеши). VI—263.

Н. Коржавин. Проверка детством (Валентин Берестов. Зимние звезды. Стихи). I—251.

И. Левидова. Как это делается (Артур Хейли. Аэропорт. Роман. Перевод с английского Т. Кудрявцевой и Т. Озерской). VI—265.

Дм. Молдавский. Песня, ставшая книгой (Песня, ставшая книгой. Рожденная Октябрем поэзия. Составление и вступительная статья Л. Климовича). XII—243.

А. Нуйкин. Соперники? Союзники? (Б. С. Мейлах. На рубеже науки и искусства). VI—255.

Лев Озеров. Глоток кислорода (Ирина Снегова. Три дождя. Стихи). V—279.

В. Панкина. На вершине горы (Мустай Карим. Годам вослед. Стихи и поэма. Перевод с башкирского). X—261.

В. Пронин. Уроки исполненного долга (Зигфрид Ленц. Урок немецкого. Роман. Перевод с немецкого Ю. Семикоза и А. Карельского). II—257.

Ида Радволина. Твой голос, Югославия! (Десанка Максимович. Стихотворения. Перевод с сербскохорватского). IX—271.

Ст. Рассадин. «И в этом наше ремесло» (Григорье Виеру. Песнь любви. Перевод с молдавского Якова Акима). XII—250.

М. Рудницкий. Встреча с Рильке (Р. М. Рильке. Ворпсведе. Огюст Роден. Письма. Стихи). I—260.

А. Серебрянников, научный сотрудник Института конкретных социальных исследований АН СССР. Читатель вопрошающий (Владимир Федоров. Мы были счастливы. Роман-хроника). IV—264.

Миколаас Слуцкис. Проблемы и автор (Станислав Дыгат. Прощание. Роман. Диснейленд. Роман. Рассказы). Перевела с литовского Б. Залесская. VIII—267.

Ярослав Смеляков. Лирика большого гражданина (А. Твердовский. Из лирики этих лет). VI—247.

Владимир Соловьев. «Я ненавижу каждый выкрутас» (Ф. Чувев. Соколиная песня крыла. Стихи. Феликс Чувев. Минута молчания. Поэма). VII—268.

В. Турбин. Листопад по весне. (Андрей Битов. Колесо. Записки новичка). IV—259.

Л. Финк. Нравственность человеческая... (Нора Адамьян. Красный свет. Повесть. Михаил Рошин. Валентин и Валентина). V—274.— Беды и радости эксперимента (Михаил Колесников. Индустриальная баллада. Роман). XI—273.

Борис Хотимский. «В том и трагедь!» (Сергей Васильчиков. Формула счастья. Роман). II—255.

Василий Шукшин. На одном дыхании (Андрей Скалон. Живые деньги. Повесть). XI—271.

Борис Яранцев. В зеркале «малой» прозы («Кубань»). Литературно-художественный и общественно-политический альманах Краснодарской писательской организации. №№ 7—12 за 1970 год. №№ 1—6 за 1971 год). IV—254.

Политика и наука

Е. Амбарцумов. Свежий подход к знакомым проблемам (Ричард Косолапов. Ни тени утопии. Социализм: вопросы теории). X—278.

А. Ахтамзян, кандидат исторических наук. У истоков советской дипломатии (А. О. Чубарьян. В. И. Ленин и формирование советской внешней политики). XII—260.

А. Большой. Злоключения «Великого Отказа» (Р. Штейгервальд. «Третий путь» Герберта Маркузе. Перевод с немецкого). XII—267.

Ф. Бреус. «Наведение мостов» и правда современности (Юрий Жуков. США на пороге 70-х годов. Генрих Боровик. Один год беспокойного солнца. Виктор Маевский. Сражения мирных дней. Всеволод Овчинников. Ветка сакуры). I—275.

В. Буганов. Преданья и были русской старины (Б. А. Рыбаков. «Слово о полку Игореве» и его современники). II—268.

А. Василевский, Маршал Советского Союза. Слагаемый будущей победы (В. С. Емельянов. На пороге войны). XII—257.

В. Гаврилов, кандидат геолого-минералогических наук. «Выхожу из пространства...» (Яков Кумок. Евграф Федоров. Серия «Жизнь замечательных людей»). VI—276.

И. Дрейцер. Кредо великого зодчего (Ле Корбюзье. Архитектура XX века. Перевод с французского). II—275.

В. Елисева. Добрые книги (Заметки о педагогической публицистике). II—279.— Слушается дело... (Наталья Четунова. Человек идет по роду...). XII—264.

А. Калинин, кандидат филологических наук. Два тома синонимов (Словарь синонимов русского языка. В двух томах. Главный редактор — А. П. Евгеньева). XI—282.

Феликс Лев. Интересная книга про «скудную» науку (Дж. Гордон. Почему мы не проваливаемся сквозь пол. Перевод с английского). III—272.

Л. Леонтьев, член-корреспондент АН СССР. Проблемы экономической реформы (Основы и практика хозяйственной реформы в СССР. Под редакцией Н. Е. Дрогичинского и В. Г. Стародубровского). VIII—277.

Б. Марушкин, доктор исторических наук. Из истории политических процессов на Западе (Е. Б. Черняк. Приговор веков). V—281.

В. Марцинкевич, кандидат экономических наук. Серьезная работа об американской школе (З. А. Малькова. Современная школа США). VII—276.

Л. Метелица, кандидат исторических наук. Боевое оружие интернационализма (Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях). VIII—271.

Ю. Моисеев. Первобытная психотерапия (Гарри Райт. Свидетель колдовства). VI—278.

О. Мороз. «Бескрылое» воображение, окрыленный разум (А. В. Славин. Наглядный образ в структуре познания). VI—272.

И. Нахов, доктор филологических наук. Мифология. Зачем она? (Ян Парандовский. Мифология. Перевод с польского, предисловие и примечания Н. Дубова). VII—273.

Н. Овчаренко, доктор исторических наук, профессор. Многоплановое исследование (А. М. Миркин. Под знаменем Коммуны. Германская социал-демократия — против реакции и милитаризма. 1871—1875 годы). X—281.

А. Окороков. Оружие полемики слова (В. И. Кузнецов. О полемики искусства В. И. Ленина). III—270.

О. Орестов. Энциклопедия английского образа жизни (Anthony Sampson. The New Anatomy of Britain). III—274.

С. Резник. Наука в руках человека (Пути в неизвестное. Писатели рассказывают о науке. Сборник восьмой). II—263.

Ю. Рытов. Искусство управлять (Курс для высшего управленческого персонала. А. Сокращенный перевод с английского). II—272.

Т. Самсонова, кандидат философских наук. Дела человеческие (Григорий Мелынский. Пути и поиски). VI—269.

Ю. Саушкин, профессор Московского университета, доктор географических наук. Панорама страны (Советский Союз. Географическое описание в 22-х томах). XI—278.

Ю. Симченко. Двадцать шесть возрожденных народов (Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. Сборник статей. В. Н. Увачан. Путь народов Севера к социализму. Опыт социалистического строительства на Енисейском Севере (Исторический очерк). В. И. Зибарев. Большая судьба малых народов). X—275.

Ю. Суворцев. От эмпирии подниматься к общему (В. Н. Шубкин. Социологические опыты (Методологические вопросы социальных исследований). I—271.—Ленинская концепция культуры (В. В. Горбунов. Ленин и социалистическая культура). XII—253.

Т. Хажилова. Огонь, а не пепел (Генрих Волков. У колыбели науки). I—263.

Эр. Ханпиря, кандидат филологических наук. Динамика языка (К. С. Горбачевич. Изменение норм русского литературного языка). IV—277.

П. Черкасов, кандидат исторических наук. Содат-коммунист о «странной войне» (Фернан Гренье. Дневник «странной войны»). Сентябрь 1939—июль 1940. Перевод с французского). I—265.—На тайном фронте революции (Д. Л. Голиков. Крах вражеского подполья (Из истории борьбы с контрреволюцией в Советской России 1917—1924 гг.). IV—275.—За мир и безопасность в Европе (Советская внешняя политика и европейская безопасность). XI—279.

В. Шапко, доктор исторических наук. Оружие современной борьбы (В. М. Иванов, А. Н. Шмелев. Ленинизм и идейно-политический разгром троцкизма). II—260.

Ю. Школенко. Книга о космической эре (Мост в космос). IX—279.

Г. Щетинина. К проблемам абсолютизма (П. А. Зайончковский. Российское самодержавие в конце XIX столетия (Политическая реакция 80-х—начала 90-х годов). I—269.

Борис Яковлев. Из «Искры»... (Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России 1900—1903 гг. Сборник документов в трех томах). IV—268.

КОРОТКО О КНИГАХ

Ф. Левин.—Михаил Пархомов. Глоток воздуха. Рассказы и повесть. К. Бродер.—Трумэн Кэпот. Голоса травы. Б. Брайнина.—Встречи с прошлым. Сборник неопубликованных материалов Центрального государственного архива литературы и искусства СССР. Выпуск I. Г. Павлова.—А. Февральский. Первая советская пьеса. «Мистерия-буфф» В. В. Маяковского. А. Февральский. Встречи с Маяковским. С. Сивоконь.—Борис Бегак. Дети смеются. Очерки о юморе в детской литературе. В. Соловей.—А. Глухов. Из глубины веков. Очерки о древних библиотеках мира. Е. Дмитриева.—Квалификационный справочник должностей служащих. Государственный ко-

митет Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы. I—280.

А. Турков.—Леонид Вольский. Дом на солнышке. Повесть и рассказы. В. Вигилянский.—И. А. Гладыш, Т. Г. Динесман. «Горе от ума». Страницы истории. II—284.

И. Варламова.—Мих. Жестев. Однажды поздней осенью. О. Грудцова.—Алла Дабкина. Далеко до апреля. Повести и рассказы. Феодосий Видрашку.—В. Росляков. Как там Сашка? Рассказы. Ирина Питляр.—К. А. Куприна. Куприн—мой отец. К. Бродер.—Геннадий Федоров. Когда наступает рассвет. Роман. Перевод с языка коми. В. Шитова.—М. Туровская. Герои «безгеройного времени». А. Баша.—Камен Калчев. Софийские рассказы. Перевод с болгарского Т. Рузской. Сергей Львов.—Б. В. Серман. Человек остается... М. Малахов, полковник, кандидат исторических наук.—А. Г. Федоров. Авиация в битве под Москвой. III—280.

Георгий Маргвелашвили.—Г. Цурикова. Тициан Табидзе. Жизнь и поэзия. Н. Хохлов.—Д. Н. Смирнов. Очерки жизни и быта нижегородцев XVII—XVIII веков. И. Соловьева.—И. Виноградская. Жизнь и творчество К. С. Станиславского. Летопись. Т. I. 1863—1905. Е. Мелетинский, доктор филологических наук.—И. Н. Голенищев-Кутузов. Творчество Данте и мировая культура. Ю. Трифонов.—И. С. Соколов-Микитов. Звуки земли. Рассказы о птицах. С. Липкин.—Дм. Голубков. Окрестность. Книга стихов. Дм. Еремин.—Галина Винникова. Тургенев и Россия. IV—280. Алексей Мусатов.—Вл. Разумневич. Степная радуга. Повесть-быль. Владимир Разумневич. Сердце Чапая. V—286.

Борис Слуцкий.—Юрий Воронов. Память. Стихи о блокаде. Борис Дубровин.—Лидия Фоменко. Высокий порог. М. Искольдская.—А. Митяев. Шестой-неполный. Р. Борисов.—Леонид Большаков. Отыскал я книгу славную... Ю. Манн, кандидат филологических наук.—Я. О. Зунделович. Этюды о лирике Тютчева. В. Пронин.—Иоганнес Бобровский. Избранное. Перевод с немецкого. VI—282.

И. Мотяшов.—Литературная Сибирь. Писатели Восточной Сибири. Составитель В. П. Трушкин. А. Анастасьев.—Н. Крымова. Имена. Рассказы о людях театра. Ник. Смирнов.—Лев Любимов. Искусство древнего мира. Книга для чтения. А. Майкапар.—Игорь Стравинский. Диалоги. Воспоминания, размышления, комментарии. С. Сивоконь.—Эптон Синклер. Гномобиль. Гнеобычные гномы в гномах. Повесть-сказка. Перевод с английского. И. Токмаковой. Послесловие М. Бременера. Вильгельм Левик.—Эдгар Дега. Письма. Воспоминания современников. Перевод с французского. VII—281.

Г. Петрова.—Александр Чак. Кленовый лист. Н. Яновский.—Леонид Иванов. Уроки. В. Савченко.—Владимир Гусев. Горизонты свободы. Повесть о Симоне Боливаре. Е. Луцкая.—Мариус Петипа.

Материалы. Воспоминания. Статьи. Р. Помирчий.— П. Н. Берков. История советского библиофильства (1917—1967). VIII—281.

Г. Павлова.— Надежда Полякова. Не поле перейти. Рассказы и очерки. Г. Никитина, кандидат юридических наук.— Е. Евсеев. Фашизм под голубой звездой. С. А.— Дмитрий Мамлеев. Остров на парусах. И. Канторович, доктор филологических наук.— Джордж Бернард Шоу. Письма. Составитель А. Г. Образцова. Перевод И. М. Бернштейн. А. Турков.— Ласло Немет. Траур. Роман. Перевод с венгерского Е. Малыхиной. IX—282.

В. Семин.— Ю. Белостоцкий. Небо хранит тайну. Повести и рассказы. В. Кардин. Б. Ямпольский. Волшебный фонарь. Т. Смолянская.— Яков Хелемский. На темной ели звонкая свирель. Хрошика, состоящая из трех частей. А. Кузнецов.— Ф. Светов. Нравственный фундамент (Заметки критика). X—283.

Василий Росляков.— С. Смолянский. Торопись с ответом. Повести и рассказы.

М. Кранс.— Проблемы социальной психологии и пропаганда. Составители В. Н. Колбановский и Ю. А. Шерковин. XI—285.

В. Боборыкин.— Рустам Ибрагимбеков. В этом южном городе. Повести и рассказы. Г. Павлова.— Гариф Ахунов, Марсель Зарипов. Мы из Казани, с Волги... Н. Беккерман.— Осип Черный. Немецкая трагедия. Повесть о Карле Либкнехте. (Серия «Пламенные революционеры»). А. Ромм, доктор филологических наук.— А. А. Елистратова. Гоголь и проблемы западноевропейского романа. З. Лихтман, кандидат филологических наук.— Первые пьесы русского театра. Н. Хохлов.— А. Варганов. Суздаль. Очерки по истории и архитектуре. XII—275.

Книжные новинки: I—286; II—287; III—287; IV—286; V—287; VI—287, VII—286; VIII—285; IX—287; X—286; XI—287; XII—280.

«Новый мир» в 1973 году. VIII—287.

Главный редактор **В. А. Косолапов**

Редакционная коллегия:

Ч. Айтматов, Д. Г. Большов (первый зам. главного редактора),
Ф. К. Видрашку (ответственный секретарь), **Е. М. Винокуров, Р. Г. Гамзатов, А. А. Кулешов, В. М. Литвинов, А. И. Овчаренко, А. Е. Рекемчук, А. Я. Сахнин, О. П. Смирнов** (зам. главного редактора), **Ф. Н. Таурин, К. А. Федин**

Редакция: Малый Путинковский пер., д. 1/2. Тел. 299-81-77.
 Почтовый адрес: Москва, К-6, пл. Пушкина, д. 5.

Сдано в набор 12/IX 1972 г. Объем 18 п. л. Подписано к печати 24/XI 1972 г.
 Формат бумаги 70×108^{1/16}. 28,7 уч.-изд. л., 9 бум. л. (25,2 усл.-печ. л.)
 А 09095. Тираж 157.000 экз. Зак. 2936.

Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР»
 имени И. И. Скворцова-Степанова. Москва. Пушкинская пл., 5.

Цена 70 коп.

70636